

ЭПОХА ВЫСОТ
ДО ЧЬ
РЕВОЛЮЦИИ

ТИХОН КАРНОВ

Города разрушаются — пробуждаются демиурги, и человечество на шаг ближе к гибели. Великие страны прошлого обращаются в прах, в то время как Мать Войны, погребённая под осквернённой столицей древнего королевства, возвращается к жизни. Как случайная капля крови способна обратить воды ядом, так и Слово — перечеркнуть будущее всей планеты.

Предисловие

Теперь стоим у Бездны мы —

Весь мир в огне — совсем одни.

Узри прощальный всполох дня,

Смахни слезу, услышь Слова.

Карпейское Каэльтство: Градемин (Староград)

15-ый причал водного вокзала

2-13/995

Кровь осела на дне заливов, затонов и рек. Побагровели пляжи и пески. Сломанными костями из-под воды проступили кораллы. Отравленной рыбой всплыли субмарины и битые корабли. Потопленные древние судна поднялись на поверхность. Обросшие водорослями и гнилью, они неумолимо надвигались на староградский полуостров.

— Революционер — человек обречённый... — вспомнила Аврора Майнью запавшие в юное сердце строки. — Мои родители считали также — за это их казнили. Свои, правда. Для Бездны они оказались нецелесообразным материалом...

Меж тонких пальцев тлела сигарета. Из бумаги небрежно топорщился табак. Искрами падала труха.

Файдалом стоял рядом. Он равнодушно смотрел на разлетающийся по ветру пепел. Лицо его скрывала непроницаемая маска, отдалённо напоминающая красморовский противогаз. Клюв её не имел формы, был сплюснен, за счёт чего со стороны накладка выглядела практически плоской, равно как и профиль её носителя.

— Они уничтожали памятники, — после недолгой паузы заметил Файдалом роботизированным голосом и, наклонившись, коснулся воды. Река, что всего несколько часов назад была кристально чистой, консистенцией напоминала кисель. От неестественного красного переходила к угольно-чёрному, — мы же восстанавливаем историю... и ты нас этой возможности лишила. Ты же понимаешь, зачем я тебя позвал?

Он поднял на Аврору взгляд.

— Файд, — отрешённо вымолвила та и начала пятиться, — мне очень, очень-очень жаль. Ты же знаешь, я бы никогда... Я хотела, хотела, чтобы моя кровь стала катализатором! Я не виновата, что...

— Разумеется. Я ценю твою готовность поступиться совестью, — он не дал ей договорить и жестом подозвал к себе, — и уверен, что ты бы не подвела нас намеренно. Я всё понимаю. Неужели ты не доверяешь мне?

— Нет-нет, что ты? — испуганно возразила Аврора и, возобладав над собой, подошла ближе. — Я верю тебе... и вам, безусловно.

Файдалом по-наставнически обнял её. Одной рукой дотронулся до дрожащих лопаток. Когда нос красноволосой уткнулся ему в плечо, он произнёс:

— Напрасно.

В его свободной руке сверкнула заточка. Раз, два. Несколько точных ударов прилетела прямо в брюшину. Аврора с хрипом отпрянула. Пошатнулась. Она из последних сил оттолкнула Файдалома и припала к каменной стене. Скорчившись, девушка зажала багровеющие раны. Сквозь пальцы обильно бежала кровь. Капля за каплей она сливалась с дарами проклятой реки.

— Пожалуйста! — силилась кричать Аврора. Она подняла полный бессилия взгляд и заметила, что сверху, у самого спуска на причал, неподвижно стояла женщина. Ветер колыхал полы её плаща, и стеклянным блеском сверкали глаза. — Пожалуйста, помогите!

Файдалом, резко схватив Майню за волосы, притянул её к себе. Вспорол горло. Толкнул прямо в воду. Та, уже практически не сопротивляясь, упала, и ушедшую из-под ног землю окропила кроворека. Около минуты девушка бултыхалась, тщетно пытаясь зацепиться за край бетонного причала. Всякий раз, когда рука касалась устойчивой поверхности, Файдалом с пренебрежительной лёгкостью отдавливал хрупкие пальцы тяжёлым носком ботинка.

Затем, словно вспомнив о чём-то, Файдалом снова схватил Аврору за волосы. Намотал их на кулак. Срезал. Тогда силы окончательно оставили девушку, и она погрузилась под воду.

Занимался рассвет, когда последние пузырьки воздуха поднялись со дна Дунари. Файдалом в последний раз посмотрел на встревоженную гладь и скрылся.

Глава первая. Плохая примета

Развитие литерологии и относящихся к ней дисциплин существенно затруднила кончина Джестерхейла Опустошённого — как первый демиборец, он до последнего участвовал во всех Нисхождениях и продолжал совершенствовать разработанные им литероскрипты.

Последний раз основателя Высшей Академии Демиборцев видели во время Нисхождения Раге на прусско-карпейской границе. Очевидцы писали, что церемония была осложнена плохими погодными условиями: жреческий отряд во главе с Опустошённым попал во вьюгу и понёс серьёзные потери. Тогда погибли пять участников группы.

Вопреки всем трудностям Нисхождение Раге было произведено, но Джестерхейл Опустошённый погиб во время церемонии. Представительство ордена Чёрных Зор связывает его смерть напрямую с проведённым ритуалом и придерживается позиции, что жизнь создателя литер оборвалась вместе с деми,

— Э. Ла Ашерик, «Литеры Хейла: история появления и применения».

Эпизод первый

Карпейское Каэльтство: Градемин (Новоград)

Доннагартен и Высшая Академия Демиборцев им. Джестерхейла Опустошённого
1-7/995

— «Уважаемые пассажиры, будьте взаимно вежливы — сохраняйте дистанцию не меньше полутора метров и звоните по номеру один-один-один, если увидите поражённого элегическим манифестом человека», — транслировали установленные по всему вокзалу репродукторы.

Запись синтетического голоса повторялась каждые пятнадцать минут, и эхо практически не покидало изолированные от мира залы Доннагартен. Зона прибытия,

отделённая от остального корпуса шумопоглощающими стеклопакетами, казалась пустой. Людей в ней не было точно — только мешки, пронумерованные от единицы до сотни. К каждому из них были приклеены наклейки, предупреждающие о высоком уровне элегического поражения.

Завершалась высадка с рейса Камнеград — Градемин. Особый бронированный состав стоял на самых дальних путях: к одному из вагонов подсоединили рукав, по которому перемещались прибывшие в карпейскую столицу служащие. Пассажиры переходили в пристройку, закрытую для посещения гражданским.

Хелена Хольт, равнодушно взирая на затянутые в полиэтилен фигуры, всеми фибрами чувствовала, как в столицу просачивались первые ростки Воздействия. Элегия пока ещё нерешительно прощупывала почву для того, чтобы пустить здесь корни и открыть новый очаг.

Чистый мрамор сверкал под ногами ундины, а зеркальные панели на многочисленных стенах фиксировали каждое её движение. Лампы светили тускло и неохотно. На пути Хелене через каждые пять метров встречались информационные табло с данными о погоде и текущей экологической ситуации. Иногда они сбоили, и рябь проходила по насыщенным яркостью экранам.

Город только просыпался, когда с вокзала отправились первые челноки с рефрижераторными вагонами. Ундина в это время проходила таможенный контроль. Жизнь снаружи, даже несмотря на ранний час, закипала быстро: на улицах появились толпы людей, а перед ВАД группками скучковались студенты в ожидании первой пары, и ничего, кроме отправленных из Градемина останков, не намекало о том, что скоро привычный уклад жизни пойдёт под откос.

Миновав оживлённые ряды, Хелена спустилась в катакомбы. Задолго до входа в Санкторий она узрела произошедшие с подземельем метаморфозы: тлетворное Воздействие исказило каменные стены. Влага превратилась в слизь, а меж плит проросли органические ткани неустановленной природы. Они обвивали скелеты многочисленных узников, что обрели здесь своё последнее пристанище. С каждым днём нечто похожее на плоть всё больше покрывало кости, и те, словно ожидая скорого воскресения, дрожали. Останки распространяли кислый дух гнилости, однако мухи с опарышами оставались равнодушными к нему.

Всех участниц ордены мобилизовали. Сформировали десятки командировочных групп, и в сопровождении ундин вестницы с гардами отправлялись к разбросанным по всей стране погребальным кострам. Позиции занимали и карпейские гарпии — для полноценного полёта их костюмы не подходили, потому патрули организовывались преимущественно на крышах, а одну группу вовсе заслали в северо-карпейские горы.

Остановившись, Хелена проводила каждую из сестёр взглядом, осенив при этом путь литерой Зокхы, Отца Благоденствия, — символом, изображаемым в виде четырёхконечного многоугольника.

Мысленно простившись со своими многоликими сёстрами и их слугами, ундина направилась в атер. Предвестница, как и в иные часы бодрствования, поддерживала жертвенный огонь. Помогали ей в этом послушницы — пара молоденьких девушек, что в скором времени должны были принять вестнический сан. Однако юницы покинули атер, стоило Хольт выйти на обозреваемый участок.

— Огонь угасает... — нагнетала предвестница, невесомо касаясь стынувших углей.

Пламя едва облизывало останки немертвых: пальцы отрубленной руки ревенанта слабо подёргивались. — Грядёт нечто страшное, и костры не спасут нас.

Хольт зачарованно вслушивалась в треск пламени и видела подтверждение словам Верховной Жрицы в гаснущем свете.

— Госпожа Вайс, — с формальной вежливостью обратилась к ней Хелена и, склонив голову, преклонила колена, — я, ундина Хольт, вернулась из Гардиградска.

— Рада вас видеть, госпожа Хольт, — со всем доступным ей почтением отозвалась тихходка, как бы возвращаясь к реальности, и опустила на подчинённую взгляд. — Как там сейчас?

— Каира Леоне всё ещё существует, госпожа, так что речи о сближении не может идти, — ответила Хелена, а после сухо доложила о вылазке в Грустину и столкновении «Астарты» с Живамиж. Закончила следующим образом: — Деми всё ещё там, где-то в Сибири — Красмор наблюдает за ней дистанционно.

— Несомненно, появление «Снегирей» сбивает с толку... Только боюсь, что это не единственное, что должно вызывать у нас беспокойства. Сёстры сострадания сообщили мне, что в Градемин доставили мощи Матери Жизни. Координатор Ланц — полагаю, вы с ним знакомы — запросил их для выправления демографической ситуации в регионе.

— В этом была необходимость?

— Здесь у меня нет оснований не доверять статистике Красмор. Проблема... Верно, она есть, — сквозь зубы признала Вейлон Вайс, — но одобрить избранное решение — выше моих сил. Мощи Матери Жизни воистину творят чудеса: восстановление репродуктивного здоровья, повышение рождаемости, но не только этим ограничивается их Воздействие, и назвать его полностью благоприятным у меня язык не повернётся.

— Что вы подразумеваете под «неблагоприятным Воздействием»? — Хелена насторожилась. Едва оправившись от лёгкой формы элегического манифеста, обострившегося в командировке, ундина никак не ожидала столкнуться с каким-либо Воздействием на родине. — Прошу прощения... Каким образом они ещё могут воздействовать?

— Покуда культисты молятся на них и воспевают, их мощь будет непрестанно расти. Подозреваю, вы и без меня знаете, что сильный деми — опасный деми, ибо человеческая вера усиливает его и питает, — мрачно продолжила Верховная Жрица. Откуда-то из-под земли потянулся гул. Часть напольных плит просела, и в щелях заблестела тёмная слизь. Хелена, посмотрев под ноги, опешила и шагнула в сторону. — Пока мы знаем не так много, но этого достаточно, чтобы увидеть картину будущего без диагностики: влияние Живамиж выходит из-под контроля, и теперь в её власти не только живые клетки, но и мёртвые. Всё, что ты видишь — есть результат молитв наших недругов, ибо мёртвые клетки стали множиться и создавать живые. Этой... Этой протоплазмой покрывается всё, что когда-либо контактировало с некротическими тканями.

— Градемин в опасности? — совладав с собой, поинтересовалась Хольт.

— Градемин всегда в опасности, ибо оно всё ещё там... Пока оно спит, мы должны готовиться. Стоит этой заразе распространить своё Воздействие за реку, от Старограда ничего не останется.

Тузом из рукава в жаровню полетел осколок. Фрагмент чьей-то кости — древней, как сам Санкторий — ненадолго вернул пламя к жизни.

— В Красмор об этом знают? — аккуратно уточнила посетительница. — Вынуждена

заметить, что нам может потребоваться их... неравнодушие.

— Знают ли они? — Вейлон Вайс вновь стала рассеянной. — Сомневаюсь. Их больше волнует зародившаяся на костях Ганноморт оппозиция, нежели поиск реальных врагов... Посему я рада, что вы зашли ко мне, госпожа Хольт. Насколько мне известно, в Красмор к вам относятся лояльно, и вы можете сократить дистанцию с градеминским подразделением.

— Хотите узнать, что им известно?

— Что? Вовсе нет. Эти глупцы едва ли знают столько, сколько знаю я. Просто будьте с ними рядом и следите за обстановкой. Совсем скоро ни один костёр не отгонит мрак... и тогда мы вновь выйдем на охоту.

Женщины безмолвно посмотрели на слабеющий костёр. Леденела едва согреваемая жаровня; высота языков пламени не превышала пары сантиметров. Уголь и осколки костей становились безжизненной горой.

Эпизод второй

Карпейское Каэльтство: Градемин (Староград)

Финемиллий

1-9/995

До нисхождения династии Ганноморт Карпейское Каэльтство чтилось колыбелью человечества и человечности. В столицу — Градемин — съезжались в поисках спасения и знаний. Ни в одном другом государстве не возводили дворцов и храмов такой красоты, какую можно было встретить в районах Виридиан или Малпленон. Лучшие библиотеки, институты и музеи... ныне утрачены.

Всё изменилось с приходом войны: сначала бой объявили демиургам, а затем — инакомыслящим. После Свинцовой свадьбы и русско-карпейской войны земли Карпейского Каэльтства в течение нескольких десятилетий занимали войска Российской Империи. Страна вновь обрела независимость только после вступления в военно-демиургический блок Тризония, обязывающий участников отречься от религиозных практик, а в последствии выделять ресурсы и принимать посильное участие в битвах против демиургов.

И теперь, несмотря на все пройденные трудности, Карпейское Каэльтство рассыпалось. Неизбежно и неумолимо. Даже Финемиллий — построенный на века дворец — разрушался. Расползался его фасад: от фундамента до самых башен тысячами тянулись, углубляясь, трещины. Казалось, если затаить дыхание, можно услышать, как они разрывают камни, и крошка последних бежит по горам и спускавшейся к Дангери дороге.

Пробило полночь.

На последнем издыхании к дворцовому подъезду поднялся одинокий человек. Он обессиленно уцепился за одну из массивных колонн парадной арки и попытался перевести дыхание. С надрывом захрипела измученная грудь, и с завываниями горного ветра слились вздохи.

Облачён путник был в потрёпанный, местами обугленный плащ, а лицо его скрывала сегментированная, некогда белоснежная маска — часть её пластин отвалилась, и из-за остатков покрытия проступал металлический каркас с проводами и микросхемами. Защитные линзы также отсутствовали: больше они не горели синевой. Вместо них провалов светили маленькие белые точки. Зрачки.

Мужчина дрожащей рукой достал из-под ворота армейский жетон. Провёл по некогда чистой стали огрубевшим пальцем. Из-за грязи проступила надпись: «Антон Кемром — 220918».

Кемром, вспомнил путник, zoic.

Он поднял на парадный вход полный усталости взгляд. На мгновение замер. Затем за маской послышался вздох.

И хриплые, едва слышные слова:

— *Zex sazerkkon pere tennon...*

Финемилый обнажил перед посетителем своё подлинное лицо и обрушил кошмары столетней давности. Каждую ночь осквернённый дворец переживал Свинцовую свадьбу.

Стоило приглядеться, едва прищурить глаз, как промёрзшие за зиму коридоры дворца закипали иллюзией жизни. Бледными тенями по коридорам перемещались умершие жители обители. Доказательствами посмертия они сновали из зала в зал да по картинным галереям, не устаивая Кемрома и толики внимания.

В отдалении гремела артиллерия — дверь, что уже отсутствовала здесь за ненадобностью, слетала с петель. Коридор оглушали крики: далёкие и нереалистичные. Всего в метре от Кемрома пробежала тройка фантомных демиборцев, призванных спустить правившую династию с небес под землю.

Чем выше поднимались выдаваемые дозиметром цифры, тем больше искажались миражи. С каждым пройденным шагом видения становились всё тяжелее, мрачнее. Цветущих див в бальных платьях окутывали в саваны, а спутникам их, в вышитых серебром сюртуках, натягивали на головы окровавленную мешковину.

Стены обители покрывали царапины: иной раз они образовывали кресты и складывались в целые узоры. По мере приближения к тронному залу то и дело встречались вырезанные слова: «Enilokof zeisc».

Лёд сковал многочисленные окна. Уцелевшие витражи да разбитые стали едиными, и иной вырисовывал на них новые картины. Исторические полотна, прочесть которые не хватило бы ни времени, ни сил. Как в одном мерещился склонившийся над монументальным городом титан, так на другом — бегущие в панике люди. Сплетались прошлое и будущее, обращая настоящее в поле бесконечной бессмысленной войны.

«Прости нас».

Одни говорили, что строчки эти принадлежали демиборцам, ошеломлённым жестокостью своего магистра и разуверившимся в праведности Парада. Другие верили, что авторство принадлежало убитым горем карпейским подданным.

«Прости нас».

Воздушные фильтры маски не были исправны, и капитан отчётливо слышал тлетворный дух имения. От мужчины не укрылись ни возросшее за десятилетия количество пыли, ни уплотнившиеся паутинные занавесы. Интерьер, уцелевший лишь чудом, тронул элегический налёт: где грибком, а где изморозью проступал он.

Стоило Кемрому переступить порог тронного зала, как пространство вокруг преобразилось. Гнетущий морок интенсивно чередовался со всплесками посмертной жизни.

Прежде трон Ганноморт был инкрустирован множеством драгоценных камней. После Свинцовой свадьбы их разворовали — никакой вечности не хватит, чтобы их найти. Даже сам Кемром не знал наверняка, сиял трон рубинами или алмазами: порой ему вовсе казалось, что именно отсюда взяли демитиры, использованные при создании ключей.

Когда Кемром припал перед тронном на колени, зал окончательно принял тёмную форму. Пространство наполнилось гнилостным смрадом, и живые трупы обступили истлевший ковёр. Десятки горящих глаз устремились на визитёра — их руки потянулись к

нему. За ними следовали щупальца, лианы, над которыми мухами роились ядовитые споры. Всё, к чему они прикасались, начинало стремительно разлагаться. Увядать.

— Enilokof zex... — вновь прошептал Кемром. Голос его прозвучал грубо, простуженно. Закашливаясь, он дрожащей рукой прикрыл рот. Изо всех сил держался, чтобы не осквернить Федрой ступени перед тронем. — Ног разочаровал тебя. У меня... для тебя... подарки.

Дева Возмездия едва наклонила голову. Её взгляд выражал абсолютное ничто: ни заинтересованности, ни презрения в нём не было. Однако капитана это не остановило.

Его затрясло, когда он отстегнул от ремня кожаный мешок и извлёк из него пару стеклянных банок. Внутри плавали залитые аксинским раствором глаза. С невероятной осторожностью Кемром выставил ёмкости рядом с собой. Открыл первую из них. Взял глаз — мутноватый, карий — и направил в одну из тех выемок, что предназначались для драгоценных камней.

Вскоре все отверстия заняли новые глаза. Неподвижные и слепые, они словно вращались в трон. Меж тем старые дары Кемром обнаружил не просто нетронутыми, но в полной сохранности. Не веря увиденному, капитан потянулся к одному из них. На полпути его рука застыла. До самого локтя стала неподвижной, будто каменной. Вены напряжённо набухли, и в следующую секунду боль захлестнула конечность. Зажмурившись, в порыве неведанного отчаяния капитан прижал кисть к груди. Затем перевернулся и спиной упёрся в подножие трона.

Кемром ощущал, как шипы свинцовой розы, проросшей в его черепе, царапали его изнутри. Как головная боль волнами одолевала его. Как следом вращивала страх, что питал почву паразитического растения. Гнев, что прежде поддерживал жизнь в неумирающем теле, с каждым днём слаб. Оставалась только парализующая слабость, с которой даже шаг превращался в тень былого могущества.

Что-то невероятно тяжёлое коснулось Кемрома. Он поднял потерянный взгляд на Деву Возмездия, что склонилась к нему. Казалось, будто её искусственное лицо тронуло беспокойство. Пока одна рука посмертия гладила капитана по плечу, другая коснулась головы и любовно провела по слипшимся волосам.

— Царевна... — Кемром бездумно подался в объятия Возмездия, как со стороны входа послышались щелчки.

Пленивший капитана морок рассеялся — мужчина обернулся и увидел ползущего в его сторону падальщика. Вывезенный из Линеинной экземпляр едва перебирал ногами: он то и дело заваливался набок. Отовсюду топорщились провода; часть металлической обшивки корпуса пожрала коррозия; кошачья, прежде пёстрая, маска ныне напоминала оплавленный пластик. Одна из конечностей роботария была вытянута вперёд.

Едва злость вновь начала закипать, как воспоминания породили в измученном сердце печаль. С содроганием Кемром подумал о задействованных в Линеинной падальщиков. Как они, ломаясь из-за критического уровня элегии, упрямо продолжали доставлять извлечённый из «Осколь» груз.

— Резиденция навсегда останется погостом... — разочарованно вымолвил мужчина и, плетью опустив руку, оглянулся на трон с неподвижной Девой. — Все усилия напрасны. Она никогда не прощает.

Падальщик внимательно смотрел на него. Даже будь у роботария желание, ответить он бы не смог, не предписано программой. У большинства из них в принципе отсутствовали синтезаторы речи: от них избавлялись за ненадобностью. Считалось, что машинным слугам

важней иметь качественный анализатор с распознавателем звуков — нужней для выполнения поручений.

Но совсем беззвучными падальщиков было сложно назвать. За исключением шумов, издаваемых механическим корпусом, они могли стрекотать. Зачатки искусственного интеллекта формировали извлекаемые звуки в азбуку Морзе — таким образом машины обменивались между собой самой примитивной информацией и при необходимости контактировали с владельцами. Кемром понимал, что при таких исходных ожидать осмысленного диалога глупо. Впрочем, это не помешало ему на мгновение забытья и увидеть в линзах прототипа сочувствие.

— Отстань, — пробормотал капитан и, приподняв маску, достал из внутреннего кармана портсигар. Подушечкой пальца провёл по выгравированному на крышке царскому гербу. Взял самокрутку и закурил. — Я занят.

Химия триумфа ласкала лёгкие и разум. Омывала зал. Обветренные губы тронула усталая улыбка. После пары затяжек боль утихла. Кемром, выдохнув дым, расслабленно прикрыл глаза. Он настолько давно курил триумф, что уже не слышал его специфического запаха, а глаза больше не реагировали на густой дым.

Когда от самокрутки осталось чуть меньше четверти, капитан испытал то, что иные курильщики триумфа называли «озарением». Опыт, сравнимый с прозрением, какое порой бывал у прогнозисток. Никакого наслаждения это переживание не приносило, напротив — все условно положительные свойства порицаемого вещества приобретали негативную окраску. Голова становилась чугуной, а взор обволакивало пеленой морока.

Мир, объятый пламенем... Не это увидел Кемром после последней затяжки. Озарение даровало ему картину мира безликого и безжизненного. Нулевую Высоту, разросшуюся и обглодавшую Единую до пустоши. Только более сморщенную, высохшую. Всякие следы цивилизации обратились в руины, и запредельный холод ощущался ясней прежнего. Отчётливей. Каждым вздохом.

Кемром увидел людей. Взирал на них с высоты. Они, скованные параличом, с ужасом и одновременно восхищением смотрели на него. Некоторые в итоге падали на колени, другие — замертво. На мгновение мужчине даже показалось, будто он уловил то, что могли бы чувствовать деми. Что он повсюду и нигде. Что он в каждом кубометре воздуха и пролитой капли крови. Однако осознание этого ускользнуло столь же быстро, как и явилось.

Падальщик тем временем не отступал.

— Кејго, — спустя пару минут мужчина сдался, — что там у тебя?

Взяв из протянутой конечности письмо, Кемром раскрыл конверт. На листке печатными буквами был выведен текст: «Нужно встретиться, — ВВ».

— Ха-х, — капитан силился улыбнуться, — при таком подходе странно, что она не залила всё сургучом. Ты как считаешь?

Падальщик стоял всё также неподвижно. Даже его протянутая конечность не изменила положения.

— Я закончу здесь, и мы пойдём. Она дома?

«••», — утвердительно прострекотал роботарий.

Эпизод третий

Карпейское Каэльтство: Градемин (Староград)

жилой комплекс «Диверри»

1-9/995

Староград так и не оправился после Свинцовой свадьбы. Несмотря на всю престижность, присущую историческому центру столицы, дома здесь не видели ремонта свыше нескольких десятилетий. Недвижимость попросту не была востребована из-за близости к погосту; ни низкие для регионального рынка цены, ни красоты местных пейзажей не повышали спрос, а само Карпейское Каэльтство находилось на грани вымирания. Бедность, разруха и отстающий на полвека прогресс — всё, что осталось от некогда великой державы. Элитные жилые комплексы соседствовали с гниющими кварталами. Крупицы престижа разлагали нищету, вывозя из покорённой страны остатки истории и достоинства.

По Старограду Кемром перемещался тайными тропами: по тёмным дворам, подворотням и забытым подземным переходам. Где-то позади плёлся падалыщик — капитан не видел его, но слышал неотстающее постукивание механических ног. Немногочисленные встречные прохожие отшатывались, лишь завидев потрёпанного мужчину в маске. Даже девушка, внешность которой имела небрежный и неформальный вид, поспешила выйти на людную часть полуострова.

Близился рассвет.

Едва первые лучи коснулись продрогшей земли, как Кемром скрылся в подъезде жилого дома на Дунарийской набережной. «Диверри» — единственный комплекс, что на территории Старограда был приближен к формату современного по комфортности жилья. Возвели его настолько близко к Дунари, что иной раз казалось, будто строения кренились к воде, и даже незначительный ветер может их снести.

Уже незаметным Кемром проник внутрь — через чёрный вход, предназначенный для персонала — и поднялся на последний, пятый, этаж. Только мужчина вставил собственную копию ключа в замочную скважину одной из дубовых дверей, как её открыла затянутая в строгое платье роботария. Марионетка не сразу впустила гостя — ему пришлось приподнять маску, чтобы она попыталась опознать его по лицу. Сканеру потребовалось не меньше минуты, чтобы установить личность визитёра.

— Тсейрик кер Мор, — ударил по ушам синтетический голос. — Госпожа вас уже ждёт.

Перед ним предстали просторные апартаменты с лоджиями, обращёнными на Дунари. Кипенной плиткой были выложены стены и полы. От обилия яркости да белизны слепли глаза — прикрывая их, Кемром осторожно продвигался вперёд. Былая решимость оставила его; при свете он видел хуже, чем в темноте.

За порогом мужчину обдало мощное амбре фиалки и триумфа. Чистота прихожей контрастировала с древними манускриптами, которыми были увешаны все стены. Отдельными тёмными пятнами в интерьере проступала болезненная одержимость, что отравляла сердце проживающей здесь женщины: среди современной мебели встречались предметы, что некогда принадлежали самому Джестерхейлу Опустошённому — его секретер, книжный шкаф и даже напольный глобус с тайником внутри. О содержимом последнего оставалось только догадываться. Впрочем, Кемром отчётливо слышал запах выдержанного черноводного.

— Я здесь, — послышался из ванной мелодичный голос, — заходи.

Под ногами шелестели разбросанные листы. Набросками на них запечатлели разных людей. У них не было ничего общего, кроме одного: все они безглазые.

— «Лишь избавившись от глаз, можно прозреть... Лишь избавившись от глаз...» — меж тем мантрой вещал с грампластинки мужской голос, принадлежавший, очевидно, самому

Джестерхейлу Опустошённому. Запись то и дело заедало. — «Глаза мешают видеть подлинную суть вещей...»

Для АВИСО, как и для Чёрных Зорь, фигура Джестерхейла Опустошённого был священна. В их системе ценностей он являлся отцом и невольным основателем, координатой, к которой следовало стремиться каждому культисту.

Ненароком Кемром заметил набросок себя самого. Подобрал его. После с отвращением скомкал и выбросил. Решительно повернулся в сторону ванной и, толкнув двери, невозмутимо доложил:

— Второй колокол отзвонил вслед за первым, но нужно время, чтобы общественность узнала об этом. Пока Балтия прикладывает все силы, чтобы скрыть произошедшее...

Спиной к нему стояла полуголая женщина. За ней находилась купальня: по бокам от резервуара были бронзовые краны. Трубы раздирал зловещий гул. Ключом из них была чёрная вода, и по краям собиралась тягучая маслянистая пена. Мозаичное дно стремительно скрывалось под чернотой. Вместе с паром в воздух поднимался едва уловимый запах металла.

— Хорошие новости, — оглянувшись, проворковала женщина. — Жаль, что ты не приносишь их чаще.

Её каштановые локоны переливались шёлком. Кожа была такая, какой не бывает у людей: идеально ровная и будто без пор. Полупрозрачный пеньюар лишь незначительно прикрывал исписанную литерами плоть.

— Возможно.

Всё женское тело дышало болезненным, практически извращённым совершенством. Глядя на него, Кемром испытывал то, что некоторые назвали бы страхом. Как будто то, что физически не могло и не должно было существовать, вопреки законам природы обрело форму. Пока одни видели в этой женщине идеал, капитан — ничего: ни жизни, ни, тем более, чувств в этой оболочке обнаружить он не мог.

— Немые отродья! — разглядев в мареве своего визитёра, воскликнула женщина. Зелень её глаз, которой капитан прежде мог любоваться часами, обратилась омертвевшим болотом. Нежное молодое лицо исказилось отвращением, стоило женщине увидеть своего *derliempf*. — Я просила тебя с «Панацеей» разобраться, а не в отходах извальяться. Выглядишь омерзительно... и пахнешь не лучше! У меня здесь не псарня, Антон.

Вилена Вейнберг.

Она была жрицей, названной дочерью предвестницы Чёрных Зорь и его покровительницей.

— Не хотел затмевать твою красоту, — съязвил в ответ капитан.

Не на женской груди, но на медальоне сконцентрировалось всё его внимание. Подвеска-секретом. Овальную крышку обрамляли демитиры, и под определённым углом на её поверхности различалась выгравированная прописная буква — нечто среднее между «G» и «J».

— Ах, где же твои манеры, Тони? — с ехидной улыбкой вернула Вейнберг и махнула рукой. — Впрочем, лир с тобой. Твои друзья мне донесли о пополнении на складе... Но мне хотелось побеседовать с тобой лично: изъясняешься ты приличней этих болванчиков. Так что... будь любезен и расскажи, что произошло в Линеинной.

В АВИСО верили, что общественный резонанс необходим. Что только в страхе и преддверии смерти люди обретут истинную веру.

— Будто ты не знаешь, ха-х. Я выполнил твоё поручение, Вейнберг, а остальное тебя не касается.

Всё, что осталось от всей партии «Панацеи»: пара мешков да три ящика. Достаточно, чтобы стереть пару мегаполисов и создать требуемый резонанс. Насчёт веры Кемром сомневался. Впрочем, его мнение не могло на что-либо повлиять.

— Значит, Рагнары больше нет? — Вопрос прозвучал до тошноты обыденно. Так, будто речь шла не о смерти, а о погоде или последних новостях. Кемром едва нашёл в себе силы кивнуть. — Жаль. Она была полезной.

— Того, кто это сделал, уже нет в живых.

— Это ты так отомстил... или он просто носил клюв? — издевательским тоном уточнила Вилена. — Тогда изволь объясниться: где же крест, Кемром? Неужели ты на самом деле решил оставить его в той трясине? Или забыл? Не хотелось бы, чтобы он попал не в те руки.

Но Кемром упрямо сохранял молчание. Он и думать забыл обо всех этих ключах, когда на первый план вышла месть. Вместо поддержания видимости разговора капитан похозяйски подошёл к шкафчику с зеркальными дверцами и достал из его недр аптечку. Нашарил чистые тряпицы, смочил антисептиком. Приспустив маску, наложил ткань на лицо и глухо зашипел.

— Неужели ты думал, что сможешь обмануть меня? — меж тем продолжала Вейнберг. — Я уже выучила все твои пороки. Если тебе безразлична я, то постыдился бы перед памятью Рагнары. Давай же, поговори со мной, — с напором потребовала жрица, и губы её расплылись в ехидной улыбке. — Ну же, посмотри на меня. Что ты от меня прячешь?

Убрав пропитанную антисептиком тряпку с лица, Кемром скинул капюшон и повернулся.

— Любишься, — прорычал мужчина.

Человеческого в нём осталось мало. Элегия иссушила его лицо. Выжгла кожу до карикатурного рельефа. Кончик носа деформировался и стал казаться совсем уж плоским. Губы — разъеденные точно кислотой — исчезли. Кожа истончилась настолько, что на правой щеке просвечивали зубы. Левый глаз почти сросся.

Вилена стоически рассматривала своего гарда. Как и тогда, ни один мускул не дрогнул на её лице. Несомненно, Вейнберг хотела бы верить, что подобные метаморфозы — следствие пагубных пристрастий и скверного образа жизни. Если элегия не убивает сразу, её носитель может прожить ещё долго. На апейроне ли, реминисценографии... Достаточно, чтобы живой позавидовал мёртвому. Кемром зашёлся хриплым смехом. Вилена поморщилась.

Они оба знали, что безобразие — следствие болезни, смертности, ибо иные так выглядеть не могут.

— Наконец твоя форма сходится с сутью, — презрительно бросила жрица. Всё её существо сжалось от отвращения к поражённому Немоком лику. — Сомневаюсь, что хирургия вернёт твою прежнюю мордашку, но постарайся исправиться к нашей следующей встрече.

— Ха-х, с каких пор тебя заботит мой внешний вид?

— С тех самых, как нас стали видеть вместе. Колокол не позвонит без звонаря, Антон, и только от нас зависит, когда он отзвучит в третий раз. Мне нужно, чтобы ты был в форме. В самой лучшей из... ныне возможных. Мне нужен инструмент, чтобы заготовить топливо.

— Какой ещё инструмент? Ног тебе нужны тела, воспользуйся плодами «Панацеи». Этих запасов должно хватить не только на реки, но и на моря.

— Я пробовала. Эти тела не подходят... пройденный этап, — обескураженно. — Здесь понадобятся иные твои таланты... Если их можно так назвать. Я хочу, чтобы ты раздобыл нечто, что не вытравит из тел человеческую суть. Нечто, что сможет ублажить Церну.

— Церну? — напряжение скользнуло в его словах. — Зачем она тебе понадобилась?

— Я намерена вернуть его: на границе его рождения и смерти...

Кемром отозвался с усмешкой:

— Поверить в твои способности к воскресению после того, как ты переливала трупам мою кровь, сложно.

— Любопытный был опыт... — украдкой предавшись воспоминаниям, отметила Вилена. — Напрасно ты сомневаешься. Теперь, когда в меня никто не верит, у меня всё получится.

— Fon, так точно, — не изменяя своей скептичности, согласился Кемром. — Надругательство над телами, гемотрансфузия... Теперь примкнула к АВИСО и воплощаешь идеи пророчества... Тебе не стоит...

Договорить ему Вилена не дала. Нахмурившись, она приказала:

— Убирайся, — и пальцем указала на дверь. — Чтоб я тебя больше в таком виде не видела.

Бросив тряпку, Кемром раздражённо кивнул и направился к выходу. Вейнберг, скинув пеньюар, кинула вслед:

— И помни, ты принадлежишь мне.

В ответ Кемром промычал что-то невнятное и ушёл. Когда двери за ним закрылись, из-за дальней колонны вышел Файдалом. Как и прежде, его лицо скрывала искажённая клювастая маска. Когда он оказался рядом, Вилена сжала свой кулон. Прикосновения её полнились трепетом и необъяснимой нежностью.

— Ты дразнишь его, — заговорил немёртвый. В голосе его прозвучало не осуждение, но отстранённое любопытство. — Зачем?

— Не могу удержаться, когда вспоминаю, что мне служит нечто столь старое... и бессмертное, — промурлыкала Вилена и опустилась в полную чернилами купальню. — Подумать только, в девичестве я просила его сделать меня такой же, как он сам... До чего я была наивна... Но ты не волнуйся, он мне ничего не сделает: Кемром из той породы, что ценит договора — в противном случае он бы давно разорвал наш прекрасный союз.

— Как скажешь. В любом случае, подлинник уже у нашей сторонницы, и она готова стать катализатором: совсем скоро мы положим конец этой войне, и этот тебе больше не понадобится, — сообщил собеседнице гость и пообещал — Ты услышишь, как кровью запоёт Дунари, и мощами Живамиж я проложу твой путь к Коройск-кер-Абико.

Вилена удовлетворённо кивнула и посмотрела в запотевшее от пара окно. Большая часть Новограда, за исключением пары объектов, была построена за последнюю пару десятилетий. Женщина собственными глазами видела, как на костях Ганноморт возводилась недоступная массам роскошь. Вместе с Виленой вырос Новоград, потому она всегда говорила своему гарду, что вместе с ней он и уйдёт под землю.

Глава вторая. Кровоточащая земля

За последнее столетие Градемин стал центром трёх революций: Мартовской,

Апрельской и Майской (в народе этот перечень сокращают до МАМ). Во многом эти события были вызваны Свинцовой свадьбой и последующим Нисхождением династии Ганноморт — последняя была отменена из-за следования каэльтского рода учениям демиургического Культа.

Не одно десятилетие имперские войска пробыли в Карпее. После того, как в 967 г. временным правительством страны были выполнены все требования Российской Империи и её союзников, Ганноморт были заменены Монтгомери — согласно генеалогическому древу, дальними родственниками прежних каэльтов, проживавшими прежде изгнанниками в Российской Империи.

Несмотря на восстановление прежнего режима, среди граждан Карпейского Каэльтства нашлись противники подобных изменений: в политике каэльта Андреаса Монтгомери многие видели «российскую сопричастность», и никакие меры, принимаемые соседней державой, не могли нивелировать ухудшение отношений между странами после Свинцовой свадьбы,

— А. Вровал, «Карпейские Первопроходцы № 13–11/4».

Эпизод первый

Карпейское Каэльтство: Градемин (Староград)

площадь Дангери

2-13/995

Площадь Дангери, сердце Старого Города, озарилась огнями — самые яркие из них светили на деметалловый памятник Джестерхейлу Опустошённом. Демитирами сверкала его распахнутая мантия: за ней виднелось перевязанное бинтами туловище статуи. Ноги её напоминали уголь. На лице скульптор изобразил терминальную стадию элегического манифеста: были переданы и тонкость кожи, и острота костей, а пустые глазницы закрывала повязка.

В сгущающихся сумерках площадь пересекала златоглазая брюнетка. Нина Нойр, работающая в службе доставки «Табакерка» посылкой. Одета она была в почтовую форму. На голове — фуражка с логотипом фирмы в виде скрещенных сигарет.

— Выглядишь ты, конечно, жутковато, — проходя мимо, обратилась к памятнику юница. Она не отличалась высоким ростом: чтобы заглянуть в лицо статуи, ей пришлось задрать голову и привстать на носочки, — приятель.

Прежде на постаменте стояла последняя каэльтесса — Ортега Неспящая из рода Ганноморт. После ликвидации династии память о ней была отменена, и новым символом Градемина избрали её лекаря, Джестерхейла Опустошённого. За изобретение литер, разумеется. Его заслуги, как и имя, теперь бледнели на табличке полувековой давности. Сам памятник поддерживался в хорошем состоянии. Более того, каждую неделю перед постаментом появлялись свежие цветы — акаризы, чьи бутоны отдалённо напоминали человеческий череп. Были они размером с кулак. Издревле их лепестки славились невероятной прочностью и устойчивостью к разного рода повреждениям.

Легенды гласили, что изначально на месте каэльтессы собирались воздвигнуть памятник Оскару Неупокоенному, но в ночь перед установкой к скульптуру пришла сама Вендига, Царевна Немёртвых: наутро статуя была найдена уничтоженной, а автор её — мёртвым.

Когда Нина подошла к остановке, поднялся ветер. Девушка, придерживая фуражку за козырёк, оглянулась.

На углу площади находился закрытый за нерентабельностью свадебный салон. У дверей его стояла устаревшая марионетка в потрёпанном платье. Прежде в её руках был цветочный букет, но теперь — свёрнутые в трубку листовки. Под гнѐтом усиливающегося ветра проволока, фиксировавшие конечности куклы, не выдержала, и шарнирные пальцы расслабились. Листовки разлетелись по улице.

— Откуда это здесь? — подобрав вырванный стихией листок, проворчала Нина. Только она повернулась к урне, как взгляд случайно зацепился за его содержимое. — А, какого лира?

«СКАЖИ ДЕМИ „НЕТ“ — „УБИРАЙСЯ“ ТВОЙ ОТВЕТ».

Лозунг набрали на нова эспере. Помимо него на бумаге вывели великана — очевидно, догадалась Нина, демиурга — с противопоставленными ему простенькими палочными человечками. Часть из них изобразили мёртвыми: на это указывали кресты вместо глаз. Другие, вооружённые мечами, окружили лидера с вырванным из груди сердцем и будто что-то гневно кричали.

— Никогда не понимала современное искусство. — Нина нахмурилась и, смяв листовку, выбросила её. Устало посмотрела по сторонам. — Сколько ещё ждать?

Через пять минут у остановки со скрипом затормозил старый трамвай. Модель полувековой давности — со времён, когда благоустройством и инфраструктурой Карпейского Каэльтства занимались градостроители Российской Империи. Вместе с другими Нина поднялась в пыльный салон. Села у окна. Напротив неё — пара девушек, старше на пару лет.

— Да они опять что-то блокируют, — возмущѐнно засопела одна из них. На плече её виднелась нашивка с гербом ВАД: полумесяц с символом правившей прежде династии — лисьей мордой, — и как я с такой скоростью успею посмотреть к завтрашнему семинару курс Тихотёмовой?

— Это где ты пытаешься? — удивилась соседка студентки. Та протянула ей планшет. — Тогда понятно. Я же говорила тебе, лучше скопировать из библиотечного архива! «Videre» сейчас замедляют — из-за новых правил они ужесточают фильтрацию контента.

— Зачем?!

— Пишут, что из-за публикации нежелательных материалов. Моя альвионская подруга говорит, мол, у них так же.

— Так а что публикуют-то? В «популярном» одни котики да Даймонд.

— Если бы то, из-за чего замедляют, оказалось в «популярном», «Videre» бы точно заблокировали, — таинственно понизив голос, отвечала вторая. Она почти вплотную придвинулась к подруге и зашептала той на ухо: — Там кто-то опять загрузил записи из Линейной. Говорят, целый регион пал со звоном первого колокола!..

Новость об отчуждении Синекама распространялась неконтролируемо, пусть и неспешно: до граждан Карпейского Каэльтства слухи стали доходить только к концу зимы. Пока ни балтийское правительство, ни Красмор не делали каких-либо заявлений, оппозиционные издания начали активно публиковать со ссылкой на скрытого информатора данные из родополисского мурмурация. Согласно им, в Синекамском очаге Воздействия погибло не меньше тысячи человек, а несколько тысяч по-прежнему считалось пропавшими без вести — многочисленных беженцев буквально вынуждали подписывать документы о неразглашении.

Всѐ это шокировало мировую общественность, для которой война со всеми её

катаклизмами существовала где-то на периферии. Среди людей нарастали волнения, недоверия к Красмор. Если Жимавиж стала толчком, то Линейная — катализатором, и вот уже новая волна агитационных листовок опрокинулась на Градемин.

— Если там что и произошло, — смерив подругу недоверчивым взглядом, возражала студентка, — то явно не из-за какого-то там колокола...

Разговор этот Нина слушала украдкой. Она даже не была уверена, что знала, где эта Линейная находится. Для школьной географии такого города не существовало, а история рассматривала только Стагет, да и то, урывками. Однако всех этих знаний посыльной не требовалось, чтобы уловить тревожный тон беседы.

Эпизод второй

Карпейское Каэльтство: Градемин (Новоград)

площадь Чековка

2-13/995

Полуостров со Староградом, окаймлённым на севере непроходимыми горами и километровыми стенами, остался позади. Трамвай медленно проезжал по Мосту Вечности: длина его составляла около пары километров — такова ширина рассекающей Градемин реки, Дунари. Сегодня она была спокойна. Нина заворожённо смотрела на тающие вдали порт и водный вокзал с покачивающимися на волнах кораблями и лётходами на подводных крыльях.

Через пятнадцать минут трамвай съехал с Моста Вечности и пошёл на поворот. Следующая остановка находилась в четверти километра от ВАД: пути проложили точно за главным корпусом — едва Нина заметила на Чековке непривычную оживлённость, как площадь со всем студенческим районом скрылась за комплексом сооружений, совместивших в себе модерн и новую готику.

Главный корпус Академии по праву носил звание самого высокого здания в Карпейском Каэльтстве. В основном здании были пять этажей и башня, аналогичная по свойствам крематорской: только вместо гонга на ней столетия назад установили мощные репродукторы в виде кричащих голов — Церну, как называли систему коренные градеминцы.

Чаще всего её использовали для координации населения и вооружённых сил при близости деми, а после и для отпугивания оного. По этическим причинам в нынешнем веке Церна ни разу не использовалась, поскольку пробудить механизм мог лишь жертвенный огонь, рождённый из человеческих тел. Ни ревенантов, ни прочие эрзацы Церна не принимала.

Чуть выше кричащих голов находились циферблаты — по одному на каждую сторону. Однако все часы стояли: остановились они в час смерти Вендиги, каэльтины Дунарийской — ровно в три ночи, 27-го марта 890-го года.

Сошла Нина с трамвая в улице от Чековки. На остановке внимание посыльной привлекла доска объявлений с разномастной рекламой: в самой пёстрой из них организаторы певческого конкурса «Ли́ра Орфея» объявляли поиск талантливых исполнителей. Девушка только вздохнула, когда увидела, что актуальность предложения закончилась ещё в прошлом месяце. Чуть в стороне висело объявление о наборе учеников на вечернее отделение в консерваторию: год обучения стоил от 10 тысяч костов. Ниже — услуги репетитора по вокализу и сольфеджио.

— Нина? — Услышав своё имя, посыльная отпрянула от доски и обернулась. — Без обид, подруга, но певицы сейчас никому не нужны.

Навстречу вышла соседка по квартире, Агния Майнью. Она стояла рядом с киоском, торгующим напитками и снедью, и держала в руках пластиковый стаканчик кофе.

— О, привет, — улыбнувшись, поздоровалась Нина. — Ты тут какими ветрами?

— Да я целый день кручусь в центре, — отвечала подруга. — Сначала в Санкторий заглянула, опять... Ну, а теперь хочу попытаться найти мелкую до того, как она угодит в очередную [передрагу]. А ты ещё работаешь?

Стать полноценной служительницей градеминского Санктория у Агнии так и не вышло. Как справку об увольнении из Тардиградска, так и заявление о желании присоединиться к «единственно верным сёстрам» вкупе с дипломами и сертификатами скрипторы, которым доверен весь внутренний документооборот, отклоняли. К слову, от первого они избавились практически сразу — всякое упоминание российского подразделения на негласном уровне предавалось остракизму. Посему Майнью — то ли в ожидании чуда, то ли от упрямства — перебивалась случайными подработками и отказывалась от иных предложений по работе.

— Уже закончила, — поправив фуражку, уточнила посыльная. — Представляешь, последний заказ был на Староград: нужно было доставить брикет к самому Финемилию. Я, конечно, всё понимаю, но народ какой-то совсем нездоровый пошёл... Погоди-постой, а куда Аврора могла деться? Разве она не должна быть в баре?

— Если бы: она взяла отгул... Опять, — закатив глаза, отвечала Агния. Говорить она продолжила после того, как они с соседкой направились к Чековке. — Когда все эти колокола зазвонили, её как подменили. Один раз мне даже приходилось забирать её из инсектария.

— Звучит так себе, — уныло хмыкнула Нина, а после, вдруг оживившись, предложила: — Придумала! Слушай, я завтра выходная — как насчёт того, чтобы собраться вместе и устроить какой-нибудь, а, девичник и...

Неожиданно посыльная умолкла.

Подруги обратили смущённые взоры на картину, что простёрлась впереди.

На подходе к Чековке валялись снесённые шатры. Движение на дорогах было приостановлено. Повсюду маячили активисты с плакатами да транспарантами: снимки убитых, пострадавших и жертв Свинцовой свадьбы — всё демонстрировалось под лозунгами о восстановлении исторической справедливости. Со всех сторон звучали призывы о свержении действующей династии и возвращении низопешей.

Какой уж там девичник?..

Девушки остановились в считанных метрах от толпы. Среди собравшихся Нина успела насчитать не меньше дюжины человек в серебристых масках, закрывающих глаза. Руки незнакомцев выглядели пусты, а плечи были украшены стальными эполетами в виде лисьих голов. Сами неизвестные держались настолько отстранённо и разрозненно, что только больше выделяло их на фоне остальных протестующих.

Затем девушки напряжённо посмотрели на самодельную сцену, собранную из покрышек и подгнивших досок. Стоящие по бокам колонки то и дело сипели, пищали. Едва ли кого смущало качество звука: голос с высоты и без того звучал громко:

— Парад унёс тысячи жизней! Сначала отнял у нас историю, а теперь — свободу! Помните, как нам гарантировали независимость за вступление в Тризонию? Помните, как все боялись доносов за соблюдение традиций? Как по улицам летали «Вороны»? — со сцены вещала Аврора Майнью, и её красные волосы флагом реяли над землёй.

— Да, об этом я и говорила, — меж тем устало вздохнула Агния. — Похоже, неделя в

инсектарии её ничему не научила.

— Слушай, а разве Монтгомери настолько плох? Он же по факту запрещает только публичное восхваление деми, а дома... — подивилась посыльная. — Нет, я в курсе, что люди верят в законного наследника и всё такое...

— Мы — Сыны и Дочери Революции! — с раскатами грома продолжала Аврора. — В наших устах дремлет Слово — Слово, которому покорялись моря и океаны. Но Парад лишил нас этой Силы! И мы молчали. Мы слишком долго молчали. Но Время пришло! Джестерхейл создал оружие, которым мы истребим наших подлинных врагов и вернём себе нашу землю!

— Люди могут верить во что угодно, Нина, — отрезала старшая Майнью, — но пока вера производит на свет монстров, хорошего в ней нет... Если у Вендиги и впрямь был ребёнок, где он сейчас? Почему не пытается получить то, что ему причитается? Сторонников, как видишь, у него достаточно. Захват власти в такой ситуации — дело пяти минут.

— Ладно-ладно, прости! — Нина виновато подняла руки и отступила, едва не потерявшись в толпе. — Я просто спросила. Разбирайтесь сами.

Во взгляде Агнии отразилось столько боли, что поначалу Нина растерялась. Она хотела коснуться подруги, даже потянулась к ней, но вместо этого столкнулась с неприятием и резким одёргиванием плеча.

— Ты не видела то, что видела я, — чуть тише произнесла Агния и вновь повернулась к сцене. — Она не слышала то, что слышала я...

О событиях в Грустине Нина знала немного. Она ознакомилась со всеми доступными материалами, но от самой очевидицы никаких подробностей так и не получила. Ясно одно: после увольнения в Майнью что-то изменилось, и Нина сомневалась, что ей это нравится.

— Я тебе говорила, что самая безвредная служба — в Архиве, — попыталась она разрядить обстановку, — всё, что тебе пришлось бы делать, так это отгонять от погребальных костров любителей пожарить мясо.

— Поверь мне, — сдавшись, ухмыльнулась подруга, — их и в Тардиградске не меньше.

— Ну, хорошо... Что тогда будешь делать? — поинтересовалась посыльная и взволнованно вцепилась в ремень почтовой сумки. — Может, я могу тебе как-нибудь помочь?

— Не надо, — ребром ладони перерубив воздух, отказалась Агния. — Я сама. Попробую забрать её до того, как это сделает Красмор, — и, оглянувшись, дополнила: — К слову, странно, что их ещё здесь нет.

— Значит, тебя на ужин не ждать?

— Не стоит. Так что, если хочешь, можешь сегодня кого-нибудь пригласить.

Едва Агния договорила, как из-за угла донёсся вой сирены. В метре от самопальных ограждений остановилась пара красморовских бронетранспортёров. Из чадающих едким дымом «Воронов» выбрались охотники. Их форма немногим отличалась от балтийских образцов, однако невооруженным взглядом прослеживалось влияние на неё странников — белоклювые карпейцы так же предпочитали носить трофеи: отрубленные головы спятивших роботариев, вырванные языки сектантов и иные сувениры на поясах агентов уже не пугали никого в городе.

— Удачи, — шёпотом попрощалась Нина.

Переглянувшись, подруги разошлись. Агния в последний момент растворилась в толпе.

Митингующих взяли в кольцо. Пока златоклюв Бакхус пытался усмирить их через рупор,

над головами окружённых замелькали дубинки да приклады. Щитами стали транспорты. Буквально перед носом Нины пронёсся штык и врезался в поднятый баннер с трупом каэльтины Дунарийской. Стоящий в метре от посыльной охотник разложил косу, спрятанную в классической винтовке Dis. Создали её не для немёртвых, но для живых. Тонкое лезвие орудия вонзилось в плечо мужчины, поднявшего оружием камень.

Красморовцы столкнулись с отчаянным, но бессмысленным сопротивлением.

Когда митинговавшие были готовы сдаться и отступить, ожили те, что в серебристых масках. Из-под мантий и плащей они достали оружие — револьверы с завода Хиленда да антикварные карабины «Стриба». Дизайн последних был настолько выразителен и ярок, что больше напоминал произведение искусства, нежели орудие смерти. Приклад, ствол — посеребрённые, их покрывала гравировка, напоминающая дуновения ветра.

— Прозрейте! — закричал один из вооружённых и, повернувшись, рывком вырвал у стоящей рядом девушки глаза. Крик случайной жертвы превратился в сирену. Падая, юница закрыла лицо руками. Напавший поднял руку с окровавленными пальцами. — Прозрейте, пока не поздно! Узрите и примите своих истинных правителей!

— Проклятье! — выругался охотник и ненароком заслонил Нину собой. Он оглянулся на своих сослуживцев и прокричал: — Здесь АВИСО!

Гражданские, что ещё секунду назад оборонялись подручными средствами, бросились врассыпную. Началась давка. Паника. Разгон обратился в бойню. Некоторые митинговавшие успели прорваться через красморовское оцепление — снесли агентов, случайных прохожих, — а потом сектанты открыли огонь.

Первыми погибли обычные люди.

Нина, едва сдерживая крик, вырвалась из плена клювастых рядов, но не покинула площадь. Отойдя на безопасное расстояние, девушка взобралась на один из уличных фонарей в виде почившей героини войны. С высоты посыльная попыталась отыскать глазами Агнию, но не вышло: красного стало слишком много.

Стреляли охотники.

Один из сектантов притянул к себе молодого паренька. Использовал его в качестве живого щита. После отшвырнул за ненадобностью. Уже бездыханным оно полетело под ноги наступающих охотников. Один из них запнулся. Упал. Устоявшие агенты очередью добились кульгиста. Тогда другой, находящийся всего в метре от сцены, выпустил из широкого рукава лезвие и вспорол себе горло. За ним повторили оставшиеся пять сектантов.

Всё, что Нина успела заметить, так это выглядывающую из-под ворота кожу. Телесный покров, поражённый манифестом.

Когда крови пролилось ещё больше, элегический морок окончательно проглотил площадь. Несмотря на то, что охотники Красмор оперативно ликвидировали группу сектантов, загрязнение стремительно распространялось по Чековке. Спустя несколько секунд забил крематорский гонг, и со стороны депо завывали сирены.

Эпизод третий

Карпейское Каэльтство: Градемин (Новоград)

Дунарийская набережная

2-13/995

Последняя встреча произошла там же, где и первая. У Дунари. Неподалёку от монумента, возведённого на месте одноимённой гостиницы. От реки тянуло прохладой и помесью болота с дизельным выхлопом. На другом берегу синел разграбленный собор —

немым укором на воду взирал осквернённый дворец. В сумерках серебрились горные черепа.

Это мог быть хороший вечер.

— Прощай, — безразлично произнесла Аврора. Выглядела она неважно: несмотря на несколько слоёв косметики, под глазами напоминаниями о бессонных ночах проступали синяки. Девушка крепко сжимала сумку и всячески избегала взгляда стоявшего напротив мужчины, — и спокойной ночи.

Дмитрий Залерт. Так его звали. Ничто не выдавало в нём красморовского странника, но иное привлекало к нему внимание — глаза его, равно как и левую руку, заменяли протезы. Внутри него шелестели шестерёнки, а от всего вида веяло неестественностью. Волосы — тёмные, приближенные к палитре естественных цветов — казались синтетическими, тогда как некоторые участки тела — пластиковыми, с напылением светлой телесной текстуры.

— Мы... — неуверенно начал Залерт. Без того светлая, будто обескровленная, кожа побледнела ещё больше. Мужчина протянул механическую руку к возлюбленной, но та с видимой неприязнью отпрянула. — Мы больше не увидимся?

— Нет. В этом больше нет необходимости.

Аврора намеревалась уйти.

Залерт отчаянно вцепился в её сумку, но Майню решительно вырвалась. Вместе с тем из сумки выпал бумажный пакет, и Дмитрий, сразу заметив это, подобрал его. Странник сделал несколько шагов за Авророй и позвал её:

— Аври!

Но та даже не оглянулась.

Уходя от Дунари, Аврора не смотрела по сторонам. Она целенаправленно шла в сторону Моста Вечности, и, когда её фигура скрылась на его пешеходной части, Залерт потерял её из вида. Он гневно сжал подобранный пакет. Затем бросил. Печаль обжигала и жгла изнутри. Успокоившись немного, странник выдохнул. Прошептал:

— Прощай, родная.

В этот же момент к монументу подходила Нина. Держа в руках простенький букет гвоздик, она на дрожащих ногах направлялась к памятнику. Осквернённая насильем площадь осталась в нескольких километрах, и до набережной волнения пока не успели дойти.

Внезапно посыльная запнулась о брошенный пакет. Подобрала его. Посмотрела по сторонам и заметила впереди удалявшегося мужчину.

— Господин! — Нина поспешила следом, но остановилась, когда на пешеходном переходе загорелся красный свет. Крикнула вдогонку: — Вы обронили!

Незнакомец никак не отреагировал и скрылся из вида. Посыльная, устало вздохнув, побрела в сторону набережной. По пути проверила содержимое пакета: внутри оказались пожелтевшие от старости рукописные листы — на карпейском, и написанное Нина разобрать не смогла.

— Надо будет потом отнести в бюро находок, — поникнув, вслух решила она.

Редкий для Градемина солнечный день обращался сумраком. Алый закат, наливаясь свинцом, затягивался зеленоватыми тучами.

В дни, подобные этому, Нина переставала понимать, почему не могла оставить этот город. Задавала себе этим вопросом каждый раз, когда клала цветочный букет к монументу, возведённому на месте «Каэльтины Дунáрии» — гостиницы, сгоревшей летом 985-го года. От здания давно ничего не осталось, но одноимённый теплоход всё ещё возил туристов по

судоходному каналу. Три длинных гудка, один короткий, и корабль вновь отошёл от староградского причала.

За монументом, на месте самой гостиницы, ныне был разбит сквер. Небольшой, приятный и ухоженный. Однако даже посмотреть в его сторону Нина не отваживалась — всякий раз, когда она видела цветочную арку у входа, перед глазами восставали дымящееся здание и застрявшая на третьем этаже женщина. Та, в предсмертной агонии вцепившись в оконную раму, неподвижно стояла и больше не ждала спасателей. Голова её была чуть опущена, и вскоре дым, охвативший парализованную фигуру, сменился пламенем.

Нина не знала, почему та женщина не попыталась спрыгнуть. Не положились на крематоров, что растянули перед входом полотно. Хотя бы просто не рискнула, чтобы выжить. Эта фигура, этот образ намертво въелись в память тогда ещё маленькой девочки. Отныне каждый раз, при взгляде на высокое здание, Нина видела её. Ту женщину, что навсегда застыла перед окном.

Посыльная вздрогнула. Привычно обвела взглядом гранитную плиту. Нашла глазами 63-ю позицию и сразу опустила голову.

«Верана Нойр. 10.5.952 — 7.10.985. Номер 47».

— Не ожидал тебя встретить сегодня, — раздался рядом дружелюбный голос. Нина повернулась и увидела одетого в китель товарища по несчастью, Евгения Ливерия. Широкоплечего мужчину с волевым подбородком. — Привет.

— Привет. — Девушка обрадовалась знакомому лицу. Улыбнувшись, она поправила ремень сумки и склонила голову набок. — Мне... Просто надо было успокоиться. Как видишь, сейчас... не очень безопасно.

Евгений согласно кивнул. Несколько минут они простояли в покойном молчании.

— Не знала, что ты сегодня приедешь, — вновь продолжила Нина.

— А что поделать? Я не мог пропустить этот день: сегодня была бы наша десятая годовщина...

78-я позиция. «Майя Ливерия. 4.26.959 — 7.10.985. Номер 56».

— Где бы она ни была, я уверена, она гордится тем, что ты делаешь.

Ныне Евгений Ливерий жил в Карпейском Каэльтстве и работал капитаном на теплоходе. Он и его сменщица являлись единственными людьми из всего экипажа, остальные — роботарии последнего поколения, наделённые, в отличие от прототипов, высоким уровнем интеллекта.

— «Внимание-внимание! Внимание-внимание!» — внезапно заговорили городские репродукторы, и улицы наполнились эхом синтезированного голоса. — «Граждане Карпейского Каэльтства! Правительство Дом Монтгомери вынужден сообщить прискорбное известие: Советом Сателлитов Единой Высоты юг Балтийской Республики официально признаётся отчуждённым. Синекамский край мёртв! Просьба сохранять спокойствие и почтить память его молчанием!»

Едва обращение закончилось, как заиграл государственный гимн. Со всех сторон на набережную стянулись охотники. Они вооружились электрическими хлыстами и, ударяя ими оземь, призывали сограждан соблюдать порядок. Несколько десятков человек, что оказались тогда у Дунари, покорно опустили на колени. Почтительно склонили головы. Красморовцы, покуда били посмертные куранты, ходили меж людских рядов, следя за тщательностью соблюдения траура.

Для многих общественные прощальные церемонии были единственной возможностью

проявить свою скорбь. Длились они обычно недолго — около часа. Впрочем, Нине казалось, что длилось это целую вечность: в конце концов, карпейка никого потеряла в балтийских краях.

Когда протофон девушки завибрировал от оповещения, она посмотрела на экран — на нём выпало сообщение об оплате выполненной доставки.

Над ухом щёлкнул хлыст. Кончик ужалил предплечье.

— Не уважаешь чужую боль? — пророкотал сверху искажённый голос. В шаге от посылной остановилась охотница. — Это должно тебя чему-нибудь научить!

Вместе с возгласом по телу прошлась плеть. Нина смиренно закусил губу. Раз, два, три. Выправилась, когда удары смолкли. Тыльная сторона ладони, предплечье и плечо были рассечены — по смуглой коже растекалась кровь. Несколько крупных капель попало на сумку. Вместе с ней промок и пакет. Бумага покраснела.

— Простите, — сквозь слёзы выдавила Нина и поджала руку к себе, — больше не повторится.

Евгений, очутившийся всего в паре метров от неё, с трудом сдержался, чтобы не ринуться подруге на помощь. Кулаки его сжались в порыве бессильного гнева. Только кровожадная охотница оглянулась, как Ливерий поник.

— Разумеется, — удовлетворённо согласилась та, — ты больше так не будешь, — и возобновила обход.

Посмертный бой приостановился. До писка изломался сигнал. Репродукторы осипли.

Из динамиков поползли помехи. Зазвучавший давно забытый гимн наполнился тревожными шумами: среди торжественных напевов послышались болезненные стоны и звон, звон колокола и шёпот. Последний становился громче. Затем — отчаянный, ошеломляющий крик. Шёпот оформлялся словами: «Наступает наш Парад». Громкость постепенно нарастала. Приносимые с разгромленной ярмарки ароматы заглохли — на смену им пришли металл и пьянящая ржавчина. Волнуясь, забулькала вода.

Оцепенение спало. Люди, минутой прежде преисполнявшиеся скорбью, начали встревоженно переглядываться. Одномоментно они вышли из-под контроля служащих.

«Наш Парад».

Оборвался прощальный час. Взбунтовалась Дунари, и клюквой вспенилась вода. Брызги породили лужи. Зашипел под ними асфальт — поднялся густой пар. Вода продолжала темнеть. Набережную с монументом постепенно заливало. Минуя охотников, люди зачарованно потянулись к реке.

«Наш Парад».

— Кровореки! — заверещал выбежавший на набережную глашатай, чуть ли ни прыгая по головам. — Они вернулись! Как и было сказано в пророчестве!

Его окатило первым. Мальчишка замер, рыбой открывая рот. Ни слова больше он не произнёс.

Темнея, вода стала густеть.

— Назад! Всем назад! — Набережную оцепили красморовцы. Тут и там заискрились хлысты. — Прочь! Кому сказали?!

Из толпы тем временем слышалось:

— Что это за [напасть]?

Шеренгу красморовцев обошла со стороны статная женщина. На плечи её была накинута шинель — голову венчала фуражка с чернозорьским гербом. Нина почтительно

опустила взгляд, когда признала в неизвестной ундину. Агенты лишь боязливо отступили, стоило той появиться рядом.

— Это кровь, — произнесла Хелена Хольт. Со спокойным лицом она подошла к беспокойной реке и, наклонившись, коснулась поражённой воды. Видя замешательство сограждан, ундина отняла руку от балюстрады и заговорила: — Земля устала от Войны. Убитых в ней больше, чем живых, и в темнейшие часы своей жизни она изливается кровью... Как и тогда, после Свинцовой свадьбы, Дунария обращается ядом, способным лишить человека главного его оружия — голоса, ибо Слово — оружие, способное погубить не только людей, но и деми.

— Скажи это атомной бомбе! — закричал из толпы какой-то мужчина.

— Или «Снегирям»! — поддержала его пожилая госпожа.

Кто-то дёрнул Хелену за край юбки. Маленькая девочка, пытливыми глазами посмотрев на ундину, пролепетала, когда та опустила взгляд:

— Тётя, — молвила малышка, — это значит, что деми вернуться?

Хольт невозмутимо посмотрела на Дунари. Теплоход, что недавно отчалил, накренился на правый борт. Судно едва держалось на плаву. Поднявшиеся на верхнюю палубу пассажиры изумлённо взирали на метаморфозы, произошедшие с рекой. Во избежание крушения корабль пришвартовался к староградскому причалу.

Окинув взглядом окруживших набережную людей, ундина опустилась перед девочкой и сказала:

— Они и не уходили. Они никогда не уходили.

Нина, тем временем отойдя к монументу, продолжала зажимать рану. Та кровила словно вместе с рекой.

От воды ядовитыми испарениями поднимался конденсат. Густеющим туманом клюквенный морок расплзался по поверхности. От соприкосновения с ним гнила древесина, камень — трескался, и коррозией рассыпался металл.

— Нина, ты как?! — Евгений наконец вырвался к посыльной. Та рассеянно покачала головой, не в силах на чём-либо сфокусироваться. Рана пульсировала, и боль волнами порабощала руку. — Всё нормально?

— Да, вроде бы, — вполголоса подтвердила Нина. Вместе с Ливерием они обеспокоенно смотрели на разгневавшуюся реку и людей, что льнули к ограждениям и фотографировали. — Евген, ты когда-нибудь такое видел?

— Ни разу! Давай, пошли отсюда. Думаю, лучше тебе вернуться домой. Я провожу тебя.

— Что? А как же ты? Видишь, что происходит?

— Со мной всё будет в порядке: я провожу тебя, а потом сразу вернусь на корабль. Проклятье... Надеюсь, с Полиной всё в порядке, и она справляется там.

— Лучше сразу иди на корабль — обо мне не беспокойся. Я... Я как-нибудь сама.

— Ты в этом уверена?

— Я... Да, в смысле, да, уверена. Всё в порядке. Сталь прежде плоти... Тем более, крупновская сталь... Да. Забей, со мной всё будет нормально. Лучше позаботься о корабле — ему не мешает ещё пара рук.

Ливерий, смутившись, улыбнулся. На его лице разом отобразилось столько эмоций, что лишь по голосу можно было определить, что превалировало над прочими недоумение:

— Что ты несёшь?

— Ну... Знаешь, когда я училась в ВАД, нам говорили, что сохранение техники важнее

жизни. В смысле, дороже или... Я не знаю, но почти уверена, что говорили как-то так. Сохранение оборудования повышает шансы остальной команды на выживание, вот. Ну, то есть, живой пилот это хорошо, неживой — тоже допустимо, но... Если машина цела, то...

За всем этим лепетом Нина сама не заметила, как начала плакать. Она до последнего противилась чувствам, благодаря чему лицо её оставалось ровным.

— Ты уверена, что такая логика совместима с мирной жизнью? — заботливо уточнил Евгений и приобнял девушку. Та чуть пошатнулась.

— Нет... Просто и то, что происходит, миром никак не назовёшь.

— Так, всё, давай успокоимся и сделаем так: я провожу тебя на половину, а потом вернусь на корабль. И ты не одна будешь, и Полина не успеет заскучать.

Разгоралась непогода.

Над Староградом вспышками зарева поднялись отменённые флаги. Беспощадный ветер рвал алые полотна, и небо, подчас свинцовое, окрашивалось кровью. Оставшаяся неподалёку Чековка тем временем стремительно белела. Не снег, но покрывала укутывали землю. Однако вскоре белизна сменилась красным. Разводами крови заплывали ткани. Раздражающими пятнами мелькали вспышки фотокамер.

Поднялись и закружили над омытой кровью площадью карпейские вороны. Падальщики, что не прощали ошибок.

Нина по-прежнему не знала, почему не может оставить этот город. Особенно теперь. Потребность в деньгах меркла на фоне криков и перестрелок, ставших уже не просто частью реальностью, но и негласным гимном Градемина. Выстрелы стали обыденностью. Бой стекла и завывание сирен тоже. Перестало пугать даже то, что по плечу может постучать шальная. Поверить в то, что где-то могло быть иначе, становилось сложнее.

В конце концов, Нина убедила себя, что оставит столицу, как только скопит сумму, необходимую для поступления в консерваторию.

Глава третья. Страх узнаёт их имена

Понт Аксинский — одно из самых опасных морей на восточном полушарии. Оно создаёт уникальные климатические условия, при которых большую часть календарного года его пересекают шторма. Крушениями полнится его дно; только по приблизительным подсчётам водная стихия этих краёв унесла жизни сотен тысяч человек.

При посещении Градемина нельзя забывать, что городские пляжи не предназначены для купания. Конечно, иногда вдоль береговой линии можно увидеть тройку-другую пловцов, но градеминцев среди них не будет — местное население сторонится морской воды так, будто её пенящаяся кромка есть рука покойника, тянущаяся за душами живых,

— Э. Керимов, «Путевые заметки: Градемин».

Эпизод первый

Карпейское Каэльтство: Градемин (Новоград)

Вестаниловская 28-1

2-13(14)/995

Этажей в здании, где Нина и Агния снимали квартиру, всего пять, однако лифт в нём был. Старый, грузовой. Из тех, где двери ещё неавтоматические, ручные. Впрочем, не работал подъёмник чаще, чем работал. В самом подъезде было достаточно чисто, но, несмотря на это, из подвала регулярно тянуло то ли плесенью, то ли гнилью. К минусам также относилась и перманентная проблема с освещением: даже днём здесь было настолько

темно, что иной раз приходилось использовать фонарик.

Нина, зайдя в подъезд, привычно задержала дыхание. Затем сдалась и задышала ртом. Ноги посыльной гудели усталостью; не в силах осилить подъём на последний этаж самостоятельно, она вызвала лифт.

Нина не любила подъезды. Узкие лестничные пролёты. Высокие ступеньки. Лифты ей тоже не нравились: эдакие маленькие кубрики, больше похожие на клетки смертников из карпейских темниц. В них всегда было темно, а по бокам — установлены зеркала, будто злая насмешка над клаустрофобией. Так что да, подъезды — в особенности свой — Нина не любила.

Домой она вернулась в смешанных чувствах. В надежде успокоиться, за поисками домашней аптечки Нина включила телевизор и наткнулась на репортаж о Чековке. Ведущий в кадре рассказывал о сопротивлении со стороны оппозиции, об атаке сектантов и жертвах среди гражданских.

— Чего? — севшим голосом спросила Нина.

Аптечка выскользнула из ослабевших пальцев. Крышка пластиковой коробки треснула. Замок сломался. По полу покатился пузырёк с антисептическим средством — вывалились бинты.

Не дожидаясь конца выпуска новостей, Нина подняла руку с протофоном и попыталась связаться с Агнией: написала ей, позвонила. Однако сообщения остались непрочитанными, а звонки — непринятыми.

— Гадство... — стыдливо ругнулась Нина, листая списки контактов. — Жаль, номера младшей не осталось...

Комната у посыльной была боковая, маленькая. Она во всём старалась придерживаться минимализма: минимум вещей, одежды — на всё хватило бы одной небольшой сумки.

В надежде отвлечься, девушка попыталась абстрагироваться от актуальных новостей и зашла на «Videre». Она стала с упоением отсматривать видеотеку, которую начала собирать ещё со времён обучения в ВАД: истории проектирования и создания АДДАМ, интервью с известными пилотами и сводки последних достижений конструкторских бюро. Спокойные голоса дикторов, качественные видеоряд — всё это если не увлекало, то убаюкивало за счёт неторопливого темпа повествования и обилия сложных технических терминов.

Не обошло внимание несостоявшейся пилотессы и воссозданное столкновение «Астарты» с Живамиж. Благодаря смоделированным кадрам, склеенным с фрагментами реальной съёмки, Нина лишней раз убедилась, что основной причиной неудачи послужили «Снегири». Только в одном одержавшая верх деми вызвала сочувствие:

— Живамиж... Какое странное имя, — под нос пробормотала Нина, читая комментарии под видеороликом об «Астарте». — Бедная деми.

Меж тем назойливыми уведомлениями выплывала реклама о певческих курсах. Через несколько минут — о наборе в музыкальную школу. Тогда Нина устало отложила протофон и закрыла глаза.

Наутро её разбудил писк. Спросонья она не сразу поняла, что звонил не будильник, а протофон, и раздражённо сбросила вызов. Затем, когда в просыпающееся сознание вернулась вчерашняя тревога, девушка буквально подорвалась с кровати и схватила устройство с прикроватной тумбы. Когда протофон зазвонил повторно, посыльная приняла вызов. Накручивая на палец прядь угольных волос, она взволнованно расхаживала из угла в угол комнаты.

Поначалу ничего, кроме помех, Нина не услышала. Затем качество связи неожиданно выправилось — на другом конце линии послышались бой волн и капанье воды.

— Агни? Это ты?

Ничего.

Вызов сбросился.

Гудки.

Только с его завершением Нина заметила, что входящий звонок был с незнакомого номера.

Разочарованно выдохнув, девушка отрешённо посмотрела на подобранный вчера пакет. Она уже знала, что внутри лежала тонкая книжица — брошюра, если точнее. Однако содержимого её разобрать так и не смогла: при беглом осмотре удалось лишь атрибутировать карпейский язык, а его современное поколение в массе своей практически не просто не использовало, но даже не изучало.

Эпизод второй

Карпейское Каэльтство: Градемин (Новоград)

бар «Жатва»

2-14/995

На следующий день Чековку перекрыли. Оградительную черту протянули от ворот ВАД до близлежащих домов. Помимо охраняющих периметр охотников, на участке с самого утра работали крематоры — обжигали засыпанный гильзами и пропитанный кровью булыжник. Чуть в стороне брусчатка водой омывалась — с подключенным к гидрантам шлангами стояли невозмутимые дворники. Прототипов не смущали ни смываемая кровь, ни фрагменты транспарантов.

Люди в основном обходили площадь. Лишь единицы отваживались приблизиться к ней и почтить молчанием погибших — иные свидетельства памяти, будь то фотографии или цветочные композиции со свечами, уничтожались волей «Сварога».

Не в силах усидеть на месте, Нина решила попытаться найти хотя бы одну из сестёр.

Покуда горожане избегали центра, ВАД и соседние районы взяли под контроль альтернативные подразделения Красмор. Среди градеминских стражей правопорядка численное преимущество было на стороне роботариев. В сравнении с людьми, представители последнего поколения роботостроения отличались невероятной хрупкостью. Впрочем, этот недостаток с лёгкостью компенсировался их меткостью — в отличие от людей, автоматы никогда не промахивались.

Они не просто ходили — они маршировали. Единым строем, синхронно. Движения при этом были лишены какой-либо пластики, и по городу вышагивали машины, приспособленные для войны. Если они останавливались, то все разом. Одновременно сканировали прохожего, случайного попавшего в объективы их камер. Наставляли при этом на него винтовки. Человек вынужденно поднимал руки и замирал, ожидая, когда проверка закончится. Во время неё было нежелательно даже дышать. По завершению строй двигался дальше.

Все эти роботарии, возведённые красморовскими клювами до людей, некогда принадлежали Мировому Театру Синтетических Артистов. Ныне в них ничего не выдавалось лет, проведённых под софитами. Глядя на бездушных болванчиков, Нина нервно сглотнула. Она делала всё, чтобы не стать следующей жертвой их проверки.

Роботарии тем временем вновь остановились. В этот раз на их мушке оказалась пара —

молодые девушка и парень. Если первая сразу подняла руки, то второй со смехом ткнул пальцем в механических красморцовцев:

— Ты чего? — говорил он своей спутнице. — Это же болванчики! Они нам ничего не...

— Гражданин, — в один голос обратились к молодым машины. Их синтетические голоса тенью музыки легли на осквернённую побоищем улицу, — немедленно замрите, иначе мы будем вынуждены вас отменить.

— Отменить? — Парень рассмеялся. — Ну да, вы же эти, дети искусства...

— Рома, — зашипела на него девушка, — просто сделай это! Сделай то, что они говорят.

Роботарии начали обратный отсчёт.

Три.

— Да расслабься, — отмахивался юноша, — ничего они нам не сделают.

Два.

— Рома! — У его спутницы началась истерика.

Один.

Когда Нина окольными путями добралась до бара, со стороны площади раздались выстрелы. Посыльная рефлекторно пригнула голову, а после оглянулась. Поблизости огня не было.

Чековка, вопреки усилиям крематоров, всё ещё хранила дух благовоний ушедших ярмарок, что пропитали площадь насквозь, и несвежей крови. Переулок же, где находилась «Жатва», был объят иными запахами.

Сразу за подворотней начиналась канализационная вонь. Нина была здесь не впервые — она уже привыкла к контрасту местных ароматов, но в этот раз всё воспринималось иначе. «Жатва» оказалась закрыта. Девушка несколько раз дёрнула за дверную ручку, но дверь так и не поддавалась. Тогда посыльная достала протофон и отыскивала среди контактов Агнию. Позвонила ей ещё раз. Потом ещё. Вызов по-прежнему не проходил.

— Странно... — Нина нахмурилась. Глянула на участок для табличек, где обычно висели такие, как: «от себя», «закрыто», «открыто» и всё в таком духе. Сейчас там ничего не было. — Неужели даже Аврора не вернулась?

Ругнувшись, Нина снова вышла в сырой, обклеенный полинявшими листовками, переулок. Подошла к невысоким окнам, выходящим на зал. Заглянула внутрь. Никого и ничего. Заведение было закрыто будто уже не один день: всюду пыль, а стулья и вовсе подняты. Как бы Нина ни всматривалась в царящий внутри полумрак, никаких признаков жизни ей обнаружить не удалось.

В расстроенных чувствах Нина отправилась прочь. По пути заметила, что немногочисленные магазины здесь, делавшие прибыль в основном на студентах, тоже были закрыты. Из-за некоторых дверей доносились странные звуки — шумы, напоминающие помехи. Девушка испуганно прибавила шаг. Она старалась не смотреть по сторонам, однако краем глаза уловила промелькнувший вдали силуэт.

На мгновение Нина остановилась. Глянула в сторону арки, ведущей во внутренние дворы-колодцы столичных домов.

Внезапно среди выхлопов парфюмерий и стоков отчётливо проступил запах... крови. Принюхавшись, Нина оглянулась. Заметила под подоконником ближайшего дома багровеющую лужу. Подошла и села на корточки. На здании, помимо мха, пузырями висели кусочки мяса. Они едва заметно пульсировали, а, когда Нина оказалась рядом, задрожали.

Лицо её исказилось отвращением.

— Они не представляют опасности, — неожиданно заговорил с ней голос из подворотни. Вздрогнув, Нина отпрыгнула назад. В тени загорелся красный огонёк. Навстречу вышел Четырнадцатый. — Ля, да не бойся, они тебе ничего не сделают.

— Опять ты, — напряглась посыльная и выхватила из-за пояса сложенный нож. Взмахом руки разложила его. Наставила на знакомца. — Не приближайся ко мне.

— Да брось, — с широкой улыбкой попытался успокоить её он. — Мы же хорошо провели время.

— Ты обманул меня, Чет, — сердито напомнила девушка. — Оставил там умирать.

— Но ты же не умерла, — пожимая плечами.

Нина нахмурилась.

— И ты решил это исправить?

— Больно надо, — фыркнул Четырнадцатый и сам подошёл к бару. Заглянул внутрь. — Ля, а что, Авроры так и нет?

— Да. — Нина нерешительно убрала нож. — Тебе-то какое дело? Она же выставила тебя за порог.

Ещё пару секунд Четырнадцатый, насвистывая, рассматривал нутро «Жатвы». После, выпрямившись, повернулся и сказал:

— Как и тебя. Слушай, хорош уже дуться! Это было весело — когда бы тебе ещё довелось сойтись на ринге с [неисправными] роботариями? — Четырнадцатый шагнул навстречу, и Нина сразу отшатнулась. — Ты относишься к этому слишком... серьёзно!

— Ой, да пошёл ты... — она отмахнулась и покинула переулок.

— Набери мне, — улыбаясь, прокричал Четырнадцатый ей вслед, — когда захочешь повторить!

Вновь поднялся ветер. Его мощные порывы сорвали одну из бумаг со стены, и листовка со зловещей агитацией упала на землю.

Эпизод третий

Карпейское Каэльтство: Градемин (Новоград)

мурмурационное отделение г. Градемин

2-15/995

Листовки.

Они стали настоящим наваждением! Вирусом распространились по городу и парализовали умы граждан. Теперь все говорили о неминуемом воскресении деми. Очевидцы видели, там-то слышали... Да ещё революционеры эти! Чтоб их. К полудню, когда Чековка едва ли остыла, всюду пытели типографии. Анонимный заказчик и тысячи листовок на станках.

Часть уже экспортировали в Градемин. Другую — по накладной отравляемую в Камнеград — успели перехватить. До выяснения обстоятельств закрылись все крупные типографии.

«СКАЖИ ДЕМИ „НЕТ“ — „УБИРАЙСЯ“ ТВОЙ ОТВЕТ».

По каналам Красмор давно произвели рассылку, информирующую мурмурации о появлении «листовок сомнительного содержания». О том, что впервые они появились в Линейной, в Градемине знали. Впрочем, об изменённом для Карпейского Каэльтства сюжете здесь даже не догадывались.

— Не так легко в наше время сохранить анонимность, — почитывая отчёт из

«Градеминской печати», рассуждала столичная хранительница Марианна Монтгомери, наследница престола каэльтского. Вместо противогаза у неё была серебристая клювастая полумаска. — Уверена, сокрытие данных — отдельная строка в смете. Где это видано, что «информация утеряна»? Значит, уплаченная сумма превышает приказ.

Ничего во внешности юницы не выдавало её благородного происхождения. Разве что иссиня-голубые глаза — фамильная черта всех Монтгомери — да диадема с редкими кроваво-красными демитирами, которую в отрочестве носила сама Вендига, каэльтина Дунарийская.

— Почему ты не оставишь это дело координатору? — поинтересовался сидящий напротив Залерт. Лицо его выглядело помятым — даже с заложенным носом от него слышался запах перегара. — Я думал, в твои обязанности входит заниматься цензурой, а не... расследованиями.

Марианна вздохнула и мельком глянула на переливающееся алым окно.

— Только если дело не касается декабристов, — парировала она. Залерт заинтересованно склонился к столу. — Ты же слышал о них? Конечно, слышал... Ты и без меня знаешь, что они из тех, кто всегда остаются инкогнито.

Головная боль российского мурмурация: в силу особого устройства членов группировки, отловить их никак не могли. Последние подвижки в расследовании были около десяти лет назад. Тогда, в 80-х годах, камнеградские охотники нашли одну из подпольных типографий: среди печатных станков были найдены опустошённые формы роботариев — согласно описи, некоторые из них служили в государственных изданиях.

Несомненно, Марианна уже видела подобные листовки. Её не страшил ни эсхатологический мотив, ни пророческое напутствие. Единственное, что она хотела понять — как это добралось до Градемина? Карпейское Каэльтство давно не представляло интереса для роботариев: за последние лет пять вся деятельность декабристов сосредоточилась в Российской Империи.

— И... — недоумевал Залерт. — Я могу тебе чем-то помочь?

Ухмыльнувшись с усилением, Марианна отложила отчёт к остальным бумагам и, протерев глаза, ответила:

— Нет... Боюсь, что нет. Тебя я вызвала по другому вопросу: видишь ли, Дмитрий, пропала госпожа Аврора Майнью.

— Что? В каком это смысле? — удивился тот. — Мы виделись с ней... позавчера, кажется. Разве не должно пройти больше?..

— Мы наблюдали за ней, — перебила его Монтгомери. Продолжила, не дождавшись реакции: — Видишь ли, наши коллеги из Архива заподозрили её в связях с одним из культов, запрещённых на...

— Ближе к делу. У нас все культы запрещены, да и не только у нас. В этой ремарке нет необходимости.

— Хорошо. Нам известно, что позавчера вы виделись — тогда же её видели в последний раз. Может, тебе известно, куда она пошла?

— Нет, — ровно ответил тот. Марианна недоверчиво прищурилась, но смолчала. — Она мне ничего не говорила. Более того... вопросов веры мы тоже никогда не касались.

— В том, что ты безразличен к интересам своих партнёров, я никогда не сомневалась, — пробормотала Монтгомери и кашлянула, когда посетитель собрался возмутиться. — Но это не меняет того, что твои показания, учитывая, кхм, характер ваших отношений, могут

очень...

— Позавчера, — перебил Залерт, — мы расстались. Я без понятия, куда она делась. Спрашивайте её сестру.

— Уже, — сердито отозвалась Марианна, — но она тоже ничего не знает. Судя по камерам видеонаблюдения, вы встретились с Авророй сразу после митинга. Я права?

— Может быть, — Залерт был безразличен. Он украдкой поглядывал на табличку рядом с дверью — предупреждающую о запрете курения в стенах мурмурация — и закурил. Марианна скривилась, но сдержала неодобрительный возглас. — Я обычно не спрашивал, откуда она и почему опоздала — такие вопросы бесили её.

Призадумавшись, хранительница нерешительно спросила:

— Она тебе когда-нибудь говорил о «Кате-Эр»?

— О лжепророчестве? — скептически уточнил Дмитрий и, стряхнув пепел, вновь затянулся. Табак неприятной горечью осел на языке. — Нет, не припомню такого. Джестерхейла нам хватило в Академии, так что... Извини.

Монтгомери устало вздохнула и, поднявшись из-за стола, подошла к окну. С высоты второго этажа открывался вид на Дунари и пятнадцатый причал.

— Мы подозреваем твою... возлюбленную в связях с АВИСО, — нехотя поделилась хранительница. Услышав это, Залерт приподнялся. — Прямых доказательств у нас нет, но... Кхм, к нам поступила информация, что у неё оригинал рукописи, «Кате-Эр». Учитывая, что произошло с рекой, мы можем предположить, что она стала катализатором... всего этого.

— Оригинал рукописи... — мрачно повторил мужчина. — Я тебя понял. К сожалению, мне об этом ничего не известно. Ничем не могу помочь.

— Я говорила, что эта девица — тебе не пара, — раздосадовано упрекнула его каэльтина, собирая рассмотренные бумаги в стопку. После в приказном тоне кинула: — Можешь идти.

Отношения между ними с самого начала были сложными. Познакомились красморовцы в стенах ВАД, когда Залерт был уже на последнем курсе, а Марианна абитуриенткой переступала её порог. Градемин Дмитрий покинул не сразу, и его, как образцового выпускника, назначили наставником каэльтины. Флирт, недомолвки, а после — секс и сцены ревности. В их паре Дмитрий никогда не считался равным партнёром: мезальянс со всеми его недостатками. Ни один из участников не видел совместного будущего, но встречи то и дело возобновлялись. Впрочем, если Залерт ещё порывался жить дальше, то Марианна неизменно возвращалась к прошлому.

— До встречи, Мари, — попрощался с хранительницей он.

В приёмной мурмурация царил настоящий хаос. Охотники едва успевали принимать заявления: события минувшего дня окрасили Градемин красным. Одним митингом не обошлось — украдкой Залерт услышал о возросшем уровне насилия в столице. Заметил встревоженных сограждан и черноволосую девушку, просящую забрать у неё некую рукопись. Местные служащие от неё только отмахивались.

Столичное мурмурационное отделение находилось неподалёку от городского пляжа, названного в честь архипелага — Коройск-кер-Абико, расположенного в пяти километрах от берега. Там располагался природный заповедник с редкими животными и растениями. Посещать его людям было запрещено. Выйдя на улицу, Залерт задумчиво посмотрел сначала на пустой пляж, а потом и на тающий в тумане архипелаг. Тревога подкрадывалась неспешно.

Эпизод четвёртый

Карпейское Каэльтство: Градемин (Староград)

Фнакверех 4-27

2-15/995

Выходной подходил к концу, а избавиться от рукописи Нина так и не смогла. В бюро находок брошюру не приняли из-за крови, а в мурмурации отказались даже от заявления — вечером посылная обессиленно опустилась на скамейку в новоградском парке, в нескольких кварталах от Чековки. С детской площадки доносились визги и смех — резвящиеся на ней дети играли в салки. Они беззаботно скакали по горке да гимнастическому комплексу в виде корабля, не замечая, что свежий слой краски выцветал и крошился, а новизна стремительно порастала ржавчиной.

Нина вновь осматривала пакет. Посмотрела на обложку. Потрёпанную, бежевую. В этот раз посылную не остановили карпейские литеры, и она, неохотно раскрыв, перелистала рукопись. Это ничего не изменило: содержимое для Нины осталось таким же непонятным, как и прежде. Возможно, будь у неё карпейская раскладка на клавиатуре, она бы и смогла атрибутировать текст через интернет...

Неожиданно из конца рукописи выпал клочок бумаги. Записка, составленная на нова эспере. Неслабо удивившись, Нина прочитала её:

— «Аври, я снял нам квартиру на Фнакверех 4-27»... — Прежде чем осмыслить прочитанное, Нина по привычке обратилась к встроенному в протофон навигатору. — Это же в Старограде, так?

Действительно, Фнакверех — это набережная с одноимённой улицей в Старограде.

За неимением иного плана, посылная достала из сумки фуражку и решила доставить эту посылку по указанному адресу.

Навигатор привёл девушку к старому дому на набережной. Одной из тех типовых панелек, служивших прежде общежитиями для строителей Новограда. За десятилетия использования фасады зданий обросли множеством элементов декора — ими невзрачные серые коробки пытались вписать в архитектурный ансамбль полуострова. Однако такая презентабельность наблюдалась только снаружи. Уже в подъезде Нина столкнулась со смрадом нечистот и покрытыми бранью стенами. Откуда-то из недр трёхэтажки звучала отборнейшая ругань.

Лифт в здании отсутствовал. Подниматься на третий этаж пришлось по лестнице. Опасаясь встречи со всякими маргинальными элементами, девушка наготове держала перцовый баллончик — то небольшое из средств самообороны, что имел при себе каждый посылный.

В коридоре последнего этажа оказалось темно. Переминаясь робостью, Нина нерешительно постучала в нужную дверь и оглянулась.

В квартире закрипели половицы.

— Да? — за шагами послышался мужской голос. — Кто там?

— Извините, — вымолвила девушка и набравшись смелости, продолжила: — Я нашла этот адрес в записке, адресованной некой госпоже Аври...

Не успела она договорить, как щёлкнул замок. Дверь приоткрылась. На пороге показался протезированный мужчина в майке. Модификации отпечатками десятков операций расплзлись по его телу, и лишь чернила татуировок маскировали их следы. Светящиеся синевой зрочки мгновенно просканировали Нину. Наибольшего внимания

удостоилась почтовая сумка. Едва посылная открыла её, дабы упростить осмотр, как неизвестный с ухмылкой заключил:

— Посылная, значит? Я тебя услышал. Заходи.

— Простите, но кто вы?

— Дмитрий Залерт, я... знакомый Аври, — назвалса встретивший и скрылся в темени квартиры. Посылная неуверенно заглянула внутрь. — Не бойся. Если тебе станет легче, я красморовский странник.

Едва Нина переступила порог, как уткнулась носом в протянутую ксиву. Девушка осторожно взяла её в руки и при коридорном свете рассмотрела. Увидела на развороте фотографию мужчины в полевой форме. Сбоку были прописаны имя, род деятельности и идентификационный номер. Всё — заверено гербовой печатью Красмор.

— Меня зовут Нина, — следом представилась посылная, — Нина Нойр. Похоже, у меня то, что... Возможно, должно быть у вас.

Квартира, в которой она оказалась, была небольшой и аскетично обставленной. На стене при входе висела фотография студентов ВАД, выпуск 985-го года. Четыре ряда по десять человек. Все без масок: более того, имя каждого запечатлённого выписали рядом. Качество съёмки оставляло желать лучшего — лица выпускников были размыты, и Залерта девушка нашла только по имени.

— Что ж, будем знакомы, Нина, — пробормотал странник и, выставив на кофейный столик пару бутылок дзеро, устроился на диване. — Я не привык гостям, но ты это, располагайся.

Девушка села напротив. Когда к ней пододвинули бутылку с напитком, со смущённой улыбкой поделилась:

— Я тоже училась в ВАД... На курсе подготовки пилотов АДАМ, — затем чути потускнела. — ВАД мне теперь снится в кошмарах... А когда не снится, то и кошмар будет хорошим сном.

— Надо же. Чем вас там так... травмировали?

— Коды. Ты знал, что для управления АДАМ нужно знать наизусть под тысячу кодов в шестнадцатеричной системе счисления? Чтобы максимально реализовать потенциал титана, — с важным видом ответила Нина. — Госпожа Поллиган — она нас курировала на симуляциях — говорила, что правильный код пробудит даже аппарат первого поколения.

— Для человека, который недоволен ВАД, ты звучишь слишком увлечённо, — непроизвольно отметил странник.

— Мне нравятся АДАМ, но учиться было сложно, — вздохнула Нина, — а теперь, как выяснилось, и бесполезно. У нас кто-то успел перевестись в российскую академию, остальные... сам понимаешь.

— Да, я слышал, после Грустины Красмор не особо нацелена на поддержку второго поколения... — Залерт понимающе кивнул. — Я бы сказал, что тебе не повезло, но... Впрочем, так и есть. Сестра Авроры — моей быв... знакомой как раз — была там, когда «Астарта» столкнулась с Живамиж. Судя по тому, что произошло с пилотом Радиоактивного Кардинала, неудивительно, что будут дальше пытаться в беспилотники.

— Постой. Аври — это Аврора? Аврора Майнью?

— Да... — удивление. — А что, вы знакомы?

— Не особо, но я знаю её сестру, Агнию, она моя соседка. О ней ты, видимо, и говорил... — Нина достала бумажный пакет, а из него и брошюру с запиской. — Мир,

конечно, тесен, но... Вот, держи. Я это нашла вчера.

В руки находку Залерт не взял. Он нерешительно прикоснулся к обложке, перевернул её и, лишь увидев титульный лист, резко подался назад.

— Неужели это правда? — не своим голосом спросил он.

— Что «правда»?

— Это «Кате-Эр». Неужели... Неужели она и вправду связана с АВИСО?..

— Ты это серьёзно? — напряглась Нина и изумлённо посмотрела на неразборчивые символы. — Я, конечно, слышала, что Аврора поддерживает оппозицию, но чтоб...

— Оно всё едино. Как видишь... У меня были подозрения о её связях — в конце концов, её родители были участниками культа... но за всё время она ни разу не проявила этих вот, гм, сектантских наклонностей. Я надеялся, — судорожно рассуждал Дмитрий, расхаживая из угла в угол, но осёкся и проворчал: — Гадство. Ей просто надо было дойти до меня, вот как это сделала ты... Просто [замечательно] с вейнилкой расстался.

Странник остановился и одёрнул штору. Течение Дунари продолжало усиливаться. Вода продолжает прибывать и становится гуще, темнее. Ни одна водоочистительная станция не справлялась с нею, и постепенно город отключался от системы водообеспечения.

— Кстати, насчёт вейнилок... — задумчиво подхватила Нина. Залерт опустил на неё рассеянный взгляд. — Я так и не смогла связаться ни с одной из сестёр.

— Скорее всего, Агния всё ещё в инсектарии — её допрашивали после митинга. Думаю, отпустят со дня на день, если не уже. Можешь не волноваться, — затем мрачнее: — А Аврору я сам ищу... и не только я.

В нервном порыве Залерт открыл форточку и закурил. Нина непроизвольно дёрнулась от дыма.

— Тогда что с этим делать? — кивнув на рукопись, спросила она.

— Жить, — на автомате выпалил собеседник, а после, оглянувшись, исправился: — А, ты об этом... Можешь выбросить: это просто макулатура. Которую, впрочем, лучше держать подальше от фанатичных глаз. Прости, я не могу это забрать. Сдай лучше Красмор.

— Я пыталась. Они не приняли.

— Это ещё почему?

— Из-за крови, — неохотно пояснила Нина. — Меня... ударили, во время траура по Лиейной, и кровь попала в пакет.

— Вот так случайность. — Залерт кисло ухмыльнулся и выдохнул дым. Нина почувствовала, как запах табака въедается в её волосы. — На твоём месте я бы сейчас уехал из города — переждал бы где, пока всё не успокоится. Если служба тебя миновала, то не стоит привыкать к такой... жизни.

— Я не уеду, — встав, возразила девушка, — пока собственными глазами не увижу, что с Агнией всё в порядке.

Странник равнодушно пожал плечами.

— Дело твоё.

Простившись с Залертом, Нина покинула дом на набережной. Не успела девушка снова испугаться загаженного подъезда, как оказалась снаружи. Несмотря на уверения красморовца, что подлинник не представляет опасности, уничтожить «Кате-Эр» или избавиться от него посыльная не решилась.

...ибо всякое ученье написано кровью: как из крови умерших производят чернила, так и кровью живущих закрепляют печати, поскольку кровь — единственная валюта, которую принимают мёртвые и охотно платят живые. Ею осуществляются сделки на обеих сторонах, и старая воскресает при добавлении новой,
— автор неизвестен, «Ворто пи Ланг».

Эпизод первый

Балтийская Республика: Родополис

Оутилканис 9-1-9

2-14/995

Воздействие распространялось неконтролируемо и неуловимо. Загрязнённые элегией районы появлялись по всему континенту: пока одни подвергались очистке огнём, другие — закрывались наглухо. Почти незаметно исчезали с карт населённые пункты, и всё чаще измученный народ предлагал повторить для распространяющего субстрат Синекама исход Киноварийска. Однако Красмор выступал против сброса урановой бомбы.

Тем же временем среди приближенных к верхушке балтийского правительства заговорили о повторном запуске ВААРП-генератора с последующим его переводом на перманентный режим работы. Для этого в десятке километров от погостной границы запланировали строительство новой атомной электростанции, способной обеспечить бесперебойное питание сот.

— И ты в это веришь? — хлопнув дверцей «Макады», недоумённо спросила Анастаси и фыркнула. — Это как-то несерьёзно. Атомная станция — ещё ладно, но что-то я сомневаюсь, что соты и, тем более, ВААРП-генератор могли уцелеть. Хватит верить всякой желтухе.

— Ну, я не могу сказать, что прямо уж в это верю, — Элиот невозмутимо пожал плечами. Вместе близнецы выгружали из фургона пакеты из продуктового, — но... Увидим.

Балтийская Республика столкнулась с очередным кризисом; едва в стране наладили собственное постреволюционное производство, как в связи с открывшимся очагом Воздействием практически пришла в упадок вся сельская промышленность. До голода было ещё далеко, но проблемы с продовольствием чувствовались при одном только взгляде на витрину продуктового магазина. Сократился выбор, выросли цены — подобные тенденции наметились даже в крупных городах, в то время как в малых корзина стала зависеть от талонов.

С пакетами близнецы направились к дому, в котором Элиот получил квартиру взамен той, что осталась в Линейной. Предоставляемое государством жильё находилось в пёстрых панельных пятиэтажках. Домами этой серии ещё в 70-е годы застроили весь пригород, от которого до центра Родополиса на машине около получаса.

В нескольких метрах от подъезда наблюдалось столпотворение. Перед пустым парковочным местом стояли с десятков жильцов 9-го дома. Проходя мимо, близнецы услышали обрывки разговора:

— Да, представь себе! — воскликнула полная женщина сорока лет в выстиранной куртке. — Кто-то угнал машину. И, главное, даже сигналка не сработала.

— Что ж, — вполголоса прокомментировала услышанное Анастаси, думая о чём-то своём, — похоже, норма меняется.

— Типа того, — также тихо согласился брат, — в провинции оно как-то... потише было. У нас некоторые не то, что машины могли спокойно оставить открытыми, но даже

квартиры. Правда, когда я купил новый комп, стало как-то стрёмно.

Нельзя сказать, что жизнь в столице складывалась удачно: Анастаси только перевелась в местное подразделение Чёрных Зорь, открывшееся полтора года назад, а Элиот по состоянию здоровья найти работу попросту не мог — необходимый для официального трудоустройства медосмотр раскрыл бы годы махинаций со справками. В таком случае, попадание в реестр «дефектных» — меньшее, что могло бы произойти.

— Ты уже созванивался с тем врачом? — назидательно спросила Анастаси, когда они с братом подошли к входной двери квартиры. От неожиданности Элиот едва не выронил ключи. — Которого тебя посоветовали в «Адеоле».

Парень раздражённо закатил глаза. Выждал пару секунд, прежде чем ответить. Затем, успокоившись, рассказал:

— Ну, я работаю над этим, — и, немного подумав, добавил: — Там запись забита на месяц вперёд, поэтому... Я пока ищу альтернативу. Вчера я, в общем, был у одного экзитолога-федролога, и он, в общем, готов выписать таблы без реестра, но...

— Сколько?

— Три тысячи.

— Нехило, — присвистнув, прикинула сестра. — А что насчёт медосмотра?

— Десятка, — понуро ответил Элиот. — В общем, это [жесть] как невыгодно, но и лекариев здесь проверяют на такое тщательней, чем... Ну, в общем, других вариантов я не нашёл.

За это время близнецы не стали ближе. Многие проблемы остались нерешёнными, а претензии — невысказанными. Однако каждый из них прилагал усилия, чтобы преодолеть возникший между друг другом барьер.

— Ничего, мы справимся, — подбодрила брата Анастаси и слабо улыбнулась. — Запись с машиной время от времени просматривают. В принципе, сейчас не лучшие времена, но, можете, покупатель всё-таки найдётся.

Жалованье балтийских вестниц было немногим выше, чем у карпейских, но и работы, в связи с открытием очага Воздействия, прибавилось. Так что, с учётом квартплаты, на базовые вещи хватало, однако близнецы понимали, что долго так продолжаться не может: скоро потребуются профилактика элегического манифеста. Продажа машины — той, что осталась в Карпейском Каэльтстве — единственный путь, который Анастаси рассматривала для скорого обогащения.

— Слушай, — робко начал Элиот, — мы же закрыли дверь, да-нет?

Когда он понял, что замок был открыт, то едва не выронил пакеты. Парень несмело опустил покупки и толкнул входную дверь. Та со скрипом отворилась. Близнецы изумлённо переглянулись. Включили протофонные фонарики и зашли в квартиру.

Внутри было подозрительно тихо. Несмотря на скромные размеры студии, потребовалось около минуты, чтобы просветить каждый угол. Однако, вопреки ожиданиям Лайнов, ничего не изменилось. Почти. На рабочем столе — единственном на всю жилплощадь — возник небольшой беспорядок. Все ящики были открыты, а под стулом валялись бумаги: документы, восстановленные свидетельства о рождении да сертификаты.

— Здесь кто-нибудь есть? — несмело подал голос Элиот.

Тишина.

Тогда он прошёл к столу и собрал разбросанные листы. Сестра тем временем включила основной свет. Обнаружилась пропажа:

— А где Фега? — озираясь, спросила Анастаси.

Элиот хмуро оглянулся.

— Она типа... исчезла? Может, на антресолях посмотреть?

Анастаси проверила кладовую рядом с кухней. Едва девушка открыла дверь, как прямо на неё повалились швабры. Увернувшись от них, вестница заглянула внутрь. Коморка также пустовала. После Анастаси заглянула под кровать и проверила «тайник». Оружие было на месте.

— Туда мы тем более не заглядывали... — квёло припомнила Анастаси и закрыла кладовую. — Не-е, это даже смысла никакого не имеет. Да и подумай сам: когда мы пришли, дверь была открыта.

Элиот, конечно, всё-таки заглянул на антресоли, но ничего, кроме разбросанных инструментов и старого рулона обоев, там не обнаружил. После близнецы занесли продукты и закрылись.

— Похоже... — Элиот, закашлявшись, осёкся. После продолжил севшим голосом: — Она... она убежала?

— А есть другие варианты? — Анастаси упёрла руки в бока и глянула в сторону. — Но даже не это меня напрягает.

— А что?

— Мы не ставили её на подзарядку. У нас в принципе нет зарядка для неё, — помрачнела вестница. — Хорошо, ладно. Даже если предположить, что у неё остались какие-то резервы, что она тогда искала?

Брат задумался. Предположил:

— Может, ключи от машины?

Сестра устало согласилась. Вне зависимости от причины исчезновения роботарии, каждый из близнецов этому по-своему обрадовался:

— Знаешь, мне всё равно от неё становилось не по себе. Её как ни поставишь, она вечно смотрит на тебя.

— Согласен.

Внезапно всё здание завибрировало от ударов извне. С крыши сползал домовой — четырёхрукий роботарий-прототип. Верхние и нижние его конечности были подобны спицам. Они вонзались в специальные выемки, расположенного сбоку жилого дома. Только средняя пара рук походила на человеческие; в одной руке у домового горела электрическая лампа, в другой — электронный планшет со списком всех жильцов. Движение домового сопровождалось гнетущим скрежетом. Глаза машины горели. Всякий раз, когда она обращала свой взор на окна, свет становился ярче.

— Что это он делает? — засопела Анастаси и зашторила единственное в квартире окно. — Уже поздновато для обходов.

— Наверное, угонщика ищет. — Элиот пожал плечами. — Тебя не было дома, но тут типа это норма. У нас здесь всегда кого-то ищут.

— Звучит жутковато...

— Есть такое, — поморщившись. — Ненавижу оставаться один. Особенно здесь.

— Можем вместе поехать на следующее Нисхождение, — предложила вестница, и парень неуверенно согласился.

Устроившись на кровати, Анастаси достала из-под ворота пижамы подобранный в

Линейной крест и задумчиво посмотрела на него. Любовно коснулась оплетающих металл змей и камня, мерцающего в полутьме.

— Может, лучше избавиться от этой штуки? — как бы невзначай предложил Элиот. Анастаси подняла на него недоумённый взгляд. — Типа мы не знаем, что это на самом деле... Как бы, ну, стрёмно это.

— Ты же сам сказал, — напомнила сестра, — что это ключ. Эголетсо. Сомневаюсь, что он несёт в себе ценности больше... чем какой-то трофей. Будь это иначе, думаю, за ним бы пришли.

— Никогда не понимал этой страсти красморовцев ко всяким безделушкам, — пробурчал ответом близнец. — Головы, конечности, языки... А ещё потом на игры ставят возрастные ограничения.

Анастаси терпеливо выждала, пока заснёт Элиот. Вслушавшись в его хриплое дыхание, она чётко осознала, что более финансовый вопрос откладывать нельзя.

Перед тем, как сомкнуть глаза, девушка проверила всё, что можно — новостные порталы, социальные сети, — в надежде увидеть хоть какую-нибудь информацию о Линейной. Выловить хоть что-то, что прорвалось сквозь стену негласности. В какой-то момент это больше начало походить на ритуал, необходимый для завершения дня. В конце вестница открыла «Ментаксион» и привычно зашла на страницу Корвина Рейста. Перечитала историю сообщений: именно с неактивным аккаунтом в последнее время Анастаси делилась своими переживаниями:

Anastasi Laine [1.4, в 23:11]: Я надеюсь, что панацея сгинула с этим могильником. Элиот тоже.

Anastasi Laine [1.27, в 23:11]: После моего перевода в Родополис мой гард, Чет, игнорирует меня. По правилам он должен был перебраться в город, к которому я прикреплена как вестница, но его все еще нет. Неужели он решил меня кинуть? Он же сам говорил мне перевестись.

Anastasi Laine [2.2, в 23:11]: В аптеках начались какие-то проблемы с поставками апейрона. У нас есть запас, небольшой, но я не знаю, что делать потом. Я попросила Чета и мою подругу, Аври, собрать мне небольшую посылку. Аври отозвалась... Как же я устала.

Украдкой проглядев прошлые сообщения, Анастаси отправила, как она понадеялась, последнее:

Anastasi Laine [2.15, в 23:11]: Неужели ВААРП того стоил?

Анастаси горько вздохнула.

Пользователя не будет в сети — сообщения останутся непрочитанными.

Едва девушка собралась закрыть диалоговое окно, как внезапно адресат прочитал все полученные письма.

Внутри всё вздрогнуло.

Перевернулось.

Ответа, впрочем, не последовало.

Анастаси вновь зашла на страницу Корвина, но увидела, что профиль был по-прежнему деактивирован. Испуганная, Лайне напомнила себе, что удалённые и удалившиеся пользователи читать переписку не могут — лишь получать сообщения... Тогда девушка отправила ещё одно:

Anastasi Laine [2.15, в 23:46]: Ты здесь?.

Сообщение прочиталось, но ответа снова не было.

Анастаси закусила губу.

На соседней кровати послышался глухой стон — спалось близнецу неважно. Немок его не щадил. Федра с элегическим манифестом попеременно одолевали молодое тело, то и дело ослабляя его. Элиот умел выглядеть здоровым, но Анастаси знала, что это стоило ему невероятных усилий: он пил множество таблеток, регулярно подкрашивал стремительно седеющие волосы... даже начал пользоваться какими-то кремами. Однако от сестры не укрылись ни нездоровая потеря веса, ни элегическая пигментация кожи: трупными пятнами то на шее, то на руках проступала угольная шершавая корка. Вестница с ужасом ожидала проявлений Федры, но Элиот, будто предвещающая скоро проявление болезни, всячески маскировал её медовых запах.

Мельком глянув в сторону брата, девушка нырнула под одеяло и попыталась заснуть.

Эпизод второй

Балтийская Республика: Родополис

Ридзене 18/2-1

2-15/995

При езде «Макада» всегда поскрипывала: это всё амортизаторы, как сказали в автомастерской. Меняй — не меняй, а ничего не изменилось бы. Анастаси уже успела сродниться с этими звуками, как и с блеклыми рекламными щитами по обочинам столичных дорог. Там, докуда не дотянулась рука красморовских пропагандистов, и отсутствовал интерес среди предпринимателей, информация представлялась старая, неактуальная.

За окном мелькнул дорожный указатель: «Выставочный комплекс „Паллац Дженере“». Небольшая табличка, спрятанная среди редющих сосен, и дорога, уводящая прочь от города. Среди колосьев пшеницы виднелись гигантские следы, оставленные ныне спящими металлическими титанами. Элиот глянул вдаль, выискивая в тени леса административное здание с ангаром. Части его были стеклянными, и при определённом угле обзора просматривались некоторые экспонаты.

— Ты не думала, — заговорил Элиот, когда «Макада» застряла в пробке, — что нам стоит избавиться от оружия?

В городах, население которых превышало миллион человек, на владение огнестрельного оружия была необходима лицензия. Иначе — штраф с последующим изъятием, а если наличествовала модификация УТ, то и арест.

— Мы же не светим им открыто, — не отвлекаясь от дороги, заметила Анастаси. — Так что расслабься. Ничего из-за этого не будет.

— А если обыск? — не унимался брат. — Я слышал, что вестниц время от времени проверяют.

— Да, проверяют. Гарды... Ах, слушай, если ты настолько переживаешь, то научись стрелять — получи разрешение, но ничего выбрасывать я не буду. Ты справился в парке, но что будет, если ты ненароком нарвёшься на кого-то более сообразительного и опасного, чем андеры? Сейчас, с учётом того, что творится в мире, умение стрелять может пригодиться в любой момент.

— Я надеялся, что смогу п-прожить свою жизнь без оружия. — Элиот в задумчивости отвёл взгляд. — Тебя не смущает, что мы типа всю жизнь живём в таких условиях?

— Да-а, в принципе... нет. Это ничего не меняет. — Анастаси невесело хмыкнула. — Не забывай, что до падения Линейной мы не сталкивались с теми ужасами, о которых рассказывают прожжённые красморовцы. Хорошо, если ты можешь жить по-старому, но я...

Не знаю, я теперь постоянно думаю о том, что ещё не раз придётся столкнуться с подобным.

Пробка тем временем рассосалась. «Макада», вырвав с шоссе, проехала мимо разбитого в хлам реанимобиля и пары задетых легковушек. Полосу с ними оградили не только лентами, но и чадящими фиалкой кадилыницами. Рядом стоял «Грач», на котором, помимо охотников, прибыл крематорский дозиметрист. Вместе со счётчиком последний внимательно осматривал и замерял участок происшествия — у пострадавшей кареты устройство затрещало.

На аварию близнецы не обратили внимания. Они нырнули вглубь спальных районов, что были расположены в северной части столицы. В отличие от южной, дома здесь ещё помнили руку российских архитекторов и представляли собой эпоху, когда при строительстве активно использовались мрамор и чёрное золото.

Двойка служебных была припаркована под окнами дома № 18/2 по улице Ридзене. Анастаси несколько раз по навигатору сверилась с присланным адресом.

— Ну, мы приехали, — сказала она брату. — Не хочешь посмотреть на Нисхождение?

— Я... Нет уж, спасибо. Хватит с меня немёртвых, — отказался тот и с прищуром посмотрел в сторону. — Это не Дайомисс?

У подъезда стоял охотник. Обычно узнать кого-либо за маской было невозможно, но по отсутствию выправки и планшету в руках легко считывался синекамский златоклюв.

— Похож, — подтвердила Анастаси. — Пойдём, поздороваемся.

Вместе близнецы выбрались из машины и подошли к красморовцу. Главную часть прошлой маски — золотистый наконечник — тот носил теперь со шнурком на шее.

— О, привет, Марк, — поздоровалась с тем Анастаси. — Что ты тут делаешь?

О том, что Дайомисс перебрался в столицу, близнецы узнали совершенно случайно — так же, как и сегодня, Анастаси пересеклась с ним на одном из выездов. Не в звании златоклюва, но рядового охотника он регулярно патрулировал центр города, потому встретить его здесь, почти на самой окраине, было неожиданно.

— Иногда я задаюсь тем же вопросом, — отвлечённо пробормотал агент. — По всем прогнозам я должен был остаться там... — затем до него будто дошло, что вопрос был не об этом. Мужчина поднял голову и осветил линзами близнецов. — А, это вы. Нам некротцы не нужны.

— Так я и не за этим — я по ритуальному вопросу... — Анастаси удивилась. Элиот, памятуя о своём вынужденном сотрудничестве с синекамской Красмор, облегчённо выдохнул. — Чего это вдруг вы без посредника?

— Нечего читать, — закрыв чехлом экран планшета, ответил охотник, — глаз нет.

— То есть как это? — удивился уже Элиот. — Элегия?

— Не без неё, но то старая история. Именно сейчас дело не в ней — у усопшего глазные протезы от STAind, так что ждём не только коронера, но и программиста.

Пока Дайомисс всё это рассказывал, из подъезда вышли ещё двое охотников. Они о чём-то увлечённо разговаривали, однако со стороны их речь походила на бубнение. Тогда они, услышав беседу Дайомисса с близнецами, обратились к сослуживцу чётко и внятно:

— Марк, [дурак], [зачем] ты [говоришь] об этом с гражданскими? — негодовал первый, и второй подхватил:

— Тебе что, не объясняли, что такое тайна следствия?

Желая заступиться за старого знакомого, Анастаси протянула красморовцам раскрытую ксиву и сообщила:

— Всё в порядке: я вестница. Меня направили сюда за Нисхождением.

Агенты внимательно изучали документ, то и дело сверяя фотографию с девушкой напротив. После томительного ожидания охотники всё-таки разрешили вестнице зайти в подъезд, но при этом отправили Дайомисса с ней:

— Марк, раз ты так дружелюбный, — сказал ему один из коллег, — то проследи-ка за ней, — и тот равнодушно пошёл следом.

Элиот кивнул агенту на прощание и, вернувшись к фургону, закурил. Тем временем Анастаси поднялась по лестнице. В подъезде оказалось душно. С верхних этажей тянуло химикатами. Вдруг загрохотало. Когда завибрировал протофон, вестница от неожиданности вздрогнула. Заметивший это Дайомисс, продолжая водить пальцем по экрану планшета, флегматично прокомментировал:

— Расслабься. Это я тебе картинку скинул. Смешную. Тебе понравится. Возможно.

В диалоговом окне девушка увидела мультяшный поезд, похожий на «Осколу». На нём было нарисовано улыбающееся лицо, которое говорит: «Чух-чух, ублюдки».

— Это гадко, — скуксилась вестница, — как вообще можно о таком шутить?

— Некоторые считают, что смех — лучшая защита. — Дайомисс качнул головой. — Впрочем, создателю картинки не повезёт, если до него решит докопаться какой-нибудь хранитель.

Квартира, двухкомнатная, была обставлена бедно. Выцветшие обои, хранившие очертания уже отсутствовавшей мебели; скрипящие от сквозняка половицы... Анастаси зашла вслед за Дайомиссом и тоскливо оглянулась. Из дальней комнаты слышались приглушённый плач и увещания незнакомого женского голоса о том, что всё будет хорошо. Губы вестницы дрогнули улыбкой: нервной и неприятной.

— А, вестница? — уточнила вышедшая навстречу охотница. Кончик её клюва золотился. — Рада вас видеть, вы вовремя — мы уже зафиксировали первые проявления андера.

Анастаси кивнула, и её проводили на маленькую кухню. Там девушка увидела одиночество: в открытых шкафах стояли пара тарелок, столько же — мисок и чашек. Так же в двух экземплярах были и ложки, и вилки. Выглядело всё невероятно старым. Выпустили это, судя по всему, во времена Российской Империи. Когда Анастаси увидела весь этот набор, то решила во что бы то ни стало добрать посуды домой. Возможно, ещё каких мелочей. Чтобы новое жильё задышало присутствием человека.

— Они жили вдвоём, — вполголоса объяснила вестнице златоклювая. — Мать и дочь.

Лайне рассеяно кивнула. В тот момент она невольно подумала о том, как они с братом живут.

Пытаясь отогнать от себя тревожные мысли, Анастаси начала подготовку к Нисхождению. Делала она всё практически на автомате. Первый этап заключался в освящении пространства литерами — смоченными водой пальцами на каждой стене выводились комбинации символов, призванных ограничить ареал проявления немертвого. Месяцем ранее именно это Анастаси и пыталась сделать в квартире на Гейнсборо, но не успела.

Когда метки появились по всему периметру квартиры, Анастаси перешла ко второму этапу — приготовлению кадила. Заложилась связку фиалкового фимиама, запалила уголь. Как только взвился первый дым, вестница взяла сосуд и, окуривая, обошла все жилые помещения, попутно заглядывая в нежилые.

Нисхождение прошло точно по плану. Уже через полчаса квартира была окурена настолько, что там ни немертвые не появятся, ни живые не усидят. Пока крематоры обрабатывали жилплощадь от прочих биологических привязок, Анастаси и Дайомисс выбрались на лестничную площадку.

— Марк, — обратилась вестница к нему, — могу я тебя кое о чём попросить?

— Попробуй.

— Слушай, тут такое дело... Не мог бы ты подучить Эли стрелять? — она перешла на полушёпот. — У нас есть оружие, но нужно получить разрешение, ты понимаешь... Если что, я заплачу!

— Деньги, Зи? — скучающе переспросил Дайомисс и закрыл планшет. — Они не имеют такой ценности как, например, время... Да, время. Сама понимаешь, график у меня ненормированный, и сил к концу смены не...

— Ящик энергетиков?

— Вздумала торговаться? — удивился охотник, а после, почесав кончик клюва, задумчиво произнёс: — Хм, ягодный «Бустидюп» был бы в самый раз... Думаю, я бы смог выделить на Элиота пару вечеров. Это, конечно, если его навыки обращения с оружием не ограничиваются компьютерными играми.

— Нет-нет! — Анастаси поспешила уверить Дайомисса в обратном. — Он... Что-то у него получается, в общем. Когда мы выбирались из Линеиной, то попали в одну передрагу, в «Городе Будущего» — там нам даже пришлось немного повоевать с андерами.

— И от Элиота был толк?

— Да-а... Насколько я помню, то да. В общем, просто попробуй.

— Хорошо, Зи, по рукам. Результата не гарантирую, но попробую.

— Договорились! — Анастаси, радостно улыбнувшись, кивнула. — Тогда ожидай на днях посылного.

Эпизод третий

Балтийская Республика: Родополис

Оутилканис 9-1-9

2-16/995

— Зачем нам ещё посуда? — недоумевал Элиот. — В смысле, мы же только вдвоём живём. Проще сразу помыть...

— А если гости? — перебила его сестра и всплеснула руками. — С Ковны же ты не поленился всё забрать.

— Э... Ну да. Я ничего не покупал, но... Тесно у нас тут... Да и кого ты в гости ждёшь? С вестницами своими ты вроде не особо общаешься... Дайомисса что ли?

— Хоть его, — отмахнулась Анастаси.

Поделиться истинными причинами своего беспокойства она так и не решилась. Вместо этого девушка разблокировала в протофон и зашла в «Ментаксион». Обомлела, когда обнаружила на своей странице следы невиданной активности. Ни одна запись, ни одна фотография не остались без внимания. Вместо слов в комментариях использовались плюсы.

И все они были от Корвина Рейста. Анастаси ещё раз проверила его страницу. Профиль был по-прежнему «мёртв».

Мертвецы не ставят симпатии, твердила себе вестница, и уж, тем более, не оставляют комментарии.

Она стыдливо закрыла лицо ладонями, когда вывела на экран вкладку с диалогом.

— Может, это какой-то взлом? — вслух спросила себя Анастаси и, придя в чувства, набрала сообщение:

Anastasi Laine [2.16, в 9:32]: Корвин, пожалуйста, ответь. Это я, Нази из Линеиной. Как ты? Ты всё-таки выбрался из города?

— А ещё мне говорили, — хмуро заметил Элиот и поставил на стол чашки с кофе, — что я постоянно в протофоне торчу.

— Тсс! — цыкнула близняшка. Едва парень захотел возмутиться, как она продолжила: — Помнишь Корвина? Того посредника...

— Твоего не-парня? — Насупившись, вестница нерешительно кивнула. — Ну и что с ним?

— Смотри, я нашла его страницу в «Менте», — повернув экран к брату, рассказала Анастаси. Пока тот рассматривал страницу, она говорила дальше: — Он меня вчера откомментировал и... Что, если он выбрался?

— Да я вижу, — неуверенно подтвердил Элиот. — Но... почему плюсами-то? Он что, с калькулятора сидит?

— Поверить не могу... — пропустив слова брата мимо ушей, вымолвила Анастаси. — Я думала, мы были последними...

— Может, его спасли? — неуверенно предположил близнец. — Ландовские клювы вроде не выступали за массовые зачистки...

Тем временем в ответ собеседник переслал последнее сообщение.

[пересланное 2.16, в 9:35] Anastasi Laine [2.15, в 23:46]: Ты здесь?

[пересланное 2.16, в 9:35] Anastasi Laine [2.15, в 23:46]: Ты здесь?

[пересланное 2.16, в 9:36] Anastasi Laine [2.15, в 23:46]: Ты здесь?

Анастаси стало не по себе, когда сообщения посыпались одно за другим. Когда число пересылок достигло десяти, она испуганно свернула диалоговое окно. Когда уведомлений стало больше тридцати, заблокировала пользователя. Не в силах оправиться от шока, девушка повернулась к брату. Стоило ей открыть рот, как на экране протофона высветился входящий звонок от Четырнадцатого. Для Лайне это было настолько неожиданно, что поначалу она даже растерялась.

Всего этого Элиот так и не заметил — он подготавливал к утреннему приёму лекарства. К мотуссупрессорам прибавился строго расчерченный по миллиграммам баллончик апейрона.

— Привет, — взволнованно ответила на вызов гарда Анастаси.

Элиот невольно обернулся на её голос и напряжённо прислушался.

— Привет, — тем временем весело ответил Четырнадцатый. Речь его звучала заготовленной. — Давно не слышались. Ля, тут такое дело... У меня тут для тебя хорошие новости! Я, кажись, нашёл покупателя для твоей тачки. Только есть одна проблемка... У нас почта [сломалась], так что, если хочешь поскорее избавиться от малышки, дуй сюда. Это один мой знакомый, и скажу наверняка — долго он ждать не будет.

— Что за знакомый?

— Да ты всё равно его не знаешь! В общем, приезжай, заодно утрясём кое-какие формальности с твоим переводом.

Затем они поговорили ещё немного. По делу — больше ни слова.

— Наконец-то! — после воскликнула Анастаси. Брат, завершив ингаляцию, выжидающе на неё посмотрел. — Похоже, я нашла покупателя. Только...

— Что?

— Сейчас не получится осуществить сделку дистанционно — мол, в Карпее какие-то перебои с почтой... Ха, оно и неудивительно... Поэтому, похоже, нужно моё личное присутствие. Что ж...

— Тебе правда обязательно ехать? — с умирающей надеждой спросил близнец. — Может, ну, продажу можно осуществить без твоего участия? Типа физического, всё такое...

— Эли, послушай, — успокаивающе затараторила сестра и, подойдя, опустила ему руки на плечи, — у нас всё равно нет другого пути. Конечно, я могу попросить кого из своих пригнать «Виксу» сюда, но... Времени ждать у нас не так много. Не волнуйся, в этот раз я вернусь. Обязательно.

От такого напора Элиот растерялся. Он недоверчиво смотрел сестра в глаза. Потом нервно усмехнулся:

— Лучше бы ты этого не говорила. — Анастаси недоумённо вскинула бровь. — «Роковая реплика».

— Да ну тебя! — Близняшка впервые за долгое время рассмеялась. Когда Элиот увидел её такой, он почувствовал укол совести — должно быть, за недоверие, с которым по-прежнему он к ней относился. — Всё будет нормально, не переживай. Даю тебе слово: я вернусь... дней через пять.

— Я... — Элиот нахмурился. — Это много или мало? Ты всё успеешь?

— Да, в принципе, должна, — подсчитала Анастаси. — Вот только я тут подумала... Раз уж так сложилось... Посетить ежегодный бал-маскарад. — Отступив от брата, девушка начала предаваться воспоминаниям. — Ой, а я тебе рассказывала, как мы туда сходили в прошлом году? Ты только представь себе: Чет пытался подкатить к каэльтине! А Аврора [украдала] маску у Бакхуса — тамошнего златоклюва... Кстати, я тебе рассказывала об Авроре? У неё имя в «Менте» написано как у тебя...

— Уже несколько раз. — Парень закатил глаза.

— В принципе, если хочешь... — утрамбовывая вещи в сумку, взволнованно начала Анастаси. Элиот слушал с недоверием. — Мы можем вместе поехать. Я знаю станцию, откуда можно без проверок пересечь границу.

На мгновение в глазах брата мелькнула нерешительная радость, которая, затухнув, сменилась беспокойством:

— Ну... Да, было бы классно, но... Не знаю, стрёмно это как-то. Я, ну, типа я никогда не был в других странах... — он отказался. Увидев, что Анастаси погрузилась, спешно выдвинул встречное предложение: — Давай, может, в другой раз?

— Конечно, — неуверенно согласилась Анастаси и приступила к сборам. — Если хочешь, можем списываться время от времени. Ну, чтобы тебе не было одиноко.

С собой она оружие не взяла.

Эпизод четвёртый

Карпейское Каэльтство: Градемин (Новоград)

Доннагартен-стази

2-17/995

О том, что в Карпейском Каэльтстве произошло нечто страшное, Анастаси узнала за несколько минут до прибытия. Перед каждым выходом появилось по бортпроводнику, а все проходы между вагонами закрыли на ключ. Начали обыскивать всех пассажиров: первым делом проверяли наличие профессиональной записывающей техники — всё это изымалась.

Неприкосновенными оставались лишь протофоны с портативными компьютерами да разного толка планшеты. Со всеми возмущениями пассажиров направляли к администрации вокзала.

Позже Анастаси поняла, что послужило причиной такой избирательности: созданные на данных устройствах фото- и видеоматериалы не могут обладать юридической силой из-за встроженных в приборы редакторов.

— Не вовремя ты, конечно, вернулась, — примерно с такими словами встретил Четырнадцатый на вокзале свою покровительницу.

Несмотря на осуждающий тон, выглядел гард довольным. Прошло не так много с их последней встречи, но Анастаси заметила странные изменения в нём. Как минимум, лицо его теперь закрывал респиратор. Как максимум, кожа, некогда загорелая и лучающаяся свежестью, стала сухой и нездоровой.

— Я надеялась, — улыбнулась Лайне, — что ты по мне соскучишься.

Едва вестница сошла на платформу, как к ней подбежала пара охотников и под угрозой штрафа призвали надеть маску. Просьбе Анастаси не противилась: Линейная научила носить в сумке пару «лепестков» на случай коллапсов.

— Ля, я слышал, что произошло у вас там, — смущённо произнёс гард, — мне очень жаль. Это [ужасно].

На отбытие выстраивались огромные очереди. Целыми семьями люди спешили покинуть столицу; зал ожидания был забит практически полностью.

Все вещи новоприбывших проходили тщательную депылизацию: помимо температурного воздействия багаж окуривали дымом фиалки, а все деньги вымачивали в уксусе. Дежурные сёстры сострадания вместе с братьями стояли у каждого выхода и проверяли пассажиров на признаки эгегического манифеста. Едва у них зарождалось даже незначительное подозрение на недуг, как осмотр переводили в кабинет станционного лекаря. Анастаси удалось покинуть зону досмотра без особых проблем — следов поражения на её теле не обнаружили, а концентрация субстрата в крови почти не превышала норму.

Наконец Лайне и Четырнадцатый вышли наружу. Сначала вестница обратила внимание на красное небо, затянутое тяжёлыми чёрными тучами. Дунари, что прежде бережно скрывали постройки у набережной, высокими волнами то и дело поднималась до мерцающего вдали Моста Вечности.

— Чет, а что происходит?

— Да у нас тут пророчество исполняется, — вяло отмахнулся тот, — так, самую малость.

— Колокол... Он звонил?

— А я [знаю]? С учётом происходящего отзвонить он уже должен был, как минимум, дважды. Народ с этими пророчествами окончательно [обезумел]: митинги всякие, влажные фантазии о наследнике, который придёт и всё разрулит... Ля, даже не верится, что высер столетней давности на такое способен.

Анастаси промолчала. Даже от неё не укрылся дух пугающих перемен.

Глава пятая. Снедаемые

Нисхождение Раге, Матери Войны не спасло человечество от растущей день ото дня жестокости: исчезновение Матери Войны не предотвратило русско-карпейскую войну в

начале X века и не остановило войну с демиургами. Демиологи связывают это с тем, что останки Раге не были очищены подобающим образом в целях наблюдения за естественным разложением демиургической плоти. Последнее заняло около полугода,

— К. де Бора, «Деметаллургия: от теории к практике».

Эпизод первый

Карпейское Каэльтство: Градемин (Новоград)

Чековский проезд 12-12

2-17/995

Anastasi Laine [2.17, в 19:26]: Добралась. Завтра, по идее, встречаемся с покупателем. Ты там как?

О том, что она увидела, Анастаси решила промолчать. Провоцировать тревоги и стресс, мысленно оправдывала себя она, при диагностированной Федре — отвратительная затея. Ей было некомфортно от возводимой стены лжи, но иного пути она просто не видела: как бы то ни было, нынешняя негласность играла только на руку. Пока она жива, верила Лайне, всё будет хорошо.

N Ø Я Ғ Н [2.17, в 19:29]: Норм. Держи в курсе что там как

С отъезда Анастаси из Градемина прошло не так много времени, но в квартире что-то неуловимо изменилось. Видимых признаков беспорядка не было, но вестнице показалось, будто всё это время сюда никто не приходил. Толстым слоем повсюду лежала грязь. Даже стоящий в углу веник окутала пыль.

Анастаси тоскливым взглядом окинула прихожую, кухню. Свою спальню обнаружила изменений: кровать была всё так же разобрана — даже вещи, разбросанные во время прошлых сборов, по-прежнему валялись на полу. Нахмурившись, вестница обернулась на своего гарда.

— Ты выглядишь слишком напряжённой, — весело заметил он. — Не хочешь немного развеяться?

— Предлагаешь сходить в бар?

— Ля... С этим есть кое-какие проблемки... — Почесав затылок, Четырнадцатый виновато улыбнулся. — В общем, где-то месяц назад я сходил на свидание с одной, как оказалось, подругой Авроры... и она меня теперь стремится.

— Свидание, значит? — Анастаси, усмехнувшись, скрестила руки на груди. — Ну и что ты такое сделал?

— Расслабься, между нами ничего не было. Я просто устроил девчонке экскурсию до «Кемистри». Никто даже не пострадал! Просто девка оказалась на редкость впечатлительной, так что... Не хочу, чтобы мне опять [сношали] мозг.

Некоторых вещей в квартире не доставало. Так, например, исчезли музыкальные колонки и игровая приставка с телевизором. Догадка — достаточно неприятная — вмиг трансформировалась в вопрос:

— Ты съехал?

— А-а... Да. Знаешь, одному жить скучновато, так что... Нет, в смысле, ты можешь оставаться здесь сколько потребуется: договор и дальше пусть будет заключён на меня. Оплаты там ещё на полгода.

Внезапно с улицы донёсся «Гекатов триумф» — окончание третьего действия «Громового края» Гоха. С этой трагической и при этом помпезной композицией современные карпейцы ассоциировали Нисхождение Вендиги Ганноморт.

— Неужели, — Лайне невольно отвлеклась на знакомые звуки, — уже репетируют?

Бал-маскарад проводился ежегодно 20-го февраля в стенах ВАД. Согласно официальным постановлениям, мероприятие являлось светским городским праздником, созданным для горожан и туристов. Однако исторически торжество было приурочено ко дню рождению каэльтины Вендиги, появившейся на свет ровно в полночь. Благодаря тому, что проходил бал днём раньше проставленной в свидетельствах даты, традиция жила по сей день.

— Как слышишь. Что, думаешь пойти?

— Разумеется... У меня обратный билет через пять дней, так что...

— Позволишь тебя сопроводить? — Четырнадцатый, выставив локоть, поиграл бровями. Позабыв о тревогах, Анастаси звонко засмеялась и взяла его под руку.

Эпизод второй

Карпейское Каэльтство: Градемин (Новоград)

Чековский проезд

2-18/995

С самого утра транслировалась светская служба, которую ежедневно проводил координатор Градемина — господин Ланц. Репродукторы и информационные табло в режиме реального времени передавали речь немолодого мужчины о необходимости отринуть суеверия и изгнать из своей жизни демиургов. Горожане практически не слушали его, и большая часть наставлений терялась за гулом общественного транспорта.

Утром, как и планировалось, Анастаси и Четырнадцатый отправились к городским окраинам. Там, среди спальный районов, граничащих с промзонами, находились дешёвые автостоянки — цены в центральном Новограде уж больно кусались. Так, на улице Виралиса, в крытом гараже стояла машина Лайне, «Карента Викса» — спортивный автомобиль среднего класса. Классический тудор серии: вытянутый, немного угловатый, с разновеликими колёсами.

— Симпатичная машинка, — отметил мужчина сорока лет, господин Велк. Покупатель. — Но почему красная? Я слышал, вестницам положено избегать ярких цветов.

— Так некоторые верят, — хохмил в ответ Четырнадцатый, — что цвет напрямую влияет на скорость.

— Скорость? Впервые о таком слышу!..

За разговором Анастаси следила без энтузиазма: кивала там, где требовалось, но в основном молчала. Всё это время она сидела рядом с выходом и теребила шариковую ручку, которой предстояло поставить подпись на документах. Уже в гаражах Лайне понимает, что расставаться с машиной не очень-то и хочет — как бы то ни было, но сравнивать «Виксу» с той же «Макадой» глупо. Однако...

— А какова причина продажи? — между делом поинтересовался господин Велк. — Она же почти новая.

Вернувшись к реальности, Анастаси ответила:

— Семейные обстоятельства.

Покупатель понимающе кивнул.

— Конечно... Простите меня за моё любопытство, но поймите и меня: нынче достаточно редко требуют оформлять всё лично. Я привык работать с документами удалённо.

Девушка вздрогнула. Недоумённо посмотрела на Четырнадцатого — как бы то ни было,

но именно он сказал, что иначе сделку совершить нельзя.

В остальном всё прошло, как надо.

№ Я Ғ Н [2.18, в 13:24]: Получил. Спасибо. К врачу записался завтра прием

Часть выручки Анастаси перевела электронным платежом брату — на личном счёте осталось немного. Скопившуюся сумму сложно было назвать весомой — около тридцати тысяч костов. Коррективы вносили региональные цены: для Карпейского Каэльтства и, в частности, столицы нулей маловато, но для Балтийской Республики — в самый раз. С иными рынками Лайне попросту ознакомиться не успела, но слышала, что в Альвионском Королевстве цены даже выше, а в Российской Империи они зависят непосредственно от конкретной губернии и её расположения.

— Да не расстраивайся ты так, — уже во время прогулки по центру подбадривал покровительницу Четырнадцатый. Его улыбка чувствовалась даже сквозь надетый респиратор. — Это всего лишь тачка. Подумаешь! Сама же говорила, что деньги нужнее.

— Так есть, — квёло подтвердила Лайне. После наконец затронула не менее волнующий вопрос: — Насчёт моего перевода... Ты обещал, что мы поговорим об этом, когда я приеду. Вот, я здесь.

— Это ты хорошо заметила, — коснувшись затылка, смутился Четырнадцатый. — Пожалуй, это и впрямь надо обсудить, а то оно... Как-то некрасиво вышло. Я просто не мог сказать... Ля, ну ты поняла.

— Ты хочешь остановить наш контракт, — поникнув, догадалась Анастаси. — Разве это возможно?

Отчасти.

В массе своей гарды числились собственностью Чёрных Зорь — за исключением тех случаев, когда охранительные услуги предоставляли наёмники. О происхождении Четырнадцатого вестница и впрямь знала немного, потому то, что она услышала, ни капли её не удивило:

— Я никогда не был преступником, — напомнил Четырнадцатый и виновато отвёл взгляд, — так что, формально, он уже расторгнут. Помнишь, ты говорила, что Верховная вызывала меня? Я до неё дошёл... Через месяц, правда, но всё-таки дошёл. Она сочла наши с тобой отношения слишком... близкими. Такими, какие не должны быть у покровительницы с гардом. Вайс аннулировала мой контракт, запретила всякую деятельность в отношении сестёр, и я записался к странникам Красмор. Пока только на обучение, но... Оно скоро начнётся, и через пару дней я уеду. Я хотел попрощаться.

— Тогда зачем ты говорил мне перевестись? — взволнованно поправляя респиратор, спросила Лайне.

— Чтобы у тебя было будущее. Чтобы ты была в безопасности.

— Да Верховной вообще было..!

— Дело не в ней, — перебил девушку спутник и взял её за плечи. — Пойми, я не мог предупредить тебя о том, что здесь происходит. Наверняка ты и без меня прекрасно понимаешь, что Градемин падёт так же, как и Линейная. Там, в Родополисе, ты можешь достигнуть большего, чем здесь. Просто... Просто сделай то, что умеешь лучше всего: сбеги — от меня, от проблем... От чего хочешь.

Четырнадцатый не владел Словом, но именно словами он ранил Анастаси в самое сердце.

— Получается... Зачем ты тогда меня обманул? Насчёт почты и... Я думала, мы друзья.

— Ля, что ты такое несёшь? Разумеется, мы всё ещё друзья, — горячо уверял её Четырнадцатый. — Просто я понимал, что ради меня ты не приедешь в Градемин. У тебя там теперь сестра, вот это вот всё...

— У меня брат.

— Брат? А! — Четырнадцатый хлопнул себя по лбу. — Ля, я вас с Авророй перепутал... Впрочем, насрать. Послушай, Нази, ты мне очень дорога, и мне жаль, что так вышло... Не обижайся, ладно? Я просто хотел тебя увидеть.

Когда, казалось, он хотел обнять её, она отпрянула и помчалась вдоль Чековского проезда.

— Куда ты? — послышалось вслед.

Когда сбоку промелькнули сады ВАД и её ворота, Лайне заметила, что вместо ярмарки на площади разбили пункты вакцинации. Золотистыми растворами переливались шприцы, и люди согласно подставляли под иглы свои руки. Анастаси замерла как вкопанная. Бледнея, она попятилась, но оступилась. Посмотрела под ноги. Увидела у носков сапог агитационную листовку.

Сердце сходило с ума.

— Ля, ты решила стать новым столбом? — Четырнадцатый попытался пошутить и, нагнав девушку, рукой провёл перед её глазами. — Эй, что с тобой? Сколько пальцев видишь?

— Не трогай меня, — буркнула Анастаси и нервно дёрнула плечом. — Видеть тебя не хочу.

Обойдя Четырнадцатого, она подошла к ближайшей карете.

— Откуда у вас эта вакцина? — со стороны от очереди вклинилась вестница. Ставящая уколы сестра сострадания упорно игнорировала её. Когда женщина отпустила одного вакцинируемого и была готова взяться за другого, Лайне упрямо повторила: — Откуда она?

— Девушка! — воскликнул вышедший из кареты водитель. — Что вы себе позволяете? Хотите что-то спросить — встаньте в очередь! Имейте совесть — не мешайте!

Охотники неподалёку заинтересованно следили за вестницей. Они почти синхронно берутся за хлысты и ждут, когда ситуация потребует их вмешательства. Пятнадцатый препятствует этому: он хватается покровительницу за локоть и уводит прочь. Анастаси возмущённо вырывается и, обернувшись, с ненавистью смотрит на распахнутые кареты.

— Ля, что за антипрививочные настроения? — недоумевал Четырнадцатый. — Если не можешь уколиться сама, то не мешай хотя бы...

— Хватит, — возразила Анастаси и, гневно сжав кулаки, отвернулась. — Дело не в вакцине. Я не ставлю её эффективность под сомнение. Просто я знаю, что есть люди, в чьих руках «Панацея» — чистый яд, который ничем неотличим от вашего «Миротворца».

Разговор происходит при множестве свидетелей. Одних пугает напор вестницы, другие относятся к нему со скептицизмом или юмором. На доводы балтийки обращает внимание лишь один человек — фельдшер из соседней кареты. Только утром он получил партию «Миротворца» с восточного склада, хотя обычно подобного рода формулы там не содержатся. Это ещё тогда напрягло медика, но сейчас...

Брат сострадания самовольно прекратил приём пациентов и, объявив обеденный перерыв, спешно затворил створки кузова.

— Стой, — потребовал Четырнадцатый. — Нам нужно поговорить. Сейчас же.

В последний момент Лайне удержалась, чтобы не обернуться.

— Наговорились уже, — небрежно смахнув слезу, ответила она и напонила: — Через четыре дня я уезжаю. Пришли мне расторжение.

— Что? И это всё? Я был тебе нужен только в качестве гарда? — недоумевал Четырнадцатый, чуть ли ни прожигая взглядом спину Анастасии. — Ну и ладно. Прощай.

Утром вестница получила документ о расторжении её сотрудничества с Четырнадцатым. В качестве причины стоял прочерк, а подпись Верховной Жрицы датировалась минувшим днём. После получения письма балтийке предписывалось посетить один из признанных Санкториев в течение следующей недели — для назначения нового гарда.

Anastasi Laine [2.18, в 10:36]: Он отказался от меня

Глаза налились слезами. Раз капля. Другая. Экран протофона заплыл коркой соли.

N Ø Я Ъ Н [2.18, в 10:40]: Кто он. О чем ты

Anastasi Laine [2.18, в 10:41]: Мой гард. Ты же знаешь, что у каждой вестницы есть кто-то вроде телохранителя?

Девушке было непривычно делиться переживаниями с братом, но при одном только взгляде на соседнее диалоговое окно её бросило в дрожь. Корвина она по-прежнему держала заблокированным — проверить, изменилось ли поведение аккаунта, не решалась.

N Ø Я Ъ Н [2.18, в 10:43]: Ну да. А разве такое возможно

Anastasi Laine [2.18, в 10:45]: Оказалось, что да. Дома буду нового искать... Слушай, а ты не хочешь быть моим гардом, хаха?

N Ø Я Ъ Н [2.18, в 10:47]: Эй мы же родственники

Anastasi Laine [2.18, в 10:48]: Элиот! Это не то, о чем ты подумал. Почитал бы хотя бы в интернете сначала

N Ø Я Ъ Н [2.18, в 10:49]: Ну так я почитал. Там во первых нельзя если родственники во вторых если кто то состоит в дс

Anastasi Laine [2.18, в 10:49]: ДС?

N Ø Я Ъ Н [2.18, в 10:49]: Ну в детях стагета

Anastasi Laine [2.18, в 10:50]: Жаль...

N Ø Я Ъ Н [2.18, в 10:51]: Не грусти. Как приедешь чтонибудь придумаем

Нельзя сказать, что переписка сильно приободрила девушку, но впервые за приезд в Градемин она почувствовала себя лучше.

Эпизод третий

Карпейское Каэльтство: Градемин (Новоград)
перинатальный центр ГКБ им. К. Темпелкерса
2-18/995

Градемин накрыли элегические облака. Сначала об этом сообщили в прогнозе погоды, затем — информационной рассылкой КСЧС и по городским репродукторам. Качество воздуха неумолимо ухудшалось, и вопрос о распространении «Миротворца», как единственный вакцины супротив элегического манифеста, становился всё более животрепещущим. В городе неуклонно росло количество мобильных пунктов вакцинации.

Вилена с торжествующей улыбкой посмотрела на выстроившиеся перед скорыми каретами очереди. Лицо женщины было неразличимо за респиратором — его она надела прежде прихода элегии: мера, предписанная правительством к выполнению в ситуации, с которой никто из современников не сталкивался...

Полуторамиллионное население столицы сократилось до сотни тысяч — миграция

практически обесточила город. Однако это не останавливало пикетчиков, появляющихся то перед ВАД, то перед мурмурацией. На этот раз они отказались в своих лозунгах от нова эспере, и впервые за долгое время Карпейское Каэльтство заговорило на родном языке.

Вилена, особо не таясь, шла по главной улице. В красной зоне Градемина размещались три больницы: паллиативная, общая и роддом. Вычислить, где именно находились мощи Живамиж, оказалось легко — вопреки тому, что новостные репортажи, чьи сюжеты сняли в медучреждении, не афишировали местонахождение артефакта. Всё на свои места расставили перепись населения и отчётности из гинекологических отделений. Паллиатив сразу отпал.

Первой в списке значилась больница Темпелкерса. Перинатальный центр, как считали сторонники АВИСО, наилучшим образом подходил под функции и свойства искомым мощей. В ней, в отличие от городской больницы, с начала февраля приём пациентов в ней прекратился. На её территории круглосуточно горели костры, обеззараживающие город. Не смолкал в округе и колокольный звон — испуганные кровавым поветрием граждане возвращали к жизни заброшенные храмы, якобы способные отпугнуть ненастье.

Вилена рано пришла на место встречи — Файдалом прибыл с опозданием. От жрицы напрочь укрылось, когда тот появился, но вот он уже как ни в чём не бывало стоял рядом с ней.

— Почему ты опоздал? — рассердилась Вейнберг. — Ты вообще видел, который час?

— Не тебе одной принадлежит моё время, — сразу осадил её Файдалом и повернулся лицом к зданию. — Перинатальный центр? Серьёзно? Мы что, собираемся стать родителями?

— О да-а, — растягивая гласные, Вилена зловеще ухмыльнулась. — Можно и так сказать.

Замёрзшими пальцами она на мгновение прихватила свой кулон. После чуть ли ни подлетела к главному входу. Несколько раз дёрнула за дверную ручку. Не поддавалась. За просматриваемым за стёклами вестибюлем признаков жизни не обнаружилось. Рецепция тоже была пуста — даже телевизор, повешенный на стену для увеселения зоны ожидания, молчал. Внутри царил абсолютная тишина.

— Они перепрофилировались под манифест, — из-за спины сообщил Файдалом. — Тебе никто не откроет, я же предупреждал.

Женщина кивнула и рукоятью своего револьвера — «Хиленда № 3» — разбила стеклянную часть двери. Округа зазвенела осколками. Внутри больницы завывала сирена и зашипели дозиметры — в дальних коридорах послышался топот шагов.

— Перед нами все двери открыты, — промурлыкала Вилена и, сбив остатки стекла, пролезла в здание. — Не задерживайся. Мы почти у цели.

Навстречу вторгшимся выбежала пара охранников — красморовских охотника. Фактически, они были безоружны: при условии, если дубинки можно противопоставить огнестрельному оружию.

— Вы находитесь на поражённой территории, — предупредил вторженцев один из агентов. — Если вы не покинете...

Не дослушав, Вилена подняла револьвер и выстрелила точно по ногам. Не успевшие среагировать охотники упали плашмя. Без каких-либо указаний Файдалом снял с плеча Lethe и добил их.

Медперсонала в больнице почти не осталось: один брат сострадания да пара санитаров-роботариев. Пока первый пытался покинуть центр, вторые его всячески прикрывали:

швыряли в захватчиков стулья, подручные предметы со столов. Если от стула Вилена увернулась, то стакан с карандашами врезался точно в грудь и рассыпался. Стержни треснули под тяжестью шага, грифели — сломались.

Вейнберг вынула из поясного крепления спицу — деметалловую, с вырезанными на ней литерами — и вонзила в бегущего мимо юношу. Удар пришёлся ему прямо в плечо и прибил к стене. Так же резко Вилена вырвала спицу. Брат сострадания, зажимая кровоточащую рану, осел на пол. Рукав выглаженного халата побагровела.

— Что? — Голос юноши срывался. — Зачем вы это делаете?

— Мощи... — вполголоса ответила Вилена, и острием приподняла край медицинской маски. — Где они?

Молодой человек молчал и ошеломлённо смотрел на нависшую над ним мучительницу; молчал ровно до того момента, как спица не замерла в паре миллиметрах от его левому глазу. Только тогда брат сострадания здоровой рукой указал в сторону стационара. Вилена удовлетворённо отпустила юношу. Стоило ей отстраниться, как тот сказал:

— Надеюсь, вы ответите за это.

— Если бы, — прошипела Вилена, — надежда всегда умирает, — и выстрелила в него.

После она небрежно толкнула тело.

— Это был последний, — вытащив штык из грудины механического санитаря, оповестил женщину Файдалом. — Не лучше ли было спустить здесь порезвиться твоего питомца?

— К такому он не приучен, — отозвалась Вейнберг. — Мы должны сами за всем проследить. Идём.

По мере продвижения по коридору они натолкнулись на свидетельства присутствия здесь мощей. Началось всё вполне безобидно: с разросшихся комнатных растений да палисадников с подобием джунглей. Дальше — больше. Стационар — его стены, потолки и пол — покрылись слоями пульсирующей плоти.

Файдалом, не опуская пулемёт, поочерёдно заглядывал в каждую палату. Все они были одиночные, чаще всего — пустые. Однако в некоторых из них лежали пациенты не устанавливаемого более пола: не гражданские, но красморовские агенты занимали больничные койки. Вопреки предупреждениям, они не были подвержены элегическому манифесту. Иная печать Немока терзала их. Файдалом увидел то, что назвали бы мутациями: у некоторых из узников больницы увеличились конечности — преимущественно руки, а у других, судя по деформациям тела, внутренние органы.

Затем Файдалом и Вейнберг обыскали всю процедурную, поскольку именно там наиболее ярко фиксировалось присутствие мощей. Впрочем, из-за органических наростов сделать это оказалось непросто: то и дело приходилось обращаться к режущим инструментам. Ножницы, скальпели и собственноручно принесённые ножи — всё так или иначе, застревая, исчезало в новой органике.

Наконец поиск привёл к шкафу со стерильными шприцами, ланцетами и пробирками. За дверцей, на самой нижней полке, лежал небольшой чемодан — увесистый, деметалловый. На мгновение Вилена замерла. Она не поверила себе, когда руки сами собой потянулись за находкой. Вопреки гасящему Воздействию покрытию, защита в виде замка отсутствовала, а сам кейс оказался повреждён.

— Нашла? — Файдалом отвлёкся от прорезания заросшего стола.

Вейнберг не отреагировала. Затаив дыхание, она откинула крышку и увидела оббитое

бархатом нутро чемадана. В центре, за надтреснутым демитиром, покоилась подушечка с чем-то обёрнутым в марлю.

Отлетела последняя преграда в виде защитного стекла. Вилена схватила обёрнутый марлей фрагмент и высвободила его. На женской ладони очутился отрезок плоти. Едва ли он отличался от той, что можно было увидеть в мясном отделе продовольственного магазина.

Жрица уверенно сжала находку в кулак. Физический контакт с тлетворными тканями представлял не больше вреда, чем работа с сырым мясом. Тогда же женщина напомнила себе, что хранение мощей многократно опасней, чем обычное прикосновение.

Вилена не сомневалась в их успехе.

Эпизод четвёртый

Карпейское Каэльтство: Градемин (Новоград)

ресторан «Фантазм»

2-19/995

Заболевание, порождённое кроворекой, получило название — koguskhar, и с карпейского языка оно переводилось как «кровавый хор». Развивалась болезнь стремительно. Если немота возникала исключительно при пероральном попадании испарений или самой воды, то длительное Воздействие на парентеральном уровне провоцировало разного рода воспаления — проявления их варьировались от лёгкой до тяжёлой степени.

Людей становилось меньше — роботариев больше. Им отводилось не только поддержание города в порядке, но и управление общественным транспортом. Некоторые обезлюдившие районы столицы оказались полностью под контролем машин: только красморовские патрули время от времени заглядывали туда.

Там, где испарения, элегия и плоть схлёстывались воедино, начиналось невообразимое. Прямо из земли, прорывая бетонный настил, прорастали губчатые болоны, опухолью парализующие набережные. Пляжи превращались в леса.

Огонь с очищенной Чековки плавно перетекал на поражённые участки. Запах хлорки растворялся за жаром огнёмётов, и органические наросты сгорали. Впрочем, от крематоров укрылись отмеченные плотью переулки и улицы. С каждым днём её становилось всё больше, и отдельные районы начинали походить на скотобойню.

Кто остаётся в городе?

— Безумцы... — Вилена снисходительно глянула на шедшую к мурмурацию толпу. Часть из них сковал неведомый недуг, и они плелись где-то в хвосте. Некоторые люди останавливались перевести дыхание. Другие, пошатываясь, пытались нагнать впередиидущих. Третьи — было их пока немного — просто падали. — Похоже, кому-то не повезло.

— Они сами подписали себе приговор, — прошелестел над ухом неестественный голос. — Ежели они отринули элегию, им нет места в нашем мире.

— Я знаю.

— Тогда почему ты смотришь на них с сочувствием? Разве они заслуживают снисхождения?

— Они умирают, — отчуждённо заметила Вейнберг, — и им больно.

— Это не имеет значения, — возразил голос. — Мы предупредили их, когда провели пробную демонстрацию в Линеинной. Вынужден признать, что твой зверёк оказался полезным.

Рядом неизменно находился Файдалом. Как и прежде он держался тени, однако от

Вилены не укрылось, что привычная маска сменилась маскировочной — белоснежным красморовским клювом с горящими красным линзами.

— Тогда не хочешь объяснить, что произошло на митинге? — прошипела Вилена. — «Панацея» сама очистит мир от грязи.

— Мы решили иначе, — уклончиво ответил сопровождающий. — Смею предположить, «Панацея» уже на восточном складе КОЗ?

— Никто не станет ждать, пока в России доведут до ума новую маркировку, — встречным намёком отозвалась Вилена. — Нас... Меня огорчает лишь то, что вакцинацию начали прежде, чем мы успели предупредить лояльных к нам персон.

Но голос её не выражал печали.

— Всё определит случайность.

— Всё так. Пока каэльт со своей свитой будут заняты успокоением народа, мы закончим начатое.

— Пусть так, — Файдалом, остановившись, растворился в тени, — но помни, я готов взять ситуацию в свои руки.

Вилена как ни в чём не бывало пошла дальше.

После вступления Карпейского Каэльтства в Тризонию все дворцы и храмы отменили. Так, например, на месте Некроистского храма возлюбленной Белладонны построили ресторан «Фантазм», в котором немногие могли позволить себе заказать здесь столик.

— Госпожа Вейнберг, — кивнул на входе жрице двухметровый охранник. — Господин Кемром вас уже ждёт.

Внутри женщину встретили ослепительная синева неона и реконструированные храмовые залы в романском стиле. Часть стен заменили стеклом, напоминающим подтопленный лёд. Фоном звучала классическая музыка в современной обработке. Персонал — вышколенный чаевыми и суровым руководством — состоял из роботариев. Дресс-код вынуждал держать их шарниры закрытыми, но Вилена за километр слышала, как от марионеток разило смазочным маслом.

— Здравствуй, — поприветствовал её стоящий перед столом мужчина. Несмотря на полутьму, его глаза скрывали солнцезащитные очки. Одет он был просто и невзрачно: брюки и рубашку. — Давно не виделись.

Сейчас, когда Кемром разговаривал с Виленой, его речь звучит значительно медленней: так, будто он тщательно подбирал каждое слово себя.

— Почему ты назначил встречу в общественном месте? — сдержанно улыбнувшись, поинтересовалась жрица и опустила на стул. Она отвлечённо перебирала столовые приборы, пока мужчина садился напротив. — Ты боишься меня, Тони?

Прочистив горло, тот уточнил:

— Остерегаюсь, — и, подумав, добавил: — Надеюсь, ты довольна? Мне бы больше не хотелось затягивать... с формальностями.

Приметив в меню пару позиций, Вейнберг отложила папку и, подложив под голову руки, посмотрела собеседника. От пронизательного взора не укрылись следы скальпеля и поцелуи множества тончайших игл. Едва ли восстановленное лицо сильно отличалось от прошлого... Однако при свете, искусственном и безжизненном, прослеживалась чёткая грань меж шитой человеческой плотью и силиконовыми накладками, призванными скрыть несовершенство существующих инструментов.

Получается, подумала Вилена, хирургия оказалась куда более бессильной, чем

следовало ожидать.

— Приятно, что ты хотя бы попытался... — не скрыла разочарования покровительница. — Когда я просила тебя исправиться к нашей встрече, я надеялась на лучший результат. Где твоя хваленая регенерация?

— Здоровье изменило, — вполголоса пояснил капитан и, подняв руку, на мгновение задержал её у головы. — Несущественно.

Вилена напряглась. Пока она не решалась озвучить, что лишь по причине отменного здоровья в своё время выбрала его. Вместо этого сказала:

— Сделай с этим что-нибудь, — то, что могло прозвучать требовательно, но при этом с заботой, таило в себе нотки угрозы.

— Достаточно любезностей. Что от меня требуется дальше? — Кемром коснулся оправы очков. — Я уже достал то, что ты хотела.

— Видишь ли, мы столкнулись с непредвиденными... трудностями, — расправив салфетку на коленях, обескураженно поделилась Вейнберг. — Наши прогнозистки, к сожалению, не учли распространения элегии и, в частности, что она столь скоро доберётся до Градемина. Видимо, придётся увеличить смету, и я хотела...

— Geache... — не выдержав, потрясённо вымолвил гард. Глаза жрицы недобро сузились, когда она услышала родной язык из его уст. — Теперь ты это так называешь?

— С каких пор тебя смущают смерти людей? — сохраняя невозмутимость, встречным вопросом парировала собеседница, и уголки её рта нервно дёрнулись. — На тебя это не похоже. Скольких сердец ты касался?

— Я не трогаю тех, — напомнил мужчина, проведя перед собой ребром ладони, — чьи руки не запятыны оружием, а ты намерена похоронить весь город! Опять...

— Возможно, для кого-то это и послужит оправданием... но я не одна, Тони. Не мои руки омыты кровью, и не я пытаюсь их отмыть. Хочу тебе напомнить, что не я отправила «Осколу» в Синекам. Первоначальный план подразумевал, что ты доставишь «Панацею» сразу в Градемин, без «клинических испытаний» за границей... — Вейнберг перешла на шёпот. Когда она говорила, Кемром не смотрел на неё. Вместо этого он, поникнув, обессиленно сжал кулак. — Но в одном ты прав: тебе не нужно трогать, чтобы убить. У тебя было средство, созданное твоими врагами, и ты воспользовался им, вернул его в лоно. Не кори себя и помни, что только резонанс рождает истину. Мы строители нового мира, Тони: тела — это только материал.

Неспеша обдумав всё сказанное ранее, капитан заметил:

— С тем же успехом и ты — всего лишь расходник. Не боишься, что сама окажешься на дне котлована?

— Я уже там, — невозмутимо. — Насколько целесообразно выступать против снега или дождя? Воевать с ветряными мельницами? Люди ошибочно полагают, что мы существуем, чтобы поднимать деми и служить им, но это не так.

— Потому что они и без вас прекрасно поднимаются?.. Не трогали бы вы этот мир. Даже в Красмор поняли, что больше из него не выжать.

— Ты бессмертен... и ты боишься... Чего? — Вилена потянулась к нему всем телом. Кончиками пальцев коснулась искусственного лица и замерла в опасной близости от глаз. Если бы она сняла его очки... — Чего следует бояться мне?

— Парада, — свистящим шёпотом отвечал Кемром. — Не делай того, о чём пожалеешь. Шаг за шагом вы приближаете его воскресение. Какой бы цели вы ни преследовали, никто

не переживёт суд Парада.

— Мы не жалкие демиборцы, Антон, — уколола его Вейнберг. — С нами Каорельдер. Третий звон колокола не просто делает нас бессмертными, но и вернёт из посмертия безвременно ушедших... Джестерхейл вернётся и поведёт нас к миру, где править будут не против деми, а вместе с ними.

— Неужели ты и впрямь веришь, что с деми можно найти общий язык?

— Только неофиты верят, что Джестерхейл самостоятельно придумал литеры.

Кемром вскинул бровь. Несомненно, он слышал, что в научных кругах ВАД уже давно велись споры о происхождении литер Хейла. Историки, лингвисты и даже биографы Опустошённого в массе своей склонялись к тому, что используемые в жреческих да провидческих средах литеры происходили от одного из праязыков, и Джестерхейл, в свою очередь, не создал их, а просто открыл. Как тайное знание, что прежде было скрыто от людей.

— И вам для этого нужен Джестерхейл... — обескураженно повторил Кемром. — Почему именно он?

— Джестерхейл проводил Нисхождения, пользуясь инструментами, дарованными ему самими деми... Он был ими избран, как когда-то были избраны Ганноморт. — Лицо Вилены вдруг просветлело. — По сей день, даже из Бездны, мы лицезрим огни, что горят в небесах от вашего оружия... Но ещё не поздно всё исправить. У тебя пока есть возможность присоединиться к нам. Ты ещё можешь обрести покой... Тебе нужно отказаться от глаз, и тогда ты узришь истину.

Услышав это, Кемром мрачно усмехнулся.

— Это не моя война.

Вилена прищурилась. Глаза её, точно стеклянные, нездорово блеснули. Кемром стойчески выдержал её взгляд. После женщина в приказном тоне проговорила:

— Завтра. Мне нужно, чтобы ты сопровождал меня в Академию. Ночью мы пробудим Церну.

К столику подошла официантка-роботария. В статике её внешность не отличалась от человеческой, но отсутствие пластики в движениях выдавало искусственность её природы. Не спасала ни красота по стандартам манекенщиц, ни грамотно синтезированный голос. Машинный запах скрывала пьянящая сладость парфюма — Кемром жадно вдохнул смесь жасмина с пачулями. Чаще всего, невольно вспомнил мужчина, подобными ароматами пользовались желающие интимной близости женщины.

— Пинту черноводного, — привычно заказал он, — пожалуйста.

— Мне нравится твой новый нос, — меж тем отметила Вилена и протянула официантке меню. — Если ты не намерен присоединиться к нам, постарайся его не потерять: в Градемии происходит то, что даже тебе не по зубам.

Глава шестая. Город на костях

Каждому демиборцу надобно помнить, что Восхождения не происходят единовременно. Более того, между крайними заметен разрыв в несколько десятилетий. Однако первые деми, к которым традиционно относят Лира (Отца Кошмаров), Раге (Мать Войны) и Хелту (Мать Разрушений) появились с малым интервалом.

Согласно летописям IX века, Нисхождение Лира и Раге было успешно проведено посредством применения литер, однако при Нисхождении Хелты система Джестерхейла

Опустошённого показала себя наихудшим образом: в ходе операции пострадали не только военнослужащие, но и главная ритуалистка — Белла Никс. Была использована непроверенная комбинация литер, применение которой обернулось для всех присутствующих катастрофой.

Именно после неудачного Нисхождения Хелты цесаревичем Оскаром было принято решение об уничтожении всякого деми силой оружия «несловесного, но физического», а литеры, что использовались в том ритуале, было принято запретить,

— Э. Ла Ашерик, «Литеры Хейла: история появления и применения».

Эпизод первый

Карпейское Каэльтство: Градемин (Староград)

станция «Малпленон»

2-18/995

С разлива кроворек минуло несколько дней. Время от времени на набережные обеих сторон выходили люди в масках — в тканевых ли, из папье-маше или картона, — но все как один закрывали ими глаза. Иных признаков, по которым неизвестных можно отнести к сторонникам АВИСО, не было. Одетые в гражданское, появлялись они обычно ночью, в четвёртом часу, и, взявшись за руки, смотрели вдаль. Их не страшили ни брызги кровавой реки, ни элегические осадки. Со стороны даже казалось, что патрулирующие охотники боялись приближаться к нарушителям.

Залерту было всё равно. Он давно забил на здравый смысл: не надевал клюв или хотя бы респиратор, распивал непентес в надежде забыться и сызнава знакомился с Градемином. Наблюдал за его обитателями и тем, как стремительно они обращались в новую веру. По правде говоря, он сам не до конца понимал, чего последователи АВИСО добивались выходом к Дунари, но выглядело это до того странно и непривычно, что по коже бывалого странника табунами бежали мурашки.

Улицы Старограда приобрели монструозное очарование. Под воздействием разного рода отравляющих веществ наиболее старые здания — те, что отделаны туфом — начали разваливаться. Сыпались кирпичи, каменная кладка. Трескалась и разрушалась плитка, которой выложили дороги да тротуары, и отдельные районы, проседая, тянулись под землю. За остывающими стенами признанных аварийными домов слышались шорохи, крысиный писк. Немногочисленные следы пребывания здесь жильцов стремились к нулю.

Пошатнувшись, Залерт остановился у стены, что защищала Староград с северо-запада. В полутьме странник увидел очертания титана, всеми забытого и покинутого. К февралю 995-го года на полуострове базировалось только три АДАМ: две машины первого поколения и одна — второго. Основой эндоскелета последней послужили скелетированные останки Хелты, Матери Разрушений. Корпус титана, в отличие от прочих представителей серии, выделялся не только плавными изгибами из крупновской стали, но и невероятной массивностью. Известно, что под золотистой краской скрыли спящий вулкан — огнемётные установки, способные в считанные минуты обратить столицу в пепелище. Несмотря на то, что нынешний статус титана приравнивал его к музейным экспонатам, всё ещё находились люди, произносящие его имя с придыханием — Дочь Революции.

— На металлолом бы... — Залерт к таким людям не относился. Для него, как и для подавляющего большинства жителей Карпеи, АДАМ — рухлядь, тень боевого величия.

Внезапно со стороны «Клюквы» — ночного клуба, сгоревшего больше двадцати лет назад — послышалось странное перестукивание. Присмотревшись, красморовец увидел пару

падальщиков. Цепляясь за стены, они ползли по направлению к Дангери.

— Какого лира? — простуженным голосом спросил странник и, отставив початый непентес, достал пистолет — прусскую новинку, бескурковый ХРП-УТ 9-го калибра. Открытый прицел, магазин на двенадцать патронов. Залерт любовно сжал рукоять и снял оружие с предохранителя. Пошёл следом за роботариями.

Опьянение вмиг ушло. Пусть распознать в стуках Морзе странник не успел, но достаточно чётко уловил специфический запах, напоминающий горечь полыни.

— Литфий... — принявшись, безошибочно определил Залерт. — Это не к добру.

В современной токсикологии литфий считался одним из самых ядовитых веществ. Активней всего его использовали в деметаллургии: литфиевой кислотой удаляли тлетворные ткани с останков деми. Подобные предприятия были на востоке Карпейского Каэльтства, в закрытых городах типа Припяти и Страхолесья.

Самое страшное происходило, когда литфий оказывался за пределами деметаллургического предприятия. Для человека это — яд, парализующий дыхание. Смерть необратимая и, в зависимости от дозировки, моментальная.

Ни для кого не секрет, что все тёмные дела Карпейского Каэльтства вершились в Старом Градемине: на костях Ганноморт торговали триумфом и иными порицаемыми препаратами. Даже Залерту, прошедшему не один километр Нулевой Высоты, на площади казней становилось не по себе.

— Это самый быстрый способ, — раздался у памятника роботизированный голос. Красморовец, остановившись, выглянул из-за угла. Среди огней Дангери стояли двое мужчин и одна женщина, — ног мы должны остаться незамеченными.

Падальщики выползли на площадь и замерли перед человеком в белоснежной маске. Несмотря на то, что выглядела та повреждённый, глаза её горели синевой. Залерт увидел, как именно этому незнакомцу один из прототипов передал небольшой кожаный мешок. Странник мог лишь предположить, что литфий находится там.

В женщине Залерт сразу определил Чёрную Зарю. Не род деятельности, не причастность к ордене считывалась по всей её фигуре и выправке.

Разглядеть третьего человека не удалось — стоял тот в тени.

Залерт перевёл глазные протезы в режим фотосъёмки. Выкрутил яркость на максимум, коснувшись выступающих из виска кнопок. После запечатлел момент.

Вернувшись в укрытие, Залерт обратился к протофону — благодаря конструкции протеза тот был встроен прямо в руку. Странник шустро перекинул сделанную фотографию на устройство, а после выгрузил в красморовскую базу данных. На обработку запроса ушло около минуты. Система распознала только одного из присутствующих — «капитана», Антона Кемрома.

В считанные секунды Залерт прошгудировал всю доступную о чужаке информацию. Когда странник докопался до истоков, а именно — до основания АВІСО, — ему даже показалось, что наметился прорыв. Однако... что-то не сошлось.

Основная проблема заключалась в том, что личность принадлежала человеку, рождённому в 915-ом году. Мужчина, которого Залерт сфотографировал, явно был молод. Вопреки тому, что лица капитана никто не видел, существовало несколько его зарисовок, сделанных между 950-970-ми годами. В сети так же было несколько фотороботов, сильно отличающихся меж собой: разный возраст, разные черты...

Прорыва не случилось. Залерт понял, что перед ним не двойник, но подделка —

бездуховная и безыдейная. С учётом деятельности «нового Кемрома» и его послужного списка сомнений о подмене личности не возникало: биография этого Кемрома началась с «Кемистри» и продолжилась после неудавшейся казни.

Лишь по воле случая Залерт не сталкивался с капитаном прежде ни на одной из Высот. Красморовцу пришлось приложить немало усилий, чтобы совладать с собой и остаться незамеченным.

— Почему так мало? — тем временем негодовала женщина: только её голос из всей группы звучал естественно. — Здесь сколько? Грамм десять?

Перед тем, как заговорить, Чёрная Заря каждый раз смотрела на памятник Джестерхейлу Опустошённому. Выжидала немного. Словно ждала его одобрения.

— Даже столько достать непросто, — отвечал той капитан. — Литфий активно отслеживается. Будь спокойна: этого хватит на шесть человек, но без спешки — на дюжину.

— Тогда через сколько он подействует на условную дюжину?

— От пары часов до восьми. Алкоголь ускорит реакцию...

— Дюжина... Стольких хватит, чтобы раскрыть весь потенциал Церны? Историки пишут, что она весьма прожорлива, — слышалось едва разборчивое бормотание из-за сплющенного клюва. Страннику поначалу даже показалось, что зрение подводит его, настолько несуровой выглядела маска. — В запасах Санктория лишь плоть ревенантов, а её, если я правильно помню, Церна не жалуется...

— Хватить должно. Во времена становления Чёрных Зорь, Церна могла проработать на одном человеческом теле несколько дней, — со знающим видом ответил Кемром. — Нужно обработать останки методом Акды.

— С добавлением слёз Аксинского? — небрежно уточнила женщина. Залерт не увидел, но капитан, вероятно, кивнул. — Это хорошо. Это мы проверим.

— Сейчас наша задача, — вмешался третий человек, — пересечь Дунари. На мосту патруль, а приготовления начинаются с рассветом — у нас меньше часа.

— Тогда не будем терять времени, — решил капитан. — Следуйте за мной.

Решение проследить стало настолько спонтанным, что Залерт осознал дикость своего положения только тогда, когда прошёл за группой полкилометра.

Проводник вёл их по потёмкам: безлюдными дворами да переулками. Наконец остальные, вслед за Кемромом, нырнули под одну из теневых арок. Несмотря на массивные колонны и резные проёмы, со стороны она почти не различалась, а сам проход был занавешен ветошью.

Залерт выждал несколько минут, прежде чем завернул следом. Странник оказался у лестницы, ведущей в подземный переход. При входе висела полинявшая табличка: «Станция Малпленон». Это заставило Дмитрия напрячься. О станции он знал немного: в свободном доступе информации о ней мало. Доподлинно известно, что «Малпленон» была одной из двенадцати станций градеминского метрополитена, эксплуатируемого в 963-974-х годах.

В 968 году на «Малпленон» случился пожар, а после — авария на перегоне Вечности — Чековки с последующим частичным затоплением тоннеля. После от использования подземного транспорта отказались: поддержание в строю составов и линий, не говоря уж о строительстве новых, требовало сумм, которыми государственная казна не располагала.

Скрип древесины. Вслушавшись, Залерт замедлился. Выждал несколько минут и пошёл дальше. За поворотом начиналась лестница. Убедившись, что там никого нет, красморовец спустился.

Гранитная лестница вдруг перешла в деревянную. Заскрипели старые доски. Залерт едва удержался на ногах, когда следующая ступенька оказалась ниже. Схватившись за перила, ладонью зацепил пару заноз. Отдёргнув руку, Дмитрий продолжил идти. Ориентировался, по большей части, лишь по отдаляющимся шагам да скрежещущим вдали падальщикам.

Коридор поворачивал — за углом начинался эскалаторный спуск. Несколько рядов поражённых копотью ступеней и бесконечная тьма внизу. Несмотря на то, что, на первый взгляд, эскалатор не представлял опасности, в кровь поступило столько адреналина, что закружилась голова. Странник рефлекторно взялся за поручень. Вместо привычной опоры рука наткнулась на бархат оплавленной резины и мха.

Во время спуска Залерту постоянно приходилось возвращаться к настройке глазных протезов: то подкручивать яркость, то вовсе переходить на режим ночного видения — оставлять последний включённым на постоянной основе было нецелесообразно из-за сильного расхода батарей, менять которые, как рассудил странник, сейчас явно несподручно.

Когда путь был пройден, прежде страха Залерт испытал шок.

Очувтившись на самой станции, странник увидел, что опорами, поддерживающими разрушающийся зал, служили гигантские рёбра. Деметалловыми колоннами они сводились в десяти метрах над полом — позвоночник пунктирной линией разделял пространство точно пополам. Из-под слоёв золы проглядывали золото и янтарь. В белокаменных выемках стояли мраморные статуи — расколовшиеся, со сломанными конечностями и носами. Будто сам Везувий обратил свой гнев на «Малпленон» и не оставил ничего, что напоминало бы о её существовании.

Из-под завала левого тоннеля проступала кабина машиниста. Нутро её темнело, а опаленный корпус местами покрывала ржавчина. Казалось, если сдвинуть его хоть немного, то большую часть пространства вокруг накрыли бы обломки.

Сам поезд относился к годам «оккупации» Карпейского Каэльтства. Именно подобные составы ходили по Российской Империи и дружественным государствам в конце 60-х годов. Однако, если в других странах большинство единиц техники со временем было заменено, то здесь до последнего пользовались наследиями прошлого.

Внезапно культу охватила фантомная боль. Залерт хрипло выдохнул. Перебрал пальцами металлической руки. Тело резко обдаёт холодом — странная прохлада касается затылка. Мужчина заторможенно оборачивается. Изображение с линз глазных протезов идёт помехами, рябью.

— Кто здесь? — Залерт вмиг позабыл о слежке.

Тепловизор уловил контур кристаллизованного женского тела. После изображение сменилось тьмой. Стабилизировалось. Залерт понял, что снова один.

Эпизод второй

Карпейское Каэльтство: Градемин (Староград)

Фнакверех 4-27

2-19/995

Обычно Дмитрий не видел сны, однако наутро был готов поклясться, что эпизод с метро являлся не более, чем ночным кошмаром. Только архивы прошлого дня помогли восстановить то, что стёр непентес. Нос всё ещё пощипывало от запаха литфия.

Рядом послышался вздох. Дмитрий обернулся. Заметил, что кровать — разложенный диван, поправил себя Залерт, не обольщайся — ночью с ним кое-кто делил. У мужчины даже

не возникло сомнений, кого он увидит под простынёй: когда странник приподнял её, то обнаружил свернувшуюся калачиком Марианну.

Она, тихонько посапывая, поёжилась, когда внутрь её кокона проник холод. Резко распрямившись, каэльтина сонно потянулась и, улыбнувшись, сначала приоткрыла один глаз, затем — второй.

— Надо же! Ты проснулся раньше меня? — изумилась она. Заметив недоумение на лице любовника, игриво добавила: — Только не говори, что опять перепил... Ах, всё-таки перепил. Опять непенф?

Залерт неуверенно кивнул. Он не сомневался, что вчера пил, но совершенно не мог вспомнить, что на этот раз привело Монтгомери в его ложе.

— Мне нужна была твоя помощь, — простуженным голосом заговорил странник, когда Марианна бросилась его обнимать, — как хранительницы...

— О, не переживай, я-то всё помню. — уверила та. — Я помню, как ты пришёл под окна мурмурация, чтобы поделиться со всем отделением своими впечатлениями о встрече с Кемром... Это было незабываемо! Кажется, у Бакхуса даже запись осталась...

— Это не шутки, Мари! Кемром, с которым вы ничего делаете, каким-то образом провёз в город литфий и...

Договорить Дмитрий не успел — на полуслове его оборвал звон протофона наследницы. Та, виновато улыбнувшись, зацепила за ухо гарнитуру и ответила на вызов. Весёлость быстро оставила лицо Марианны; в считанные секунды хранительница побледнела. Тем временем Залерт занялся утренней рутинной: привёл себя в порядок и включил электрический чайник. Прошло не меньше десяти минут, прежде чем мужчина повторно обратился к Монтгомери:

— Мари? Ты будешь кофе или чай? — Но та не отреагировала. Она немигающим взглядом смотрела перед собой. — Что-то случилось?

Хранительница нехотя отложила гарнитуру. Поджала нижнюю губу. Глаза наследницы покраснели — когда Дмитрий посмотрел на неё, ему показалось, что она была готова заплакать.

— Мой брат... — опечаленно вымолвила та и ладонью прикрыла рот. — В Тардиградске происходит что-то очень нехорошее, и... и я не знаю, как рассказать об этом отцу.

— Что там? — взволновался Дмитрий.

О Михаиле Монтгомери он знал немного. Как только каэльтин покинул очередь на трон и вернулся в Российскую Империю на пост координатора Тардиградска, в Карпейском Каэльтстве о нём забыли. Если и вспоминали, то только в научных кругах: поговаривают, бывший наследник полностью посвятил себя изучению андеров.

— Что-то... что-то с техникой, — выдавила Марианна. — Что-то с техникой...

Более она была не в состоянии поддерживать разговор.

Утро закончилось тем, что за Монтгомери заехал личный водитель и отвёз в новоградскую резиденцию. Ни о брате каэльтины, ни об инциденте в Тардиградске Залерт так ничего и не узнал.

Дмитрий всё понимал. Впрочем, от этого сделалось не менее досадно — едва ли он мог что-то сделать без поддержки Красмор. Марианна была единственной, кому странник доверял в столичном мурмурации. Более того, как красморовский агент Залерт знал, что контакт со средствами массовой информации опасен, а несогласованная огласка ни к чему

хорошему не приведёт.

Эпизод третий

Карпейское Каэльтство: Градемин (Новоград)

Вестаниловская 28-1

2-19/995

— Она относалась с красморомцем? Серьёзно? — примерно так Агния отреагировала на рассказ Нины о прошедших днях и весьма красноречиво скривилась. — Фу, [блин]. Уж лучше в нынешней Дунари искупаться, чем с клювом [спать]. Они же даже [лобызаются] в этих своих масках.

— При мне он был без маски, — с невинным видом упомянула Нина. Во время разговора она практически не отрывалась от протофона и что-то активно выводила на его сенсорном экране. — Вообще он симпатичный... и, если ты не забыла, я тоже выпускница ВАД.

— Пилоты — это другое. Уж поверь мне, во всех смыслах, — с плутоватой улыбкой провозгласила бывшая гарпия. — Не, ты не подумай: может, я и Заря, но против Красмор ничего не имею. Просто с клювами это как-то... негигиенично. Да и как красморомец не мог распознать в ней... «революционерку»? Они же не любят таких.

Вдвоём подруги сидели на кухне съёмной двушки. Разговаривали, пили чай; Майнью ещё приходила в себя после дней в инсектарии и многочисленных допросов. Окно в помещении было занавешено, и лишь приглушённый алый отсвет напоминал о кошмарах Дунари.

Рядом с раковиной стояла пара литров бутилированной питьевой воды — из-под крана всё чаще капало нечто красное и вязкое. Несмотря на чистоту, в квартире слышался неуловимый запах ржавчины.

— Без обид, но все завсегдаи «Жатвы»... себе на уме, — осторожно заметила Нина и нахмурилась, вспомнив о Четырнадцатом. — Пока ты была в России, у меня было свидание с одним дружком Авроры, так он меня повёл, хм, типа в тур по Нулевой Высоте. Мы там с ним немного повздорили, и он меня чуть не кинул в «Кемистри». Не самый лучший опыт, знаешь ли, так что вот тебе непрошенный совет: никогда не ходи на свидание с теми, с кем познакомилась в интернете. Даже если окажется, что у вас есть общие знакомые.

— Учитывая, какие, мягко говоря, [люди] бывают у неё в баре, я даже не удивлена... — под нос пробормотала Агния. Задумчиво посмотрела на Нину и её протофон. — Что ты там всё время делаешь?

— Я... — на мгновение та растерялась. Отстранив протофон от лица, облизнула губы и сказала: — Мне сегодня мама написала.

— Мама? — переспросила Агния. — Та, которая мертва?... То есть, в смысле, ах, ты в этом уверена?

Не тратя время на объяснения, Нина просто сняла протофон с запястья и передала его соседке. Лёгким касанием та разблокировала его, и перед озадаченными глазами выплыло окно «Ментаксиона»:

60OXO-VATHE-SD5O6[2.19, в 0:00]: Ты выполнила домашнее задание?

60OXO-VATHE-SD5O6[2.19, в 1:11]: Милая, папа отвёл тебя на занятия?

60OXO-VATHE-SD5O6[2.19, в 2:22]: Ты уже освободилась?

60OXO-VATHE-SD5O6[2.19, в 3:33]: Зайка?

60OXO-VATHE-SD5O6[2.19, в 4:44]: Почему ты молчишь?

60OXO-VATHE-SD506[2.19, в 5:55]: Нина, ответь?

— У меня нет этого номера в записной книжке, — меж тем прокомментировала Нина, и Агния кивнула — это она видит, — но текст... Сама видишь, что там. Я рассказала об этом папе: отправила ему историю переписки, и он, в общем, подтвердил, что это её номер...

Это могли бы быть старые сообщения, рассуждала Нина, когда перечитывала их. Вот только собственный протофон с личной МИА-картой появился у неё сильно позже смерти матери.

— И ты думаешь, что тебе написала мама?

— Без понятия, но... Знаешь, я теперь побаиваюсь лишний раз заходить в «Менту», — призналась Нина. Руки её тронула дрожь. — Все эти кровореки, звонки-сообщения... Я хочу вернуться домой, к папе. Архив хоть и дыра, но безопасная...

— Тогда почему ты не уехала раньше?

— Я хотела убедиться, что с тобой всё в порядке, — искренне ответила посыльная и осторожно поинтересовалась: — Слушай, а ты не хочешь со мной?

— Возможно, для тебя это наилучший вариант, — поддержала так Агния, — но прости, я не могу с тобой поехать.

Радиоприёмник, что всё это время работал фоном, внезапно зашёлся помехами. Сквозь белый шум прорезались человеческие хрипы, крики. Едва они оформились в слова, как Нина резво выключила прибор. Устало выдохнула. Опрокинула голову на руки и прикрыла глаза.

— Значит, я буду с тобой, — неуверенно решила Нина. — Не хочу, чтобы ты одна осталась... да и подработать не помешает: с посыльными сейчас полный швах. Многие теперь боятся прививаться, а я укололась ещё в прошлом году, когда училась, так что у меня ещё...

Улицы заснувшего города наполнились металлическим топотом: словно пара мощных копыт пыталась разбить асфальт. Из окна девушки увидели патрулирующего столицу коменданта — роботария-прототипа, самого крупного из существующих. Высота его ровнялась двум с половиной метрам, а эндоскелет покрывали стальные массивные пластины. Шипастые наплечники коменданта искрились, а линзы, светящиеся из-за повторяющей человеческое лицо маски, горели красным. На подобии головы был цилиндр с прикреплённым к нему репродуктором.

— Они выпустили Кентора. — Майнью, отодвинув штору, закатила глаза. — Я уж думала, что хуже болванчиков в клювах ничего быть не может...

Внезапно на уровне третьего этажа загорелась пара сизых прожекторов. Пока сам источник света скрывался за ветвями деревьев, лучи его повернулись и поднялись на уровень четвёртого этажа. Это произошло настолько медленно, что Агния успела отпрянуть от окна и пригнуться. Едва Нина подалась вперёд, как Майнью жестом приказала ей не высовываться. Добавила вслух:

— Не вылезай.

Тревожными звуками наполнились улицы и подъезды. Закашлялись водопроводные трубы. Исказились тени.

— А чего такого? — недоумевала Нина. — Он же не тебя ищет... Ты же не сбежала, да? Агния нахмурилась и ещё раз махнула рукой.

Что-то заскреблось в дверь. Поначалу девушки не придали этому значения, однако вскоре скрёб сменился стуком. С каждым ударом он становился всё громче и назойливей. Его не получалось списать на случайные шорохи и шумы, какие бывали в старых

многоквартирных домах — настолько близко и отчётливо он звучал.

Агния выползла из-под подоконника и, схватив первое, что попало под руку, направилась к входной двери. Вместо ножа она вооружилась штопором и сказала:

— Что-то здесь не так.

Только Майню собралась примкнуть к дверному глазку, как его пробила толстая спица. Острие замерло в сантиметре от глаза девушки и почти сразу исчезло из отверстия. Ошеломлённая, Агния отпрянула. Они с Ниной шокированно переглянулись. Стало настолько тихо, что можно было услышать, как у соседей снизу диван драла кошка. Так соседки выждали несколько минут. Спиц больше не было.

Наперевес со вскипячённым чайником Нина подкралась к двери. Стук неожиданно повторился. Подруги вздрогнули. Посыльная чуть не облилась кипятком, но вовремя отвела раскалённый носик в сторону.

— Давай... Посмотрим, кто там.

Нина кивнула и воинственно подняла чайник. Дёрнула за ручку. Тревожное заскрипели петли, и дверь открылась. В тамбур брызнула темнота с лестничной площадки. Снаружи никого не оказалось.

— Фух... — Нина выдохнула и повернулась к Майню. — Может...

Не успела посыльная договорить, как через порог что-то перелетело. Прямо перед её ногами оказался красный жгут.

Волосы, заплетённые в тугую косу.

Нина с визгом отпрыгнула от входа. Выронила чайник. Горячая вода разлилась, и поднялся густой пар. Агния невозмутимо переступила лужу и, включив фонарик, вышла на лестничную площадку. Посветила вокруг. Прислушалась.

— Никого, — мрачно заключила гарпия. — Проклятье!

— Может, он уже убежал? — Нина искоса глянула на подброшенный предмет. — Что это такое?

— Я бы услышала, — сердито пробормотала соседка и, закрыв входную дверь, опустила. Взяла косу и поднесла к носу. Принюхалась. На выдохе произнесла: — Аврора. Её духи.

При осмотре косы Агния заметила вплетённый в волосы стебель. Выглядел он сухим, ветхим. Девушка, ногтем подцепив его, вытянула побег и согнула. Не сломался.

— Что? — испугалась Нина. — Ты в этом уверена?

— Среди сектантов принято срезать волосы предателей, — поднявшись на ноги, пояснила Майню и сжала свидетельство в кулак. — В них вплетают акаризский стебель — паучий цветок... Это значит, Аврора их подвела.

— Ты это сейчас серьёзно? — Нина взволнованно пригладила волосы и покосилась на закрытую дверь. — И ты прямо уверена, что это не имитация?

— А кому это нужно? — в ответ спросила Агния и, обойдя соседку, пошла в свою комнату. — Они не взаимодействуют со следствием, но преследуют родственников своих участников, доводят их до... всякого. Может, конечно, это и подражатели, но в одном я уверена наверняка: Аврора мертва. Она бы не позволила просто так срезать свои волосы.

— Может... Может, она просто решила сменить стрижку! — Нина пыталась найти происходящему разумное объяснение. Разумное для неё. — Да и было бы странно, будь у них только такой метод... наказания? В самом деле, не все же носят длинные волосы.

— А ты считаешь, что они срезают только волосы? Поверь, будь она обрита налысо, мы

получили бы куда более зловещий презент.

Спокойствие Агнии поражало. Нина потерянно посмотрела в её спину и не знала, что ей ещё сказать. В конце концов, она поинтересовалась:

— Откуда ты столько всего знаешь?

— Пришлось почитать об этих ребятах, когда мелкая увлеклась... всем этим, — отвечая, Майнью даже не смотрела на Нину. — Тем более, что я и раньше получила почти такую же лет двадцать назад. Только не знала, что это значит... Но тогда и информацию добыть было сложнее.

Следом за Агнией Нина зашла в её комнату. В подтверждение своим словам бывшая гарпия достала из небольшой коробки сначала медную косу, а затем старый снимок и протянула его. На нём были запечатлены сёстры с родителями на заднем плане — лица последних закрашили маркером.

— Ваши родители, — осторожно предположила Нина, — мертвы?

— Это наименьшая из бед. — Агния забрала фотографию. — Они были язычниками, сектантами. Мы должны были пойти по их стопам, но нас спасло то, что их казнили.

— Язычники? — Переспросив, Нина осела на кровать. — Их из-за этого казнили?

— Точно не знаю, — вернув «артефакты» в коробку и добавив новый, сказала Агния. — Менторы говорили, что нас оставили, в Градеине... незадолго до этого. Может, потому и казнили, что оставили. Мы знаем только то, что их убили свои же, по волосам. Их подбросили к порогу семьи, в которой мы воспитывались. Аврора этим больше интересовалась и, как ты видишь, к чему это привело... Она попросила подержать косы у себя, пока она не разберётся с жилищным вопросом... Но теперь, видимо, они навсегда останутся у меня.

Эпизод четвёртый

Карпейское Каэльтство: Градеин (Староград)

15-ый причал водного вокзала

2-20/995

Наутро всякий градеинец проклинал Дунари: необъяснимым образом со дна реки поднимались останки разной степени разложения — как животного происхождения, так и человеческого. Скелетированные в массе своей, но иные картины могли травмировать психологически неустойчивого очевидца. К берегам выносило как целые тела, так и их части. Вместе с ними река выплёвывала на поверхность разные вещи. Прежде репортёров да зевак набережные-пляжи заполнили расплывающаяся на волокна одежда, расклеившиеся сумки и украшения. Драгоценности, переливаясь пролитыми слезами, вспыхивали на камнях и песке, благодаря чему километры вдоль Дунари горели ярче новогодней ёлки.

Испарения кроворек дополнились тошнотворно-сладким запахом разложения и тины, соли. Вонью наполнились беспокойные земли столицы. Респираторы сменились противогазами; дышать становилось труднее. Кратковременно распространение элегии стало наименьшей проблемой.

Тело Авроры Майнью выбросило близ 15-го причала. Ближе к полудню останки подняли. Несмотря на то, что они немало времени провели в воде, ни гниение, ни омыление не коснулись их. Вместо этого труп буквально оброс кристаллами, за счёт чего практически полностью сохранил первозданный вид.

По дороге Хелена Хольт изучила предоставленное Красмор досье. Данных об Авроре Майнью собрали немного: меньше, чем обо всяком подтверждённом участнике АВИСО. Сс

время казни 985-го года культисты стали осторожней, и отличить их от простых инакомыслящих зачастую казалось непосильной задачей.

Хеленой неумолимо овладевал страх — с каждым днём он становился всё сильнее, петлёй затягиваясь на шею. Просветов среди поражённых облаков оставалось всё меньше, и город всё больше начинал походить на тень себя прежнего.

Хольт оказалась в числе первых прибывших на место. Она коронером провела освидетельствование тела. Если при жизни рост его был около метра шестидесяти, то теперь вытянулся до двух. Не отводя от трупа взгляд, ундина надела латексные перчатки — разом две пары, чтобы минимизировать собственные следы — и провела первичный осмотр. Одежда, как и вся органика, прошла процесс кристаллизации: для вскрытия её потребовалось бы срезать. Большая часть кристаллов имела светлый цвет, но в области живота переливалась от красного до багрового. При помощи пинцета ундина отщипнула от кристаллов небольшие фрагменты и разложила по пакетам.

С ходу установить причину смерти оказалось невозможно.

— Госпожа Хольт? — обратился к ней женский голос. Поднявшись, ундина обернулась и увидела Агнию Майнью.

— Здравствуй, — кивнула ей она и припомнила: — Полагаю, не о такой встрече с сестрой ты грезил?

Бывшая гарпия стоически проглотила шпильку. Вместо того, чтобы возмутиться, поблагодарила:

— Спасибо, что оповестила меня.

Хольт кратко кивнула.

— Прими мои соболезнования, — произнесла она и, опасливо посмотрев по сторонам, добавила тише: — Другого опознания не будет... К тому же, в городе действует негласный запрет на иные поминальные службы, кроме... Ты знаешь.

— Да. Я знаю. Ещё раз спасибо.

Едва Агния склонилась над останками сестры, как Хольт коснулась её плеча со словами:

— Будь готова, сестра: грядёт буря.

Об обнаружении тела Залерт узнал благодаря передаче на крематорской волне: он недолго думал, прежде чем надел походную форму и маску. Взяв с собой ксиву, странник покинул уже опустылевшую квартиру.

Залерт сразу закашлялся, когда вышел на улицу. Спешно натянул свой противогаз и зажмурился, когда механические глаза обволокла красная пелена. Мужчина, отвыкший от моргания, прикрыл их веками. Программный анализатор засбоил; картинка стабилизировалась только через несколько секунд. Когда Дмитрий вновь открыл глаза, мозг получил сигнал о токсичном элементе, неизвестном химической таблице.

Повсюду царил смог от многочисленных костров, что должны были спасти город от падения. Все помещения строго изолировали: в общественных местах работали системы кондиционирования. Окна наглухо закрыли. Щели заткнули мокрыми тряпками. Заведения, что не имели предбанника, лишали лицензий. Остальные пускали внутрь не более пяти клиентов. Снять верхнюю одежду, защитную маску, перчатки, надеть новые, не забыть о бахилах... Дмитрий не заметил, когда всё становится так.

Странник беспрепятственно спустился на 15-ый причал — раскрытая у лестницы ксива

гарантировала пропуск. Когда мужчина очутился внизу, тело Авроры уже затягивали полиэтиленом. Залерт на негнущихся ногах подошёл ближе и едва не упал на колени. Складирующие останки роботарии покорно отступили, когда зафиксировали нахождение рядом агента.

Дмитрий не решился дёрнуть за бегунок, чтобы ещё раз увидеть скованное смертью лицо.

— Я думала, мы познакомимся иначе, — засунув руки в карманы, тоскливо проговорила Агния. Тогда техника сфокусировалась на её лице и подсказала владельцу, что незнакомка перед ним являлась старшей сестрой усопшей. По внутренней базе данных Агния проходила как бывшая гарпия тардиградского Санктория. — Не самые удачные обстоятельства.

— Корректней не скажешь.

Знакомство их прошло без официальной части: они не представились и окинули друг друга недоверчивыми взглядами.

— Есть мысли, кто мог её убить?

Залерт качнул головой:

— Никаких. Поначалу я думал... что она просто решила исчезнуть, — поделился он, — но это... слишком для неё. Разве что... Культы, оппозиция — я даже не знаю. По-моему, первые очень удачно мимикрировали под вторых.

— Это ты верно заметил. — Агния хмыкнула. — Вчера я получила её волосы.

На этих словах Залерт напрягся. Бытие странником буквально обязывало не сколько в совершенстве знать историю, столько досконально изучать её тёмную часть.

— Погребальный дар Стиха Сумерек, — вспомнил Дмитрий, — не Бездны. Но... Я не понимаю. Из Карпей их выдавили — по последним данным, остатки окопались в Камнеграде да на руинах Кёнигсберга...

— Думаешь, это имеет значение? Мы оба прекрасно понимаем, что здесь балом правит АВІСО, и косу оставили, скорее, чтобы подтвердить смерть Авроры... Расследования не будет, поэтому, я бы сказала, с их стороны — милосердно лишить меня надежды.

— Это шутка такая?

— Ни разу. В Тардиградске, несмотря на вполне официальные прощания с пропавшими без вести, многие сохраняли надежду на их возвращения. Это ловушка, знаешь. И я рада, что не попала в неё. Тело, конечно, вынесло... А что, если бы нет? Не уверена, что хочу знать ответ.

— Ты говоришь так, будто тебе это безразлично, — упрекнул девушку красморвец. — Это же твоя сестра, как так можно?

— Кровь не только объединяет, — парировала Майнью и прищурилась, глядя куда-то вдаль, — но и разъединяет. Знаешь, когда я была в Тардиградске, то дико скучала по ней... Но... Когда я вернулась, меня встретили таким холодом, какой не бывает в Сибири.

Тело Авроры наконец унесли.

Ещё несколько минут Залерт и Майнью безмолвно стояли, а после тихо разошлись. Больше ничего не связывало.

Глава седьмая. Кардиналы не носят плащи

Литерологи видят в «Кате-Эр» особую ценность — они считают, что оригинальный текст, написанный на карпейском языке, содержит ряд зашифрованных литер, доселе неиспользованных в действующей системе. Исследователи полагают, что сокрытые в

рукописи символы заключают в себе потенциальную возможность предсказывать Восхождения.

Литеры, соответствующие нововосходящим деми, воссоздаются при кропотливой работе с семантикой текста. Точное число зашифрованных символов до сих пор неизвестно: согласно прогнозам мойр, в пророчестве Джестерхейла Опустошённого находится около дюжины спрятанных литер,

— Б. Кельвария, «Литерология: перспективы развития и использования».

Эпизод первый

Российская Империя: Тардиградск

Чернозорьский Санкторий им. Каиры Леоне

11-17/994

— Это вы ещё не видели карпейские образцы: титановые сплавы и, в лучшем случае, щепотка кевлара. После того, как мы заключили контракт с «Линией Иллюзий», всю амуницию удалось модернизировать и... — Михаил с напором восхвалял все достижения Санктория, не обращая внимания на скучающее лицо камнеградского гостя. Замолчать координатора заставил только прикреплённый к шатлену протофон — агрегат завибрировал. — Ах, прошу меня извинить.

Корвин Рейст — вызванный из Камнеграда посредник — удивлённо посмотрел на координатора. Вскинув бровь, некротец проговорил:

— Э... Да, конечно.

Впрочем, его уже не слушали. Монтгомери поднёс протофон к самым глазам и не поверил им, когда прочитал пришедшее ему сообщение. Несмотря на то, что написали его на нова эспере, понял его юноша не с первого раза:

Vetta Jelazo [11.17, в 8:02]: Мертвый снегирь живой. Мы приковали его полу. Пожалуйста, приди в ангар № 3.

Отправительницей сообщения была Лизаветта Желазо — прогнозистка исчезнувшей в Грустине исследовательской группы «Хронос». После потери связи с ней мойру отстранили от выполнения должностных обязанностей до выяснения судьбы участников операции.

— Прошу прощения, — взволнованно начал Монтгомери, глядя на горящий экран протофона, — но я вынужден вас покинуть, господин Рейст. Если хотите, я могу вызвать свою ассистентку — она проводит вас до ангара.

— В этом нет необходимости, — с вежливой улыбкой отказался некротец. Координатор рассеянно кивнул. — Думаю, я сам найду дорогу. Благодарю за беспокойство.

Ему уже был безразличен ответ приглашённого специалиста — Михаил спешно скрылся в служебных помещениях, напоминающих сеть потайных ходов. По ним юноша добрался до ангара № 3: именно там, как правило, размещали неисправные машины — те, что ещё можно было разобрать на запчасти.

— Почему так долго? — Лизаветта перехватила координатора у самого входа. Выглядела она встревоженной.

Это настроение сразу передалось Михаилу. Когда он заглянул в непроницаемо тёмные глаза, его взяла оторопь. Не нашёлся, что сказать. Только обратил внимание, что встроенный дозиметр затрещал.

Желазо, бесцеремонно схватив Монтгомери за локоть, потянула его прямо к собравшейся в центре помещения толпе. Юница, что прежде казалась невероятно хрупкой, резво растолкала работников и буквально толкнула Михаила вперёд.

Когда он оказался в первом ряду, то увидел обугленный двигатель — «Снегиря», вестимо. Признать в этой искорёженной груди металлолома бомбардировщик казалось непросто. Координатор не сразу различил среди поражённых элегией сплавов раскуроченный вентилятор.

— И что? — оглянувшись на подчинённую, спросил Монтгомери. — Я ничего не вижу. Что с ним?

Едва несколько ртов открылись с готовностью ответить, как необходимость в этом отпала. Несмотря на разорванный топливный бак и иные повреждения, турбина пришла в движение. Только крепления удерживали конструкцию на земле.

— Вот деми! — Михаил отшатнулся. — Это что ещё за напасть?

— Я продиагностировала его, — робко отчиталась Лизаветта и стушеввалась, когда почувствовала на себе косые взгляды. — Литеры говорят, что это нечто родственное доказательствам посмертия.

— Доказательствам посмертия! — передразнил её мужской голос из толпы. — Вы её только послушайте! А не из-за твоих ли литер «Хронос» оказался в беде?!

— Литеры не дают точного прогноза, — оправдывалась Лизаветта. — Только вероятность.

— Тогда зачем вы нам вообще нужны?! — поддержала первого стоящая рядом волчица. — Мы и без вас в силах оценить ситуацию!

Интерес собравшихся в ангаре сместился с разбитого самолёта на испуганную девушку. Та не выдержала людского напора да критики и пары минут и начала пятиться. Не успел Михаил опомниться, как кто-то из присутствующих обратил Слово против Желазо.

Шею её рассёк горизонтальный порез.

Несмотря на то, что рана почти сразу запеклась, кровь щедро залила пол. Лизаветта, отчаянно зажимая горло, упала.

— Кто это сделал?! — ошеломлённо спросил Михаил.

Панике никто не поддался. Девушке оперативно оказали первую помощь — найти того, кто принимал непозволительную в стенах Санктория силу, не удалось даже при просмотре материалов с камер наблюдения. Дело так и осталось нераскрытым, а Лизаветту первым самолётом отправили подальше от Западной Сибири. Как и всякого, кто пал её жертвой.

— Господин, — за гвалтом послышался вкрадчивый голос обходчика. Пожилого мужчины, что служил здесь с момента основания Санктория самой Каирой Леоне, — что прикажете делать с двигателем?

— Уничтожить, — принял решение Михаил и обосновал вслух — скорее, для самого себя, так как обходчика рядом уже не было: — Его содержание, как и перевозка, слишком опасны... Он выделяет слишком много элегии, слишком...

Эпизод второй

Российская Империя: Тардиградск

Чернозорьский Санкторий им. Каиры Леоне

2-17/995

Падение «Астарты» изменило Санкторий навсегда. В декабре 994-го года было урезано финансирование программы АДАМ — многочисленные ресурсы и вложения перенаправили на разработку титанов третьего поколения, которое прогнозировалось беспилотным. Планировалось, что управление будет осуществляться не искусственным интеллектом, но дистанционно. В связи с этим новых пилотов на объекте не появлялось, и отныне

тардиградские ангары наполнились бесхозными титанами. Без эксплуатации большинство моделей второго поколения стремительно приходили в негодность, и вблизи раздавались горький запах химикатов и отторгаемого демиургическими костями топлива.

По независимым от финансов причинам сократилась и общая численность штаба. Многих сибирских оперативников отозвали из региона; в Санктории остались преимущественно учёные и исследователи Нулевой Высоты. За исключением роботариев, ныне на территории Тардиградска находились полторы сотни человек. О том, что прежде здесь было многолюдно, напоминали только мультязычные указатели.

Местоположение Живамиж по-прежнему отслеживалось со спутников — ныне деми находилась на Каменной косе, близ базы «Асператус».

Воистину, как и всякий военный объект этих годов, Тардиградск переживает не лучшие времена.

Пилар Кастин остановилась у мемориальной таблички, посвящённой выжившим участникам «Астарты». Прогнозистка поморщилась, когда привычно прочитала список имён и не нашла в нём единственного искомого. Константина Вайната, пилота АДАМ второго поколения под кодовым названием «РК», так и не нашли. Впрочем, напоминала себе Пилар, его даже не искали. Благодаря литерам она знала наверняка, что Вайнат мёртв.

И здесь её больше ничего не держало.

Официально контракт, предписывающий прогнозистке необходимость пребывания в городе, закончился в начале 995-го года, а все знакомые, с кем сложились приятельские отношения, оставили службу в северных регионах страны. Неофициально — она теперь стала частью поселения, и пережитая утрата неведомым образом препятствовала отбытию.

В руках Кастин держала папку с документами и билетами. Многие из них уже были непригодны к использованию: где краска поплыла, а где — время ушло. Пилар давно могла покинуть Тардиградск, но каждый раз вертолёт улетали без неё.

Перед тем, как оставить монумент, мойра поставила на мраморную ступеньку перед ним свечу с вырезанным в воске именем пилота. Установив её среди прочих, подожгла. Воздух наполнился фиалковой отдушкой.

После Кастин вышла на улицу. Снаружи было пусто, темно. Вдоль главной дороги вереницей тянулись жилые дома: по два этажа кирпичной застройки — большинство окон оголодавшей тьмой взирали на глухие проспекты.

Кастин прошла меньше километра, когда из-за темени выплыла городская площадь. Названия у неё не было: в отличие от Санктория, снаружи все таблички и указатели давно полиняли и выцвели, а карты были до того просты и схематичны, что на месте безымянной площади то и дело мерещилась либо пирамида, либо склеп. Не памятник, но погребальный костёр возвышался на ней. Высота его достигала крыши соседних домов, а диаметр превышал десятку метров. Дым его покрывал улицы военного городка. Лежащий вокруг снег давно потерял белизну из-за вездесущей копоти. Всполохи сизых искр сливались с киноварийскими огнями.

Перед костром стоял Михаил. Впервые за всё время в Сибири Кастин увидела его в гражданской одежде. Лицо его белело болезнью, а под глазами синели мешки. Лишь по наитию Пилар признала в этом измученном человеке координатора Тардиградска. Прогнозистка безмолвно встала рядом с ним и также безучастно посмотрела на огонь.

— Сегодня мне пришло сообщение от сестры, — нарушил тишину Михаил, и вместе со словами из его рта вышли облака пара. — В Градеине волнения, и она боится, что скоро

это коснётся семьи.

— «Кате-Эр»?

— Скорее всего, — подтвердил координатор и, нахмурившись, закурил. Сделал он это неумело: так, будто до этого только со стороны видел сигареты. — Знаешь, я никогда не понимал политику. Мой отец дал людям то, что они просили — независимость от России, а теперь они хотят вернуться к тому, что их к этой зависимости привело. Мне больно от того, сколько людей ненавидит мой род.

— Всегда найдётся тот, кто захочет свергнуть власть, — прозаически заметила бхаратка, — сомневаюсь, что дело в фамилии. На ваше место могли бы найтись и другие преемники.

— Я знаю, но от этого не легче. Нужно учитывать, что Карпея в нынешнем состоянии наиболее уязвима. Думаешь, в России подобных пророчеств не бывало? А лжепророков? Всё это было и всё это есть, но здесь оно не успевает даже дойти до органов цензуры — местные всю эсхатологию перемалывают в абсурд.

— Так почему тогда члены твоей семьи не оставят столицу хотя бы на время? Думаю, в провинции или даже в другой стране им будет куда безопаснее, чем в Каэльтстве сейчас.

— Если бы... Стоит им немного расслабиться, как вся иллюзия власти оставит их дом. Они ни за что не бросят столицу.

— Иллюзия власти? Что ты хочешь этим сказать?

Михаил замаялся. Заметив его реакцию, Кастин отвела взгляд и вздохнула. Спустя минуту Монтгомери вновь обратился к прогнозистке:

— Я понимаю, что это будет личная просьба, но... Не затруднит ли тебя узнать, что ожидает мою сестру, Марианну?

— Конечно, — согласилась мойра, — я это сделаю.

Самая обычная смена в диспетчерской вышке. На посту были двое мужчин.

— Слышал о том посреднике? — за калибровкой аппаратуры поинтересовался у напарника диспетчер, Семён Городымов. — Ну, тот, что с «Астартой» чуть не отсох в Грустине.

— Нет, а что с ним? — спросил второй, Тимоти Фойерк.

— Так говорят, что умер всё-таки. Видели его в последний раз в Ландо, по дороге в Линейную, — рассказал мужчина и таинственно понизил голос: — В списке выживших его так и не нашли. Проклятье! Кажется, пора вызывать ремонтников — эта штука целый день сбоит.

— Да чего ты всё возишься? Живамиж сюда и носу не кажет. — Фойерк осоловело глянул на подсвеченный зеленью радар. — Нашёл, о чём беспокоиться! Лучше давай по кофе, у нас ночь впереди.

— Твоя правда, — неуверенно согласился первый. — В Камнеграде о нас забыли — можно и расслабиться.

Едва Городымов собрался оставить аппаратуру, как радар уловил движение на северо-востоке. Семён привычно ударил прибор по верхней панели, но ничего не изменилось. Когда дистанция заметно сократилась, красморовец оторвал от экрана взгляд и перевёл его на широкое панорамное окно. Из-за горизонта показалась человеческая фигура. Ветер беспощадно срывал с неё доспехи, и броня кусками усеивала пройденный путь.

Только через минуту Городымов соотнёс масштабы неизвестного субъекта и

полученные с радара данные.

То, что мужчина увидел, человеком быть не могло.

— Ты это тоже видишь? — вполголоса спросил Семён и поднял на напарника встревоженный взгляд. Фойерк также смотрел на движущийся объект. — Что это?

Тимоти рассеянно кивнул. Схватил с ближайшей полки бинокль и поднёс к глазам. Приблизения оказалось недостаточно, чтобы рассмотреть фигуру детально, но хватило, чтобы с уверенностью заявить:

— Это АДАМ, — вынес вердикт Фойерк. — Не уверен, но... Похож на «РК». Проклятье... Нужно доложить об этом Монтгомери.

— Будет сделано. — Семён, поправив фуражку, накинул на плечи мундир. — Ты попытайся пока выйти на связь с пилотом.

Не смолкали поминальные службы в Градемине. Репортажи, заметки, фотокорреспонденция... Замедление трафика не могло укрыть все те ужасы, что происходили в тысячах километрах от Тардиградска. Передовицы карпейский газет перетекали в социальные сети, тем самым позволяя балтийским раствориться в архивах. Никто уж и не помнил о Линейной. Казалось, Синекам перестал существовать во всех смыслах.

Уже в своём кабинете Михаил изучал последние сводки новостей. Даже несмотря на жёсткие фильтры и вездесущую цензуру, в сеть проникало всё больше и больше потрясающих воображение деталей. Так, например, листая ленту «Ментаксиона», юноша натывается на записи с набережной Дунари. Видит шеренги поражённых со стянутыми за спинами руками. Из подписи брюнет узнаёт, что в кадре запечатлены революционеры, вдохнувшие слишком много испарений кроворек. Они утратили дар речи, а непогода поразила их элегическим манифестом.

— Неудивительно, — хмыкнул Монтгомери, — что некоторые считают это концом света...

Тем временем Кастин тасовала карты. По личным вопросам мойры не использовали электронную систему прогнозирования Санктория — как бы то ни было, но там сохранялась вся история сеанса.

Внезапно дверь распахнулась. На пороге появился запыхавшийся диспетчер в форменном мундире. Монтгомери и Кастин, мигом поднявшись со своих мест, переглянулись.

— Господин Монтгомери, — отдышавшись, заговорил Семён, — на подступах к городу замечен АДАМ неустановленной модели. Пожалуйста, пойдёмте за мной!

Договорив, Городымов сразу унёсся прочь.

— Постой, — остановила координатора Кастин, едва тот сорвался следом, — он сказал АДАМ? Я не ослышалась?

— Нет, — прошептал Михаил. — Пошли. Смею предположить, что прогнозистка нам там определённо понадобится.

Вместе они направились в сторону вышки.

Санкторий ещё функционировал в штатном режиме, а, если быть точнее, спал. Ночь глубокая и тёмная укрывала городок, и лишь мощные прожектора, установленные по всему периметру тардиградского центра автоматизированного управления, могли развеять этот мрак.

— Господин Монтгомери, — салютовал, отчитывался перед тем уже Фойерк, — установить связь с пилотом не удалось.

Проигнорировав радар, Михаил подошёл к одному из панорамных окон и, опершись на подоконник, посмотрел в снежную даль. Исполинская фигура титана не двигалась. Благодаря поданному Городымовым биноклю координатору удалось рассмотреть АДАМ несколько лучше. В отличие от подчинённых, он уверенно атрибутировал в машине исчезнувшего Радиоактивного Кардинала.

— Я бы больше удивился, если бы у тебя получилось, — заговорил Монтгомери и передал бинокль мойре. — Надо мыслить рационально. Я правильно понимаю, что все собравшиеся в пункте видят на горизонте АДАМ и, что вполне вероятно, утеряннук несколько месяцев назад?

— Да, — почти синхронно ответили остальные.

— И установить контакт не выходит?

— Да, — вновь подтверждение, и продолжила уже озабоченная Кастин: — Ты и сам знаешь, что он бы там не выжил. С полученными повреждениями... Нет, это невозможно. С кабиной пилота у вас и не получилось бы установить связь. Он... Он отключил всё — всё, вплоть до камер. Я больше не могла ни связаться с ним, ни... ни увидеть. Кто-то ещё предполагал, что он перенаправил все мощности на опорно-двигательный аппарат...

— Если там нет никого живого, — искренне недоумевал Городымов, — как он может передвигаться? Что-то я не припомню, чтобы «РК» относился к беспилотникам.

— Он и не относился, — осев на стул, сказала Кастин. Глаза её заслезились, когда она вновь взглянула на титана. Едва Михаил наклонился к ней, как женщина резко отвернулась: — Нет-нет, со мной всё в порядке. Просто... Просто я не понимаю, как такое возможно.

— Подобное уже бывало, — не своим голосом сообщил Михаил и бросил напряжённый взгляд на радар. — Я собственными глазами видел, как оживал разбитый бомбардировщик... Тогда я списал всё на действие элегии — госпожа Желазо сказала, что по диагностике это было своего рода доказательством посмертия, но теперь... Я ничего не понимаю. АДАМ должна работать по иному принципу: находящийся внутри эндоскелет так же уязвим перед элегией, как и деми...

— Но, тем не менее, существует вероятность, что техникой управляет... андер? — задумчиво поглаживая бороду, спросил Фойерк. — Что-то я не припомню, чтобы доказательства посмертия имели материальность и фиксировались чем-то, кроме камер.

— Мы можем попробовать это узнать, — решил Михаил и повернулся к мойре. — Поможешь?

Пилар нерешительно кивнула.

Вместе они отправились в подземный сектор Санктория.

Пока диспетчера обсуждали с координатором сложившуюся обстановку, Пилар надела шлем дополненной реальности и подключилась к литературологической системе. Повернулась к клавиатуре. Авторизовалась. Поочерёдно ввела в строку запросов вопросы — при их составлении была важна не только цель, но и каким образом построили сами предложения. Это считалось одним из критериев шанса успешного прогнозирования.

Ответом на каждый вопрос служили три литеры с погрешностью в одну пустую. Каждая тардиградская прогнозистка знала, что для калибровки прогноза необходимо, чтобы совпал результат, как минимум, трёх по-разному составленных вопросов. Таким образом вероятность ошибки сводилась к минимуму.

У Кастин ушло не меньше получаса на то, чтобы продиагностировать сложившуюся ситуацию. Когда с вводом вопросов было покончено, женщина надела перчатки с чувствительными сенсорами на пальцах. Они позволяли бесконтактно взаимодействовать с системой и перебирать не только варианты, но и управлять всеми доступными толкованиями.

— Нет, пожалуйста, хватит, — из последних сил отбивался от упёртых диспетчеров Монтомери, — это не может быть «РК». В смысле, там не может быть пилота «РК». Того кто бы мог им управлять. Мы уже неоднократно опрашивали свидетелей и участников «Астарты» — все подтвердили, что его унесла Живамиж.

Литера Раге (перекрещенный треугольник): субъект был мёртв в ходе войны.

Литера Немока (птичья лапа): субъект подвержен болезни.

Литера Некры (перевернутый узел жизни; перевернутая): субъект не будет мёртв.

— Михаил, — подала голос Пилар и, напоследок глянув на выведенные программой литеры с расшифровками, сообщила: — Похоже, он вернулся. Я сама не до конца понимаю, что это значит, но... мы должны выйти к нему.

При этом женское сердце наполнилось сомнениями. Неуверенностью, когда она увидела на полученный результат. Ей самой было сложно поверить, что он имеет хоть какое-то отношение к Константину.

Каждый пилот отдавал себе отчёт, что его тело могло навсегда остаться в кабине. Из поражённой элегией или иным токсичным веществом техники останки не извлекали в силу «неоправданного риска». Многие из них становились посмертными узниками боевых машин: не имело значения, самолёта или АДАМ.

Несомненно, эксгумация останков происходило при доказанной необходимости, а так же при наличии в штате посредника. Если первое условие можно было считать соблюденным, то второе — нет. Кроме того, Тардиградск в актуальном состоянии не обладал ресурсами для Нисхождения... титана.

— Нет, — отрезал Михаил, — я запрещаю кому-либо из вас подходить к нему. Во всяком случае, пока не будет получено иного распоряжения из Камнеграда. Мы никогда с подобным не сталкивались, и я не могу допустить, чтобы...

— Как ты вообще можешь принимать такие решения? — Фойерк скептически посмотрел на него. — Тебе даже нет двадцати семи, а ты уже пытаешься переписывать правила. Сейчас ты нарушаешь уже наши инструкции, а по регламенту мы как раз-таки должны установить связь с АДАМ.

Эпизод третий

Российская Империя: Тардиградск

Чернозорьский Санкторий им. Каиры Леоне

2-18/995

Радиоактивный Кардинал остановился в четверти километра от взлётной площадки Санктория. Защищённая волчьими доспехами, первой пошла Пилар. Мойра была преисполнена решимостью. Вытянутой рукой укрываясь от летящего в глаза снега, Кастин целеустремлённо шла навстречу АДАМ. Последняя стояла неподвижно. Как вкопанная. Только когда прогнозистка сократила расстояние до десятка метров, голова титана накренилась и со скрежетом опустилась. Пилар оказалась в световом круге жёлтых прожекторов.

Меж титановых пластин проступали мясистые наросты. Их покрывала ещё совсем

тонкая кожа. Всё это месиво пульсировало так, будто эндоскелетом двигал не ток, но жизнь. Безобразная масса, оплетающая демиургическую форму, непрестанно смердела. Некротический смрад пробивался даже сквозь респираторы и фильтры и противогазов.

На мгновение мойре показалось, что её парализовало. При виде подобной биомеханики женщина хотела закрыться, заслониться. Тревожно застучало сердце. Не в силах сдвинуться с места, она беззвучно начинает молиться. Её молитва не содержала имён деми, лишь надежду на спасение.

— Госпожа Кастин! — позвала Пилар бежавшая за ней дозиметристка с измерительным прибором в руке. — Здесь небезопасно. Очень сильно фонит!

Техника согласно трещала.

— Насколько сильно? — совладав с собой, спросила прогнозистка и обернулась.

— Будь я проклят, — ошеломлённо подняв взгляд на титана, вымолвил Михаил и едва не рухнул в снег. Как и всякий, на ком ответственность за жизни других, координатор не смог остаться в стороне. — Что с ним произошло?

— Ну и что вы тут столпились? — раздражённо спросил Фойерк. Не дожидаясь ответа, шёл дальше и подгонял других: — Давайте-давайте! Чем быстрее мы всё сделаем, тем скорее вернёмся обратно.

Опомнившись, Кастин потянулась к нему:

— Тим! — крикнула она. — Стой!

Фойерк, пренебрегая просьбой сослуживицы, решительно идёт дальше и на ходу поднимает рупор. Едва красноровец подходит вплотную, как падает замертво.

— О деми... — вымолвила дозиметристка и выронила измерительный прибор. Стоило тому соприкоснуться с землёй, как треск перешёл в писк, и из динамика пополз дым. — Тим! Тим, что с тобой?!

Едва дозиметристка собралась броситься к диспетчеру, как Пилар крепко схватила её за локоть и рывком притянула к себе. Девушка попыталась вырваться, но вместо этого мойра ещё крепче сжала её руку. В тот момент Кастин поняла, что вернулся вовсе не Константин Вайнат. Прогнозистке не требовались литеры, чтобы озвучить исход:

— Нас больше не существует, — прошептала она. — Мы должны закрыться, на карантин.

— Что? — Дозиметристка исступлённо замерла. — Это ещё почему?

Уже о чём-то догадавшись, Михаил спросил:

— Кас, что случилось? — напряженно. — Кто это?

Она повернулась к коллегам.

— Это Немок, — выдохнув, сказала Пилар.

Эпизод четвёртый

Российская Империя: Тардиградск

Чернозорьский Санкторий им. Каиры Леоне

2-19/995

При вскрытии Тимоти Фойерка выяснилось, что причиной его кончины послужило воспаление лёгких, развившееся на фоне терминальной стадии элегического манифеста — столь стремительное течение болезни было зафиксировано впервые.

Вопреки тому, что элегический фон измерили и признали безопасным, а останки — сожжены, Санкторий перешёл в режим карантина. Все оставшиеся в городе люди тестировались на манифест, сдавали кровь. Лаборатории работали на износ. В анализах,

естественно, ничего обнаружить не смогли. Это даже не удивляло. Лекариии не скрывали, что современной технике неподвластно обнаружить неопределённое число болезней. Им не хватало времени, чтобы обновить методы исследования и диагностики человеческого организма. Окружившие их условия менялись слишком стремительно.

Никто не знал, сколько Немоку требовалось времени, чтобы породить новую болезнь. Какой-либо статистики за период прошлого Восхождения попросту не было; однако истории, что приходили прямиком из Балтийской Республики, несостоявшийся наследник помнил назубок. Самым опасным при контакте — да даже при географической близости — являлось то, что зачастую для выявления новой болезни не существовало инструментов или знаний, позволяющих обнаружить её на начальной стадии.

За ночь умерло ещё несколько человек. Их причины смерти установить так и не удалось: ни вскрытие, ни анализы биоматериалов не дали какого-либо результата. Час за часом обстановка в Санктории накалялась. К делу подключились немногочисленные вестницы — они окурили фиалкой все переходы и залы. Ненадолго всё успокоилось.

По прошествии семи часов АДАМ всё ещё стоял на том же месте. Несмотря на то, что с её стороны более не зафиксировали движения, близость титана оказывала на Тардиградск если не пагубное, то странное Воздействие.

— Мы не остановим его. Если только замедлим, — сообщила координатору Пилар, когда заглянула к тому в кабинет. Никто из них более не возвращался к незавершённой диагностике Марианны. — Когда мы умрём, он двинется дальше.

В это время Михаил пытался связаться с Камнеградом. Несмотря на все его усилия, сделать это так и не получилось — сигнал, вопреки исправности аппаратуры, всякий раз обрывался.

— Принято, — краткий кивок. — Сколько у нас времени?

— Я... Я не знаю... — Кастин качнула головой и дотронулась до раскалённого головной болью лба. — Два дня... Может, два часа.

— Не такого ответа я ждал. — Михаил вздохнул. — Тебе удалось что-нибудь ещё выяснить? Например... Почему он ожил?

Зайдя, Пилар прикрыла за собой дверь.

— Живамиж... Матерь Жизни, — на выдохе ответила мойра, и имя названной деми прозвучало приговором, значение которого было пока неясно. Женщина взяла в руки колоду карт. В сравнении с классической игральной, она была больше размером, а рубашка — однотонная, чёрная. — Вот, видишь?

Кастин выложила на стол рукотворную карту. На ней были начертаны две линии с кругом по центру — его края охватывали каждую из полос.

— Что это? — Монтгомери потянулся к карте, но в последний момент одёрнул руку и отвернулся. — Почему никто раньше не говорил о таких возможностях Живамиж?

— Мы не знали. Мы не могли узнать. Литеру открыли совсем недавно — её ещё даже в системе нет, и диагностика... Ты и без меня знаешь, что она не будет точной, пока не откроют все литеры. Мы стали ближе только на шаг к абсолютному прогнозированию.

Когда мойра ушёл, Михаил вновь попытался связаться с камнеградским подразделением. Оставив стационарный протофон с допуском, юноша сел за компьютер. Написал несколько сообщений. Принялся ждать. Несмотря на разницу с северо-западом в четыре часа, координатор по наивности рассчитывал на скорый ответ.

Оставшееся до рассвета время Монтгомери нервно расхаживал из угла в угол. Внешняя

почта молчала. Испугавшись собственного отчаяния, Михаил написал сообщение своей сестре. Как единственной, кому бы он мог доверить свои переживания. Однако впоследствии он стёр всё, кроме: «Техника нестабильна. Сохраняй бдительность и береги себя».

Марианне ни к чему знать о Немоке, решил Михаил. Вскоре он с ужасом обнаружил, что ни одно из сообщений не отправилось. Несмотря на идеальное соединение с сетью, выйти с кем-либо на связь не вышло. На том официальная история Тардиградска подошла к концу.

То, что происходит дальше, с малой вероятностью станет известно.

— Куда ты бежишь? — в коридоре подловила координатора Пилар. — Михаил!

— Я ни с кем не могу связаться, — впопыхах ответил тот. — Надо перезапустить...

Не успела речь воспламениться, как Монтгомери закашлялся. Во рту ясно ощутился металлический привкус крови. Михаил выдернул из нагрудного кармана платок и промочил уголки губ. На шёлке проступили алые разводы.

Издали тем временем донёсся отчаянный вопль. Немок, заточённый в доспехи Радиоактивного Кардинала, повернул голову. Сделал несколько шагов. Внешние камеры, установленные на окружающих Тардиградск стенах, уловили движение наблюдаемого объекта и подали сигнал на систему оповещения. Тревогой наполнились улицы. Прозвучала она отлично от других — парой чётких ударов, подобных бою в гонг.

Волнение сотрясло нутро погребального костра. На мгновение он стал ярче. Затем — практически погас. Обрушился его бревенчатый каркас. Сквозь пламя прорвалась обугленная рука, а после — ещё одна и ещё. В считанные секунды костёр развалился, и на промёрзшую площадь выбрался отряд ревенантов. Тела их — местами раздробленные, разложившееся — источали дым и пар.

Все немёртвые единым строем двинулись к приоткрытым дверям Санктория.

— Ты это слышишь? — откашлявшись, спросил Михаил. Он бросил обеспокоенный взгляд сначала на Пилар, а после на дверь. Женщина, вслушиваясь, вытянула шею и попыталась хоть что-то разглядеть за заледеневшим стеклом. — Будто снаружи кто-то есть.

Шаркающие шаги. Лязг металлических пластин. Скрип снега.

Из-за двери засмердело гарью, тлением.

— Да, — растерянно подтвердила прогнозистка. Михаил стянул с плеча винтовку VugaJ-UT 45-го калибра. Снял с предохранителя. — Надо опустить решётку.

Едва Пилар подалась к рычагу, как двери распахнулись. Порывом мощного ветра её отбросило в сторону рецепции — женщина ударилась головой об острый угол стола и, на долю секунды показалось, потеряла сознание. Веки её задрожали. Лицо исказила гримаса боли. Прогнозистка коснулась своего затылка, и на пальцах отпечаталась кровь.

На пороге появились несколько ревенантов. Искры отлетали от их обращённой в уголь плоти, а ноги копотью оставляли следы. Внешне немёртвые напоминали расколовшиеся древние статуи. Только дыры вместо глаз, носа и рта напоминали о том, что визитёры принадлежали к человеческому роду.

— Какого?! — Михаил отскочил в сторону. — Кас?!

Ревенанты повернулись на его голос.

Находившиеся в помещении радиоприёмники зашипели. Покрывшиеся инеем динамики прохрипели:

— Наступает наш Парад... — и подтверждение тому Михаил увидел сам. — Наступает

наш Парад...

Координатор выстрелил. Оружие он держал уверенно, целился быстро и метко. Однако тела ревенантов впитывали пули точно губки; свинец нисколько не замедлял немёртвых. Существа, что прежде относились к демиборцам, наступали медленно, но неумолимо. «Наступает наш Парад», — звучало отовсюду и вокруг. Чему или кому принадлежали эти слова — радиоприёмникам или усохшим глоткам — определить было сложно.

— Проклятье! — Монтгомери, попятившись, перезаряжал винтовку. Патроны выскальзывали из его рук. Лицо молодого человека исказилось волнением и страхом. — Их ничто не берёт?

Пилар не без труда встала и зло посмотрела сначала на ревенантов, затем — на рычаг. Струющаяся кровь пропитывала рыжеватые волосы, растекалась по лицу и застилала глаза.

— Давай, — потребовал Михаил и жестом подозвал мойру к себе, — пошли!

Вместо этого Кастин бросилась к рычагу. Она буквально повисла на нём, и вход в Санкторий закрылся решёткой. Горизонтальные её прутья насквозь проржавели, но вертикальные — деметалловые — всё ещё сверкали новизной первого дня. Оставшиеся ревенанты, единиц шесть-семь, остались снаружи. Они не пытались снести преграду или пробить её. Немёртвые, будто чего-то ожидая, замерли перед порогом.

— Кастин! — продолжая отступать, крикнул женщине Монтгомери. — Давай, пошли!

Кивнув, она попыталась просочиться мимо ревенантов.

Но было слишком поздно.

Если два ревенанта просто потянулись к ней, то третий обнажил саблю и, схватив Кастин за плечо, проткнул её. Рот прогнозистки открылся в хриплом крике. Глаза широко распахнулись. Женщина рефлекторно протянула координатору руку, но тот, увидев растекающуюся под ней лужу крови, покинул вестибюль.

Едва Монтгомери переступил порог, как ревенант снял Пилар с лезвия и встряхнул его. Кровью окропило всё вокруг — несколько капель попали и на самого Михаила. Тот поморщился. Глядя предсмертные трепыхания Пилар, он переборол себя и закрыл дверь. Ревенант с разящим клинком подошёл к ней вплотную и посмотрел в небольшое окно, что отделяло его от остального Санктория.

Дрожащими руками Михаил нашарил ключ. Запер дверь. Поторопился в ангар. По пути активировал через протофон городскую систему оповещений. Вбил сообщение:

— «Внимание-внимание! Сбор в ангаре № 1 через 10 минут!» — в последний раз транслировал репродукторы. — «Внимание-внимание!..»

Сам Монтгомери оказался на месте через пять минут, не забыв при этом закрывать за собой двери — где на ключ, а где на обычную щеколду. К тому моменту уже всё немногочисленное население военного городка стянулось в ангар. Среди присутствующих не было пожилых и детей — в Тардиградске остались только те, кто держал в руках оружие.

— Миша! — подлетела к молодому человеку юная пилотесса, Ивон Герц. При обращении её «ш» звучало как «щ». — Что с тобой? Почему... Ты весь в крови!

Он рукавом стёр с щеки кровь и ответил:

Помещение наполнилось тревожными перешёптываниями.

— Это не моя кровь, — вздох. Глубокий, хриплый, надрывающий грудь. — Ревенанты... Они ожили... и убили Пилар...

— Что?! — Ивон истерично взмахнул руками. — Как такое может быть?!

Монтгомери, рассматривая лица своих подчинённых, шагнула вперёд. Собравшись с

мыслями, заговорила:

— Друзья... и подруги. У меня для вас... плохая новость: живыми мы отсюда уже не выберемся. Больше не имеет значения, что скажут литеры — отныне мы предоставлены сами себе. Прямо сейчас на город движется Немок в облики Радиоактивного Кардинала. Неважно, верите ли вы в меня, Императора или во что-либо еще — сейчас только от нас зависит, когда Немок двинется дальше и поразит иные участки России, а после и всего мира.

Никто не покинул ангар. Начинается подготовка: в доспехи облачаются крематоры, а вестницы заправляют кадьницы. Каждому предоставляется оружие, боеприпасы. Всё происходит невероятно организованно и быстро.

— Мы должны провести Нисхождение, — обратился к Ивон координатор.

Та негодовала:

— Нисхождение? Ты вообще в своём уме?! У нас ничего для него нет.

Так и было: в нынешнем состоянии Санкторий не располагал достаточными ресурсами, чтобы провести Нисхождение. Без учёта АДАМ, пехота — с авиацией для надёжности — играет немаловажную роль. Не каждый титан обладает мощностями, для пользования урановых снарядов, потому в прежних операциях немаловажная роль отводилась стороннему обстрелу, в то время как основной обязанностью АДАМ являлась фиксация и удержание деми.

— А все эти машины, — взмахнув руками, спросил координатор, — на что тебе?

— Они не обладают должными мощностями. Ра'Кар был единственным, кто мог провести Нисхождение без... без сторонней помощи.

Радиоактивный Кардинал был новейшим экземпляром на вооружении Тардиградска, и потеря его отразилась не лучшим образом на состоянии базы.

— Значит, сначала займёмся машиной, — обеспокоенно поглядывая на пилотессу, решал Михаил, — лишим эту тварь панциря, а там уж и с внутренностями разберёмся. Если это потребуется. Внутри Ра'Кара всё ещё есть атомный реактор. Если мы сможем его уничтожить, радиация сделает своё дело.

— С чего ты вообще взял, что мы сможем его убить?

— Пока жива Некра, — впопыхах бросил Монтгомери и оглянулся, — мы сможем убить кого угодно.

— Что?! — наморщившись, удивилась Герц. — О чём ты?!

Но координатор так и не пояснил.

Затем они подошли к вывешенной при входе карте.

— Мы не знаем, в каком он состоянии... — настороженно заметила Герц. — Впрочем, вариантов у нас немного. Надеюсь, ты понимаешь, что здесь этого делать нельзя?

— Разумеется. Я готов самолично сесть в кресло в пилота.

— Главное — отвести его подальше от города. Оптимально — в сторону Киноварийска, — ногтем стуча по стенду, продолжала рассуждать Ивон. — К тому же, вспомни, что произошло с Фойерком. К Ра'Кару нельзя особо приближаться. Нам повезёт, если броня титанов хоть как-то защитит нас от воздействия Немока.

Громкий хлопок. Ненадолго все приготовления остановились — на верхнем ярусе ангара появляется сама Каира Леоне. Тихоходка, чьё тело скрывает массивный доспех, окидывает первый этаж суровым взглядом. Забрало шлема приподнято, и опаляющим холодом сверкают её глаза. Все преклоняют колени, когда Верховная Жрица спускается вниз и собственным присутствием освящает готовящуюся битву.

Доспехи тихоходок представляли собой отдельный вид искусства. Деметалловая чешуя покрывала туловище и плавно переходила в подобие юбки. Эполетами служили посеребрённые черепа врагов, лбы которых были инкрустированы демитирами. Поножи сплели из прочнейших стеблей акаризы, а плащ соткали из её багровых лепестков.

— Вы уверены в своих намерениях, — обратилась она леденящим душу голосом к координатору, — господин Монтгомери? Тардиградск не приспособлен к отражению атаки деми, а своими действиями вы именно на то и спровоцируете Немока.

— Да, госпожа, — ответил Михаил. — Уверен.

С минуту предвестница смотрела на него, а после сказала:

— Они рассчитывают на вас, господин Монтгомери. Мы с сёстрами сделаем всё, что в наших силах, чтобы поддержать вас в столь нелёгком пути. Я лично направлю зенитные орудия по врагу, — заверила тихоходка человека, но с каждым последующим словом тон её становился всё более угрожающим: — Впрочем, если вы не оправдаете моих ожиданий, я не побоюсь воплотить ваши страхи в реальность: помните, что Санкторий принадлежит мне, и я слышу каждое слово, что произносят в его стенах.

Вся подготовка заняла около десяти минут. Монтгомери и Герц облачились в комбинезоны со свинцовой обшивкой. Последнее — вынужденная мера, необходимая к соблюдению при пилотировании первых образцов второго поколения: установленный в них атомный реактор изолировали в недостаточной степени.

— Ивон, — на ходу застёгивая пилотную куртку, обратился к идущей рядом девушке Михаил, — что по машинам? Какие титаны в строю?

— Только Первокнязь и Белоночь, — ответила она, мельком глянув на оставшиеся в ангаре единицы АДАМ. — Остальных нужно обкатывать сызнова.

Самые первые представители второго поколения АДАМ. Устаревшие как морально, так и физически: в сравнении с Радиоактивным Кардиналом, они настоящая рухлядь. Принципиальное отличие заключается в том, что в строении Первокнязя и Белоночи использовались лишь фрагменты останков Лира, Отца Кошмаров. В связи с этим эндоскелеты их с сопутствующим каркасом считаются наименее надёжными и стойкими.

Белоночь являлась самой маленькой АДАМ — чуть больше 30 метров — и самой быстрой. Манёвренность её была обусловлена размерами с минимализмом вооружения: никаких ракетных установок, только ловкость и пара крупнокалиберных турелей. Окрасили АДАМ в зимней палитре: корпус — серебристый с вкраплениями белого, лицевая панель — серая, а при включённой подсветке — голубая. Визуальной особенностью модели считали антенны с щитками над головным отсеком, «ледяная корона».

В противовес своей «сестре» Первокнязь обладал стандартными для второго поколения габаритами. Долгое время титан патрулировал таёжные земли, из-за чего его окрас полностью соответствовал требуемому той зоной камуфляжу. Скорость Первокнязя была немногим выше, чем у Радиоактивного Кардинала. Вооружение его так же не отличалось, а из дополнительного — выдвигаемые из рук мечи.

— Негусто... Получается, я поведу Первокнязя, — догадался координатор и вспомнил с грустной улыбкой: — Когда я учился в ВАД, у меня был семестр обучения на симуляторах для пилотов.

— И сколько Нисхождений?

— Двенадцать Нисхождений, — не без самодовольства ответил юноша, — двенадцать побед.

— Надо же! — искренне восхитилась Ивон. — И почему ты не пилотировал раньше?

— Я не хотел воевать, — мрачно ответил Монтгомери, — но теперь... Больше всего я не хочу, чтобы это коснулось моей семьи.

На том они разошлись. Герц отправилась к Белоночи, а координатор забрал свободного Первокнязя.

— Эй, Миша, — напоследок обратилась к нему Герц. Когда он повернулся, она попрощалась с ним: — До встречи на другой стороне.

— До встречи, Ивон, — кивнул тот и опустил голову. — До встречи...

Одновременно они забрались в кабины. Подключились к нейроинтерфейсам. Если движения Герц были отточены, то Монтгомери действовал не столь уверенно. Поочередно загорелись приборные панели. Белоночь пробудилась первой; после Первокнязя обходчики пристыковали к рельсам и вывезли к открывшимся вратам. Покуда встречный ветер заносил помещение снегом, Монтгомери успешно вспоминал азы управления АДАМ.

Радиоактивный Кардинал приблизился на километр, когда Санкторий перешёл в режим боевой готовности. Пробудилась из глубокого сна система противовоздушной обороны. По периметру всего Тардиградска с гулким скрежетом выехали древние зенитные пушки. После завершения диагностики они синхронно, точно по команде, навелись на поражённого титана — от поддерживающих установки крепежей пластинами отваливалась ржавчина.

Серое небо загорелось едким светом. Химические следы снарядов пронзили окутавший воздушное пространство элегический смог. Новый рассвет зардел у горизонта.

Массированный обстрел продлился не меньше пяти минут. Взрывами вспыхивали доспехи АДАМ. Загораясь, целыми пластами слетала броня. Сам Немок оступился, но не упал. Сохранив равновесие, деми выпрямился — на месте отвалившихся пластин, среди механизмов и проводки, проступал покрытый органикой деметалловый скелет. Фиолетовая, почти багровая, она была обтянута сеткой зеленоватых вен, что пульсировали и источали тёмную, вязкую как слизь, кровь. Реактор, питавший прежде титана, спал под саркофагом божественной плоти.

Когда показалось, что от Кардинала ничего не осталось, послышался металлический скрежет. Немок двинулся дальше. Зашёл на взлётную площадку с засыпанными снегом вертолётными.

В последний раз открылись двери ангара, и наружу вышел Первокнязь. Спустя пять минут — Белоночь. Земля задрожала под их ногами, и снежные барханы рассыпались от вибрации титановых шагов.

— Наша задача — не позволить ему приблизиться к городу, — по внутренней связи напомнил Монтгомери. Герц, услышав его прерывистый голос, кивнула. — Попытаемся отвести его подальше, а там... будь что будет.

— Принято.

Загорелись прожектора Кардинала. Немок до последнего не реагировал на приближающихся к нему АДАМ. Первокнязь переходит в режим боя. Отъезжают в сторону грудные пластины. На свет выезжают ракетные установки. Десятки пар крыльев прорезают воздух и устремляются прямо в Кардинала. Бьёт его. Немок приходит в бешенство. Сохранившиеся чудом пулемёты открывают огонь. Белоночь, пытаясь уклониться от преследующих её выстрелов, оббегает деми и заходит за его спину.

Скакнул элегический фон.

На радарх появились сигнатуры неизвестного происхождения.

— Ты это видишь? — спросила Ивон.

— Да... — Михаил несколько раз перезапустил сканирование. Результат не изменился. Картинка время от времени сбоила. — Что это?

У горизонта взрывами запенился снег. Из-под снега выросли гигантские фигуры. Титаны — древние, но повреждённые — лоснились скверной и, один за другим наводя оружие на город, двигались прямо на Санкторий. Впервые за столетие бездействия активировались экземпляры первого поколения. Так же среди них были и модели второго — с оторванными конечностями, ползущие, катящиеся... Даже при дистанции в десятки километров дозиметры сходили с ума.

— Не отходим от плана, — без промедлений скомандовал Михаил.

Тем временем Немок рывком наклонился. Схватил один из «Соколов-419», зажал его в разрушающий кулак и кинул в несущуюся Белоночь. Вертолёт сбил АДАМ с ног. В тот же момент начал движение Первокнязь.

Едва тот приблизился, как Немок выставил перед собой руку. Удар пришёлся точно в грудной отсек — всего в нескольких метрах от атомного реактора. Защитная сетка, собранная из рёбер Лира, не позволяла деми нанести машине серьёзные повреждения. Столкновение сотрясло головной отсек вместе с кабиной. Фиксирующие тело пилота ремни впились в плечи. Монтгомери с трудом удержался на месте.

— «Внимание!» — заговорила система безопасности. — «Сбой при работе реактора! Перегрузка через 15 секунд... 14... 13...»

Включилась сирена. Окна десятка домов завибрировали от звона воздушной тревоги. Неподальёку возник летящий бомбардировщик. Разбитый, он неведомым образом держался лишь в паре километрах над землёй. Со сломанных крыльев сыпались споры элегии. Вместо того, чтобы сбросить на город бомбу, «Снегирь» начал падать. Обесточенный, он врезался в «Подснежный». Госпиталь взорвался — ударная волна пронеслась по всему Тардиградску.

Задрожав, полопались многочисленные окна. Землю сотряс подземный толчок такой силы, что почти все присутствующие повалились на пол. Помещение оглушил невыносимый звон: где-то попадали инструменты, а запчасти вовсе разлетелись по ангару.

— Проклятье, — прорычал Михаил. Он безуспешно щёлкнул тумблерами на верхней панели — именно там располагались все доступные пилоту механизмы управления состоянием АДАМ. Осознав тщетность своих попыток, Монтгомери предпринял тщетную попытку выйти в эфир: — Герц, ты меня слышишь?

Питание отключилось. Кабина погрузилась в беспробудную тьму. Только через мутное обзорное окно внутрь проникал свет. Образ Немока расплылся за трещинами.

Сигнатура Первокнязя исчезла с радаров.

— Миша, — пыталась дозваться до координатора Ивон, — почему ты стоишь на месте?

В небе загорелись новые цели. Тройка «Снегирей» вырвалась из густого тумана и, снизившись, полетела на Тардиградск. Отреагировала система противовоздушной обороны — полившееся пламя стрельбы расшибло бомбардировщики ещё на подлёте.

Покуда живых от ревенантов отделяли закрытые двери, из снега восставали андеры. В пограничной форме предстали выходцы из «Хроноса», «Астарты», демиборцы из Парада да древние витязи — все они единодушно повернулись к раскрытым воротам.

Второй рукой Немок пробил грудину Первокнязя и вырвал из-за пластин деметалловую решётку. Последний заряд искр пронёсся по разрушающейся машине. Немок отбросил вырванные рёбра. Толкнул титана и, когда тот упал, прошёл прямо по нему.

— Миша! — отчаянно крикнула Ивон.

Немок резко развернулся к Белоночи. Так, будто деми мог слышать голос пилотессы. На мгновение Герц растерялась. Она прибавила АДАМ скорости и спешно активировала плечевые пулемёты. Пулевые очереди прошли точно по туловищу Радиоактивного Кардинала. Помялись и отлетели пластины брони. Треснула лицевая панель. Часть её откололась и упала. Однако вместо кабины титана миру предстало иное нутро. Деметалловый череп был деформирован: костяную ткань усыпали многочисленные наросты, а ближе к глазнице бугры покрывали шипы.

Однако сам Немок игнорировал повреждения. Он целеустремлённо шёл прямо на Белоночь. Герц дала задний ход. Заметила у ворот ангара группу крематоров с вестницами. Продвинуться вперёд они так и не успели — перед ангаром поднялось не меньше сотни андеров. Пограничные не отступали; только стена пламени удерживала их от проникновения на базу.

— База. Вызывает Белоночь! — Ивон перешла на частоту Санктория. — Отступайте Нисхождение отменяется!

Ответа Ивон так и не получила.

Эфир наполнился жутчайшими помехами, а приборы замерцали. Засбоил и радар: он погас, а после загорелся вновь. Однако вместо изображения местности пилотесса увидела бегущие строки цифр. Часть из них постепенно тускнела; яркость сохранялась только по центру. Подсветка вырисовывала нечитаемые узоры. Вскоре Герц поняла, что на экране отображались литеры. Сменялись они столь быстро, что прочесть их девушка не могла.

Управление больше не отвечало.

Немок съёс Белоночь с ног. Повалил АДАМ на землю и пробил её головной отсек Кабина заискрилась, задымилась. Деми как ни в чём не бывало перешагнул легендарного титана и дошёл до самого ангара. Наклонился. Оставшийся от Кардинала корпус протяжно заскрипел. Когда Немок заглянул внутрь, погибших было немного. Невидимыми нитями его тлетворное Воздействие начало оплетать пространство, и человек десять разом упали замертво. Другие, всё ещё пытаясь отбиться, не сразу заметили присутствие деми.

Немок замер во вратах и безучастно смотрел, как немёртвые забирали живых.

Стрельба затихла.

Лежащих на заледеневшем полу тел становилось всё больше. Пока одни гибли в бою, другие — захлёбывались кашлем или рвотой, в судорогах или параличе умирали.

Всё было впустую...

Отгремели последние выстрелы — опустела артиллерия. Оборонительные установки, заевшие в финальном залпе, продолжали скрежетать. Снаружи доносилась ужасающая какофония: воедино слились свистящие помехи, ветряной гул и песнь, что пела пустыня... Каира Леоне оставила пульт управления. Встав, она окинула оставшихся Чёрных Зорь тяжёлым взглядом и сказала:

— Обороняйтесь, сёстры.

И тихходка возвратилась в ангар. За один шаг она разом переступала по несколько тел. В руках у тихходки была АДНП — антидемиургическую неавтоматическую пушку с выгравированным на стволе «Зарок». Когда предвестница остановилась, взметнулись полы её плаща. Оружие она держала в обеих руках. Приподняв его, Верховная Жрица наставила пушку на Немока и зажала спусковой крючок. Залп. Выходной отверстие обдало жаром. Ослепительная вспышка волной радиационного выброса окатила ворота ангара.

Немок закричал. Конечно, если так можно назвать изданный звук: в нём сплелись скрежет металла и загробный хрип. Деми отпрянул. Обессиленно, придавив пару андеров, он уродливыми кистями упёрся в пол. Голова Отца Боли опустилась. Загудела. Из вентиляционной шахты, глоткой соединявший реактор с системой охлаждения, хлынули топливные резервы. Тогда Леоне заметила, что взрыв фактически уничтожил запасные двигатели.

Не тратя времени на перезарядку, тихходка достала из-за спины деметалловый двуручный меч — длиной его ветвистый клинок достигал два метра, а обрамлённый демитирами эфес напоминал массивную пирамиду. Леоне с разбегу запрыгнула на кривую руку демиурга. В прыжке занесла меч. Вонзила его в голову деми вместе с рукоятью. Меч пробил стальную обшивку и с хлопаньем погрузился в подобие человеческого мозга.

Немок завопил. Отпрянул и упал.

Леоне отскочила в сторону.

Деми, несмотря на повреждения верхнего отсека, не умер. Он вновь приподнялся. Яростна замотал головой, но избавиться от занозы так и не смог. Тем временем тихходка решительно сняла с тела павшего крематора *Lethe*. Только она наставила на недруга дуло, как руки перестали подчиняться ей. Мышцы свело судорогой. Болью она вцепилась в некогда крепкие кости. Когда боль прошла дальше, проникла в голову и живот, тихходка рухнула на колени.

— *Horughtodkof-nof, ragemine ker zeux*, — прошелестел позади голос. Тихходка попыталась повернуться, но не смогла.

Невесомыми шагами воительницу обошла величественная дева. Хрупкая, затянутая глухим трауром, она пустыми глазницами взирала на вымирающий Санкторий. С её появлением андеры прекратили атаку и покорно замерли. Впрочем, это ни на что не повлияло. Сражаться уже было не с кем.

— *Zeux kajeltina...* — вымолвила Каира Леоне, увидев перед собой Царевну.

Продолжая смотреть на тихходку, немёртвая шла к раненому Немоку. Деми, заточённый в повреждённый доспех, направил на неё измученный взгляд чёрных фасеточных глаз.

Фимиам заканчивался.

Остыли раскалённые сопла. Стены пламени гасли одна за другой.

Тем временем Первокнязь затрясся. Охваченный точно человеческим припадком, он забился оземь. Стальной его корпус корёжился, гнулся. Наконец пластины сломались. Изнутри вырвалась пара шипастых рук. Они крутились, пытаясь вытащить что-то застрявшее в броне. Будто в агонии монструозные пальцы — было их больше пяти — рвали сталь. Наконец из-под обшивки вынырнуло нечто напоминающее туловище: безголовое и безногое, практически бесформенное. На руках оно сначала повернулось к ангару, а после — на запад.

Глава восьмая. Танец в темноте

Межличностные конфликты не редкость для Санкториев: чаще всего им подвержены молодые женщины с разными идеологическими взглядами на политику ордены. Среди вестниц начала X века нередки были как дуэли посредством гардов, там и столкновения лицом к лицу. Впоследствии Санкториями было принято решение о введении смертной казни, применяемой к «неверным сёстрам» — подобным образом могли наречь как отступницу от основной линии ордены, так и зачинщицу конфликта. Решение о мерах

пресечения были традиционно делегированы на ундин.

Большинство Чёрных Зорь такое решение не устроило.

Раскол ордены длился не одно десятилетие: так, начавшись в феврале 905-го года, он завершился только в августе 927-го года. Это привело к созданию новой ячейки Чёрных Зорь на исторической родине тихоходок — в Тардиградске. Несмотря на то, что формально каждая из сторон служит под одним знаменем и пытается поддерживать нейтральные отношения, в правилах их есть существенные различия. Таким образом, например, российский Санкторий не только активно сотрудничает с Красмор, но и допускает мужчин к вступлению в ряды ордены, в то время как в карпейском Санктории мужчины могут быть только гардами,

— М. Фокес, «История Карпейского Каэльтства: Темнейшая Ночь».

Эпизод первый

Карпейское Каэльтство: Градемин

Высшая Академия Демиборцев им. Джестерхейла Опустошённого
2-20/995

Об исчезновении, а после и о смерти своей подруги Анастаси узнала из «Ментаксиона». Поначалу вестница не поверила собственным глазам, когда увидела пост: несколько раз подряд перезагрузила страницу, даже перешла на неё, но ничего не изменилось. Комментирование записи ограничивали, и каких-либо подробностей выведать не получилось. Убедиться в подлинности известия помогло лишь то, что профиль Авроры приобрёл памятный статус.

Anastasi Laine [2.20, в 19:23]: Помнишь, я рассказывала тебе об Авроре? У вас ещё никнеймы в одном стиле

N Ø Я Ъ Н [2.20, в 19:25]: Да ты издеваешься

N Ø Я Ъ Н [2.20, в 19:25]: Я об этом уже никогда не забуду

Анастаси была готова поклясться, что буквально слышит недовольное бурчание по другую сторону экрана. Несмотря на то, что желание отложить протофон стало острее, она справилась с ним и набрала:

Anastasi Laine [2.20, в 19:27]: Она умерла

N Ø Я Ъ Н [2.20, в 19:28]:...

N Ø Я Ъ Н [2.20, в 19:28]: Что случилось

Anastasi Laine [2.20, в 19:30]: Я не знаю. Судя по тому, что какая-либо информация отсутствует, что-то очень нехорошее... Здесь очень нездоровая атмосфера. Скажи, в новостях есть что-нибудь о Дунари?

N Ø Я Ъ Н [2.20, в 19:31]: Дунари это что

N Ø Я Ъ Н [2.20, в 19:33]: А понял. Река. Самая длинная в Карпее.

Anastasi Laine [2.20, в 19:35]: Нигде же не написано, что она стала кровью?

N Ø Я Ъ Н [2.20, в 19:36]: Чего? Ты надо мной сейчас прикальываешься или что?

Anastasi Laine [2.20, в 19:37]: Нет, не прикальываюсь. Я бы прислала тебе фото, но если это хоть где-то всплывет, могут привлечь за распространение ложных новостей. Ну ты понял

N Ø Я Ъ Н [2.20, в 19:38]: Тогда какого ты еще в гарпее своей торчишь и не едешь домой!

Anastasi Laine [2.20, в 19:39]: Сегодня бал. Я же говорила.

N Ø Я Ъ Н [2.20, в 19:40]: [сообщение удалено фильтром нецензурных высказываний]

Лайне надела платье. Сделала макияж: дрожащими руками замазала тональным кремом

шрам на щеке и синяки под глазами. Затем достала из закроев тканевую полумаску и прикрыла ею верхнюю часть лица. Эголетсо, как подлинный трофей, повесила на шею. Перед выходом балтийка тоскливым взглядом окинула квартиру. Хлюпнула носом. Нажала на выключатель. Прихожая погрузилась в темноту.

Анастази понимала, что прежней Карпея больше не будет, и это её единственный шанс проститься с городом, которому она отдала пять лет своей жизни.

Дорога до ВАД занимала не больше пятнадцати минут, но даже столь короткой прогулки Анастази хватило, чтобы почувствовать подступившее отчаяние. Она старалась не смотреть по сторонам, поскольку улицы утопали в агитационных листовках, а пункты вакцинации продолжали активно принимать страждущих. При одном лишь виде распахнутой кареты Анастази испытывала ужас; память щедро подбрасывала картины поражённой Линейной и тел, что в кратчайший срок обратились углём.

Из витиеватых переулков доносился кашель. Хриплый, глухой, с надрывом — он преследовал вестницу по пятам. Почувствовав зов паники и страха, она тщетно напоминала себе, что скоро вернётся домой.

Когда начался снег, люди привычно подставили ему руки, но не снежинки падали им на ладони, а хлопья отравленного субстрата.

Некоторые жители рассеяно вышли на балконы. Другие повысовывались из окон. Третьи вовсе поднялись на крыши и открытые террасы.

Неизменным оставалось лишь одно: все как один вдыхали отравленный воздух. Элегия неотвратимо проникала в дома, где респираторы и маски не имели никакого веса, а после — в лёгкие.

День за днём количество костров по всему Градемину увеличивалось; сжигали не только поражённые останки, но и загрязнённые элегией личные вещи, мебель. Отдалённые от центра районы затягивало непроницаемым смогом. Не стихал огонь и на новоградских набережных; во всех уголках столицы гремели крематорские доспехи, и шелестело пламя.

Вопреки оттоку душ, немало людей очередью выстроились перед дверями ВАД. Большинство из них едва ли были старше Анастази. Впрочем, она невольно отметила, что такого ажиотажа, какой был в прошлые годы, не наблюдалось.

Академия пылала огнями. Запах литфия едва различался за ароматами, окутавшими главный корпус: благовониями и парфюмерией, алкогольными выхлопами да табаком и триумфом. Вестибюль и многочисленные коридоры приспособили к приёму гостей, а аудитории и классы поменьше переделали в «комнаты по интересам». Анастази не знала, что именно скрывалось за закрытыми дверьми — допускали в них исключительно по записи, — но из-под одной из них явственно проступала мара триумфа.

Вокруг было много людей. В парадных мундирах дефилировали послушники и послушницы: маски юных красморцев были скошенными, обрезанными. Как бы насмешкой над теми, что носили их не снимая. Хлысты петлями были затянуты на крепких шеях новобранцев — никого даже не удивляла эта часть гардероба. Присутствие Красмор не воспринималось таковым, ибо даже сами охотники, коих здесь оказалось немало, предпочли забыться и забыть о страдающем городе.

Гильзовые ожерелья, браслеты, серьги да подвески — местная мода имела вполне определённый курс. Перешитая в вечерние костюмы униформа, духи с запахом металла и стекла — милитаризмом дышало всё вокруг. Зажигалки-пистолеты, мундштуки в виде пушек, медали и ордена... Музыка и маски, замысловатые наряды и блеск драгоценностей

стали неотъемлемым сопровождением вечера, плавно перетекающего в ночь.

Поднявшись на второй этаж, Анастаси взяла с подноса один из приветственных фужеров. За потерянностью она не заметила белёсый осадок на хрустальном дне. Только вестница собралась пригубить игристое, как заметила в стороне знакомый силуэт — высокого мужчину тридцати лет. Он был единственным, чьё лицо не тронула маска. Приглядевшись, Анастаси узнала Кемрома: того, что так и не остался на погосте.

И он тоже увидел её.

Взгляд Кемрома остановился на Лайне. Капитан вздрогнул. Плечом задел проходящего мимо официанта. Тот уронил поднос с десятком бокалов игристого. Пол засверкал осколками. По ступеням потекло золото.

Звон стекла ещё долго бродил по многочисленным залам.

Встретившиеся однажды, Кемром и Анастаси неотрывно смотрели друг на друга: он узнал её вопреки маске, а она нервно усмехнулась, когда вновь увидела его в солнцезащитных очках.

— Зи? — внезапно промурлыкал рядом женский голос. — Какими ветрами?

Подпрыгнув от неожиданности, Анастаси обернулась и увидела Вилену. Из-за золотистой полумаски балтийка не сразу признала её. Жрица надела синее лёгкое платье и замазала литеры на открытых участках кожи.

— Не ожидала тебя здесь увидеть, — взволнованной улыбкой ответила Лайне. — Я-я прощаюсь с Градемином, я... Лучше расскажи, как ты, как дела в Санктории?

— Справляемся, — ответила Вейнберг. Её улыбка была столь заразительна, что на краткий миг Анастаси поверила, будто в прежние времена они близко общались, и им вправду было дело друг до друга. — Мы были опечалены, когда узнали о твоём переводе. Почему ты решила проститься только сейчас?

— Да я машину хотела продать... — поделилась вестница. — Скоро обратно.

К ним подошёл Кемром.

— О, Анастаси! — Вейнберг указала на него. — Позволь представить моего гарда: этс Тсейрик кер Мор.

Анастаси пришлось приложить немалые усилия, чтобы сохранить спокойствие. Реминисценциями перед глазами восстал образ умирающей Линеиной и спутника, сетующего на коварную покровительницу.

— Мы знакомы, — не подумав, выпалила балтийка.

Этой фразы оказалось достаточно, чтобы Вилена напряглась. С натянутой улыбкой она спросила:

— Правда? Где же это вы успели?

— В одном клубе, — перехватил ответ Кемром. — Это было года... два назад?

Потерянная, Анастаси кивнула.

— Неужели? Я была о тебе лучшего мнения. — Вилена поморщилась и, окинув озадаченную вестницу придирчивым взглядом, заметила на её шее крест. — О, что это у тебя? Не тяжело носить?

Анастаси показалось, что она впервые увидела подлинную эмоцию на лице жрицы. Когда та коснулась креста, внутри всё напряглось.

— Нет-нет! — Анастаси отпрянула. — В самый раз.

— Где ты его нашла? — не унималась Вейнберг.

— В интернете заказала, — проямлила Лайне и с опаской глянула на Кемрома. Тот

промолчал. — Знаешь, у нас в Балтии любят такое. «Душерождённые» там, мёртвые демиторцы — это наш культурный код.

По сконфуженному лицу капитана Анастаси поняла, насколько нелепо это прозвучало. В какой-то момент мужчина красноречиво прикрыл лицо рукой и опустил голову. Впрочем, от Вилены это укрылось. Всё сказанное она приняла за чистый осколок. Только Анастаси облегчённо выдохнула, как жрица с обворожительной улыбкой попросила:

— Будь любезна, пришли мне потом ссылку на этот магазин. — После глянула на своего гарда. — А теперь, прошу меня извинить, но я вынуждена откланяться: надо повидаться с Верховной Жрицей, прежде чем отправиться на вечерний променад. Ты же подождёшь меня, Тсейрик?

Кемром, очевидно, запямятовав, что так его зовут в градеминских кругах, кивнул с запозданием. Вилена усмехнулась и ушла.

— Тсейрик кер Мор, значит? — провожая ту взглядом, полушёпотом спросила Анастаси и присвистнула. — Виктор Миронов, Антон Кемром... У тебя имён больше, чем у меня платьев. Боюсь представить, сколько ещё у тебя припрятано в шкафу...

— Столько, сколько потребуется, чтобы чувствовать себя свободным человеком, — ответил карпеец. Отвесив в сторону приветственный поклон, он повернулся к ней и спросил: — Тебе кто-нибудь говорил, что ты умеешь появляться в ненужное время в ненужном месте?

Вблизи Лайне заметила, что капитан изменился с их последней встречи. Мало того, что лицо его стало будто нарисованным, так и движения утратили прежнюю пластичность.

— А тебе какое дело? — Вестница насторожилась. Она почти слышала щекочущий ноздри шипровый парфюм и дороговизну натуральных кожаных изделий. — Ты принёс смерть в мой дом, Антон. Если ты выбрался из Линеинной, значит, и «Панацея» с тобой.

— Так сделай что-нибудь, — с плутоватой улыбкой потребовал мужчина. — Останови меня.

— Я не могу, — разочарованно призналась Анастаси и, повернувшись, посмотрела на своё отражение в солнцезащитных очках. — Ты, видимо, тоже.

На террасы тем временем вышли люди. Один за другим загорелись бумажные фонари. Возожжённые, они нехотя оторвались от земли и взлетели. Вместе с ветром они понеслись к горам, унося от людей их невысказанные мечты и желания.

— Подписка о неразглашении? — догадался Кемром. Анастаси неохотно кивнула.

В ходе разговора они оставили зал. Стоило им уединиться на балконе, как капитан угрожающе склонился над Лайне и схватил её за шею.

От неё пахло сакурой. Быстротечность жизни, прочитал с местного наречия Кемром и улыбнулся, когда понял, что от силы нажатия зависело, выйдет ли вестница отсюда живой. Стоит ему сдавить её горло чуть сильнее и...

— Полагаешь, я забыл о твоём маленьком предательстве? — шепнул Кемром девушке на ухо. — Твоя удача, что Рейст всё равно умер. Надеюсь, твоё етеш сердце переживёт это.

Также резко он её отпустил. С минуту Анастаси пыталась отдышаться. Прийти в себя. Когда получилось осмыслить сказанное, обжигаемая печалью балтийка вспыхнула ненавистью:

— Я рада, что мы прикончили твою служанку. Где бы она ни оказалась, там ей самое место.

Вестница с вызовом посмотрела на мужчину. Тот, вопреки её ожиданиям, поник и отошёл к ограждению. Закашлялся. В сердце девушки зародилась странная тревога, когда

она увидела капитана столь сломленным.

— Ты забрала себе вещь моей estelatte, — откашлявшись, бесцветно сообщил он. Лайне непонимающе захлопала глазами — только через несколько секунд до неё дошло, что речь шла о кресте. — Лучше избавься от него: рано или поздно Вилена поймёт, что ты обманула её.

Тогда Анастаси расстегнула замок и, вместе с цепочкой протянув капитану, вложила в его руку.

— Прости. Я думала, эта вещь не настолько важна, раз она... осталась у меня.

— Спасибо, — вполголоса поблагодарил карпеец и сжал jegoletso в кулак. — Я позабочусь о том, чтобы никто тебя не побеспокоил из-за этого.

— Даже несмотря на то, что я соврала?

— Ты дала подписку о неразглашении, — вяло подыграл Кемром. — Будем считать, что ты его просто случайно нашла, а я, в свою очередь, неслучайно выкрал.

Меж тем одна из танцующих в зале пар разбилась: ведущий её юноша, держась за живот, отошёл к стене. Встревоженная партнёрша встала рядом. Когда состояние кавалера ухудшилось, она начала молить проходящих мимо о помощи. Буквально из ниоткуда появилась Чёрная Заря в одеянии сестры сострадания и увела пару прочь от людских глаз.

Этого Анастаси не видела. Пытаясь насладиться остатком вечера, она решила выпить фужер приветственного непенфа и поддаться забвению.

— Не пей это! — Кемром перехватил фужер и опорожнил. Стоило жидкости соприкоснуться с землёй, как ввысь поднялся едва заметный дымок. — Тебе достался отравленный... Неужели ты не слышишь?

— У меня нос заложен... — Сначала Анастаси попыталась оправдаться, но смущение быстро сменилось возмущением и испугом: — Антон? Снова лотерея?

Рассыпались остальные вальсировавшие пары. Наблюдая за ними, Кемром невольно сравнивал танец одиноких фигур если не с агонией, то с бессмысленным дрыганьем. Запылённая триумфом и временем память отхаркивала образ давнишних — классических — балов. Когда музыку играли приглашённые оркестры, наряды — при всей скромности — потрясали воображение, а оргиям с курением ныне порицаемых веществ отводились места более укромные, чем аудитории за стенкой.

Взирая на судороги зала, Кемром хотел бы усмехнуться, но не мог. Вместо этого он снял очки, когда убедился, что никто не видит Анастаси с ним.

— Гон. Заканчивай дела и уезжай. Бездна выпьет этот город до дна.

— Об этом можешь не беспокоиться. Я уезжаю через три дня.

— Это правильно. — Карпеец вновь надел очки. — Постарайся жить хорошей жизнью, Анастаси. Я рад, что ты жива.

— Спасибо, Антон.

Стоило ей покинуть террасу, как он дал слабину — припал к белокаменному ограждению и зажмурился. Мигрень болью сползла по позвоночнику. Горло парализовало удущье. В лёгких забулькала слизь.

Спазмы усиливались.

Мёд, кровь и желчь — его так полоскало впервые. Впервые болезнь одолевала его. Из глаз брызгали слёзы. Когда из пасти полезли черви, Кемром наконец осознал всю плачевность своего состояния и не выдержал. Рука непроизвольно легла на кобуру с револьвером.

— Zos soharkon, — хрипло напомнил себе капитан, и пальцы обессиленно соскользнули с чехла, — eni faperekor-nof.

Помутнело в глазах. Кемром прищурился в надежде обрести прежнюю чёткость зрения. Дрожащей рукой извлёк из кармана пузырьёк мотуссупрессоров. Как только мужчина открутил крышку, часть таблеток рассыпалась — настолько сильно трясло. Капитан горстью собрал оставшееся лекарство и, не высчитывая дозировку, разом проглотил.

Кемром впервые задумался о том, что стар — во всяком случае, утешал он себя, по человеческим меркам. От него не укрывались ни растущая слабость, ни потеря способности организма к быстрому восстановлению.

Облегчение пришло с опозданием. Кемром наспех вытер рот платком и, убедившись в его чистоте, скомкал хлопок. Боль незначительно ослабла, однако этого оказалось достаточно, чтобы скрыться от публики.

Эпизод второй

Карпейское Каэльтство: Градемин (Новоград)

Высшая Академия Демиборцев им. Джестерхейла Опустошённого

2-20/995

Санкторий встретил Вилену ошеломляющей тишиной, когда жрица посетила его в последний раз. Опустели путанные коридоры и подземные галереи. Вейнберг привычно установила факел на держатель. Помещения полнились следами недавнего оживления.

На всём пути до атера жрицу сопровождали спящие в камне Чёрные Зори. Вестницы и жрицы со сложенными в молитве руками, вооружённые финикийскими хопешами девеницы и волчицы с полуторными мечами. Все они — убившие и убитые — отныне служили напоминанием о потерях, которые ордена понесла в ходе этой войны.

Жертвенный огонь угас, и уголь отвергал всякую жертву. Несмотря на то, что жаровня была всё ещё горяча, жизнь покинула её. Атер обволокла беспробудная тьма. Скрытые меж колоннами статуи ушедших предвестниц кровоточили — из глаз, носов и ртов запечатлённых посмертно жриц текла отравленная вода. Дух фимиама оказался не в силах сбересть зал от вездесущего амбре металла и плоти.

Сидящая на коленях Вейлон Вайс опустошённо смотрела на остывающий очаг. Уголь сыпался сквозь её обожжённые пальцы. Пузырящиеся волдырями, они были охвачены мелкой дрожью.

— Здравствуй, — поприветствовала предвестницу Вейнберг, — мама.

Тихоходка подняла на неё отрешённый взгляд.

— Что ты здесь делаешь? — В голосе Верховной Жрицы ещё теплилась материнская забота. — Я не вызывала тебя.

Вилена улыбнулась. На мгновение она вновь почувствовала себя маленькой девочкой, наивно верящей, что эта исполинских размеров женщина может быть ей родной.

— Я здесь, чтобы просить тебя, — замурлыкала в ответ Вейнберг, — покинуть Санкторий вместе с сёстрами.

Взмахом руки Вилена опустошила свои глазницы и камнями бросила глаза в остывшую жаровню. Стеклянным блеском сверкнули протезы. Жрица, сладко улыбнувшись, подняла пустой взгляд на предвестницу. Та сохранила самообладание. Её словно не трогает это признание. Взгляд остаётся спокойным, когда она смотрит на названную дочь.

— Я всегда знала о твоей страсти, — поднявшись на ноги, обратилась к подопечной предвестница, — но не ожидала, что во имя её ты отринешь все наши устои. Ты не

пробудишь его: ты вернёшь в мир иного... более страшного монстра. Мгла поглотила тебя, лишила рассудка. Мы должны идти об руку с ней, а не подчиняться.

Старшая вестница оскалилась. Занесла руку со спицей. Бросается с глухим шипением на Верховную Жрицу. Та ловко уворачивается. Перехватывает оружие. Проворно тянет на себя. Вилена, не удержавшись на ногах, лицом падает в остывшую жаровню. Тем временем тихходка обходит деву. Удостаивает её снисходительным взглядом.

— Я и есть мгла, — подняв перемазанное сажей лицо, процедила Вейнберг. Из разбитого об угол жаровни подбородка бежала кровь. — Я делаю это ради нас, мама. Мы создаём мир, где Красмор места не будет. Где наши знания вновь обретут почёт и уважение, а боль и смерть низойдут в забвение...

— Красмор — наименьшая из бед, — отрезала Вейлон Вайс, и абсолютная тьма накрыла атер. — Восхождение Раге вернёт на землю монстра куда более страшного, чем кучка недоумков в клювах... Скажи, это стоит того? Стоит того, чтобы предать своих сестёр и мать?

— Какое предательство? О чём ты?! Мама! — капризно напирала Вилена. — Мы должны впустить деми в свой дом, ибо только с их помощью мы сумеем по-настоящему победить неравенство. Позволь огню угаснуть, и тогда мы станем истинными *ragemine ker Vendiga*.

— Этому не бывать, — твёрдо возразила тихходка. — Мы всегда защищали славу карпейского рода, но не его преступления и пороки. Не делай из Вендига оружие, иначе его направят против тебя.

— Не мы сделали из символа нашего будущего оружие, но, коли так вышло, то и мы готовы им воспользоваться. Вендига была истинной наследницей престола, но кости её, разбросав по свету, заточили в камне, а власть передали самозванцам. Нас вынудили отречься от своего прошлого, от своей истории, от самих себя. Почитание деми в нашей крови, и дом Ганноморт, в отличие от оккупантов, знали это.

Вайс тихо усмехнулась.

— Я не питаю особой симпатии к России, не могу оправдать Свинцовую свадьбу, но поклонение деми — страшнее прочего. Вендига была истинной, но не символом будущего. Не тогда, когда её и дворец затуманила худшая сторона Культа — та, о которой ты не слышала. Тебе и прочим выходцам из АВІСО не приходилось сталкиваться с тем, что творилось в Финемелии до прихода псов Оскара. Так что же лучше — погрузиться в бездну вместе с правящим родом или призвать тех, кто выведет народ к свету?

Вилена, точно что-то обдумывая, отрешённо замолкла. Выражение её лица стало нечитаемым, пустым. Исходившее от неё воодушевление вмиг сменилось презрительным равнодушием.

— Надеюсь, ты оставишь выбор сёстрам, — наконец сказала она, — они имеют право вернуться к истокам. Даже если подобного не желаешь ты.

— Исключено. Если ты таким определила свой путь, Вилена, это наш последний разговор — следующая встреча для одной из нас обернётся трагедией. — Но Вейнберг молчала. — Убирайся. Видеть тебя не хочу.

Отвергнутая жрица оставила атер, понимая, что больше сюда не вернётся.

Совладав с собой, Вайс подошла к стене пустеющей в стене выемке. Своими нечеловеческими когтями предвестница провела меж камней, и они распались. В образовавшейся пустоте находилась стойка с деметалловыми доспехами. Тихходка сняла с

манекена шлем.

Наступил час сменить платья на доспехи.

Эпизод третий

Карпейское Каэльтство: Градемин (Новоград)

Высшая Академия Демиборцев им. Джестерхейла Опустошённого
2-21/995

На часах пробило четыре часа ночи, когда Анастази покинула ВАД. Градемин спал глубоким сном. На улицах стало пустынно. Только перед Мостом Вечности стоял красморовский патруль. К тому моменту густеющий туман над рекой практически достиг дорожного полотна. Накипью узоров покраснели ограждения да поручни.

По пути домой Анастази опасливо прислушивалась к каждому шороху. Всмотривалась в тени. Даже порывалась включить фонарик, но одёрнула себя, когда нашла источник шума. На стене ветхого дома вестница заметила разваливающегося падальщика. В его растёкшейся маске ещё просматривалась кошачья маска. В полутьме серебрился один глаз — второй был повреждён и фактически отсутствовал.

Заприметив падальщика, девушка подобрала с земли камень и спрятала за спину. При приближении к прототипу дозиметр предупреждающе загрешил. Тогда Лайне перевела протофон в беззвучный режим.

— Ты был в Линеинной? — догадалась она. Голос её при этом прозвучал так, как если бы она разговаривала с домашним питомцем. — Что ты тут делаешь?

Падальщик оставался немым. Анастази только усмехнулась своей наивности. Однако вид сломанного прототипа вызвал у девушки жалость, и брови изломило сочувствие.

— Госпожа? — послышался позади встревоженный вопрос. — У вас всё хорошо?

Обернувшись, Анастази увидела патрулирующего район охотника. Прототип тем временем шустро скрылся в тени: краем уха вестница ещё слышала скрежет шестерёнок и работу мотора, спрятанного за стальными пластинами.

— Всё в порядке, — поблагодарила красморовца Лайне и рефлекторно проверила крепления респиратора. — Спасибо, господин.

Охотник, коснувшись края накинутаго капюшона, кивнул и ушёл. После Анастази ещё раз заглянула в подворотню, но на свет падальщик более не высунулся.

Когда Лайне шла в сторону дома, то слышала неотступно следующие за ней щелчки. Однако стоило дверям парадной сомкнуться за её спиной, как они стихли.

Из своей спальни Анастази увидела падальщика ещё раз. Тот следил за её окном. Уставшая вестница не нашла в себе сил бороться с этой слежкой, и просто его зашторила.

Эпизод четвёртый

Карпейское Каэльтство: Градемин (Новоград)

Высшая Академия Демиборцев им. Джестерхейла Опустошённого
2-21/995

— Солгал! Снова солгал! — Вейнберг сгорала от гнева. — Неужели ты рассчитывал, что я в это поверю? Лжец! Вырвать бы тебе язык да!..

На ходу она растирала руки так, что белила комками скатывались с кожи, и литеры грязью проступали на тонких запястьях. Ноздри жрицы гневно раздувались. Кемром, всё ещё одолеваемый головной болью, едва поспевал за покровительницей. Освещённые праздником этажи остались позади — жрица со своим гардом скрылись на чердаке. Сквозь бесчисленные архивы и груды хлама они добрались до винтовой лестницы, спрятанной за

старыми коробками и снятыми со стен картинами с представителями проклятой каэльтской династии.

— Успокойся, — раздражённо коснувшись виска, попросил Кемром. — Без сцен.

Перед самым подъёмом Вейнберг схватила с подставки заготовленный факел и, облив спиртом из фляги, запалила его. Согревающий свет озарил всё вокруг, и с протянутой рукой жрица подалась наверх. Через несколько витков из-за поворота выглянула тяжёлая дверь.

— «Познакомились в клубе», да? За кого ты принимаешь меня, если считаешь, что я поверю в это? — не унималась женщина. — Это было в Линейной, да? Да?! Ведь ключ... Я его видела. Он у неё.

— А ты серьёзно рассчитывала, что перед тобой отчитаются после подписки о неразглашении? — Это замечание остудой отрезвило Вилену. Улучив момент, капитан продемонстрировал ей крест. — Я забрал его. Он уже у меня.

Вейнберг кивнула.

Не теряя времени, Кемром достал из кармана связку ключей — со стороны казалось, что на одном кольце их было не меньше сотни. Неведомым образом мужчина сходу нашёл нужный и отделил от остальных, но выронил, когда услышал:

— Теперь она всё знает... С этим нужно что-то делать.

— Нет необходимости. Что бы она там ни увидела. — Кемром попытался исполнить данное Анастаси обещание. В своих силах он не сомневался, но так же знал, что Вилену ни перед чем не остановится. — Негласность удержит её рот на замке.

Вилену раздражённо отпихнула гарда в сторону и, подобрав ключ, самостоятельно отперла дверь. После поставила факел на подставку и зашла.

Вейнберг и Кемром стали первыми, кто за целое столетие проникли внутрь Церны. Мозаичные глаза городского рупора мутнели паутиной и пылью, из-за чего улицы внизу едва просматривались — лишь Дунари у горизонта алела полосой. Голосовые связки системы оповещения, висящие точно над кольцом жаровни, были перевязаны проволокой: грубо, неумело и крайне экономно.

Только Вилену переступила порог, как сбросила с плеча влажный мешок и достала из-за пояса секатор. Освободила им скованный синтезатор речи. По связкам проводов сразу пробежал едва различимый энергетический импульс.

— Очень интересно... — выдавила из себя вместе с улыбкой покровительница. Выглядело это настолько неестественно, что Кемрому стало некомфортно. Красивые губы, ровные зубы — дурман для глупцов. — С каких пор ты проявляешь милость? Она даже не в твоём вкусе...

— За что ты её ненавидишь?

— Ничего, кроме отвращения, такие беглянки у меня не вызывают.

— Занятно... Значит, ты хочешь, чтобы я за раз нарушил все заповеди Зорь?.. — с глухим смешком уточнил Кемром. — Ха-х, и как ты спишь по ночам?

— Я не сплю, — невозмутимо ответила покровительница, — за меня это делают другие... Напрасно ты пытаешься избежать этой темы. Анастаси не та, кого стоит спасать: она перешагнёт через тебя... как только поймёт, насколько ты червив. Если ключ оказался у неё, вероятно, она причастна к гибели Рагнары... Из-за неё ты остался один.

Вспомнив Линейную, Кемром неизбежно вернулся в главный зал «Витязя». Он не знал, кто именно нанёс заключительный удар, — ему остался лишь безмолвный пепел. Гнев не нашёл себе места в старом сердце: только холод. Такой же смертоносный, какой была сама

Рагнара.

— Один? Рагнара умерла ещё до твоего рождения, vestemech, а то, что делаешь ты, именуют манипуляцией, — безразлично возразил Кемром и опустил на покровительницу полный решимости взгляд. — Напрасно ты считаешь её глупой — ты не иная.

— Что ты сказал?

— Будь ты умнее, — пренебрежительно продолжил он, — то не стала бы натравливать меня на свою неприятельницу. Тебе ли не знать о надзоре ундин? Nof, не приказывай и не проси. Я не трону госпожу Лайне не потому, что не считаю её угрозой, но потому, что убийство вестниц я предпочёл бы начать не с неё. Ты действительно хочешь развязать мне руки?

Злобно зыркнув на гарда, Вейнберг произнесла:

— Я тебя слышала... Но и ты молись, чтобы она больше мне не попадалась. Я не поверю, что крест случайно оказался у неё, и я готова прервать жизненный путь этой ejsnel, — далее угрожающий тон сменился на спокойный: — Мы строим новый мир, Антон. Без грязи и лжи. Этому в нём нет места.

— Sovon, — непримиримо бросил тот и, сняв очки да бросив, раздавил их сапогом, — в нём и для меня нет места.

Вилена подложила топливо в жаровню и, заботливо разложив останки, согласилась:

— В этом ты прав... но и умереть ты не можешь. Мы можем разбросать тебя по всем кострам Нулевой Высоты, и ты на собственных костях познаешь жар жаровен... но это пустая трата времени. Думаешь, я не вижу, что ты уже не справляешься со своей ролью? Не пройдёт и пяти лет, как ты сам развалишься.

Горящие белизной зрачки сузились.

Нырнув в коридор, Вейнберг вернулась с горящим факелом и бросила его прямым в жаровню. Пламя, поначалу апельсиново-жёлтое, зардело, и вспыхнул ослепительно красный огонь. Глаза Церны налились кровью. Рты её приоткрылись — помещение наполняется оглушительным скрежетом: так приходит в действие механизмы после десятилетий забвения.

— В былые времена Церна отпугивала деми, оберегала людей... — отряхивая руки, вполголоса рассуждала Вейнберг. — Мы же используем силу её голоса, чтобы пробудить Раге к жизни.

Услышав об этом, Кемром встревожился. Заклокотало сердце — в один момент оно ударило настолько сильно, что грудную клетку пронзило болью. Мужчина, пошатнувшись, уцепился за одну из опорных колонн, что поддерживали башню. В чёрных глазах мелькнул страх. Расширившиеся в темноте зрачки обратились на Вилену.

— Как? — не своим голосом спросил Кемром.

— Мощи, — прошептала Вилена и, встав над жаровней, сделала глубокий вдох. — Мы отдали Живамиж всю свою веру, чтобы она обрела подлинную мощь. Когда Церна проснётся, мы добавим её мощи, и Градемин склонится пред демиургической волей.

— Откуда они у вас?

— Эти глупцы сами привезли их сюда... — За пеленой дыма лицо Вейнберг исказилось до звериного. — Эксперимента ради. Они хотели получить демографический рост, а теперь мы возьмём то, что нам положено.

— Ты же понимаешь, если этот путь будет продолжен, то отродье, что спит под городом, поднимется? — Капитан произвольно вспомнил о Стагете. О последнем

Нисхождении, что предзнаменовало продолжительное затишье в этом бесцветном умирающим мире. — Вы можете хотеть жить в новом — переделанном — мире, но для этого вам придётся пройти войну. Войну новую, войну против людей.

Вейнберг равнодушно пожала плечами.

— У нас... у меня нет иного пути, Тони. — Когда голос её смягчился, Кемром начал невольно вслушиваться. — И не только у меня. Многие из нас от рождения были лишены выбора: нас продавали и отдавали, кого куда — в Красмор, Чёрным Зорям... а то и сразу поленьями бросали в огонь ради светлого будущего. Если мне уготовано стореть, я хочу сама выбрать, во имя чего мне обратиться прахом. Неужели тебе это ничего не напоминает?

Действительно. Она звучала настолько убедительно, что на какое-то мгновение капитан мог проникнуться тем, что счёл бы безумием. Лжи в словах покровительницы не было: о своём происхождении она и вправду ничего не знала, и Чёрные Зори выкупили её у Красмор — уже годами позже в Карпее это стало опекуном. Архивы не помнили ни рождения Вилены, ни её родителей — этих оснований было достаточно, чтобы предположить, что семья её служила одному из ныне запрещённых культов. История заикливалась...

Не будь Кемром демиборцем, он бы поверил.

Вместо этого он только усмехнулся.

— Хочешь воззвать к моему трагическому прошлому? — с издёвкой спросил капитан. — Не выйдет. Я всё это слышал уже тысячу раз... Вы, язычники, так ничего нового и не измыслили. В чём дело? Ты настолько сильно боишься смерти?

— Нет, — нарочито легко отвечала покровительница, — не её я боюсь... а умирания. Момента, когда ты остаёшься один на один со своей агонией. Тебе не хуже меня должно быть известно, что мгновенная смерть — это миф. Умирать не бывает просто: сначала ты опустишься в горнило боли...

— Поэтому ты эту боль хочешь растянуть?

— У меня нет иного выбора, — упёрто, с тенью одержимости повторяла она. — Я слышу его голос, Тони. В самом сердце... Я была рождена, чтобы вернуть его к жизни, ибо он единственный, кто может говорить с деми и со мной.

— Мир, к которому ты стремишься... тебе не понравится. Как и всё здесь, он будет построен на останках и сгниёт, когда появится новая Вилена.

— Пусть так.

Наступило молчание: затихла даже пробуждённая Церны. Едва Кемром повернулся к покровительнице, как ноги его подкосились, и он с трудом сохранил равновесие.

— Тебе нездоровится. Опять, — презрительно констатировала Вилена. — Пожалуйста, оставь меня.

В тот момент оба чётко осознали, что дольше их союз не протянет. Кемром не противился и ушёл — Вейнберг, устало выдохнув, проводила его брезгливым взглядом.

На город опустился смог. Густым маревом он оплёл всё, вплоть до Чековки. Видимость ухудшилась. Не осталось ни одного безоблачного участка, и улицы заплыли свинцовой синевой. Только набережные обеих сторон алели в полумраке.

Скрипнули половицы. Ушей ласково коснулась кровавая капля. Оглянувшись на забрызганную кровью маску, Вилена пожаловалась:

— Он солгал мне. Снова.

Одежда и руки Файдалома запятнались кровью. Он вытер её полотенцем, и то вмиг окрасилось красным.

— Он никогда не разделял наших идей, — прошелестел из-за сплющенного клюва голос.

— Я знаю. Поверь, когда я выбрала его, его здоровье... При всей своей альтернативности, именно обладателя таким даром стоило иметь на своей стороне.

— То, что ты считала здоровьем, обусловлено болезнью, терминальной стадией Федры. Его дело лежит в «Кемистри»: исходя из анамнеза, могу предположить, что фактически любая травма головы может привести к непредсказуемым последствиям... — затем бросил окровавленное полотенце в костёр. — Рискованная цена за бессмертие.

— Верно, — согласилась Вейнберг, словно что-то предчувствуя. — Если он потеряет рассудок, нам несдобровать. Нужно избавиться от него... как можно скорее.

Покуда маскарад продолжался, территория учебного заведения жила своей особой жизнью. К чёрному входу подошли два красморовских странника с нашивками балтийского подразделения. Лица их закрывали клювы, а на плечах они держали по пакету. Местами полиэтилен натягивался, и за его стенками слышалось хриплое подобие дыхания. Навстречу агентам из недр санкторийских катакомб вышла пара волчиц. В отличие от тардиградских, они носили облегчённую форму, а шлемы обладали более тонкими чертами, из-за чего их можно было принять за лисьи морды.

— Нашли близ синекамского погоста, — рассказывал один из черноклювов во время передачи пакетов. — Их теперь там много. Видать, звон колокола привлёк их.

В отличие от андеров, существование ревенантов не зиждилось ни на памяти живущих, ни на присутствии элегии. Они были материальны и крайне живучи, однако без своего предводителя практически не представляли угрозы. Вопросы этики и морали не касались их, посему фрагменты ревенантов без осуждения со стороны общественности использовались как для поддержания жертвенных огней, так и при создании трофеев.

Вскоре начался отток среди посетителей бала. Они покидали здание через главный вход, в то время как к чёрному проворно подбирались падальщики. Для многих градеминцев мероприятие стало последним, что застала ещё мирная столица. В суматохе пьянства и веселья они не заметят ни оставшихся посмертно в залах друзей, ни прототипов, пауками облепивших карнизы. Слабая паника назреет только к утру, а к началу поискать искать уже будет некого.

В отличие от прочих гостей, Кемром после завершения торжества не сразу покинул ВАД. Около получаса он прогуливался по лабиринтам её многочисленных коридоров и будто не замечал происходящего вокруг хаоса. Того, что пышно украшенные залы буквально захватили падальщики. Как полы залили игристое и кровь. Взгляд капитана не касался лежащих тел и людей, из последних сил цепляющихся за жизнь. Запечатанных розовой пеной ртов пострадавших. Тщетных попыток некоторых подняться с пола. Падальщики также игнорируют все попытки жертв. Они хватают живых точно мёртвых и тащат, тащат к потайным ходам, тянущимся до самого Санктория.

Раскуривая триумф, Кемром погрузился в ностальгические воспоминания о своей молодости. О времени, проведённых в стенах ВАД. Без тонированных стёкол капитан видел, что за годы внутри ничего не изменилось — даже кариатиды выглядели так же, как и сто лет назад. Фрески, украшающие не учебные помещения, по-прежнему полнились сочными цветами. Сюжет их не отличался новаторством: конец света. Разверзнутая земля, горящие дома и великаны, тенью стоящие вдали. Десятки катаклизмов — от пожаров до потопов —

были запечатлены на стенах главного зала. Совершенно случайно Кемром заметил и пару новых фресок, уже с техногенными катастрофами. Капитан нервно усмехнулся, когда на одной из них обнаружил поражённый элегией город.

Незаметно для самого себя мужчина свернул в тёмный коридор, ведущий к анатомическому театру. В сравнении с остальными переходами в здании, этот оказался более узким, и даже двум людям разминуться в нём было бы непросто.

Внезапно в темноте коридора вспыхнула пара огней. Издевательски сработала память: на мгновение Кемрому показалось, что перед ним Оскар Неупокоенный. Заминка оказалась фатальной: плечо пробил болт. Металлический наконечник насквозь пронзил плоть и застрял. Мужчина с тихим хрипом дотронулся до поразившего его снаряда.

— Прости, что не удостоил тебя тёплого приёма раньше, — пророкотал голос в полутьме, и навстречу вышел сплюснутый клюв. Наваждение вмиг рассеялось, — Аверс.

— Когда ты говорил, что нашёл себе женщину, я предполагал, что ты идёшь рядом с ней, а не под, — съязвил тот в ответ. — С каких пор демиборцы вступают в секты, Файдалом?

Файдалом не торопился повторно стрелять. Вместо этого он выжидающе отвёл арбалет в сторону.

За масками отречённых отсутствовали лица. Немёртвые могли управлять своей формой, контролировать собственную материальность, но такая роскошь, как обычное человеческое лицо, им была недоступна. Даже самое уродливое — с врождёнными пороками или приобретёнными — вызывало у них зависть.

Кемром помнил каждого, кто умер в Стагете, но лучше — тех, кто волей Царевны вернулся к жизни. Файдалом был там. Однако не возникало сомнений, что, как и Рагнару, только имя роднило демиборца с событиями почти вековой давности.

— Прежде Парада я поклялся в верности Вендиге, каэльтине Дунарийской, — отчеканил в ответ отречённый, — Аверс.

— И в итоге предал всех... Сомнительное достижение, — с мрачным весельем заметил тот. — Ха-х, какой капитан, такой и взвод. Что, неужели моя деетойге опять решила не пачкать свои руки и поручила кому-то другому разобраться со своими проблемами?

Эта фраза стала спусковым крючком. Отречённый выстрелил. Болт по касательной задел Кемрома. Тогда он резко выбил арбалет из рук немёртвого и ударил его. Тот едва удержался на ногах.

Капитан достал из-за пояса кинжал с искривлённым лезвием. Острие его мелькнуло в миллиметрах от клюва. Файдалом увернулся. Выпрямился. Нанёс удар прямо в солнечное сплетение. У Кемрома перехватило дыхание. Едва он отшатнулся, как отречённый, схватив его за волосы, ударил голову противника об окно. Стекло разбилось. Осколки впились в искажённое гневом лицо.

Не успел Кемром опомниться, как отречённый схватил его за горло и, притянув, свернул шею. Всё произошло настолько быстро, что Файдалом поначалу проигнорировал отзвучавший хруст. Немёртвый ещё несколько раз ударил капитана лбом о стену. Только после отпустил.

Убедившись в его смерти, отречённый отвернулся. Едва он сделал несколько шагов, как позади послышался шорох. Хриплые вздохи. Немёртвый, замедлившись, обернулся. Увидел, что Кемром вновь двигался. Руки его вслепую тянулись к стене. Не дожидаясь продолжения, Файдалом вновь в него выстрелил и полушёпотом сказал:

— Отдохни, — и, когда капитан, вздрогнув, снова упал, добавил: — Твоё тело приносит слишком много проблем... Не беспокойся, я кого-нибудь за тобой пришлю.

Пока болт торчал из бока, чёрная густая кровь заливала пол.

Мёртвым быть проще. Так, во всяком случае, подумал Кемром, когда разлепил веки. Тогда ночная жизнь в ВАД подходила к своему логическому завершению: тишина омывала опустевшие коридоры, а все запахи — будь то литфий, кровь или алкоголь — уже смыли хлоркой ли, отбеливателем. Чистота неприятно скрипела в носовых пазухах.

Кемром, поморщившись, надсадно закашлял. Заболели лёгкие. Приподнявшись, он оглянулся. Шея хрустнула — голову потянуло набок. Капитан сел. Осторожно вправил позвонки. Получилось не с первой попытки, но вскоре голову он смог держать прямо. После этого Кемром вытянул впившиеся в лицо осколки, поразившие плоть болты — части наконечников ломались, и оставшиеся в ранах фрагментах царапали кости.

Всё это капитан проделывал со свойственной ему отрешённостью. Так, будто боли не существовало для него.

Отражение в осколках стекла наглядно демонстрировало тщетность проведённых операций. Всё восстановление рассосалось вместе с хирургическими нитями и повреждениями, а кожа истончилась настолько, что иной раз можно было увидеть проползающих под ней гельминтов.

Тело ему больше не принадлежит.

Эта мысль назойливой мухой жужжала прямо над ухом. Стучала кровью в висках и пульсировала болью в ранах, что находились лишь на полпути к заживлению.

Ещё несколько минут ушло на адаптацию к жизни. Сердце, старое и изношенное, то и дело ускоряло ритм при новой агонии. Гул его оглушал. По этой причине Кемром не заметил, как к нему подобрался оплавленный падальщик.

Прототип спустился со стены и, встав на задние конечности, стал для капитана опорой. Тот нехотя принял помощь, и падальщик вывел хозяина из ВАД. Машина верно сопровождала карпейца на улицах просыпающегося города. Голова мужчины продолжала раскалываться — он не соображал, куда его ведут, а меж тем за площадью начался Чековский проезд с дорогами, тянущимися артериями в самое сердце Новограда.

Они оказались у дома № 12 по Чековскому проезду. Когда падальщик подвёл хозяина к аварийной лестнице, тот будто окончательно потерял связь с реальным миром. Кемром не сопротивлялся, когда его толкали по металлическим ступеням и подводили к одному из приоткрытых окон. Дальше — туман.

Глава девятая. Без надежды на будущее

Сторонники АВИСО верят, что естественное состояние мира — отсутствие жизни бездна, которую наполнило первое деми — Каорельдер, Рождающее Хаос. Его существование не имеет доказательств, однако некоторые демиологи верят, что наличием «незримого божества» и «прародителя» можно объяснить нескончаемость Восхождений.

Ныне АВИСО считается деструктивным культом. Классического иерархического устройства не придерживается. Как такового лидера у них нет, и все решения принимаются посредством открытого голосования. Секта обладает целой системой паролей, построенной на основе карпейского языка образца VI века (реформа, нацеленная на упрощение языка, произошла только в середине IX века — с приходом к власти Ортеги Ганноморт).

Главной загадкой для всех культурологов и биологов является феномен, связанный со зрением участников культа: несмотря на отсутствие глаз и отказ от использования электронных протезов, неизвестным образом они сохраняют способность видеть. Более того, острота их зрения выше, чем у обычных людей. Подобная особенность также была отмечена у Джестерхейла Опустошённого: он лишился глаз при контакте с элегией. Травма, как после в своих дневниках отмечал создатель литер, только обострила все его органы чувств и «позволила увидеть то, что он не видел прежде».

По неподтверждённым данным, не менее 70 % последователей АВИСО являются носителями элегического манифеста. В немногочисленных свидетельствах вызволенных из секты людей содержатся упоминания о том, что культисты положительно оценивают большинство болезней и воспринимают их дарами Немока,

— Д. Дамион, «АВИСО: как Бездна стала культом?»

Эпизод первый

Карпейское Каэльтство: Градемин

Чековский проезд 12-12

2-21(22)/995

В комнате резко похолодало — Анастаси проснулась от сильного сквозняка. Окно в прихожей было настежь распахнуто. Закутавшись в плед, вестница подошла к нему и, передёрнув плечами, закрыла. Подоконник, как и пол, был запачкан чьими-то следами. Встрепенувшись, Лайне посмотрела по сторонам и спросила:

— Здесь кто-нибудь есть? — Голос её звучал простуженно. Прокашлявшись, Анастаси вновь обратилась к пустоте: — Чет, это ты?

Ничего.

Сердцебиение ускорилося. Включив свет, Анастаси с непривычки зажмурилась. Заслезилась глаза. Потом, когда они привыкли яркости ламп, девушка прошла немного вперёд. Обрывались следы перед ванной комнатой. Из-под прикрытой двери сочился тусклый свет. Лайне, заглянув на кухню, схватила с подставки нож. Напряжённо сжала рукоять. Вслушалась. Несколько секунд было абсолютно тихо. Затем в ванной что-то захрипело. Закапала вода.

Анастаси подкралась к двери и, толкнув её, увидела сидящего у туалета визитёра.

— Кемром? — Испуг сменился возмущением. Лайне нерешительно шагнула вперёд. — Какого лира ты здесь делаешь?

Вторженец заторможено отреагировал её голос. Когда мужчина поднял взгляд, казалось, ему не сразу удалось найти её. Сфокусироваться на ней. Зрачки его выглядели разноразмерными, а тело, пахнувшее прежде парфюмом, источало омерзительный медовый запах.

— Мне нужна помощь, — прохрипел Кемром и нахмурился. — Пожалуйста, Ана...

Атакованный болезненным спазмом, он вновь склонился над туалетом.

Кемрома рвало. Кровью. Его лицо, руки, одежда — всё было в ней.

Плечо капитана имело ужасающий вид. Изорванное, изодранное: среди кишасей червями плоти торчал арбалетный болт.

Анастаси сама с трудом сдерживала рвотные позывы, когда видела это.

— Я... — Отклонившись от туалета, Кемром выдохнул. Его лихорадило, трясло. На мокром от пота лбе проступили вены. Нечто, протянувшееся от виска до линии роста волос, шевельнулось под кожей. — Кажется, я сейчас сдохну.

— Только не здесь, — спохватилась Анастаси. Совладав с собой, она помогла капитану подняться. Ноги его дрожали, подкашивались. Вестница, едва удерживая мужчину, пыталась довести его до комнаты. Усадив Кемрома на кровать, девушка с сочувственным вздохом сетовала: — Бедняга...

— Не надо меня жалеть, — подавляя болезненный стон, слабо огрызнулся тот. — Лучше принеси аптечку.

Лайне выполнила его просьбу. Затем поднесла таз с чистой водой. Сама села немного поодаль и, носом уткнувшись в пахшие шампунем волосы, отвела взгляд. Она старалась не смотреть на то, как гельминты сыпались на её кровать. Как склизкие чёрные черви заполнили покрывало в радиусе десятка сантиметров. Воображение, что разыгралось не на шутку, в какой-то момент добавила к мелькающей на периферии картине писк.

Анастаси знала, что экзитус не пищал. Вот только повернуться она всё равно не могла.

Кемром тем временем достал спирт, иголку. Всё продезинфицировал. По ходу операции он обходился без нергета: пинцетом достал кусочки раздробленного наконечника и, закончив, принялся шить. Лицо его при этом оставалось спокойным, хотя руки его дрожали так, как не дрожат при треморе.

— Я не убивал Корвина Рейста, — меж тем сообщил Кемром. Анастаси обмерла. — Я хотел, но не успел. ВААРП это сделал раньше.

— Он его увидел? — Да. — Значит, каждый получил то, что хотел.

Время отточило действие Кемрома. Поумерив воображение, Анастаси начала искоса следить за операцией и поражаться, насколько велик его самоконтроль. Девушка наблюдала, как бегали его желваки, как напряжением вздувались вены, и покраснениями всплывали старые раны. Некоторые из них, раскрывшись, кровили.

— Что с тобой произошло? — наконец поинтересовалась Лайне.

— На меня напали... Я не смог с этим ничего поделать.

— Серьёзно? — недоумение. — Недавно тебя в прямом смысле пристрелили, и ты... выжил, а сейчас что-то пошло не так?

— С моей головой... что-то, — заплетающимся языком рассказывал Кемром, и пальцы его задрожали возле виска. — Твой друг, и пуля, полагаю, она не полностью...

Не успел он договорить, как сознание покинуло его. Анастаси сразу бросилась к нему. Попыталась прощупать запястья и шею в поисках пульса. Обнаружив его, выдохнула. Несмотря на то, что был тот совсем слабым, девушка расслабилась. Ненароком скользнула взглядом по ранам, до которых Кемром добраться не успел.

— Уф... — Лайне скривилась, когда заметила выглянувшего из рассечённой брови гельминта. — Нет, с этим что-то надо делать.

Прежде чем продолжить обработку оставшихся повреждений, Анастаси надела перчатки: не стерильности ради, но во имя своей безопасности. К дезинфекции вестница подошла не с меньшей тщательностью. Спирт с ватными тампонами и швейная игла с горячей свечой были под рукой.

Я справлюсь, внушала себе Анастаси. Она промыла оставшиеся раны. Обработала пинцет. Потянулась браншами к впёкшимся в ткани деметалловым осколкам наконечника. Едва инструмент погрузился в отверстие, как Кемром слабо застонал. Периодически ему удавалось вырваться из плена бессознательного, но наяву он держался недолго.

— Тише, — проговорила Анастаси, когда Кемром в очередной раз дёрнулся. Она упёрла руку в его здоровое плечо и осторожно толкнула на кровать. Выждала несколько секунд.

Повторила: — Тише.

Зацепив осколок наконечника, девушка вытянула его наружу. Кровь у Кемрома была тёмная, практически чёрная. Болотной слизью она потянулась вслед за инородным фрагментом. Выложив кусочек деметалла на салфетку, Лайне убедилась в чистоте раны — во всяком случае, внутри вестница больше ничего не обнаружила — и заметила её. Как умела. После перешла к другим повреждениям.

Закончила Анастаси только к девяти часам утра. Глаза её совсем уже слипались. Перед тем, как оставить Кемрома, она стянула с него ботинки и накрыла пледом. Уставшая, девушка отправилась утилизировать выползших червей, грязные ватки и извлечённый деметалл.

Только с уборкой было покончено, как раздался стук в дверь. Анастаси неуверенно подошла к ней. Прильнув к лакированной древесине, спросила:

— Кто там?

— Это я. — Вестница услышала голос Четырнадцатого. — Давай, открывай, у меня нет ключей.

Растерявшись, Анастаси открыла дверь.

Выглядел Четырнадцатый потрепанным — на шее цвёл засос, а следом тянулся въедчивый шлейф алкоголя и табака. Парень посмотрел вглубь коридора и увидел следы на полу. Пошатнувшись, прошёл вперёд. Заглянул в спальню бывшей покровительницы и нахмурился.

— Ты вообще в своём уме?! — Четырнадцатый вспыхнул возмущением, когда увидел на кровати Анастаси лежащего мужчину. — Ты вообще знаешь, кто это?!

Визит друга стал для Анастаси сюрпризом. Причём, как выяснилось уже через пару минут, весьма неприятным: появления бывшего гарда девушка никак не ожидала и даже не успела прикрыть дверь в свою спальню. Комната Четырнадцатого, впрочем, всё это время оставалась нетронутой. Вот только интересуется его, предположила девушка, не она.

— Да-а, — скрестив руки на груди, подтвердила балтийка и встала посреди дверного проёма, — ты же съехал, и я решила найти себе нового соседа. Чего тебе надо, Чет?

— Это преступник, Нази! — не унимался Четырнадцатый. Осуждающий взгляд вестницы вынудил его перейти на шёпот: — На таких не распространяются ни кодексы, ни дела чести!.. Трупоед, трупокур... Распространитель курительного каннибализма!

— Он меня спас, — упрямылась Лайне. В конце концов, она и так знала, что Четырнадцатый прав, — значит, я должна отплатить ему тем же.

— Кому должна?.. — спросил карпеец и, хлопнув себя по лбу, отвернулся. — Кажется, нас всё это время обманывали, и Домахта не низвели!..

— Эй! Ты сейчас намекаешь, что я глупая?

— Ля, ну, на последовательницу глупости ты точно похожа. — Четырнадцатый недовольно сжал губы. — Делай как знаешь, Нази.

— Чего тебе надо, Чет? — Та вскинула бровь.

— Я только хотел убедиться, что ты не отсохла прошлой ночью — на этом твоём маскараде пропало несколько людей, и мне не хотелось увидеть твоё имя в этом списке.

Четырнадцатый, хлопнув дверью, ушёл. Анастаси ещё несколько минут стояла на месте, не в силах переварить сказанное. Она не знала, что её тревожило сильнее: что они могут больше не увидаться или то, что она в самом деле могла вчера погибнуть.

Проснулся Кемром только на следующий день. В груди нестерпимо жгло. Гудела голова. Едва капитан открыл глаза, как сердце неприятно ёкнуло, и рёбра сковала боль. Подорвавшись с кровати и поморщившись, мужчина приподнял край рубашки. Обнаружил обработанными даже те раны, до которых он сам не успел добраться. Швы были наложены немного неумело, но... наложены. Это вынудило капитана улыбнуться. Похоже, роботарий знал, к кому его привести.

Оклемавшись, Кемром оглянулся. Матрас скрипнул, когда он спустил с кровати ноги. Перед собой карпеец увидел незнакомую квартиру. С кухни тянуло газом и свежими фруктами. На плите со свистом закипал чайник. Комнаты наполнились запахом свежесваренного кофе.

— Доброе утро, — замерев в дверном проёме, поздоровалась Анастаси, — Антон.

— Fop, — неуверенно ответил тот и коснулся занывшей головы. — Прости за...

Он хотел рассказать, что привёл его сюда падальщик. Что к последнему у него самого вопросы. Что, по правде говоря, он до этого и не знал о местонахождении Анастаси. Впрочем, не успел:

— Ты меня напугал. Ты сейчас как? Лучше?

— Будто умер, — хмуро отвечал Кемром, — но забыл остановиться.

Вместе они переместились на кухню. Рядом с раковиной Кемром заметил бутилированную воду. Водопроводные трубы хрипели и выли. Изредка из-под крана капала ржавая слизь.

— Это правда? — поставив на стол чашки с кофе, спросила девушка. Кемром вопросительно вскинул бровь. — Что ты бессмертен?

— Можно и так сказать. Это... Один из даров Немока.

— Ты говорил что-то о пуле...

— Анастаси, — перебил капитан вестницу, и, попробовав кофе, поморщился, — я благодарен за гостеприимство и помощь, но послушай меня внимательно: дальше будет хуже: мы запустили Церну, и... с её помощью Вилена хочет распространить воздействие мощей Живамиж. Под Староградом спит одна из первых деми, Мать Войны...

— Постой! Пожалуйста, не так быстро. — Анастаси выставила перед собой руки. — Хочешь сказать, что Вилена собирается пробудить деми? Раге, я правильно понимаю? Не-е, я слышала о горах, но чтоб под землёй... Как такое могли допустить?

— Это было ещё во времена, когда литеры Хейла не были запрещены. Части... части скелета Раге использовались для строительства подземных коммуникаций.

— Ты это сейчас о катакомбах?

— Nof, — вяло мотнул головой. — Метро, но... Не это важно. Важно то, воскресение Раге начнёт новую войну: между людьми. Гражданскую ли, мировую — это не имеет значения. Тогда то, что называли «войной с демиургами», покажется игрой в песочнице. Редкий деми даёт отпор... Люди другие.

Фоном работала кухонная радиоло. На муниципальной частоте транслировалась новостная передача: дикторша зачитывала ужасающую статистику, собранную в градеминской больнице. За прошедшую ночь в ней скончалось около сотни человек — большая часть из них была вакцинирована «Миротворцем». Сразу после оглашения данных передача выпала из эфира.

— Я предлагал использовать останки вакцинированных, — прокомментировал услышанное Кемром, — но Церне они не подходят. «Панацея» лишает плоть... посмертной

ценности.

На мгновение Лайне задумалась. Вновь вспомнила Линейную и вызов на чтение Ранайне — единственный случай в её практике, когда мёртвое тело не породило немёртвую форму.

— Не даёт формироваться андерам, — пробормотала вестница и отвлеклась на завибрировавший протофон. — Вот только почему?..

— Полагаю, в «Панацее» содержится элемент, родственный по свойствам элегии. Если она способствует формированию андеров, то он — препятствует, нейтрализует действие, побочное, элегии... и убивает.

— Проклятье! — Анастаси зло посмотрела на экран устройства. Кемром поднял на неё внимательный взгляд. — Они отменили все рейсы. Теперь только...

— Я могу отвезти тебя. В Родополис.

Лайне удивлённо приоткрыла рот. Тем временем производимый радиолой белый шум будто распространился на уличные репродукторы.

— «Внимание-внимание! Внимание-внимание!» — воззвали к людям они, и столица с трепетом замерла. — «Граждане Карпейского Каэльтства! Правительственный Дом Монтгомери вынужден сообщить прискорбное известие: Советом Сателлитов Единой Высоты запад Сибири Российской Империи официально признаётся отчуждённым. Западная Сибирь мертва! Тардиградск мёртв! Просьба сохранять спокойствие и почтить память их молчанием!»

Эпизод второй

Балтийская Республика: Родополис

Оутилканис 9-1-9

2-22/995

Когда голову оставили реминисценции с последнего чтения, Элиот столкнулся с проявлениями собственной памяти. Чем бы он ни занимался, мысли всякий раз возвращались к Линейной: то и дело среди прохожих мерещились лица умерших друзей, и они, точно живые, сливались с толпой и растворялись с ней. Так, часом ранее, парень видел Даналию и Фрица — они, размахивая пакетами из центрального универсама, гуляли по старым улочкам города и о чём-то весело разговаривали, смеялись. Элиот готов был поверить в чудо, пока собственными глазами не увидел, как друзья исчезли за проехавшим мимо автобусом.

Успокоился Элиот только тогда, когда вернулся в свой спальный район. Окраина встретила парня промозглыми объятиями тишины. Цветущая событиями и светом столичная жизнь доходила до сюда лишь по инерции — под масками афиш, спешащей в центр молодёжи и возвращающихся оттуда работяг.

Элиот сам был только оттуда. Посетил врача, заглянул в аптеку — теперь возвращался домой. Однако, пусть его путь проходил не через кладбище и даже не мимо, призраки сопровождали его на каждом шагу.

Наваждение завершилась, стоило подъездной двери захлопнуться за спиной. Когда огни и шум мегаполиса остались за металлом и бетоном, тревога сменилась тоской, и Элиот потонул в одиночестве.

При подъёме он подумал, что лестница — его самый худший враг. Уже на третьем пролёте отдышка атаковала с такой силой, что парень вынужденно остановился восстановить дыхание. Когда из лёгких вырвался хрип, в ход пошёл апейрон. Ингаляция —

даже на неполный вдох — помогла спокойно продохнуть и наконец осилить подъём.

Оказавшись в квартире, Элиот закрылся и разложил на столе содержимое принесённого пакета: десяток упаковок с апейроном да пузырьки с «Локмипаном» да «Инсенсебалом». Из кармана достал использованный рецепт и талон с записью к врачу. Фоном включил протовизор.

Без Анастаси стало тихо. Конечно, в сравнении с Шарлоттой сестру было сложно назвать разговорчивой, но её отсутствие оказалось более значимым, чем представлял Элиот прежде. Они не успели обжиться в Родополисе, и даже самая незначительная вещь — вторая зубная щётка или брошенная у зеркала косметичка — помогала сделать съёмную квартиру уютней. Сейчас этого не было.

Небольшая студия наполнилась поставленными голосами и боем курантов. Экран заполосил помехами. По международному каналу шла трансляция внеочередного собрания Высшего Совета Сателлитов Единой Высоты. Это — редкий случай, когда мероприятие превратилось в конференцию с участием журналистов. За широкими столами сияли, причём в прямом смысле, лидеры Тризонии — российский царь, альвионская королева и ханьский кормчий. Лица каждого из основателей покрывали маски: не защитные, но декоративные.

Каждый из носимых ликов символизировал смерть. Не из злого умысла или насмешки, но как дань неписанному правилу Совета, что участвующие в нём осознавали, что от их решений зависели не только победы, но и поражения своего народа.

Лицо Трувора X скрывал золотистый череп; на плечи была накинута жёлтая епанча. Маска, плавно переходящая в корону, альвионской королевы сияла рубинами и изумрудами; шёлковое — насыщенного красного цвета — платье было вышито золотом. Лицо ханьского сателлита покрывал чёрно-белый череп, парадный халат серебрился, а голову венчала меховая шапка с перьями.

— Несомненно, последние новости из Карпейского Каэльтства огорчают нас. Как страна-участница Тризонии, Россия готова оказать поддержку и гуманитарную помощь карпейскому народу, пока каэльт Монтгомери не оправится от потери своего сына и не поправит здоровье, — в завершении своего выступления объявил Император и встал из-за стола. Крупный план: сателлит стоял на фоне имперского флага. — Но если Карпея пожелает вернуться к своим истокам, то мы вернёмся к своим. Россия никогда не отменяет своих героев.

— Эээ... что? — недоумевал Элиот. О том, что происходило в Градеминне, мировая общественность по-прежнему знала немного: большинство публикаций в интернете получали статус подделки, в связи с чем практически мгновенно пропадали из новостных лент. — Это шутка какая-то?

Не находя себе места, Элиот зашёл в «Ментаксион». Только открыл диалог с сестрой, как от неё пришло сообщение:

Anastasi Laine [2.22, в 19:17]: Мы встретились с ним. Он жив.

N Ø Я Ъ Н [2.22, в 19:18]: Что стоп. Кто жив

Anastasi Laine [2.22, в 19:19]: Кемром. Мы встретились на балу в Академии.

N Ø Я Ъ Н [2.22, в 19:20]: И ты так просто об этом рассказываешь! Ты как. Он тебе ничего не сделал

Anastasi Laine [2.22, в 19:22]: Нет, со мной всё в порядке. Слушай, в Градеминне отменили все поезда, и он пообещал отвезти меня до Родополиса... или до любого другого города на границе. Я не знаю, как в дороге будет со связью, так что не теряй

Н Ø Я Ғ Н [2.22, в 19:23]: Погоди. Там император как то странно говорит о Карпее Пожалуйста поторопись. Как то стремно все это

Внезапный стук. Элиот вздрогнул и, настороженно глянув на дверь, бросился проверить оружейный схрон под кроватью. Убедившись в надёжности тайника, парень нерешительно подошёл к двери и приоткрыл её.

— Дайомисс? — Элиот протёр глаза, когда увидел на пороге синекамского златоклюва. Тот невозмутимо, отодвинув парня плечом, прошёл в квартиру. — Что ты тут делаешь? Откуда ты вообще знаешь, где я живу?

— Геолокацию в «Менте» убери, — заведя руки за спину, пробормотал агент. — Собирайся. Через десять минут выезжаем.

— Что?.. Куда?!

— Зи тебя не предупредила?

— Нет!

На мгновение Дайомисс будто задумался. Сложил руки на груди, а после недолгой паузы выдал:

— Это ничего не меняет. Вместе десяти минут даю двадцать. Я научу тебя стрелять, — затем, словно засомневавшись, что произнесённые слова возымели эффект, присовокупил: — Станешь полезным. Быть полезным — хорошо.

Элиот вздохнул и достал из-под кровати обёрнутое пледами оружие. Избавившись от защитного хлопка, парень смерил взглядом сначала Dis-UT, а затем — Opus-UT. Если первую Лайн даже в руках не держал, то со второй знакомство уже состоялось. Решено. Элиот вновь взялся за револьвер, прихватил оставшуюся упаковку патронов, а остальное спрятал. Впрочем, меж тем рассуждал парень, препятать потом будет не лишним — Дайомисс видел тайник.

Н Ø Я Ғ Н [2.22, в 20:01]: Зи что за дела! Почему ты меня не предупредила насчет Дайомисса

Эпизод третий

Карпейское Каэльтство: Градемин

2-23/995

Ежедневно умирало под тысячу человек. Мертвецами наполнились здания и улицы. Извлечённых из каменных гробов трупов оборачивали в пропитанные дёгтем робы, призванными если не замедлить, то замаскировать все следы гниения. Дёгтем же пропитывали свои клювы все охотники, а крематоры изнутри смазывали им свои шлемы. Эта метода пришла прямиком из летописей — именно так предохранялись первые градеминские стражи, столкнувшие с кровореками.

За ночь выпало столько снега, что на краткие часы Градемин принял привычный для многих вид. Однако с первыми шагами прохожих по заснеженным улицам иллюзия начала неизбежно рассеиваться: оставленные следы наполнились кровью. Когда Анастаси и Кемром вышли из подъезда, то заметили тянущиеся от набережной вереницы алых дорожек. Опоясывающий Дунари огонь притаился за зданиями, но дым его поднимался выше частокола крыш.

Машина капитана — двухместная угольная «Торвун» — была припаркована за ВАД. До неё Кемром и Анастаси добрались без проблем. Однако, лишь приблизившись к экипажу, мужчина пошатнулся и облокотился на капот. На мгновение прикрыл глаза. Лайне, бросив на него обеспокоенный взгляд, спросила:

— Ты уверен, что в состоянии садиться за руль? Если ты себя неважно чувствуешь, у меня есть права, и...

Кемром резко поднял руку. Замолкнув, вестница посмотрела на проглядывающую из-за тумана башню ВАД. Девушка с удивлением обнаружила, что от крыши шёл дым. Едва заметный, он почти сливался с мороком наступившего дня. Лица Церны при этом не различались, но на долю секунды показалось, что в их бездушных глазах горел свет.

— Нет необходимости, — наконец подал голос Кемром и попросил: — Подожди немного.

«Немного» растянулось до десяти минут: за это время Анастаси успела не только сложить вещи в багажник, но и проверить электронную почту с новостной лентой «Ментаксиона».

— Что ты там возишься? — Анастаси в итоге не выдержала и подошла к Кемрому.

Тогда она увидела, что в руках тот держал папку со множеством забытых мультифор. В каждой из них хранились всевозможные документы: паспорта, водительские удостоверения, права на собственность, страховки, визы — и всё на разные имена. За минуту Анастаси насчитала не меньше трёх личностей, с одной из которых — Виктором Мироновым, — ей доводилось встречаться ещё в Линеинной.

— Даже больше, чем я думала, — с неприкрытым недоумением высказалась вестница. — Не боишься потерять?

— Это не единственный экземпляр, — не отрываясь от поиска, ответил Кемром. Затем воскликнул на следующей странице: — Ха-х, нашёл!

Он достал из мультифоры паспорт, водительское удостоверение и страховку на «Торвун».

— Игорь Генден... — подглядев, прочитала с удостоверения Лайне. — Кто это?

— Пропавший без вести, — пояснил капитан и, повернувшись, натолкнулся на обеспокоенный взгляд. — Нет, я не при чём. Не волнуйся, прошло достаточно времени — без меня этот турист был бы мёртв.

Из случайной оговорки Анастаси догадалась, что имя принадлежало одному из исчезнувших на Нулевой Высоте путников. Их так и называли — пренебрежительно обычно — «туристы». Ежегодно до десяти тысяч человек исчезало в отчуждённых землях; некоторые потом возвращаются, через год-другой. Однако многие за истечением срока давности признавались умершими. Впрочем, теперь Лайне засомневалась, что пропавшие и впрямь возвращались.

— Надеюсь, мою жизнь присваивать не станешь? — то ли шутливо, то ли серьёзно поинтересовалась она.

— Ха-х, это было бы... проблематично, — в тон ответил мужчина. — А вот твоего брата... Фоп, его медицинская карта может мне пригодиться.

— Антон!

— Это шутка, — объяснился тот и открыл перед спутницей дверцу со стороны пассажирского сидения. — Садись.

Подготовка к выезду вскоре закончилась. Пристегнувшись, Кемром незаметно для Анастаси принял мотуссупрессоры и снял с солнцезащитного козырька очки с тонированными линзами. Надел их.

Навигатор тем временем выстроил маршрут: согласно прогнозам, прибытие к границе Карпейского Каэльтства возможно только к утру следующего дня.

Нельзя сказать, что Лайне успела подготовиться к этому небольшому путешествию. Такие вещи, как пищевые и питьевые запасы в дорогу, показались ей формальностью. Больше всего теперь девушка хотела выбраться из города. Чем раньше, тем лучше.

В дороге выяснилось, что Кемром умеет быть любезным с красморовцами. При выезде из города «Торвун» остановил дорожный патруль — для проверки документов. Всё прошло настолько гладко, что обошлось даже без осмотра машины. Единственное, что напрягло Анастаси, так это замечание охотника, смотревшего её паспорт:

— Вы там поосторожней, — сказал агент, — неподалёку открылся очаг Воздействия, так что не съезжайте с главной дороги.

Впрочем, именно это и произошло. На выезде из города была пробка, протянувшаяся на несколько километров вперёд. Первые полчаса Кемром честно ждал, но после, без какого-либо движения, сдался:

— Поедем в объезд, — зацепив солнцезащитные очки обратно за козырёк, решил капитан и глянул в зеркало заднего вида. Места для разворота хватало. — В бардачке есть апейрон, в багажнике — запаска, так что через очаг порвёмся.

— Не думаю, — попыталась возразить пассажирка, — что это хорошая идея. Но это ничего не изменило.

Стоило немного отклониться от маршрута и заехать вглубь спальных районов, как перед путниками предстал совершенно другой Градемин. Из всех магазинов работал только один универмаг с обслуживающими его роботариями. За зданием стояли мусорные баки, доверху набитые просроченными продуктами. При этом все тротуары и дороги сверкали чистотой — никого, кроме прототипов-дворников, поблизости не было. Лишь на одном из двухэтажных домов коршуном сидел домовой.

— Как-то здесь... тихо, — насторожилась Анастаси. — Неужели все уехали?

— Давно. Те, кто мог и хотел, уехали с первыми ветрами революции.

После «Торвун» свернула на объездную дорогу. По встречной полосе мимо проезжали машины, и Лайне встревожилась, когда поняла, что они были единственными по направлению очага Воздействия.

Стоило выехать за пределы Градемина, как начался густой лес. Плотный, без просветов. Дорога превратилась в извилистый коридор. Изредка в стороне мелькали разного толка заброшенные объекты: это могли быть остановки или станции, но иной раз — целая деревня.

— Не проедем мы там, — предрекла Лайне, и из-за поворота показалась башня контрольно-пропускного пункта. — Плохая это была идея...

— Проедем, — сказал Кемром и, приоткрыв со своей стороны окно, закурил триумф. Зажав самокрутку зубами, добавил: — Вот увидишь.

На лице капитана появилась уже знакомая хищная улыбка. Глаза загорелись кровожадным огнём.

Контрольно-пропускной пункт был занят крематорским патрулём и роботариями-пограничниками. Рост последних близился к четырём метрам, за счёт чего одетые в доспехи красморовцы казались несуразно маленькими. Посреди дороги вырисовался шлагбаум — заметив его, Кемром максимально выжал педаль газа. Взревел двигатель. «Торвун» молниеносно набрала скорость.

— Что ты делаешь?! — вцепившись в ремень безопасности, запаниковала Анастаси. Капитан выдохнул дым и выбросил окуроч в окно. — Совсем спятил?!

Прямо перед «Торвун» встал роботарий. Он уверенно выставил перед собой руку — Кемром на полной скорости сбил его и переехал то, что осталось.

— Никаких попутчиков, — произнёс капитан и насмешливо посмотрел на пассажирку. — Не волнуйся, нас не догонят: их предельная скорость не выше пятидесяти.

Тогда остальные роботарии запустили сирену, и крематоры стремглав запрыгнули в спасательный автомобиль — тяжёлый бронированный четырёхосный грузовик класса «Кондор». Покрытый и пропитанный копотью, с цистернами горючего, он завёлся с выхлопами из десятка труб.

— Ты ненормальный. — Анастаси схватилась за голову и оглянулась. «Кондор» отстал быстро. — У меня дурное предчувствие.

— Это машина. Понадобится — починят его.

В салоне зазвенела тишина. Анастаси откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза. Дорогу тем временем затянул морок. Кемром вынужденно убавил скорость. Прибавил яркости фарам. Сосредоточенно посмотрел по сторонам и сказал:

— Смотри в оба. Что-то здесь не так.

Около получаса Кемром и Лайне ехали в тишине и на невероятной концентрации. Несмотря на то, что окна были плотно закрыты, в салон проник дух холода и гари.

Постепенно морок рассеялся — обочина оказалась заставлена поражёнными элегией транспортными средствами. Только по обрывкам выцветших лент и оплавленным кольцам на крышах можно было догадаться, что относились автомобили к свадебному кортежу. С каждым пройденным метром картина произошедшего становилась мрачнее.

— Ejs! — выругался Кемром и выжал тормоз.

Дорогу перекрывала развёрнутая карета. Дверцы её вместе с обивкой разъело плесенью, а с потолка свисала паутина. Внутри никого не было. Кемром поправил зеркало заднего вида, затем рывком посмотрел назад.

— Дальше нам не проехать, — обескураженно рассудил Кемром. — Придётся возвращаться.

— А как же те крематоры? Сомневаюсь, что они будут рады встрече. Не боишься им попасться?

— Без разницы. — Капитан дёрнул за ручник и сдал назад. — Будет хуже, если здесь мы столкнёмся с андерами.

«Торвун» не сдвинулась с места: из-под неё повалил дым. Кемром приоткрыл дверцу и, выглянув, посмотрел вниз — резина начисто стёрлась. Позади зловеще завывло. Не мешкая, мужчина вернулся в салон и захлопнул дверцу. Из внутреннего кармана плаща достал серебристую перчатку. Анастаси, увидев материю с десятками игл из манжеты, изумлённо вскинула брови.

— В бардачке, — с подслеповатым прищуром вглядываясь вдаль, скомандовал капитан, — быстро.

Не успела Анастаси опротестовать такое решение, как он выбрался из машины. Задрожали придорожные деревья. Тут и там затрещали, захрустели ветки. Округа наполнилась гнетущим звоном.

— Придётся идти пешком, — безапелляционно заявил Кемром. — Вылезай. Я возьму твою сумку.

Достав сумку из багажника, он повесил её на плечо и направился в обратном направлении. Параллельно с этим мужчина подключил демиган к себе. Во время этого

капитан невольно отметил, что иглы стали менее податливо погружаться в плоть. Вскорости оружие приобрело форму клинка.

Вестница тяжело вздохнула и, достав револьвер с патронами, выбралась наружу. Очутившись на улице, Анастаси разместила свою сумку на крышке багажника и достала из неё кадилницу. Заправила её. Запалила. Аромат фиалки, разлетаясь по воздуху, отогнал сгущающийся вокруг мрак.

— Правильное решение, — одобрительно бросил Кемром и махнул в сторону, — а теперь пошли.

Кивок. Как можно скорее Анастаси сложила остатки фимиама обратно в сумку. Повесила ту на плечо. Ремень всякий раз скатывался с него. Раздражённо поправляя его, на ходу включила протофонный дозиметр. Устройство зафиксировало нестабильную элегическую обстановку с повышением фона по южному направлению.

— Антон! — прибавив шаг, позвала Анастаси спутника. Тот, обернувшись, вопросительно на неё посмотрел. — Подожди, я не могу так быстро.

— В Линежной ты была порасторопней.

Следующие полкилометра они прошли почти в одном темпе. Кемром изредка останавливался, позволяя вестнице его обогнать, и только после возобновлял движение.

Вскоре их вновь объял туман. Анастаси спешно надела респиратор, Кемром — маску. Темп ходьбы замедлился ещё больше. Каждый идущих прислушивался ко всякому шороху, которыми наполнился дремлющий по сторонам лес.

— Это же не обычное оружие, да? — Лайне с опаской поглядывала на пылающий клинок. — Я видела его в Линежной. Что это?

Капитан пришёл в замешательство. Однако, не таясь, ответил вполне серьёзно:

— Демиган.

— Демиган? — прищурившись, с недоверием переспросила она. — Ты не шутишь?

— Я похож на того, кому есть резон об этом шутить? Досадно. Впрочем, именно недоверие порождает вседозволенность. Народ не слышит звона, а потом удивляется, что с миром опять что-то не так.

— Я... Послушай, я не это имела ввиду. Может, для тебя происходящее и в порядке вещей, но лично мне сложно свыкнуться с творящимся вокруг [безумием].

— Нецензурная брань никого не красит, — проворчал капитан. — Ног вернуться к твоему вопросу, фон, это демиган. Смотреть можно — трогать nof.

— А... Кхм. И как ты им пользуешься? Насколько я помню, демиборцев исказила его сила.

— Они были смертными, — отвечал Кемром неохотно, а Анастаси наострила уши. — Искажает посмертие, но не демиган — он убивает и достаточно быстро. Не только людей, но и других... существ. Живой, немертвый — для него нет никакой разницы, кого отправить в забвение...

Внезапно капитан остановился. Выставив перед Лайне руку, приказал:

— Стой, — и сам прошёл ещё немного вперёд. — Там кто-то есть.

Встревоженный, Кемром замер и обернулся. Проверил, что Анастаси всё ещё стояла на месте.

Туман уплотнился и, загустев, обрёл плоть — элегия визуализировала слабые, невесомые женские черты. Посреди дороги материализовалась бледная невеста. Стоны её слились с воем зимнего ветра.

Немёртвая застала капитана врасплох. Рука её вытянулась и схватила его сердце. Холод парализовал Кемрома, и тот замер. Температура его тела резко понизилась.

— Антон! — крикнула Анастаси.

Прицелившись, она выстрелила. Попала в плечо немёртвой, и та, пошатнувшись, выпустила сердце капитана. Несмотря на то, что силы оставили его, он занёс демиган. Решительным взмахом отсёк андере голову. Сочащийся ядом клинок окропил кислотой брошенную у обочины машину. Воздух наполнился запахами палёной резины и обращающегося в утиль металла. Ровный срез рассёк шею бледной невесты. Не фонтан крови, но элегия брызнула на Кемрома. Капли попали на рукав поношенного плаща — Кемром несколько раз встряхнул руку, пытаясь избавиться от разъедающего материю вещества.

— Derlejs, — процедил капитан. Оглянувшись, наткнулся на полный беспокойства взгляд Анастаси. — Спасибо.

И мёртвые поднялись с остывших сидений: внезапно проснулись пионеры. Корка, покрывшая их тела, неприятно захрустела. Немёртвые, чья природа была искажена и искорёжена, потянулись к живым. Покуда первые ряды занимали участники свадебного кортежа, то дальше к ним присоединялись дикие животные. Лисы, волки, кабаны — крайне неторопливо они выбирались на дорогу.

— Так не должно быть... — не своим голосом вымолвила Анастаси. — Так не должно...

Времени думать не было.

Анастаси напряжённо озиралась и водила стволом. Она торопилась сократить дистанцию с Кемром. Когда расстояние сравнялось до метра, на девушку налетели мёртвые карпейские вороны. Птицы когтями вцепились в выбеленные волосы. Лайне начала испуганно отмахиваться. Едва не выронила кадку, револьвер. Ненароком отстрелила одного из напавших воронов. Остальных сбил Кемром.

— Ты как? — забеспокоился он.

Не успела вестница ответить, как совсем близко раздалось грозное рычание. Раскрылись пасти немёртвых волков, и вязкая отравленная слюна залила полотно. Пионеры, покачиваясь, обошли восставших животных. Мимолётом один из участников кортежа погладил хищника по голове. Так, будто последний был домашним питомцем.

— Ненавижу волков. — Повернувшись, Анастаси выстрелила.

Первым выстрелом она снесла ближайшему пионеру голову, вторым — подстрелила волка за ним.

Кемром разом пронзил пару подружек невесты. Со стороны казалось, пионеры вовсе не замечали оружия — они слепо шли вперёд, напрямую к источнику энергии.

— Ха-х, понимаю, — хрипло усмехнулся капитан. Их окружили. — Похоже, у нас неприятности.

Барaban револьвера NomVP был рассчитан на семь патронов. Анастаси выстрелила ещё три раза, прежде чем перезарядила его. Попутно она крепче привязала к запястью кадку. Тогда же Кемром острием демигана обрисовал вокруг них круг. По его контуру поднялось сизое пламя, что обращало андеров при пересечении границы в прах.

Стоило крови закипеть адреналином, как заревом вспыхнул лес. Пронзительный гул. Грохот. Из тумана вынырнул крематорский «Кондор». Тусклым светом горели его фары. Бронированный, он сносил на своём пути разбросанные машины, и столпы искр вырывались

из-под угловатого шасси. Пламя чистейшим золотом лилось на обочины и придорожные участки, вытравливая элегический дух.

Грузовик с оглушительным скрипом затормозил. Распахнулись дверцы. Наружу выбралась четвёрка крематоров: трое из них были вооружены «Сварогами», у другого при себе — тяжёлый Lethe. В считанные секунды они расправились с пионерами, будто те не представляли никакой угрозы.

Кемром пришёл в бешенство. Он взмахнул рукой, и демиган принял форму винтовки, отдалённо напоминающую «Стрибу». Прицелившись, капитан выстрелил. Крематоров не брали пули: они попросту рикошетили от доспехов.

В это же время Анастаси испуганно попятилась. Подняла руки. Несущие пламя приближались. Огнемёты в их руках зашипели. В считанные секунды раскалились сопла. Крематоров не сдержал проклятый огонь.

— Вы находитесь на границе очага Воздействия, — сообщил агент с тяжёлым пулемётом и приказал: — Бросайте оружие, и мы доставим вас в город.

— Не слушай его, — противился Кемром, — никуда они нас не доставят. Всё, что ты увидишь — стекло инсектария, и поверь, тебе там очень не понравится.

Крематор не повторял дважды. Не дождавшись решения вестницы, он открыл огонь. Отстрелил ей руку с револьвером — кисть Анастаси разлетелась на куски. Вестница, схватившись за запястье, закричала и упала на колени.

— Анастаси! — Кемром бросился к ней, но следующая очередь пришлась ему в грудь.

Он упал рядом.

По лицу вестницы струятся обжигающие слёзы. Она жмурится, страдальчески стонет. На то, что осталось от руки, смотреть не решается. От крематора жалости ждать не приходится: оставив пулемёт болтаться на ремне, агент толкает балтийку лицом в асфальт и скручивает её руки за спиной.

Подтянулись остальные крематоры. Разобравшись с последними пионерами, они подошли к Кемрому. Быстрая смерть обошла его. Грудная клетка надсадно хрипела, и из-под маски струилась кровь.

Перед тем, как потерять сознание, Анастаси бросила мутнеющий взор на капитана. Увидела, как над ним склонился один из крематоров. Внимание последнего привлекло прикреплённое к руке оружие. Разом краснорозец вырвал из тела недруга все трубки с иглами. Кемром глухо застонал. Демиган вновь принял форму перчатки.

Эпизод четвёртый

Балтийская Республика: Пялицус

2-23/995

Урбанистические трупы устлали балтийские земли: с уходом империалистов они пришли в запустение. Все градообразующие предприятия — будь то завод «Руссо-Балт» или кондитерская фабрика «Серенада» — закрылись и теперь больше напоминали каменные развалины, облепленные выцветшими рекламными обёртками. Десятки городов и деревень разваливались среди полей и лесов.

— Даже Линейная выглядела не так уныло, — пробормотал Элиот и, отведя от окна взгляд, проверил ремень безопасности. — Долго ещё?

— Почти приехали, — ответил Дайомисс.

Из-за горизонта выплыла заправка с небольшим придорожным кафе.

— Может, остановимся? — предложил Лайн и демонстративно зевнул. — Мне нужен

кофе, иначе я вырублюсь на этом твоём стрельбище.

— Кофе? — Дайомисс повернулся и едва не задел клювом пассажира. Тот, поморщившись, отпрянул. На штендере перед входом в заведение, мимо которого они проезжали, была нарисована тарелка жареного картофеля с курицей. — Там ещё картошка есть...

— Ну и...

Договорить Элиот не успел — они на полной скорости миновали поворот. Парень бросил на красморовца недовольный взгляд.

— Жареная картошка, конечно, хорошо, — задумчиво проговорил охотник, — но никто не готовит её лучше, чем моя жена.

— Не знал, — Элиот слегка удивился, — что ты женат.

— С чего ты взял, что я женат? — вслед удивился Дайомисс и прибавил громкость радио. Элиот, устало вздохнув, отвернулся к окну. — Скоро уже будем на месте.

В пригороде снега не было вовсе. Когда небо зардело рассветом, дорогу обступили сухие и голые деревья. Тишина стояла такая, что Элиот был готов поклясться, что слышал музыку с той самой заправки, мимо которой они проехали.

На обочине промелькнул указатель с названием населённого пункта: «Пялицус». Поворот к нему скрывали тени придорожных деревьев — даже навигатор не знал о его существовании. Дайомисс, проигнорировав разлиновку полос, пересёк двойную сплошную, и служебный «Грач» нырнул в лес. Качество дороги сразу ухудшилось. Выбоины перемежались порожками, а в салоне потемнело. Через пару минут темнота рассеялась, и в окна броневика заглянули улицы заброшенного города.

Масштабы его отличались от современной застройкой: много пустого пространства с большими расстояниями меж строениями. Где разбитый, а где сломанный асфальт. Здания уцелели только снаружи: внутри них такая тьма, какой ночью не бывает. На пятаке центральной площади стояли Дом культуры, основание демонтированного памятника и здание городской администрации. На крыше последнего высился лозунг: «Империализм — в будущее», но символы исказились ржавчиной, а от некоторых остался один лишь каркас.

— Что здесь произошло? — Элиот выбрался из броневика и зачарованно оглянулся.

Поездка вмиг стала интересней: всё, о чём парень теперь жалел, так это об отсутствии фотокамеры. Старая пережить Линейную не смогла, а палиск с отснятым материалом изъяли. Лайн пытался отвоевать его обратно — в конце концов, последние фотографии были сделаны при столкновении с андерами, а до этого объектив попала лишь мирная жизнь. Ни доводы, ни даже сама проверка пограничников не убедили.

— Немок, — просто ответил Дайомисс и, схватив из салона мешок, запер «Грача». — Пойдём. Покажу кое-что.

Идти пришлось немного. Рядом с дорогой находился кратер, окружённый проржавевшими кранами. Ничего, кроме уходящей вглубь темноты, не было видно.

— Здесь было Восхождение, — заговорил Дайомисс, когда они с Элиот подошли к огороженному ветхим забором краю. — Город вымер где-то за месяц. Все болезни, пандемии-эпидемии начались именно здесь... и знаешь, что всё это время делал Немок? Ничего. Он просто стоял. Никто не знал, что ему нужно, потому как он ничего не просил. А тем времен каждый день, что он стоял рядом, на свет являлась новая болезнь: сегодня это мог быть новый штамм гриппа, а завтра — генетический порок, который назовут Федрой. И, как ты знаешь, большинство заболеваний невозможно отследить сразу — иной раз для их

выявления должно прийти новое поколение. На то, чтобы установить, что именно олицетворяет Немок, ушли годы, а когда город взяли под контроль, он просто... ушёл.

— Я... Я даже не знал об этом, — стыдливо признался Лайн. Охотник мельком заглянул за ограждение и сказал:

— Теперь знаешь. Пошли.

Выбранное Дайомиссом стрельбище оказалось двором заброшенного Дома культуры «Латгола». Двухэтажные здания, бывшие когда-то жилыми, находились в километре — из-за лесных массивов проступала водонапорная башня.

Вереницей вдоль заросшей беговой дорожки тянулись полутораметровые столбы. Дайомисс спустил с плеча мешок и на шесть вершушек выставил по пустой банке «Бустидюпа». Внутри мужчина закинул немного гальки. Оставив мешок у столбов, агент вернулся к Элиоту и достал планшет. Прошло не меньше минуты, прежде чем охотник снова подал голос:

— Чего ждёшь? Начинай.

— Я... Я думал, что ты будешь меня учить.

— Сначала я хочу увидеть, на что ты способен. Про «Город Будущего» я уже слышал, но ясности это не вносит.

— Но ты даже не смотришь!

Элиот достал револьвер и демонстративно навёл на белоклювого.

— Мне не нужно на тебя смотреть, чтобы сказать, что ты [тупой]. — Дайомисс остался невозмутимым. — Хватит паясничать.

Парень тоскливо вздохнул. Повернулся к банкам и, чуть прищурившись, выстрелил. Мимо. Отдача чуть не выбила револьвер из руки.

— Не хватает техники, — резюмировал красморовец. — Давай ещё.

Занятие продолжилось. Практическая часть почти не прерывалась на теоретическую. Дайомисс вмещивался редко и неохотно. Замечания у него были такие:

— Возьми револьвер нормально, двумя руками. Встань прямо, ноги по ширине плеч... Не торопись! И не наводи ствол на меня!

Элиот честно пытался следовать всем советам, но то остроты зрения не хватало для прицела, то руки дрожали... Да из-за метки обеими держать оружие было неудобно. Даже при незначительном нажатии складки начинали болеть. Найти положение, в котором было бы удобно держать рукоять, оказалось непросто. Если прежде весь дискомфорт глушил адреналин, то сейчас это стало одной из основных проблем — бинт не спасал.

Итоги занятия были неутешительны: прогресса не вышло. Разве что перезаряжать теперь получалось лучше. Не так быстро, как в фильмах, но в последние разы патроны больше не выскальзывали.

— Хватит, — после восьмой перезарядки охотник остановил Элиота, и тот осторожно опустил Орус-УТ. — Сколько раз попал? Девять?

— Семь... или шесть, — стушевался парень. — Пару раз... мне помог ветер.

— На экзамене тебе ветер не поможет, — строго сообщил красморовец, — мишени там закреплены.

— П-послушай, — взволнованно начал Лайн, — я вообще не уверен, что мне это надо.

— Хорошо, если можешь позволить себе так жить.

Элиот хотел ещё что-то сказать, но вдали внезапно заревели двигатели. Поднялся волнующий ветер. Задрожали шапки ближайших деревьев.

— Похоже... на «Драконов»?

— Нет, — уверенно возразил Дайомисс, — это «Виверны».

— Слишком громко для них, не?

Через несколько секунд расслышать друг друга балтийцы больше не могли. Усилившийся ветер подхватил с земли мусор и грязь — Элиот приложил ладонь козырьком к глазам и прищурился.

Из-за горизонта выпорхнули российские «Виверны» — разведывательно-ударные винтокрылы с крупными поперечными винтами. Оснастили аппараты противодемургическим атомным комплексом и парой боковых крупнокалиберных пулемётов класса «Низверг» с модификацией УТ. Воздухозаборники, формой напоминающие двигатели гарпийских ранцев, расположили на крыше фюзеляжа. Носовая часть была угловатой, вытянутой.

Коптящий небо двадцатитонный угольный монстр, занявший позицию улетевших «Снегирей».

— Я же говорил, — невозмутимо произнёс Дайомисс и повернул к Элиоту экран с высвеченной фотографией винтокрыла, — «Виверна». Откуда здесь взяться «Драконам»? Они только в Чжунго водятся.

Эту ремарку Элиот не услышал. Эфир забил шум рвущих воздух лопастей. «Виверны» пронеслись над стрельбищем и скрылись за макушками хвойного леса.

— Какого [лира]? — спросил Лайн, когда тишина вернулась на покинутые человеком земли. — Что они здесь делают?

— Летят, — сказал охотник и кивнул на руины завода. — В километрах пяти отсюда база.

— Да это понятно, — соврал парень, — куда летят-то?

— В Карпею. Куда ж ещё? — Дайомисс убрал планшет. — Там прогнозируют Восхождение — воскресение Раге.

— А ты откуда знаешь?

Полминуты Дайомисс выразительно молчал. Вероятно, взгляд его в этот момент был крайне выразителен, но закрывающая лицо маска оставила простор для воображения.

— Я же не просто так ношу клюв, — наконец проговорил охотник. — Ладно, на сегодня закончим. Если вертушки и дальше будут тут летать, нас рано или поздно заметят и...

По тону голоса Элиот догадался:

— У тебя смена закончилась?

— Да. Поехали в город.

В броневик они забрались молча. Элиот ещё раз проверил входящие сообщения, но ответа от Анастаси по-прежнему не было. На звонки она также не отвечала. Тогда парень начал штурм всех существующих поисковиков и новостных агрегаторов, но ни заметки, ни даже упоминания Градемина за последнюю неделю найти не получилось. Создавалось впечатление, что город не просто оградили информационным занавесом, но он в принципе перестал существовать.

— Я слышу, как ты думаешь. — Дайомисс заговорил настолько неожиданно, что Элиот вздрогнул. — Даже если ты сможешь пересечь границу, ты там ничего не сделаешь. То, что тебе повезло выбраться из Линейной, вовсе не значит, что удача будет сопутствовать тебе и дальше. Без навыков ты будешь обузой, Элиот.

— И что ты предлагаешь? — слабеющим голосом спросил тот. — Сидеть на месте?

— А ты умеешь что-то лучше? — Дайомисс оставался непреклонным. Парень неуверенно дёрнул плечом. — Не умеешь — хотя бы не мешай. Поверь, это лучшее, на что ты сейчас способен.

Наконец они оставили Пялицус.

— Знаешь, — внезапно возобновил разговор Дайомисс, — иногда, когда вижу мем, связанный с Красмор, жалею, что твоего отца больше нет с нами.

Удивившись подобной откровенности, Элиот спросил:

— Каким он был?

— Нормальным. Он любил вас с матерью и не хотел бы, чтобы кто-то из вас умер по глупости. — Красморовец пожал плечами. — Правда, я не сразу понял, что вас у родителей двое — думал, у меня в глазах двоится.

— Понятно... — Элиот задумался, а после нерешительно поинтересовался: — Слушай... Тогда, ну... Не мог бы ты как-нибудь ещё со мной позаниматься?

— Могу. Когда будет время, — без вопросов согласился красморовец. — Подтяни пока технику безопасности.

Элиот послушно кивнул и продолжил с завидным упрямством обновлять «Ментаксион», ещё надеясь либо на ответ сестры, либо на появления каких-либо новостей из Градемина. Ничего не появилось ни через полчаса, ни через час.

Глава десятая. Безмолвный крик

«Посмертие» и «забвение» являются эсхатологическими понятиями, плотно вошедшими в жизнь каждого человека после Восхождения Некры, Матери Смерти. Появление деми послужило катализатором для формирования человеческого образа после смерти.

Изначально оба понятия обладали нейтральной коннотацией, но впоследствии, с появлением андеров, «Посмертие» стало восприниматься с негативной окраской, поскольку всех немёртвых принято ассоциировать с посмертной формой человека. «Забвение» наоборот стало восприниматься положительно — подобным образом флатлайнеры описывают отсутствие возможности формирования посмертного образа,

— Т. Пруд, «Эсхатологические чаяния: на заре миллениума».

Эпизод первый

Карпейское Каэльтство: Градемин (Новоград)

Высшая Академия Демиборцев им. Джестерхейла Опустошённого

2-24/995

Тело: крепкое, подтянутое. С минимальным процентом жира и чётко очерченными мускулами. Всего достаточно. Всё в меру.

Тело: здоровое, лишённое физических изъянов. Лишь незначительные шрамы на плечах, груди и спине. Последние заставили Вилену улыбнуться. Разглядывать продолговатые полосы на лопатках особенно сладко.

Но это было просто тело. Форма без сути. Без содержания. Недостатки с достоинствами перестали волновать жрицу, когда она напонила себе, что внутри уже пусто. Посетитель бала-маскарада не дожид до этого прекрасного момента... Тем лучше, убеждала себя Вейнберг. Ей бы не хотелось, чтобы её действия лишили эту плоть красоты.

— Ты не зря прожил эту жизнь, vejtereghtech, — благодарно прошептала жрица и, повернувшись, скомандовала топчущимся у выхода падальщикам: — В огонь его.

Роботарии подняли с каталки тело молодого человека и водрузили на жаровню. Башня

наполнилась тревожными запахами бальзамина и соли. Могло показаться, что дух самого Понта Аксинского посетил осквернённую башню.

Жрица не причиняла вреда останкам. Не расчленяла их, не разбирала и не резала — не делала ровным счётом ничего, что можно было бы счесть как надругательство над телом. Она даже не притронулась ни к одному из трупов скальпелем. Немногочисленные повреждения, что я появились посмертно, были следствием неосторожности падальщиков.

Продолжительный контакт с Церной и отсутствие сна негативно сказались на Вилене. Перед собой Файдалом увидел не воспеваемую чернозорьскими песнями мстительную деву, но измученную женщину — человека одержимого и сломленного. Лицо жрицы осунулось, а зияющие провалами глазницы окружили тени синяков.

— Красмор поймала их на границе с очагом Воздействия, — оповестил отречённый Вейнберг. — Лайне закрыли в инсектарии, а Кемрома решили вернуть тебе...

— Это уже не имеет значения... Церна почти готова. — Пошатнувшись, Вилена медленно повернулась. — Совсем скоро... мы освободимся и тогда...

— Ты знала, что у него всё это время был демиган? — Файдалом не даё ей договорить. Брови жрицы приподнялись, когда в руках отречённого сверкнула серебристая перчатка, с игл которых ещё капала кровь. — Мне казалось, что ты внимательно следишь за своим питомцем.

Вилена рефлексивно потянулась за перчаткой, но Файдалом сжал оружие в кулак и качнул указательным пальцем. Скривившись, Вейнберг выпрямилась. Фыркнула. Украдкой глянув на жаровню, сказала:

— Я не знала. При мне он не пользовался им.

— Даже так?

Стоило Вейнберг открыть рот, как оплетающие голосовые связки Церны цепи зашлись гулким стоном. Механизмы заработали в полную силу: башня содрогнулась под нарастающим грохотом. Рот Вилены тронула улыбка, и жрица, позабыв о Файдаломе, возвратилась к жаровне. В нетерпении руки охватила дрожь — женщина спешно извлекла из поясной сумки обёрнутые тряпкой мощи. В предвкушении вдохнув их запах, Вейнберг положила останки точно поверх последнего тела, после чего в сопровождении Файдалома покинула башню.

Вилена не сомневалась, когда Церна явит свою подлинную мощь, остановить Восхождение будет уже невозможно.

Эпизод второй

Карпейское Каэльтство: Градемин (Новоград)

Высшая Академия Демиборцев им. Джестерхейла Опустошённого

2-25/995

Пробуждение Церны не осталось без внимания. Пока Российская Империя готовилась к вводу своих красморовских подразделений, Чековка заполнялась ликующими оппозиционерами. Транспаранты сменились знамёнами с нанизанными на них полотнами. Однако украшало их не лицо Монтгомери, но лик цесаревича Оскара — отречённый наследник надменно взирал на своих противников. Опьянённые счастьем люди поджигали изображение губителя почившей династии, а патрулирующие площадь охотники то ли со смирением, то ли с безразличием наблюдали за разгорающимся огнём. Пожаром больше — пожаром меньше: разве теперь это имело значение?

Загорались остатки ярмарочных шатров. Последним светом загорался Новоград, и

элегия инстинктивно тянулась к теплу. Жар перемежался с холодом. Земля перед ВАД тем временем обращалась болотом — вскорости кровью Церны размочит и булыжник, неосторожного в грязь от случайного шага.

Чрезвычайные происшествия меняли не только город, но и поведение служащих во имя его сохранения и порядка. Сгладились углы конфликтов меж Красмор и Чёрными Зорями. Без обсуждений и решений, они шли на перемирие — вестимо, временное, но необходимое для наступающих тёмных времён.

Первыми из непосвящённых в таинство пробуждения Церны в башню поднималась Хольт в сопровождении златоклюва Бакхуса. Однако достигнуть верхнего уровня им так и не удалось: когда до цели оставалось меньше пары этажей, скрытый за углом проход оказался перекрыт тлетворной органикой. Возвращённая на стенах и ступенях плоть источала чистейший литфий — капая с наростов, при соприкосновении с камнем вещество шипело и пенилось. Пространство задышалось в смраде жжённой полыни и мяса. Ни респиратор, ни даже противогаз были не в силах уберечь человеческие носы от столь отвратительной и противоестественной комбинации запахов.

— Башня поражена, — сообщил по радиации Бакхус, поднося громоздкое устройство сбоку от клюва, — повторяю, башня поражена.

— Возможность прорваться есть? — сквозь помехи пробивался голос координатора. — Повторяю...

Во время переговоров Хольт достала из ножен клинок с двусторонней заточкой. Деметалловое лезвие маняще сверкнуло в отсветах фонарей и горящих алым линз клюва. Не дожидаясь завершения вялотекущего обмена сообщений, ундина вонзила острие в чужеродную органику. Вошло то плавно, легко. Хелена запросто увернулась от брызнувшего литфиевого сока. Кислота не могла справиться с демиургическим металлом, и Хольт сделала глубокий надрез. Сразу после этого ей стало понятно, что одного ножа здесь мало — органика поглотила весь путь наверх и планомерно спускалась по лестнице.

— Госпожа Хольт попыталась вскрыть заслон, — меж тем продолжил связь Бакхус и опасливо глянул на ундину, аккуратно извлекающую клинок. — Возможности нет. Повторяю. Возможности прорваться нет.

До этого никому и в голову не могло прийти, что кому-то потребуется пробуждать Церну. Даже мысль об этом казалась настолько нецелесообразной, что в мурмurations обратили на башню внимание только после многочисленных жалоб на вонь. Там уже подоспели и заявления о пропаже людей. Пока рядовые охотники устанавливали происхождение топлива и проводили несанкционированный обыск ВАД, ундина и златоклюв пытались выяснить, что именно повлияло на мощи. Сомнений в том, что виной всему пагубное влияние тлетворных тканей, не возникало.

Анализ кристаллов, выросших на телах выброшенных на сушу покойников, также выявил их Воздействие: на биохимическом уровне была зафиксирована высокая концентрация гормонов роста. Хелена не сомневалась, что это было ещё одним следствием пребывания в городе мощей. Однако общая картина сильно ухудшилась, когда по внутренним каналам ундина узнала, что тлетворные ткани были украдены из столичного перинатального центра. Буквально днём позже их собирались отправить на ликвидацию в Чернобыль, но всё произошло не так.

— Принято, — после недолгих раздумий отозвался Ланц. — Возвращайтесь.

— Это может быть жар, — во время спуска предположил Бакхус, — следствие

воздействия высоких температур. Мощи выделяют энергию, и радиус их влияния увеличивается за счёт тепла стократ. Демиургическая физика, первый курс.

Землю сотряс мощный удар. Златоклюв едва не скатился с лестницы — ундина вцепилась в стену.

— Землетрясение? — растерянно спросил он.

— Мы не в сейсмически активной зоне, — возразила Хольт и, обернувшись, наострила слух. — Если ты так хорош в демиургической физике, то скажи мне: достигнет ли выделяемая мощами энергия подземных староградских коммуникаций?

— Предполагалось, что вода не допустит этого... — к последнему слову златоклюв перешёл на шёпот. Погрузился в раздумья. Озарённый, через пару ступеней внезапно воскликнул: — Кровореки!

— Причём здесь кровореки? — недоумевала Хольт, а после до неё дошло: — Хочешь сказать, что именно из-за разлива кроворек воздействие мощей достигнет Старограда?

Последовало краткое и лаконичное:

— Именно.

— Значит, в скором времени это коснётся Раге, и мы должны быть готовы к Восхождению, — мрачно рассудила Хольт и раздражённо бросила: — Всегда знала, что этот город построили какие-то недоумки... Проклятье, — повернувшись к компаньону, ругнулась она: — Наступает Темнейшая Ночь, и отныне мы должны действовать сообща.

— Действовать сообща? — не поверив в услышанное, переспросил Бакхус. — Разве это возможно?

— Если в Тардиградске могли, то и мы сможем. Сложнее всего будет согласовать всё с Верховной Жрицей, но пред нуждой и она отступит... — после небольшой паузы ундина продолжает: — Меня больше тревожит то, что я не могу даже представить, кому это могло понадобиться. На живых людей влияние Живамиж минимально — за период активной фазы эксперимента было установлено, что только у одного на десять тысяч наблюдается реакция отрицательного свойства.

— Это ты про тех уродцев, что заперли в перинатальном? — уточнил красморвец. Приметив утвердительный кивок, продолжает: — Влияние Живамиж непредсказуемо, всё так. Когда координатор Ланц отправлял запрос на мощи, никто не мог предположить, что наибольшее воздействие будет оказываться на мёртвые клетки.

— Принято. Мобилизуем всех, кто есть.

— Прежде всего — сосредоточьтесь на эвакуации гражданских. Когда мы отправимся в Староград, там никого не должно быть, а также прошу позаботиться о том, чтобы там не могли оказаться посторонние.

Эпизод третий

Карпейское Каэльтство: Градемин (Новоград)

площадь Чековка и Вестаниловская 28-1

2-25/995

Смерти для Градемина стали обыденным делом. Почти не смолкали погребальные мессы и колокола, что провожали ушедших в последний путь. Доннагартен — вокзал, ещё недавно служивший основой гражданского сообщения — превратился в причал реки Стикс. Пассажирские вагоны заменили рефрижераторными. Практически каждый час от «пристани» отбывали гружённые прахом — а то и телами — челноки, призванные доставить останки на Липовое кладбище.

Один за другим закрывались прибрежные жилые комплексы. То тут, то там открывались очаги Воздействия: среди умерших обнаруживалось немало манифестантов, чьи тела посмертно выделяли элегию неизмеримыми объёмами. Справиться с таким объёмом работы не могли даже столичные крематоры — иной раз выдыхаемый ими огонь разрастался в пожары, и некоторые районы Градемина превращались в пепелище.

Однако, какие бы ужасы ни происходили в столице, карантин не объявляли. Людей, впрочем, на улицах было уже не так много: туристы, как и многие местные жители, покинули город, а основная масса оставшихся предпочла сидеть по домам. В этот период наибольший расцвет получили службы курьерской доставки. Даже у Нины, распространительницы табачной продукции, адресов за день набегало столько, что на ногах она проводила не меньше восьми часов.

Когда Нина проходила мимо Доннагартен, её взяла оторопь. Перед входом, точно десятиметровым монументом, стояли белоснежные гробы. Будь вокруг снег, они бы слились с местным пейзажем, но кровь делала своё дело. Рядом с ящиками расположились погрузочный кран и грузовик, который ещё продолжали разгружать. Вход на станцию охраняли четверо охотников, в то время как облачённые в химзащитные рясы крематоры заносили гробы внутрь.

— Девушка, — пренебрежительно обратился к посыльной один из охотников и, придерживая Lethe одной рукой, второй помахал в сторону, — проходите. Не задерживайтесь.

Та, отрешённо кивнув, прибавила шаг, но то и дело оглядывалась. Когда на горизонте появилась Чековка, позади послышался оглушительный грохот. Нина обернулась. Гробовой монумент обратился горой. Некоторые ящики открылись. На пешеходную часть вывалились десятки чёрных мешков, и часть из них порвалась. Элегия дымком сочилась из них, и могло показаться, что она в любой момент загорится.

Началась перепалка. Ругань. Охотники, позабыв об охране, наперебой с крематорами бросились собирать пакеты. Вскоре к делу подключили пару «Сварогов». Яркий огонь взвился над освобождёнными останками и почти сразу угас. Оцеплённый участок неумолимо приближался к тому, чтобы стать новым очагом Воздействия.

Нина, испуганно вздрогнув, ускорила шаг.

Разбитые по городу пункты вакцинации опустели. Впрочем, как и аптеки. После череды необъяснимых смертей, произошедших после использования «Миротворца», горожане сторонились каких-либо лекарств. Держалась особняком и ВАД. Опустевшая после прошедшего бала и закрытая на санобработку. Подле неё копошились десятки прототипов: дворники разгребали на её территории мусор. Агитационные листовки опавшей листвой сваливали кучами и поджигали.

Зловещим предзнаменованием над городом горела Церна. Дальним светом её глаза опаляли карпейские горы, и воздух близ неё наполнился солью да бальзамином. Нина замедлилась и заворожённо посмотрела на подсвеченную башню. Девушке было невдомёк, что горящие красным глаза не часть городской иллюминации, а призыв чего-то ужасного.

Похолодало.

Поёжившись, Нина прошла ещё немного. Перед ней предстала захламлённая площадь: недавнее ликование оставило за собой кучи мусора. Лёд, покрывший бульжники, окрасился чёрным. Осторожно перебирая ногами, посыльная не сразу заметила преследующую её фигуру — ковыляющего к ней от главного корпуса ВАД андера. Мерцающего, молодого

парня в заляпанном кровью фраке... В тщетных попытках что-то сказать, он смотрел прямо на Нину.

Когда расстояние меж ними сократилось до метра, она наконец заметила его. Начала пятиться, приговаривая:

— Прости, я тебя не слышу... Я не владею некрочтением...

Немёртвого это не останавливало.

А Нина поскользнулась и упала.

Рефлекторно закрылась руками и зажмурилась. Немёртвый потянулся к ней, к её живому сердцу... Внезапно кто-то схватил посыльную за ворот и резко прокатил по льду. Прозвучал выстрел. Нина вздрогнула и только через пару секунд решилась открыть глаза.

Больше андер не представлял угрозы. Во всяком случае, физической: его оболочка всё ещё источала элегию, но с этим уже справлялся респиратор. Убедившись в своей сохранности, Нина подняла взгляд и обнаружила над собой странника. Её немало удивило то, что линзы маски светили не красным, а фиолетовым.

— Какого лира ты ещё здесь? — ругался искажённый модулятором голос. Видя недопонимание и страх в глазах посыльной, спаситель приподнял маску, и девушка увидела Залерта. Затем он опустил клюв и протянул руку. — Давай, вставай. Нечего зад морозить.

— С-спасибо, — стуча зубами, поблагодарила его Нина и, встав, отряхнулась от снега. — Я-я решила ос-статься, с-сейчас заказов много и платят х-хорошо. А ч-что здесь делаешь ты?

Дмитрий не ответил. Вместо этого он схватил посыльную за локоть и, поведя в сторону, спросил:

— Ты где живёшь?

— На Вес-станиловской.

Перед витриной магазина бытовой техники столпилось с дюжину человек. Установленные за стеклом телевизоры показывали запись эфира с Каэльтом. За неимением звука ничего, о чём он говорил, не было слышно, однако велась трансляция из процедурной. Бегущая строка рассказывала, что правитель собственным примером решил вдохновить сограждан на заботу о своём здоровье и наглядно продемонстрировать безопасность вакцины.

Лицо Каэльта скрывала маска с зеркальным покрытием. Одежда сателлита, донельзя практичная, не имела ничего общего ни с торжественными нарядами Ганноморт, ни с парадными формами других глав соседних стран. Даже главного атрибута всех правителей Карпейского Каэльтства — короны Фароницы — на нём не было.

— Не боишься, что появится болезнь, которую будут провоцировать сигареты? — меж тем поинтересовался Дмитрий у спутницы.

— Нет, я же только посыльная... — убрав фуражку в сумку, пожимает плечами та и вздохнула. — Да я и не курю даже. Это... пожароопасно... — затем, оглянувшись на учебные корпуса, спросила: — Откуда там вообще взялся андер?

— Это новый... Ни один из маскарадов не обходится без жертв, — уклонялся от подробностей Залерт. — Он просил о помощи. Вероятно, ещё не понял, что умер.

— Ужас, какая жуть... Даже боюсь представить, какого ему было бы с осознанием этого. — Нина, погрузнев, опустила голову. — А ты, получается, некрочтец, значит?

— Половинчатый, — подтвердил тот и поднял протезированную руку, — был. Читать, впрочем, уже не могу — руку с меткой оттяпали, когда ошивался близ Заповедника.

— О, прости... Мне очень жаль.

— Пустяки.

Оставшееся время дороги прошло в молчании. Путь Залерта и Нины лежал через вычищенные от тлетворной органики улицы и переулки. Холод притуплял все подозрительные запахи. То, что осталось, тщательно утилизировалось крематорами и их прототипами-помощниками.

Всё изменилось, когда разомкнулись рты Церны, и тёмная кровь водопадом хлынула по башне. Землю сотряс первый робкий толчок. Послышался удар: такой, будто в сердце, что молчало века, вновь вернулась жизнь.

Пошатнувшись, Нина снова чуть не упала — Залерт её непроизвольно притянул к себе, тем самым позволив сохранить равновесие и устоять на ногах. Опомнившись, девушка смущённо отстранилась от странника. Поправила сползший ремень почтовой сумки, респиратор. Оглянулась.

— Что это было? — взволнованно спросила Нина.

В поисках ответа Залерт начал озираться. Взгляд его приковывала Церна: неактивная долгие годы, теперь она светила ярче самого мощного маяка. Вот только не это напугало красморовца — из архивных источников он знал наверняка, что система не должна продуцировать жидкости.

— Кто-то пробудил Церну, — огласил догадку странник и указал на башню. Нина, растерявшись, не сразу повернулась к ВАД. — Только сделал это как-то... неправильно.

— Церна? — Посыльная недоумевала. — Кому она могла понадобиться? Эта штука устарела ещё в год введения в эксплуатацию.

— Не знаю, — помрачнел Дмитрий, — и мне это не нравится.

В противовес Чековке и Чековскому проезду, столичные подворотни оказались поражены органикой. Иные переулки вовсе перекрывали целые стены новообразований — Нина вела Залерта такими замысловатыми тропами, что без навигатора он не сумел бы выбраться обратно.

Минут через десять наконец получилось выбраться на Вестаниловскую. Подъезд дома узнать было невозможно: органика охватила весь первый этаж. Окна, стены, наружные коммуникации — не обошло даже подъездную дверь. Нина привычно разложила нож и разрешила расплзающуюся по двери ткань. Девушка кривилась, но помощи не просила. По порогам и пальцам растекалась кровавая слизь. Когда проход был наконец очищен, Нина магнитным ключом отперла дверь и открыла.

— Мерзкая дрянь, — под нос ругнулась она.

— Думаю, она от тебя тоже не в восторге, — хохотнув, произнёс Залерт и невозмутимо прошёл вперёд. — Весь Староград в этом. Их только огонь берёт, иначе дальше растут.

— Я предпочитаю не использовать огонь, — в ответ пробормотала Нина и зашла следом.

Перед самой квартирой Залерт притормозил: дверь, как и стены вокруг, были исполосованы глубокими порезами. Всюду — на лестнице, у порога — валялась шпукатурная крошка.

— Будет очень глупо, — заговорил Дмитрий, — если я спрошу про кошку?

— Да. — Нина кивнула и, протиснувшись к двери, отперла замок. Дверь со скрипом открылась. — Это нас так пытались... запугать.

У самого порога сверкали стеклянные осколки. В поисках их источника, странник

посмотрел на дверь и заметил разбитый дверной глазок.

— Запугать? — недоверчиво переспросил Залерт. — Больше похоже, что кому-то хотели выколоть глаз... Ты знаешь, кто это мог быть?

— Это... — Нина осеклась, на мгновение замерев с ключами в руках. По её растерянности Дмитрий догадался, что связано это с полученной косой. — Нет, мы не знаем.

В прихожей их обдало запахом пороха, металла и масла. Нина и Дмитрий озадаченно переглянулись. Вместе они прошли на кухню. Там, прямо на столе, стоял покрытый ветошью ящик.

— Агни? — разувшись, позвала Нину соседку и прошла вглубь коридора. Дверь к Майнью была закрыта. — Я дома...

— Я уж думала, ты сегодня опять будешь поздно. — Из комнаты показалась возбуждённая Агния. Приподнявшись на носочки, она посмотрела над брюнеткой и с улыбкой поинтересовалась: — Кого это ты к нам привела?

— И тебе привет, — произнёс Залерт.

— С тобой всё в порядке? — с подозрением спросила Нина и отстранилась от Майнью. — Ты ведёшь себя... слишком энергично.

Соседка, уверенно кивнув, схватила подругу за руку и потащила на кухню. Из любопытства Залерт пошёл следом.

— Грядёт буря, Нина, — сорвав ветошь со стоящего на столе ящика, предупредила Агния, — и мы должны быть готовы к ней.

Оружие.

В ящике оказалось много огнестрельного, не меньше — ближнего боя, саблей и мечей. Всё, от пистолетов до пулемётов, было снабжено модификацией UT: об этом сообщала гравировка со знаком радиационной опасности. Меж тем каждое из увиденных лезвий выковали из деметалла.

Пары лет в ВАД Нине хватило, чтобы научиться на глаз отличать «демиургическую сталь». В отличие от прочих металлов, деметалл обладал слабой сине-фиолетовой флуоресценцией. Особенно видно это становилось на сколах и царапинах. Абитуриенткой девушка часто представляла себе, как деметалловыми мечами устраивают световое представление. Впрочем, второй семестр первого курса разрушил эту фантазию, но привил внимательность, необходимую для определения типа сплава.

— Ты что, — выдавила из себя изумлённая посыльная, — ограбила мурмураций?

— Лучше, — с самодовольной ухмылкой отвечала Агния. — Одна старая знакомая организовала проходку в Санкторий, а там и до оружейной рукой подать.

Залерт присвистнул. Взяв в руки «Стрибу» с инкрустированной драгоценностями ложей и деметалловым штыком, осмотрел антиквариат: проверил затвор, опробовал прицел и магазин.

— Так-то красиво, — наконец произнёс странник и вернул карабин на место, — но этому место в музее, а не в бою.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Да то, что утрата... подобного снаряжения не может остаться незамеченной. Если кого-то с этим поймают, то проблем будет столько, что инсектарий покажется санаторием.

— У вас есть оружие? Нет? — Агния нахмурилась. — Тогда держите, скоро оно вам понадобится.

Это правда. Оружия у Нины не было. Конечно, если не считать нож. Несмотря на то, что благодаря учёбе она умела с ним обращаться и даже имела лицензию, дома предпочитала не держать.

— Погоди-постой, ты это сейчас серьёзно? Ты хочешь, чтобы мы, — обведя пальцем собравшихся в помещение, засомневалась Нина, — мы вооружились для чего?

— Чтобы провести Нисхождение, — внезапно вступил четвёртый голос. Залерт поднял пистолет и снял с предохранителя. Выглянул в коридор. За соседней аркой была комната Агнии. — Мы собираем всех, кто не подвергся воздействию АВИСО.

Услышав это, Дмитрий убрал оружие и прищурился. Из кресла, стоявшего напротив входа, медленно поднялась незнакомая страннику женщина. В полутьме блеснула серебристая кокарда: чернозорьское древо с оплётёнными ветвями солнцем. Навстречу мужчине вышла ундина.

— Работать с Чёрными Зорями? — недоверчиво, хмурясь, спросил Залерт.

— Сейчас не до разногласий, господин Залерт, — заведя руки за спину, держала ответ ундина. — Ваше презрение взаимно, но победить мы можем только сообща. Оставим неприятство до лучших времён.

— Откуда столько чести, госпожа...

— Хольт.

— Неважно, — отмахнулся Залерт, и Хелена хмыкнула. — Вы решили лично пригласить девушек, я правильно понимаю?

— Я пришла, чтобы оповестить госпожу Майнью о принятии на службу, — спокойно ответила ундина. Услышав об этом, Нина поздравила Агнию похлопыванием по плечу. Та только улыбнулась. — Лично, потому как городскими почтовыми службами мы предпочитаем не пользоваться. А ты, судя по маске, странник... Но и странники сейчас сгодятся, впрочем. Если не боишься, загляни в мурмураций — там тебя скоординируют.

Залерт смиренно кивнул.

— А что насчёт меня? — робко подала голос Нина.

Хелена, не замечавшая её прежде, повернулась к ней и озадаченно спросила:

— Ты кем будешь? Не припомню тебя среди сестёр.

— Я Нина, и... у меня есть навыки пилотирования.

— Последний курс? — с сочувствующей улыбкой догадалась ундина, и посыльная взволнованно кивнула. — Ваш энтузиазм ценен, Нина, но, боюсь, нам вы ничем не сможете помочь. Если вы желаете опробовать свои силы в бою, посетите мобилизационный пункт в главном корпусе ВАД завтра. В противном случае — покиньте город.

Нина, кивнув, обескураженно оглянула собравшихся.

С улицы донёсся оглушительный писк. Включились репродукторы. Столица наполнилась траурной электронной мелодией — интерлюдией из «Громового края» Гоха. Эхом по улицам пронеслись всхлипы и скрип. Голос — совсем юный и печальный — заговорил:

— Жители и гости Карпейского Каэльтства... — С началом обращения в сердцах слышащих зародился необъяснимый страх, когда вместо заготовленной записи зазвучал голос каэльтины Марианны. Узнав его, Залерт буквально оцепенел. Замерев перед окном, он немигающим взглядом смотрел на репродуктор, висящий на углу улицы. — Говорит хранительница Марианна Монтгомери. У меня для вас... плохие известия. Прошу всех сохранять спокойствие... Сегодня, около полудня, умер каэльт Андреас Монтгомери.

Эпизод четвёртый

Карпейское Каэльтство: Градемин (Новоград)

станция «Каэльтина Дунария»

2-25(26)/995

— Теперь ты на своём месте, — проверив прочность крепления кандалов к стене, произнёс Файдалом, — животное.

Кемром криво улыбнулся.

Его раздели — так, будто это могло его унизить. Накачали лошадиной дозой нергета или чем потяжелее — так, чтобы сопротивляться не было сил. Обычный человек давно потерял бы сознание, но не Кемром.

Место, в котором его заточили, он знал прекрасно: заброшенная станция под гостиницей «Каэльтина Дунария». Здесь так ничего и не достроили, потому извне сюда попасть было почти невозможно. Существовала пара ходов — там, где планировали сделать подземный переход, — связанная с основной сетью катакомб, но знал о ней лишь ограниченный круг лиц. В послевоенные годы некоторые помещения использовались представителями российского подразделения Красмор, а после освободившуюся площадь заняли выходцы из АВІСО.

Похожие на цирковые загоны камеры были установлены точно на залитые бетоном рельсы. Остальное пространство не использовалось. В свете малочисленных факелов таились статуи сестёр сострадания из числа первых *ragemine ker Vendiga*. Лекарии отреклись от помощи людям в день Свинцовой свадьбы, и именно их тихходки считали своими духовными матерями и наставницами, растворившихся в посмертии во славу Каэльтины.

Из соседних тоннелей меж тем прибывала вода. Постепенно течение усиливалось, и близился тот час, когда станция окончательно сольётся с Дунари. Кемром с тоской смотрел на перекрытый, перетянутый сеткой, тоннель. Заколоченный табличками — чёрно-жёлтыми, пёстрыми и одновременно выцветшими — с предупреждениями об опасности участка.

Едва Файдалом занёс руку для нового удара, как рядом зашелестели накрахмаленных юбок. Послышалось шлёпанье босых ног. Прозвучал нежный, но строгий голос:

— Оставь его, он не в себе.

Появление Вилены сопроводил предостерегающий запах бегонии. Гнетущую тревогу источала каждая пора, и капитан чихнул.

— С меня достаточно, Антон. Ты отказался её убивать... а теперь, рискуя собственной свободой, решил самолично вывести её из города, — процедила жрица и рывком достала из поясной сумки пакет с физраствором. — Кажется, ты стал забываться.

— Мне всё равно, Вилена, — прошептал в ответ он, и голос его с каждым произнесённым словом всё больше начинал походить на утробное рычание. — Ног ты нарушаешь правила, какого подчинения ты ждёшь от меня? Ты просто маленький капризный ребёнок. Ты останешься никем и ничем... Ног повезёт, тебя припишут к пантеону Опустошённого, но ты навсегда останешься в тени фигуры более великой, чем ты.

Это вывело Вейнберг из себя. Лицо её покраснело от злости, ожило. Тело, прежде скованное то ли усталостью, то ли апатией, будто освободилось от незримых цепей, и Вилена залепила гарду пощёчину. После женщина грубо схватила его за щёки и сжала их. Из разбитой губы побежала горячая кровь. Она обильно струилась по тонким пальцам, и жрица, жадно вдохнув её запах, умиротворённо улыбнулась.

— Единственная причина, по которой ты можешь меня ударить, — попытавшись смахнуть руку покровительницы, просипел капитан и сплюнул в сторону. Вилена, брезгливо поморщившись, сама отстранилась, — это потому, что я связан.

— Разумеется... но и ты погибнешь вместе с городом, — в довершении прошипела ему на ухо Вилена, — и прямо на твоих костях мы построим новый мир... Досадно говорить это тому, кто мог бы прийти к власти... Если бы захотел.

— Я не захотел, но ты можешь попробовать, — не теряя самообладания, благословил мужчина и усмехнулся, — и тогда увидишь огонь, что поработил твоих предшественников.

То, что прежде служило реминисценографом, превратили в орудие пыток. Литфиевые растворы или иные токсичные соединения — отныне это внутривенно вводил инструмент главный реанимации. Для продления истязания пленников применялся апейрон: всякая дозировка смертельна, и лишь своевременная ингаляция была способна отодвинуть смерть.

Кемром не являлся сторонником пыток. Как человек, что переживал смерть неоднократно, он отрицал ценность боли. В особенности, если известно, что смерть неминуема. Градеминские пыточные, впрочем, обойти ему не удалось — не в качестве пленника, но в иной роли. Неизменным оставалось лишь то, что на этом месте, в этой самой клетке, всегда оказывались недруги Вейнберг.

Женщина включила реминисценограф. Пока аппарат прогревался, она заменила пустой флакон на пакет с физраствором. Достала из тканей платья наполненный «Панацеей» шприц. Плавно ввела его в пластик, и раствор окрасился золотом. Кемром улыбнулся.

Когда с приготовлениями было покончено, Вилена поставила ему капельницу. Грубо и неумело. Очевидно, намеренно: при заборе крови Вейнберг была куда обходительней.

— Всё это время... Ты хранил при себе оружие, созданное для Нисхождения деми... Как ты посмел? — с трудом подбирала слова Вилена. — Я доверяла тебе, а ты в любой момент мог пустить его в ход.

— Но не пустил же, — заметил Кемром.

— Тогда почему ты не рассказывал мне об этом? — покончив с подключением к реминисценографу, спросила Вилена. — Боялся, что я не приму твои доводы?

— Разве это имеет значение? — Кемром хмыкнул. — Ты обычный человек, Вилена, и я хотел уберечь тебя от разрушительного влияния демигана, ибо знал, что ты возжелаешь овладеть им. Он убьёт тебя. Как и того, кому он принадлежал прежде.

Словно намереваясь уйти, Вейнберг остановилась. Сделала несколько шагов в сторону. Едва тень скрыла её силуэт, Кемром поднял голову и увидел сверкнувшее в полутьме лезвие. Жрица буквально набилась на своего гарда. Видя его боль, ковыряя его старые раны и создавая новые, сектантка испытывала ни с чем не сравнимое удовольствие. Не улыбка, но неподдельная увлечённость выдавала её нутро. В порыве азарта Вилена острием вырезала на груди капитана «лжец». Тот, не в силах избежать пытки, откинулся назад. Запрокинул голову. Рот его сжался тонкой полосой, и больше ничто не выдавало испытываемой им боли.

— Я освобожу тебя от этого ужасного тела. — На мгновение Вейнберг приникла к окровавленным губам пленника своими. Затем, отстранившись, натянула на лицо гарда кислородную маску и сказала: — Ты ничего не почувствуешь, когда умрёшь: я буду молиться всем деми, чтобы ты наконец обрёл покой.

Не апейрон, но элегия наполняла его лёгкие.

Сколько раз он ещё умрёт?

Сколько оживёт?

И оживёт ли?..

Вилена зашлась истеричным хохотом. Голос её изменился до неузнаваемости. В скачущих октавах слышалась синтетичность голосовых связок: их неестественность и неисправность.

— Давита передаёт, что Чёрные Зори готовы объединиться с Красмор для Нисхождения, — прорвался сквозь этот безумный смех спокойный Файдалом. — Нужно перенаправить всех прозревших на «Малпленон».

— У вас ничего не получится. — Кемром хрипло засмеялся.

— Посмотрим, — с лукавой ухмылкой отозвалась жрица и продемонстрировала пленнику серебристую перчатку.

Демиган наделся по наитию. Иглы будто сами собой проникли в нежную податливую плоть. Вилена блаженно прикрыла глаза, когда оружие стало единым с ней. Казалось, вокруг него резонировал воздух. Как только демиган напился живой кровью, ожил и деметалл. Перчатка трансформировалась в копьё. Однако неживая материя обволокла руку жрицы сильнее и больше, чем бывало у Кемрома: деметалл распространился до самого локтя.

— Это убьёт тебя, — предрёк Кемром.

— Это не имеет значения, — прошептала Вилена в ответ. — Больше ничего не имеет значения. Прощай, Тсейрик.

Напоследок глянув на пленённого гарда, она вышла из камеры и заперла её. На том жрица предпочла забыть о существовании, не оправдавшем её ожиданий.

С каждым часом сохранить сознание становилось всё сложнее. Кемром не знал, сколько пройдёт времени, прежде чем подземные лабиринты наполнятся водой, и руины станции уйдут под воду. Даже будучи связанным, он сумел избавиться от кислородной маски. Однако элегия уже до того наполнила лёгкие, что дышать стало особенно больно. Казалось, при каждом вздохе отравляющее вещество изнутри обжигало холодом.

Надежды на спасение не было.

Едва Кемром начал готовиться к своей первой смерти, как зал зашлёлся металлическим эхом. Пленник осоловело посмотрел по сторонам и обнаружил под потолком слабый свет. Из вентиляционной шахты высунулась голова падальщика в оплавленной кошачьей маске.

— Похоже, ты сломался, — вымученно усмехнувшись, вполголоса отмечал капитан. Он озадаченно следил за действиями прототипа. — В твоей программе нет ничего о...

Договорить Кемром не успел. Горло разорвал кашель, и изо рта вылетел комок слизи. Блестящая красными прожилками, она кишела гельминтами.

Шустро перебирая конечностями, падальщик спускался с выступа, но в последний момент сорвался и упал. Прототип, игнорируя разросшуюся от удара трещину на корпусе, резво поднялся и бросился к решётке. Сначала попытался протиснуться внутрь камеры. Когда зачатки искусственного интеллекта остановили тщетные попытки проникновения, роботарий перешёл к замку и попытался его взломать.

— Оставь. Ничего не выйдет... У тебя нет таких... функций, — Кемром не без труда выдавливал из себя слова. Пытаясь превозмочь головную боль, прикрыл глаза. — Вытащи... Анастаси Лайне... из градеминского мурмурация. Подчиняйся ей. Служи ей так... как мне.

Золото течёт по его венам, понимал Кемром, и отныне каждая смерть может стать последней. Умирание предстоит мучительное и долгое.

Эпизод пятый

Карпейское Каэльтство: Градемин (Новоград)

мурмурационное отделение г. Градемина
2-26/995

Добела выгорали ночи. Призрачной и иллюзорной становился лунный серп. Элегия, принесённая ветрами из самого балтийского очага Воздействия, жадно поглощала запад и норовила прорваться на восток.

Прогремел гром. Кровавый небосвод рассекла молния. По окнам грозно барабанил дождь. Когда Анастаси открыла глаза, вокруг царила полутьма. Оглянувшись, вестница обнаружила, что находится в лазарете. Помещение рассчитывалось на двенадцать пациентов, но балтийка была здесь одна.

Руки её были привязаны к перилам койки, а повреждённая кисть — залечена апейроном. Впрочем, восстановить исходную форму лекарство так и не сумело: кисть с пальцами оказались изуродованными настолько, что из-за слитых фаланг и сросшихся ногтевых пластин больше напоминали клешню.

Чуть приподнявшись, Анастаси посмотрела в окна, врезанные в двустворчатые двери. Никаких признаков движения снаружи не было.

— Будь ты проклят... Кемром, — обиженно засопела вестница. Она даже не пыталась освободиться. Вместо этого устало откинулась на подушку и прикрыла глаза. — Это была плохая идея...

В коридоре заскрежетало. Внезапно двери лазарета распахнулись, и на пороге появился падальщик. Его механические суставы вибрировали дрожью. Светящейся линзой прототип обвёл комнату и, найдя Анастаси, пополз прямо к ней. Движения его напоминали паучи.

— Откуда ты здесь? — Лайне то ли удивилась, то ли испугалась. — Как ты меня нашёл?

Падальщик, схватившись за изножье койки, подтянулся и поднялся. С туловища на кипенные простыни грязью капало топливо вперемешку со смазочным маслом. Обмерев, Анастаси не сводила с прототипа взгляд.

— Какого?.. Что ты делаешь? — прохрипела она.

Падальщик молчал. Взметнув свою спицевидную конечность, он срезал верёвки. Отстранился. Девушка потёрла свои запястья, продолжая следить за спасителем.

— Где Кемром? — наконец спросила вестница.

Распознав знакомое имя, падальщик прокрутил последнюю запись голоса хозяина: «Вытащи... Анастаси Лайне... из градеминского мурмурация. Подчиняйся ей. Служи ей так... как мне». Когда вестница услышала его, внутри всё сжалось. Несмотря на то, что прототип больше ничего не делал, в его присутствии ей почудилась не озвученная просьба о помощи.

Анастаси беспрепятственно покинула лазарет и выбралась в общий коридор. От слабости подкашивались ноги. Придерживаясь за стену, Лайне ковыляла прочь.

Сравнения с мурмурацией Лайнейной напрашивались сами собой. Вместо отштукатуренных стен под слоями дешёвой краски здесь использовался гладкий липарит. Новейшее техническое обеспечение, чистота и богатый декор — всё это больше напоминало музей, нежели отделение правопорядка.

— Куда все делись? — Анастаси удивлённо заглядывала за каждую дверь. Мурмураций казался безлюдным. — Эу, меня кто-нибудь слышит?

Роботарий шёл перед вестницей, постепенно выводя её к выходу. Каждый раз, когда она отклонялась от заданного маршрута, прототип её терпеливо ждал.

Свои вещи найти так и не получилось. Впрочем, самой неприятной потерей стал

протофон — без него запястье казалось совсем чужим. Без возможности с кем-либо связаться, Анастаси остановилась перед местным информационным табло. Вместо прогноза погоды она увидела на нём серию сменяющихся портретов разыскиваемых преступников. Среди них, примерно на четверть минуты, появился Кемром. Вернее, его маска — лишь по ней вестница узнала капитана. Она усмехнулась.

После этого Лайне завалилась на склад: там она избавилась от больничной рубахи и примерила форму красморовской охотницы. Лицо скрыла белоснежным клювом. Анастаси впервые надевала такую маску, и мир, ограниченный красным светом, поначалу дезориентировал её:

— Как они вообще это носят?

Немного пообвыкнув, Лайне схватила первую попавшуюся свободную сумку и запихнула в неё аптечку с парой ингаляторов апейрона. Выглядели последние крайне диковинно — стеклянные, напоминающие больше хрустальные флаконы духов, нежели медикаментозное средство. С оружием вышло сложнее: хранилище оказалось закрыто на несколько замков. Анастаси бездумно коснулась одного из них, и точно в этот момент снаружи послышались голоса:

— Из Старограда всех вывезли? — осведомился потерянный женский голос. Лайне, затаившись меж шкафчиков со стороны двери, подслушивала дальше: — Отлично. Закроем полуостров на карантин, а Зори пусть делают то, что должны.

— Девчонка сбежала! — навстречу вошедшим выбежал некто третий. — Её нет в лазарете!

Беседовавшие меж собой красморовцы умолкли. После небольшой паузы заговорила женщина:

— Ты проверил записи с камер?

— Все до единой отключены, — отвечал третий. Анастаси тихо выдохнула и мысленно поблагодарила падальщика. Впрочем, мимолётно ей стало не по себе от того, насколько прототипы были продвинутыми на самом деле. — У зрителей была пересменка, и кто-то пробрался в комнату видеонаблюдения...

— Значит, запись уже восстановили? — уточнил второй голос, мужской. — Ладно. Задержанная женщина не представляет серьёзной угрозы. Если сбежала — лир с ней. Уже не до неё.

— Бакхус, ты в своём уме?! Ты готов её так просто отпустить?

— А ты предлагаешь мне заводить дело на каждую женщину, спутавшуюся с Кемромом? Это аморально, но состава преступления нет, — возмутился тот, и Анастаси поёжилась. — Уймись, Штенрик. У нас на носу Восхождение, и проникновение каких-то [недоумков] в очаг Воздействия не дотягивает до проблемы. Понадобится — потом найдём.

Убедившись, что обладатели голосов оставили коридор, Анастаси выбралась из укрытия и, впопыхах схватив собранную сумку, устремилась к выходу. На пути девушке ещё встретились красморовцы, но благодаря маске они никак на неё не отреагировали. Несмотря на то, что падальщика поблизости не было видно, его присутствие чувствовалось незримо. Иногда Лайне даже казалось, что она была единственной, кто слышал эти странные щелчки и стрёкот.

На лестнице вестница случайно глянула на вентиляционный люк: неожиданно решётка приподнялась, и на мгновение наружу высунулась оплавленная голова.

Таким образом, вместе с падальщиком Анастаси покинула мурмураций. Только она

вышла из здания, как роботарий вылез со стороны чёрного входа. На улице они едва не разошлись. Если первую потянуло прочь из города, то второго — к набережной. Роботарий даже не обернулся, когда вестница собралась уходить. Та сама остановилась. Вдумчиво посмотрела падальщику вслед. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы решиться последовать за ним.

Глава одиннадцатая. Второй шанс

...их называли кошмарами. Имматериальные существа, проникшие в мир материальный, вскорости заполнили собой всё полушарие — как и прочие свидетельства Лира, Отца Кошмаров, они существовали вплоть до Нисхождения деми. После этого ни одного проявления кошмаров задокументировано не было; однако в некоторых регионах, на которые пришлось наиболее сильное Воздействие, поступали жалобы на встречу с «сущностями неустановленного происхождения»,

— К. Лоробер, «Границы имматериума: когда Кошмары становятся явью».

Эпизод первый

Карпейское Каэльтство: Градемин (Новоград)

Высшая Академия Демиборцев им. Джестерхейла Опустошённого

2-26/995

Начался последний мирный день в Градемине. Казалось, гражданского населения здесь больше не было. Незначительный процент оставшихся или противников эвакуации собирали на Чековке и автобусами вывозили из города. Опираясь на опыт Линейной, действовать местный мурмураций пытался заблаговременно.

Главный корпус ВАД превратили в мобилизационный пункт. Большинство студентов уже покинули учебное заведение — остались лишь выпускные курсы. Те, в чьих навыках и знаниях сомнений уже не возникало. Помимо них там собрались и Чёрные Зори с опытными красморовцами. С отдельной стойки перед входом велась запись добровольцев — не для участия в военных действиях, но ради оказания посильной помощи: принимали там в основном сестёр с братьями сострадания да лекариев, прибывших с отдалённых уголков столицы.

Это был последний раз, когда Агния и Нина вышли из дома вместе.

— Ты точно хочешь этого? — перед открытием дверей главного корпуса ВАД спросила Агния.

Нина, кивнув, припомнила:

— Ты же сама говорила, что певицы сейчас никому не нужны. Так у меня будет хотя бы шанс проявить себя как пилотессу. Идеальней условий просто не придумаешь: гражданского населения нет, на выбор несколько титанов и...

— Ты можешь навсегда остаться там, — перебила подругу Майнью. Лицо её стало серьёзным — таким, словно она пересмотрела упомянутую позицию, — в кабине. Велика вероятность, что, в случае какого ЧП, никто тебя не спасёт.

— Да знаю. — Нина квёло отмахнулась. — Это нам талдычили ещё на собеседовании после вступительного экзамена. По мнению кафедры, это должно было отсеять большинство желающих — там и статистику смертности прикрутили, и зарплату...

— Я не хочу тебя отговаривать, — настроенно уточнила гарпия. — Мне просто важно, чтобы ты понимала, на что идёшь.

— Я всё понимаю, — склонив голову набок, подтвердила Нина, — честно.

— Хорошо, если это правда так.

По носам ударил резкий запах кожи и металла, едва они переступили порог ВАД. Внутри главного корпуса находилось не меньше сотни человек. Красморовцы, Чёрные Зори — все при полном обмундировании. Одухотворённые, в любой момент готовые броситься в бой. Среди агентов Нина заметила немало знакомых лиц: выпускников её года, практикующих преподавателей и старожилов мурмурация.

Когда посыльная вновь оказалась в своей альма-матер, по телу прошла приятная дрожь. Девушка слабо улыбнулась, несмотря на гнетущую атмосферу вокруг. На горизонте меж тем показался Залерт в сопровождении Бакхуса.

— Я тебе о ней говорил, — вполголоса обратился к сослуживцу Дмитрий, а после сказал уже громче: — Инанна Нойр — последняя градеминская пилотесса.

— Пилотесса? — Бакхус неуверенно переспросил. — Право, господин Залерт, мы не рассчитывали на использование АДАМ: Градемин не располагает пригодными к эксплуатации машинами... Впрочем, думаю, Дочь Революции ещё на ходу.

— Вы собирались проводить Нисхождение без АДАМ?! — удивилась Нина. — Но как?

— Пожалуйста, госпожа Нойр, — попытался остудить её пыл златоклюв и достал из складок плаща планшет со стилусом, — лучше никакого пилота, чем [плохой] пилот. Управление машинами требует не только знаний, но и отменного здоровья. Скажите, вы таким располагаете?

— Располагаю, — чуть ли ни открыто передразнила агента девушка. Когда тот глянул на неё, она выправились струной и обстоятельно уточнила: — Комиссия ВАД не выявила у меня ни заболеваний, ни пороков. Я пригодна к управлению по всем параметрам: как физическим, так и психологическим.

— Комиссия ВАД... — скользя кончиком пера по экрану, повторил Бакхус. — Да, я вижу. Вы не соврали, это хорошо. Тогда перейдём к следующему вопросу: могу ли я узнать средний результат ваших симуляций? Прошу, будьте честны — прежде допуска я вас обязательно проверю по базе данных.

Смутившись, девушка потупила взгляд и, носком ковыряя плитку, вымолвила:

— Два Восхождения из двенадцати.

— О... Не подумайте, что я хочу вас обидеть, но это весьма... — Бакхус обернулся на Залерта — тот только развёл руками. Затем златоклюв вновь проверил информацию по планшету. — К сожалению... И здесь вы не соврали. Должен сказать, что это весьма посредственный результат. Как ты с такими результатами хотела стать пилотессой? В смысле... Это очень плохо. Даже не на проходной балл. Самореализуйтесь где-нибудь ещё.

Услышав это, Нина насупилась и посмотрела на стоящих поодаль Майнью с Залертом — когда подруга обеспокоенно протянула ей руку, девушка побежала на выход. Едва двери за ней закрылись, как Агния с облегчением выдохнула:

— Надеюсь, — глянув на Залерта, уронила она, — хотя бы это уберезёт её.

Странник, принявший высказывание на свой счёт, кивнул. Тем временем Бакхус безразлично свернул окно с анкетированием и удалился.

— Господин Залерт? — К мужчине подошёл один из штатных охотников. Странник приподнял клюв. — Хранительница Монтгомери желает вас видеть.

Дмитрий напрягся. Как бы то ни было, он не виделся с ней уже несколько с ней, а на контакт Марианна перестала выходить с момента Нисхождения Тардиградска.

— Где она?

— В деканате, — ответил краснорозец и учтиво предложил: — Вас проводить?

— Спасибо, в этом нет необходимости, — не менее вежливо отозвался Залерт, — я учился здесь и знаю, где он.

Большинство коридоров второго этажа оказались перекрыты. За проходами, перетянутыми сеткой и лентами, ещё просматривались кровавые пятна — приправленные литфием, они практически насквозь прожгли паркет. С каждым часом иллюзия порядка развеивалась всё больше, и хлорка не смогла избавить ВАД от следов распространившейся скверны.

Кончина Каэльта замылилась остальными событиями; траур, как и похороны с церемонией прощания, перенесли в Вицекорос — западную столицу Карпейского Каэльтства. Тело оставило Градемин последним поездом с Доннагартен. Марианна Монтгомери немигающими глазами следила за картой, на которой в режиме реального времени отображалось всё карпейское железнодорожное сообщение. Схематично, оно наглядно показывало, как бронированный состав под кодовым названием «Покой» — из той же серии, что и «Оскола» с «Раздором» — выехал за черту столицы, и все градеминские пути отключили от сети.

— Моя мать сопровождает отца, — задумчиво проговорила Марианна, заметив склонившегося над ней Залерта. — Кому-то из нас было необходимо остаться в столице.

— Корона тебе совсем череп сдавила?! — возмутился странник. Резко схватил наследницу за плечо и развернул к себе. Лицо её не выражало эмоций. — Ты хранительница, Мари! Ты ничего тяжелее пера в жизни не держала!

Марианна усмехнулась — натянуто и двусмысленно. Она мельком глянула вниз, а после, сохраняя прежнюю невозмутимость, согласилась:

— В этом ты прав, — и Залерт, смутившись, отступил.

— Я не это хотел сказать.

— Уже не имеет значения, что ты хотел, — парировала Монтгомери. Заведя руки за спину, она повернулась к висящему на стену полотнищу с гербом и сняла с головы корону. Задержала на ней взгляд. — Ты же знаешь, что мы обречены? Даже если мы отобьём Восхождение, возродить Градемин мы не сможем — город уже непригоден для жизни. Оружие, которое создали наши предки ради защиты, погубило нас. Давно погубило. И всё, что мы теперь можем, так это оттягивать собственную смерть.

— У тебя нет навыков, чтобы выжить при Восхождении, — голос странника сделался льдом.

— А у моей матери они есть? — ровно спросила Монтгомери. Залерт вмиг остыл и отступил. — Мой отец мёртв. Брат, скорее всего, тоже. У нас нет другого пути, Дмитрий, поэтому либо помогай мне, либо не мешай.

— Тогда каков план действий?

— Нам необходимо всех проверить, — твёрдо сказала Марианна, — на элегический манифест... и на наличие глаз.

Искусственные глаза Залерта странно сверкнули.

— Ты же понимаешь, — недовольно начал, — что элегия многим выжигает глаза.

— О... Да, — словно запамятовав об особенностях любовника, Монтгомери окинула того отрешённым взглядом. — Впрочем, насколько мне известно, сторонники не носят такие протезы — брезгуют электроникой, хе-х. Ты прав, этого мало. Повреждение органов

зрения и отсутствие протезирования ещё не является гарантом...

— О чём и речь, — Залерт несколько успокоился. — Так ты только спровоцируешь в толпе рост дискриминации к манифестантам.

— Верно. Спасибо, что обратил на это внимание, — каэльтина задумалась. — Полагаю, тогда стоит судить по наличию сертификата о вакцинации — сектанты как раз выступают против неё и всячески мешают нам, добропорядочным гражданам, принимать в ней участие.

Не такого результата ожидал Дмитрий:

— Это безумие, Мари! — воспротивился он. — Ты что, хочешь объявить охоту на невакцинированных?

— Почему нет? Всех привить, а тех, кто откажется...

— Это неправильно! — Залерт ударил кулаком по столу. — Мы должны учитывать интересы граждан, а также тех, кто по медицинским соображениям не могут поставить укол.

Так, будто его слово могло что-то изменить.

— Мы слишком долго учитывали их. Хватит. Это необходимость, Дмитрий: отныне либо «Миротворец», либо смерть, — с лёгкостью парировала Марианна и завела руки за спину. — Больше мы не будем так рисковать, оставлять вакцинацию на откуп совести... Пока у нас нет иного пути, мы будем действовать так же, как безднопоклонники.

— И чем мы тогда будем отличаться от них? — Залерт свёл брови к переносице. — Нет, Мари, ты не понимаешь — это дорога в один конец, и...

Наследница перебила его:

— Неужели ты и впрямь готов поверить бумажке, которую так легко подделать? — Каэльтина понизила голос. — Идея против идеи, Дмитрий. Мы изничтожим всех, кто пошёл против «Миротворца».

— А что насчёт «Панацеи»? — не отступал тот. — О ней ты не подумала?

— Её запасы не бесконечны, — посудила хранительница и скрестила руки на груди. — КОЗ готовит партии с новой маркировкой. С новыми, электронными сертификатами — наша удача, что эти сектанты держатся подальше от технического прогресса. У нас есть преимущество... Во всяком случае, пока. Мы не можем позволить себе такую роскошь, как существование невакцинированных.

— Ты ещё пожалеешь об этом, — в сердцах бросил Залерт.

— Я пожалею, — решительно возразила Марианна, — если ничего не сделаю. Ты странник, Залерт, а странники на одном месте долго не задерживаются: уходи, коли ноги несут, но более тебя видеть я не желаю.

Мужчина бросил на каэльтину полный презрения взгляд. Губы, что прежде вызывали восторг и желание, стали отвращать. Проведённые вместе ночи мигом выветрились, и встроенный в нейроимпланты информационный накопитель по воле хозяина стёр все компрометирующие архивы. Всё стало так, будто ничего не было.

— Принято, — кратко ответил Залерт и, кивнув, покинул кабинет.

Впрочем, в одиночестве каэльтина пробыла недолго. Едва она успела осмыслить то, что произошло между ней и любовником, как на пороге с поклоном появился золотистый клюв Бакхуса:

— Моя Каэльтина, — обратился к Марианне агент, и та поспешила надеть отцовскую маску, — координатор Ланц и предвестница Вайс прибыли.

Появление Вейлон Вайс вызвало смешанные чувства; красморовцы, коих в одном только зале набралось не меньше сотни, встретили тихходку недоверчивыми взглядами и

перешёптываниями. До той поры, пока Верховная Жрица оставалась в тени, реальность сотрудничества с Чёрными Зорями воспринималась достаточно условной, и большинство столичных агентов попросту не придавали значения тому, что в их ряды затесались как вестницы, так и волчицы с девеницами — последние, скрытые доспехами из тёмной кожи, держались особняком даже от своих сестёр и казалось, что непрестанно контролировали обстановку в самом ВАД. Так, будто ожидали появления врага на её пороге.

Предвестница встала точно в середине — по бокам от неё замерли координатор Ланц и сама Марианна. Как последняя представительница действующей династии, каэльтина скрыла маской лицо и склонила голову, тем самым выражая согласие с главнокомандующей Чёрных Зорь.

— У нас было много разногласий, — взвешивая каждое слово, госпожа Вайс торжественно обратилась к собравшимся с балкона второго этажа, — но сейчас, в момент крайней нужды, нам необходимо объединиться. Перед лицом ли общего врага, во имя своей страны или тех, кто ещё жив, но только мы можем сейчас друг другу помочь. Если мы сумеем преодолеть наши распри, значит, у нас ещё есть шанс на будущее. Перед нами стоит непростая задача — остановить Восхождение, а также низвести тех, кто ему всячески способствует. Наши противники сильны, но мы не должны робеть и грязью окроплять лицо, ибо мы, карпейцы, как и столетие назад являемся рубиконом, что отделяет весь мир от чумы, что способна уничтожить человечество в считанные дни.

— А что нам сделают сектанты? — снизу раздался вопрос. Принадлежал он охотнику, чья форма за прошлые смены пропиталась насквозь парами кровореки. — У них не осталось щитов — эвакуация гражданских почти закончилась.

— Дело не только в гражданских, — вступила Марианна и шагнула вперёд. — На их стороне есть преимущество, пусть и не самое очевидное: после смерти их тела представляют больше опасности, чем при жизни.

— Не приближайтесь к сектантам ближе, — дополнил Ланц, — чем на несколько метров. Согласно данным нашей разведки, среди них много манифестантов, и уровень их поражения может исчисляться сотнями единиц элегии.

— По этой причине на операцию по предотвращению Восхождения допускаются только те, кто вакцинировался не менее полугода назад, — серьёзно присовокупила хранительница. — Остальных мы вынуждены оставить здесь, под надёжной защитой чернозорских девениц.

Немногочисленные агенты — те, кого касались принятые меры — начали судорожно оглядываться в поисках упомянутых ранее воительниц. Последние, по-прежнему оставаясь вне досягаемости солнечного света, никак не отреагировали на проявленное к ним внимание.

— Это вынужденная мера, коллеги, — успокаивающе произнёс Ланц. — Когда мы завершим операцию и заполучим новые партии «Миротворца», мы проведём вакцинацию с соблюдением всех санитарных норм.

Каким бы ни был учтивым координатор, в толпе слышались недовольства. Кто-то робко упомянул о дискриминации, другой — напомнил потребности в единении, и лишь третий о оказался к правде ближе остальных:

— Вы считаете, — заговорил пропахший дёгтем и сажей охотник, — что мы можем быть шпионами АВИСО?

Марианна едва кивнула — за тем количеством брони, в какую она была одета, увидеть

это не представлялось возможным.

— Надеюсь, вы с пониманием отнесётесь к нашему решению, ибо мы не хотим, чтобы наименее защищённые из нас оказались в опасности, — сказала Монтгомери и провозгласила: — Наша основная цель — во что бы то ни стало не допустить Восхождение.

— Отрадно видеть в вас такую решимость, — с лёгким поклоном поддержал Ланц.

— Ваша стойкость впечатляет, — согласилась Верховная Жрица, — но не страшит ли вас то, что своими действиями мы только подкормим Войну?

— А у нас есть выбор? — Марианна горько усмехнулась. — Если мы оставим Градемин на съедение этим ejsmechlos, их уже ничто не остановит.

Эпизод второй

Карпейское Каэльтство: Градемин (Новоград)

жилой комплекс «Холданас Коройск»

2-26/995

Красное небо, красная вода... У горизонта чередой вспыхивали огни. Воздух наполнился мазутом и порохом. Едва наступил полдень, как река покрылась тлетворным налётом. Чековский проезд перекрыли. Мельком Анастаси увидела свой дом: перед его подъездом выстроилась группа охотников. Поочерёдно они заходили внутрь. На улице остался только один — неизвестный в сплюсненном клюве.

Ей стоило отсюда убраться, чувствовала Анастаси, но память оказалась дороже жизни. Снова. Более того, она решила вновь рискнуть своей жизнью для спасения... кого? Того, по чьей немилости пал Синекам? Погибли старые знакомые, что доверились иноземной вакцине? Противоречий Лайне в тот час хватало. Равно как и понимания, что без Кемрома она отсюда не выберется — если ей в мурмурации повезло, то не факт, что удача не оставит её в дороге. Опыт показывал, что вдвоём шансов на выживание больше.

Вытянуть из роботария информацию оказалось не так просто, однако на уличной карте тот всё-таки показал, куда им нужно идти. Встревоженная, Анастаси замерла посреди дороги и вслушалась. Несмотря на то, что путь был чист, сердце вестницы разгонялось в панике. Ей казалось, будто нечто, гонимое суровым февральским ветром, надвигалось прямо на неё. Ни гнев Дунари, ни рёв разнузданного пламени до мурмурация не доходили, а люди, сломленные «Панацеей», попросту не виднелись за плесневеющими домами.

— Другой дорогой, — неуверенно потребовала у падальщика Лайне и вздрогнула, когда услышала свой голос, преобразованный модулятором в металл, — пожалуйста.

Тот притормозил. После, выстроив новый маршрут, свернул с дороги. Сокращённый путь проходил через территорию жилого комплекса «Холданас Коройск».

Ворота владений оказались закрыты. Впрочем, решила проблема быстро: стоило Анастаси только шагнуть в сторону, как из-за угла показалась брешь в заборе. Меж кованых прутьев зиял зазор шириной около полуметра. Без раздумий Лайне протиснулась через него — из-за массивной униформы получилось это не сразу.

Проходя территорию комплекса по диагонали, Лайне зашла во внутренний двор. На небольшом клочке земли, зажатом среди трёх жилых корпусов, высилась собранная из поражённой мебели гора. Венчало её чучело с приклеенным лицом цесаревича Оскара, и шелестящее пламя неторопливо пожирало стихийную свалку. Среди деревянных обломков и прочего мусора проглядывали фрагменты детской площадки — уничтоженная, она обугленными пластиком да железом взрезала припорошенную пеплом поверхность.

— Давно не виделись, — прозвучал неподалёку уловимо знакомый голос, — Нази.

— К-Корвин? — голос Анастаси дрогнул. Камнеградский посредник — Лайне хотелось протереть глаза — стоял на крыльце парадного входа в здание. Чуть запрокинув голову, он гортанно усмехнулся и, вскинув бровь, спросил:

— А кого ты ожидала увидеть?

Вестница даже растерялась. Призналась честно:

— Да кого угодно, на самом деле, но только не тебя. Ты же видишь, что...

— Ты не рада меня видеть?

В направлении Корвина тепловизор отчаянно сбоил: от минусовой температуры он резко переходил к плюсовой, а после заплывал помехами, и так по кругу.

— Нет... — судорожный вздох. — В смысле... Как это возможно? Кемром сказал, что ты умер...

— И ты ему поверила? — Мужчина криво ухмыльнулся. — Я же тебе говорил, что пока у тебя моя винтовка...

— ...шанс на встречу есть всегда, — подхватила Анастаси.

Её взяла оторопь, когда, присмотревшись, она увидела на шее Рейста глубокую рану. Края её запеклись чёрной коркой, а нутро источало элегию. Тонкой струйкой субстрат вырвался наружу — уличный дозиметр, установленный рядом с термометром, выдавал невероятные данные по элегическому загрязнению.

— Здесь сейчас небезопасно. — Корвин демонстративно посмотрел по сторонам и понизил голос: — Повсюду патрули. Нам лучше переждать — тебя могут искать. Мне бы не хотелось, чтобы ты ещё хоть час провела в инсектарии.

Сказав это, проводник скрылся за дверьми жилого комплекса. За стеклянным окном, что укрывало от прокопчённого воздуха внутренности здания, всё темнело под воздействием отравляющего вещества.

— Откуда ты знаешь? — изумлённо.

Но Корвин этого не услышал.

Анастаси глухо ругнулась. Посмотрела сначала на вход, а затем на тропинку. Роботарий уже скрылся из вида — шаги посредника доносились из утробы здания. На раздумья ушло меньше минуты: ноги сами собой понесли вестницу к крыльцу жилого корпуса. Она шустро взбежала на него и дёрнула за ручку.

При входе Анастаси чуть не споткнулась о брошенный у порога пакет с продуктами. Плитка белела разлитым молоком. Обойдя лужу, девушка выглянула в вестибюль.

— Кор? — Анастаси испуганно озиралась по сторонам. — Кор, ты где?

Пока ноги её несли вглубь жилого комплекса, в голове лихорадочно сменялись мысли — девушка понимала, что происходит нечто неправильное. Она не сомневалась, что Кемром ей не соврал, и Корвин в действительности мёртв. Однако надежда ослепила её — связь с реальностью ослабла. Анастаси непроизвольно окунулась в те дни, когда на краткий период жизнь в Линейной могла считаться сносной, и Рейст был рядом.

У вахтёрской коморки неподвижно лежал крематор. Валяющийся рядом «Сварог» был смят, а бак огнемёта — пробит. По полу, переливаясь, растекалось топливо. Уняв в коленях дрожь, вестница в считанные минуты поднимается вверх и застывает перед указателем с номерами квартир. Память подсказывает повернуть направо. Элегический фон продолжает ухудшаться. Фильтры противогАЗа горчат. Закашлявшись, вестница припадает к стене. Коридор расплывается кляксой. Перед глазами мошками роятся хлопья субстрата.

«Асфриксия», — голосом Кемрома всплыло воспоминание о лишившихся рассудка

синекамских охотниках. Непослушными руками Лайне стянула с головы клюв и отбросила его. Субстрат у головы уплотнился. Полезли волосы. Нестерпимо заныла, обгорая, кожа. Девушка почувствовала, как элегия впивалась в губы и выжигала глаза.

Щурясь, Анастаси слепо шарила руками перед собой. Отражение, мелькающее в замызганных зеркальных поверхностях, едва на неё походило.

Пространство вокруг начало искажаться. Точно кошмары, дремавшие не одно десятилетие на границе сознания, высвободились и обрели материальность. Двери, мимо которых Анастаси проходила, хаотично распахивались и захлопывались. За каждой из них находилось нечто, едва ли напоминающее убранство квартир. Улицы, магазины, школьные классы и парки — всё неведомым образом умещалось в скромный метраж. Жильцы, не успевшие выбраться из своих апартаментов, с воплями паники носились по комнатам, точно не могли найти выход. Анастаси не понимала, что происходит. Впрочем, не меньше она сомневалась и в том, что хочет в этом разобраться на своей шкуре.

Следом за Корвином Анастаси забежала на четвёртый этаж. Всякий раз, когда удавалось сократить дистанцию, Рейст отдалялся: как бы Лайне не бежала, мужчина шёл быстрее. Со стороны казалось, что его скорость не менялась вовсе, а искажалось пространство.

Внезапно Корвин скрылся за одной из таких дверей. Переступив порог, девушка словно очутилась в квартире, где провела своё детство.

— Какого [лира]?.. — Анастаси потрясённо замерла.

На кухне скрипнули половицы. Девушка непроизвольно попятилась — упершись в дверь, вестница нащупала ручку и дёрнула. Та не поддалась. Анастаси повернулась и увидела, что всё, вплоть до замочной скважины, поросло органикой.

— Зи? — Девушка услышала голос брата. — Это ты?

Тем временем за дверью что-то заскрежетало. Будто тысяча лезвий пытались процарапать преграду снаружи.

— Элиот?..

Близнец вышел из ванной комнаты, рукой закрывая левый глаз. У него там, напоминала себе Анастаси, протез.

— Я думал, — продолжил Элиот и убрал от покрасневшего глаза руку. Не протез, свой собственный, — ты не вернёшься. Почему ты мне ничего не сказала?

Это не её брат, с запредельной чёткостью понимала Анастаси. Оно выглядело как он, говорило его голосом, но вело себя в точности так, словно вырвалось из кошмаров. Запахов девушка не слышала, но гнетущее чувство, точно пришедшее из паллиатива, охватило в её сердце.

— Ты обещала вернуться, — напомнил Элиот и с упрёком посмотрел на неё. — Ты опять меня кинула.

Тем временем Элиот — то, что притворялось им — подошёл к вестнице практически вплотную. Буквально зажал её в угол. Исходящего от человеческого тела тепла Анастаси не ощутила. Стоило ей на мгновение прикрыть глаза, как она вмиг почувствовала себя в одиночестве. В безопасности. Однако вскоре это переменялось: когда расстояние меж Анастаси и существом сократилось до пары сантиметров, вестница услышала пробирающий до мозга костей запах прокисшего мёда — в точности такой, какой она неоднократно чуяла ещё в квартире на Ковне.

— Ты обещала, — повторил Элиот, и Анастаси, вжавшись в стену, попыталась отвернуться, — что вернёшься.

Когда она ненароком глянула вперёд, призрачно серые глаза находились совсем близко. Элиот — почти интимно — наклонился к ней и провёл языком по её губам. Покрасневший глаз разорвался, и из дыры полезли черви. Лайне, не в силах шевельнуться, зажмурилась, когда дурно пахнущая слюной наждачка коснулась её кожи.

— Я обещала вернуться, — проговорило существо, и к когда Анастаси открыла глаза, увидела перед собой себя.

Оно снова изменило облик, стало ниже и меньше. Несколько мгновений девушка смотрела на свою зеркальную копию — на рот, растянутый в болезненной улыбке, и пьяно блестящие глаза. Оправившись от первого шока, вестница оттолкнула существо от себя, и оно тотчас изменилось. Исказилось. Привлекательность молодости трансформировалась в изуродованную Федрой массу, сотканную из сочащихся медовой лимфой нарывов и опухолей плоть.

Повторился удар в дверь. На этот раз её пробило: в дыре показалась металлическая лапа роботария. Падальщик, пытавшийся всё это время вызволить из заточения девушку, начал крошить дверь.

Выбравшись из квартиры, Анастаси рефлекторно задержала дыхание. Элегическое загрязнение стало столь велико, что плотность парящего в воздухе субстрата мгновенно забила нос. На лестнице в глазах окончательно потемнело, и только благодаря усилиям своего временного спутника Анастаси выбралась наружу.

Эпизод третий

Карпейское Каэльтство: Градемин (Новоград)

Вестаниловская 28-1

2-26/995

— Ну посмотрим, как они справятся без АДАМ... Выслали всех пилотов и стоят (пафосными минами... — под нос бормотала Нина, складывая вещи в рюкзак. — Превозмогаторы [драные]...

Выпрямившись, она сдула упавшую на лоб прядь и упёрла руки в бока. На застеленной кровати лежал распечатанный билет на автобус. До выезда оставалось чуть больше пары часов. Девушка, взволнованно закусив губу, взяла распечатку в руки. Обнаружила, что место её шло 47-ым. Точно таким, под каким значился их с матерью номер в сгоревшей «Каэльтине Дунарии».

Листок выскользнул. Недоброе предчувствие овладело Ниной. В надежде отвлечься, она подошла к окну и застыла, когда увидела у староградского причала непобедимую «Каэльтину Дунарию» — теплоход, переживший всех своих тёзок.

Из каждого утюга и самовара звучали гимны почившего царства. Слова, написанные чуждым языком. Лучшие теноры мёртвого мира воспевали Карпейское Каэльтство, его независимость и свободу, и Дунари, как бы вторя им, утягивала речной флот на дно. Рубиновые волны сокрушали лайнеры и сухогрузы. Разваливали водные вокзалы и городские причалы. Только «Каэльтина Дунария» ещё держалась на плаву: члены команды ведрами выливали заливающуюся за борт воду, не позволяя кормилице погубить свою дочь.

— Он что, всё ещё здесь? — Нина, силясь высмотреть кого на верхней палубе, прищурилась.

Разблокировав протофон, девушка написала Ливерию. Затем ещё раз и ещё. Когда прошло более получаса, а ответа всё не было, Нина решила позвонить. Ей было всё равно, сколько это будет стоить — об этом она не думала, когда один за другим капали гудки.

Звонили в Карпейском Каэльтстве нечасто — из-за дороговизны связи. Мгновенной последняя никогда не была. Сетевых мощностей обычно хватало только на обмен текстовыми сообщениями, а взаимодействия с фотографиями и видеоматериалами из-за ограничения скорости требовали некоторое время на загрузку.

— Нина? — Из-за шума воды голос Евгения едва пробивался. — Ты чего звонишь?

— Мне кажется, — взволнованно начала та, поглядывая на качающийся корабль, — или я и вправду вижу твой теплоход?

Связь перманентно ухудшалась. Динамики разрывались хрипами и бьющим по микрофону ветром. Нина поморщилась, когда посторонние шумы сорвались на душераздирающий писк.

— Не кажется, — донёсся ответ. — Ты что, ещё не уехала?

— Нет. Я это... Я пыталась записаться на Нисхождение. Не взяли... А эвакуационный автобус... Я боюсь на нём ехать.

— Если хочешь, — сказал русский, — давай ко мне. Мы уплывём, как починим генератор, но сейчас бы нам не помешала твоя помощь.

Нина приняла его приглашение. У неё оставалось меньше часа до закрытия Моста Вечности. В тот момент девушка ясно осознала, что домой больше не вернётся. Когда со сборами было покончено, посыльная в последний раз окинула взглядом свою комнату, после чего пошла на выход.

Вестаниловская опустела навсегда.

Памятуя о засилье столицы роботариями, Нина не рискнула пройти по главной улице. Машины до того тщательно исполняли свою работу, что с Чековки непрерывно тянуло кровью. Иной раз казалось, что по плиточному склону бежала и струилась она. Вороны не умолкали. Не стихали и выстрелы. Сливаясь с раскатами грома, они барабанами в перепонках вторили торжеству мира, рождаемого в агонии зимы.

Над Староградом резонировал воздух. Переулками да дворами Нина выбралась к набережной. Площадь у монумента размыло. Плиты через одну провалились, и вместо грязи на поверхность смотрели сгустки подземной тьмы.

Нина, прислонившись к стене, затаилась, когда увидела бредущую к монументу фигуру. Охотница в пышущей элегией форме пошатывалась. Ноги её скользили по залитой набережной. Маска отсутствовала — опаленные отравой волосы обламывались даже при незначительном ветре, и плечи девушки осыпали блондинистые пряди.

Не успела Анастаси сделать и нескольких шагов, как земля ушла из-под ног. В прямом смысле. Набережная расслоилась, и часть площади под монументом провалилась. Болото перетекло в подземелье. Вестница приземлилась точно в месиво из крови и грязи. Зацепившись за врезавшуюся пол плиту, девушка поднялась на ноги и оглянулась.

Это был вестибюль так и не открывшейся станции метро. Вместо часов посреди помещения отныне стоял гостиничный монумент, покосившийся и сломленный.

Внезапно у края поверхности кто-то появился. Не успела Анастаси скрыться в тени, как зазвучал голос:

— Нази? — вглядевшись, спросила Нина и плотнее прильнула к обрыву. — Это ты?

— Нина? — последовало не менее удивлённое.

Для обеих встреча оказалась неожиданной. До этого девушки пересекались неоднократно, но знакомством обзавелись недавно — именно Нина в декабре прошлого года

поспособствовала Анастасии в нелегальном выезде за границу.

— Ты как? — Нина мигом спустила с плеч рюкзак и чуть ли не по пояс в него залезла. — С тобой всё нормально? Ты не поранилась?

— Да-а... Вроде нет, — с небольшим промедлением ответила Лайне. — Правда, здесь очень темно.

— Нужен фонарик? У меня где-то он был, сейчас! — Не успела Анастасия отреагировать, как ей в ноги упал компактный фонарь. — Подожди, я сейчас придумаю, как тебя...

Не успела Нина договорить, как репродукторы запели тревогой. Девушка отшатнулась от края дыры и, вцепившись ладонями в разбитые камни, оглянулась. Вдали зарыблили сверкающие в сумерках клювы, и строевой шаг эхом потянулся к набережной.

— Только не это, — вымолвила Нина.

Анастасии не к стати услышала это:

— Что случилось?

— Они идут, — Нина нервно пыталась застегнуть рюкзак, — болванчики. Я спущусь к тебе.

— Что? Нет! — запротестовала Лайне, и посыльная оцепенела. — Здесь небезопасно. Нина. Беги, пока есть возможность! Встретимся на поверхности!

Рассудив, та согласилась:

— Ладно.

Схватив рюкзак, Нина поспешила в сторону Моста, но и с его стороны потянулась вереница патрулей. Девушка, опасливо поглядывая на реку, начала пятиться.

На набережную вышли роботарии-охотники. Единым строем они, повернувшись, двинулись прямо на Нину, и она с поднятыми руками замерла на балюстраде. От волнения ноги девушки подкосились — равновесие сохранялось с трудом.

— Госпожа, — искусственными голосами заговорили машины, — немедленно спуститесь на землю. У вас три секунды.

— Нет, — одними губами возразила Нина. — Я не позволю себя отменить.

Только она крыльями расправила руки, как прогремели выстрелы. Набережную заволокло дымом пороха. Пули почти не задели девушку, но пара — пришедшиеся прямым на плечо и живот — прошли навывлет и оставили дыры размером с целый осколок, диаметр которого составлял около пяти сантиметров.

Нина пошатнулась. Чуть запрокинула голову — глаза её закатились, и тело упало в воду. Кровь девушки слилась с Дунари. Покуда шок блокировал боль, посыльная всеми силами боролась за жизнь.

Рот Нины открылся в паническом ужасе, и она выпустила из лёгких остатки кислорода. Пузырьки воздуха взметнулись к поверхности и, достигнув её, разорвались плеядами взрывов. Когда органы дыхания обожгло болью, Нина активней заработала руками и выплыла. Сделала жадный вздох. Пропитанные кровью волосы облепили голову, и первые несколько секунд посыльная ничего не могла увидеть.

— Нина! — в стороне прозвучал крик Ливерия.

Девушка, убрав прилипшие к лицу волосы, повернулась на голос. До «Каэльтины Дунарии» оставалось совсем немного, но из-за сильных волн расстояние казалось непреодолимым. Евгения Нина разглядела не сразу: капитан стоял вплотную к борту, и некогда белоснежный китель сливался с водой.

Наконец Нина уцепилась за брошенный ей спасательный круг. Она была спасена.

Эпизод четвёртый

Карпейское Каэльтство: Градемин (Новоград)

станция «Каэльтаина Дунария»

2-26/995

Впервые за долгое время Вилена чувствовала покой. Её сердце билось ровно, а голову оставили нескончаемые потоки мыслей, лихорадочно сменяющие друг друга. Наступил порядок, среди которого цель, поддержать Восхождение деми, проступила особенно ярко.

Однако сладкая истома рассеялась, когда со стороны станции раздался шум.

— Ты это слышал? — Вилена замерла перед выходом из метрополитена. Файдалом, раздражённо замычав, огляделся. — Здесь кто-то есть.

Коридор, по которому они шли, прежде заканчивался тупиком, но заложенную в конце стену разбили. Отныне там находился один из переходов в катакомбы. Второй располагался уровнем ниже, среди технических помещений и служебных тоннелей.

Вилена почти скрылась в зияющем тьмой проходе, когда со станции донеслись грохот и женский крик. Культистка наострила слух и обернулась. Взгляд провалов устремился вдаль.

— И мы разминулись? — недоумевал отречённый.

Вейнберг резко подняла руку. Попыталась вслушаться. Из недр вестибюля донеслись голоса. Убедившись в верности наблюдений жрицы, Файдалом шагнул вперёд — Вилена удержала его за локоть.

— Нази? — долетело до женщины эхом.

— Нази... — сердито повторила Вейнберг и двинулась в обратную сторону. — Не жди меня. Встретимся в Старограде.

Анастаси осмотрелась, когда осталась в полном одиночестве. Зона, в которой она очутилась, отводилась торговой галерее, и пропиталась сыростью. Несмотря на ухудшившееся обоняние, Лайне ясно услышала разъедающую воздух полынь. Света фонарика оказалось недостаточно, чтобы полностью осветить коридор.

Спуск вестница так и не нашла. Там, где по плану размещались эскалаторы, находилась глухая стена. Девушка неуверенно дотронулась до отсыревшей кирпичной кладки — даже от незначительного касания они начинали крошиться. Вестница сразу отпрянула и взволнованно посмотрела по сторонам.

Тем временем по обломкам труб и проводам вниз пытался спуститься роботарий. Каким-то чудом миновав красморовский патруль, падальщик стремился нагнать девушку.

Как и сама станция, вестибюль остался далёк от завершения. Помимо испорченных стройматериалов, на площадке остались инструменты. Рядом с кассами стояли кувалда и покрытый толстым слоем пыли ящик с инструментами. По пути Анастаси подобрала лежащий на виду гаечный ключ — для спокойствия.

За непрерывной каплей девушка не услышала надвигающихся шагов. Скользящих по полу босых ног, что неслись прямо на неё. Лишь когда в полумраке что-то сверкнуло, вестница резко подалась в сторону.

Занеся руку, Вилена выпустила из рукава спицу и пырнула балтийку в живот. Взвыв от боли, Анастаси отпихнула жрицу и зарядила той гаечной ключом прямо в висок. Удар вышел слабым, смазанным. Вейнберг криво усмехнулась и пальцами промокнула выступившую кровь. Рана была неглубокой.

— Зачем ты хочешь вызволить Кемрома?! — вытер об платье кровь, спросила Вилена.

Анастаси ошеломлённо замерла. — Неужели ты рассчитывала, что это укроется от меня?..

Анастаси напряглась. Старалась не смотреть на старшую сестру.

— Нет, — наконец ответила Лайне, — но что с того?

Роботарий тотчас бросился защищать свою новоиспечённую хозяйку: едва он нацелился на Вейнберг, как женщина подняла револьвер с взведённым курком и выстрелила. Попадание пришлось точно в аккумулятор, и падальщик упал культистке под ноги.

— Он передал тебе своего болванчика? — Рот Вилены растянулся презрением. — Я бы сказала, что это мило, не говори мы сейчас о Кемроме. Буду с тобой честна, Зи, но я огорчена твоим выбором.

— Я никого не выбирала, — отчеканили та, — я помогаю ему лишь потому, что он помог мне.

— Неужели?.. Если бы не он, потерь в вашем чудном Синекамье было бы куда меньше. Ты правда считаешь, что именно такому человеку нужно отвечать ответной услугой?

— Ну уж точно не тебе, — пробурчала Анастаси. Она не стала говорить, что не верит в самостоятельное спасение из города, что в одиночку находит ещё больше проблем. — Мы никогда не были подругами, Вил, и я не понимаю, зачем ты хочешь склонить меня на свою сторону.

— Хочу? — Вейнберг усмехнулась. — Таких союзников я и врагу не пожелаю.

— Тогда что это значит?

— Ты посягаешь на мою собственность, Зи, и я даю тебе выбор: либо уйти по собственной воле — можешь не волноваться, я сама провожу тебя до порога... Либо тебе придётся столкнуться со злым хозяином. Это выбор, которого не было ни у меня, ни у многих в наших рядах. Воспользуйся им.

Боль расщепляла разум и всю сознательность. В какой-то момент Анастаси и правда думала согласиться, уступить Вейнберг в «праве собственности»: в конце концов, понимала Лайне, старшая сестра права насчёт Кемрома. Не без его участия Линейная умерла так скоро и больно. Однако, едва голова наклонилась в робком кивке, балтийка сказала:

— Нет, я не оставлю его здесь, — и, сделав глубокий вздох, добавила: — У него ещё есть шанс стать лучше.

Вилена торжествующе улыбнулась.

— Я надеялась, что ты откажешься, — призналась она и начала угрожающе надвигаться. — Теперь я в праве уничтожить воришку.

— Вилена, пожалуйста, хватит! — взмолилась Анастаси.

Расстояние меж жрицами сократилось до метра.

— Если в Линейной ты избежала иглы правосудия, — широко улыбнулась Вейнберг и всадила балтийке шприц в плечо. Игла полностью погрузилась в плоть. Анастаси в крике разинула рот, — то здесь твои медотоводы не сработают.

Выгнувшись, Лайне зашипела. Отпихнула от себя Вилену. Вырвала шприц и, выбросив его, зажала место прокола.

— Зачем ты это сделала?! — едва сдерживая слёзы, прокричала Лайне.

Вилена резко схватила её за ворот и притянула к себе. Приблизившись, прошептала в приоткрытый рот:

— Не хотела пачкаться твоей кровью... Говорят, у вас, балтийцев, она холодная.

Анастаси, сбросив руки жрицы, ногтями оцарапала той глаза. Грубые полосы рассекли веки и превратили их в безобразные болтающиеся складки. С гневным криком Вейнберг

вытолкнула неприятельницу на строительные леса.

Поражённая усталостью конструкция протяжно закрипела. Вестница едва сохранила равновесие — Вейнберг подняла кувалду, замахнулась. Удар молота пришёлся точно по крайней опоре лесов. Выбило крепление платформы. Всё зашаталось. Прогнивший деревянный настил посыпался вниз. В последний момент Анастаси успела ухватиться за металлическую перекладину, но пальцы соскользнули, и девушка сорвалась.

Крик. Удар. Стон.

Всё произошло настолько быстро, что вскорости Вилена как ни в чём не бывало оправляла свой наряд. Несмотря на то, что кровь застилала обзор, улыбка не оставляла лицо. Покончив с прихорашиванием, жрица присела перед дырой и промурлыкала:

— А вот крысам, думаю, ты придёшься по вкусу. — В метрах под ней лежала Анастаси. Без чувств. Среди строительного мусора и обломков разобранной шахты. — Лучше бы ты не высывалась со своего погоста.

Глава двенадцатая. Kajeltin ker AVICO

Демиган, принадлежащий первому демиборцу. Одно из тех хитроумных изобретений, выкованных из костей низведённых демиургов в кузницах Теуграда.

Силой своей мысли владеец этого оружия способен трансформировать его во всякое орудие смерти, какое только может вообразить человеческий разум.

Пользуйтесь им во благо или для сотворения хаоса, но помните, что служить оно будет, пока по венам вашим бежит кровь.

— «Душерождённые», игровое описание оружия «Длань Демиборца».

Эпизод первый

Карпейское Каэльтство: Градемин (Староград)

клуб «Клюква»

2-26/995

Воплем отчаяния над покинутым городом нёсся крик Черны. Система не умолкла даже тогда, когда оперативная группа оцепила Дангери, и вестницы провели приготовления площади: на напольных камнях и стенах появились многочисленные сплетения литер, расшифровать которые неподвластно человеку, знакомому со Словом лишь смутно. Все проходы были смазаны фиалковым маслом, и кадилницы, щедро заправленные травами и углём, заняли почётное место в руках почивших героинь, что служили поныне фонарями. Не обделили и памятник Джестерхейлу: руки статуи вместили ароматические свечи, что очищали воздух от пропитавшей столицу скверны.

С каждым часом сейсмическая активность возрастала. Марианна, охраняемая парой девениц, заняла наблюдательную позицию на втором этаже «Клюквы». Несмотря на то, что большая часть здания выгорела дотла, фасадная его сторона уцелела в достаточной степени, чтобы там разместиться. Этот участок находился на безопасном расстоянии от Дангери; при этом хватало бинокля, чтобы следить за обстановкой в сердце столицы. Изредка включалась рация — до каэльтины доносились редкие переговоры охотников и вестниц, что непрестанно окуривали Староград.

В крови Марианны кипел кофеин — не спала каэльтина больше суток. Руки её дрожали от волнения, а губы то и дело растягивались в нервной улыбке. Монтгомери не сомневалась, что сделала всё возможное при своём малом опыте. Однако её не покидал страх, что этого недостаточно: на такой случай были подготовлены пути отступления по столичным

катакомбам. Впрочем, всё было не так просто.

— Захватили пару сектантов, госпожа, — отчитался Бакхус примерно через час и, заведя руки за спину, глянул в сторону. — Дознаватели Ланца их сейчас допрашивают, но результатов пока нет.

Они и не прогнозировались.

Скоро в Москве получат депешу, надеялась Марианна, и, если повезёт, не только Карпея получит поддержку, но и по иным сектантским образованиям нанесут превентивный удар. В столь краткое письмо хранительнице удалось уместить всё, что она посчитала важным — в том числе и рекомендации о необходимости более тщательной проверки всех манифестантов и списков на вакцинирование.

— Принято. — Отведя бинокль от глаз, Марианна усмехнулась. — Никогда бы не подумала, что доживу до такого.

— Лишь отчаянные безумцы ожидали подобное. — Златоклюв посмотрел на протофон с выведенными на экран часами. — Также вынужден доложить, что установить природу новоградских взрывов пока не удалось, но по предварительным отчётам — подрыв одного из связующих ходов катакомб.

Первые взрывы прогремели задолго до Восхождения — в центре оказалась новоградская набережная с захороненной под плитами станцией. На фоне землетрясения это могло остаться незамеченным, если бы не сообщение от направленных в тот район крематоров.

— С полуостровом? — ошеломлённо.

— Боюсь, что так. Высока вероятность, что сектантам известны наши ходы.

— Хм... Не к доброму это. — Каэльтина украдкой сверилась с картой столицы. — Отмените минирование Вечности и организуйте КПП на другой стороне: мы должны сохранить за собой возможность к отступлению.

— Будет сделано.

— В таком случае, не теряй времени и доложи мне, как всё будет готово.

Прошло несколько минут, прежде чем Марианна почувствовала неладное. Обернувшись, она увидела, что Бакхус всё также стоял в проходе. Абсолютно неподвижный, он будто смотрел куда-то вперёд, но стёкла его линз уже не горели.

— Бакхус? — Монтгомери невольно шагнула к нему. — Почему ты ещё здесь?

Девеница с недоверием отреагировала на замершего в проёме агента. Дозиметр, висящий на её поясе, затрещал. Стоило охранительнице подойти, как златоклюв рухнул замертво — спина его была обуглена до костей, и в центре её находилась дыра в форме человеческой руки.

— Извините, что мы без приглашения. — С такими словами из противоположной стены вышло мумифицированное тело. Безобразно костлявое, с тонким, практически иллюзорным подобием кожи, покрытое застарелыми бинтами.

— Госпожа Монтгомери, — обратилась к той девеница, — пожалуйста, спрячьтесь.

Марианна согласно попятилась.

Немёртвый вторженец с глухим смешком посмотрел на тщетные попытки укрыться. Тем временем охранительница сняла с плеча российский пулемёт «ХРП», собранный в камнеградском конструкторском бюро, и наставила на противника. Его горящие сизым глазам насмешливо сузились. Едва девеница зажала спусковой крючок, как Марианна руками закрыла уши. Пули проходили сквозь недруга и осколками льда падали на пол.

Отречённый с лёгкостью сократил дистанцию и, выставив руку, остановился. Девеница,

растерявшись, прекратила огонь. В следующую же секунду конечность немёртвого оказалась внутри женщины — разящим мечом она прошла сквозь служительницу Чёрных Зорь, и тело её, точно охваченное терминальным манифестом, обратилось углём. Только тогда, когда некроз пожрал все ткани, отречённый убрал руку и обратил взор дымчатых глаз на каэльтину.

— Оставь её мне, — из-за двери послышался женский голос. На пороге появилась женщина с серебристой повязкой на глазах. — Здравствуйте, госпожа Монтгомери. Меня зовут Вилена Вейнберг, и я здесь, чтобы предложить мир.

— Мир? — истерично переспросила Марианна. — Это таким вы видите мир?!

— Это его фундамент, — просто ответила первая.

— Зачем вы это делаете? — из последних сил пытаюсь укрыться, вполголоса спросила Монтгомери.

Вилена, улыбнувшись, снисходительно ответила:

— Мы желаем вернуть утраченное величие, госпожа. Замечали ли вы когда-нибудь такой парадокс, что с Нисхождением деми жизнь не становилась лучше? Более того, не возвращалась на прежний уровень?

— Низведение деми останавливало эскалацию проблем, — уверенно возразила каэльтина. — Со смертью Немока перестали появляться новые болезни, Раге — военные конфликты, Хелты — стихийные бедствия...

— Правда? — Вилена повысила голос. — Биологическое оружие, нескончаемая борьба за ресурсы, применение элегии... Разве это не людских рук дело? Деми отражают нас, госпожа, и лишь прислушавшись к их воле, мы можем стать лучше. Обрести бессмертие. Стать теми, кем должны быть по праву рождения. Вендига, Обманувшая Смерть... Она знала об этом. Джестерхейл знал. Теперь знаем и мы. Вы можете присоединиться к нам, Марианна. Не в качестве каэльтины, но как верная последовательница и свидетельство того, что Карпея добровольно переходит под знамёна Бездны.

Нащупав на столе револьвер, наследница крепко схватилась за рукоять и наставила на Вейнберг.

— Ни в жизнь, — рыкнула в ответ Монтгомери и возвела курок.

— Как пожелаешь.

Демиган стал продолжением руки Вилены. Губы её тронула едва заметная улыбка, и перчатка трансформировалась в клинок. От порождённой кровью рукояти по лезвию поползла колючая проволока. Марианна выстрелила — культистка рефлекторно закрылась рукой, и на мгновение её участок — от запястья до предплечья — покрылся пластинчатой деметалловой бронёй.

— Сюрприз... — Рот Вейнберг растянулся в плотоядной улыбке.

Вилена, казалось, вовсе не ожидала такого эффекта: кто бы мог подумать, что оружие может стать бронёй? Негодование сменилось ликованием, и жрица точно воспряла духом. Отныне её мысли были направлены не только на нападение, но и на защиту.

Ренегатка, развернувшись на каблуках, вонзила демиган в тело убитой Файдаломом охранительницы — стоило деметалловым шипам вкусить новую кровь, как от перчатки поползли защитные пластины.

Когда Вилена вновь замахнулась, деметалловое острие расширилось, и на свет выскользнула цепь с крюком. Меньше чем за секунду последний достиг Марианну и впился той в шею. Каэльтина, хрипло вскрикнув, попыталась избавиться от хвата, но всякое её

движение приводило к расширению ран. Лишь чудом ей удалось вырваться. Зажимая рану, она рванула прочь из «Клюквы».

— Ragemejt! — ругнулась Вилена и раздражённо взмахнула рукой — демиган вернулся к форме перчатки.

— Догнать? — участливо спросил Файдалом.

— Нет. Пусть бежит. Мы не одни, кто имеет здесь волю.

То и дело оглядываясь, каэльтина не заметила, как пространство вокруг неё задышало элегией. Как тишину разорвал «Гекатов триумф», и голоса призрачного хора наполнили залы «Клюквы». Краем глаза хранительница видела то, что не должна была. Как пространство, поражённое скверной, оплетали щупальца тьмы, и элегия, точно в самом пекле Воздействия, начинала жить собственной жизнью.

— Добро пожаловать домой, — из-за стен послышался знакомый баритон.

Приостановившись, Марианна в панике завертела головой. Сердце, норовя вот-вот остановиться, сгорало от страха. Тогда же из-за правого прохода вышел Михаил Монтгомери — невероятно бледный, с кроваво-красными губами.

— Миша? — Монтгомери пыталась отдышаться. — Миша?!

— Время закончить бой, милая моя, — ответил ей тот и, выйдя навстречу, обнял. — Достаточно для тебя.

— Я думала, ты умер...

— Ну что ты... — убаюкивающе прошептал тот. — Я всегда рядом.

Однако объятия эти не успокаивали отравленное адреналином сердце. Наоборот. С каждой секундой сердцебиение становилось всё быстрее, и щемящая боль разливалась по телу. Марианна хотела вырваться, но сил сопротивляться у неё больше не было.

— Мари! — У выхода неожиданно появился Залерт. Встревоженный, он взглядом прожигал спину бывшей пассии и тянул к ней руку. — Это не твой брат! Столицу заполонили кошмары!

Кошмары...

Монтгомери, испуганно глянув на то, что казалось ей братом, отпрянула. Михаил и бровью не повёл. Он внимательно смотрел на Марианну. Тогда та, уверовав в ошибочность своих чувств, поспешила к Дмитрию и потянулась в ответ. Однако не успела хранительница преодолеть и нескольких метров, как резко полетела вперёд и упала замертво. Тело по инерции проскользило с десятков сантиметров, а после — больше никаких движений.

Сердце её не выдержало.

Эпизод второй

Карпейское Каэльтство: Градемин (Новоград)

станция «Каэльтина Дунария»

2-26/995

Без маски здесь было нечем дышать.

Миновало не больше получаса, прежде чем Анастази пришла в себя.

Вопреки планам Вейнберг, изголодавшиеся крысы так и не учуяли запах крови: добыча осталась неприкосновенной.

Упала вестница с высоты в несколько метров: лифт со всеми сопряжёнными механизмами был разобран, и пол устилала обрывки проводов да утеплитель. Позади, среди обломков лесов, расстилалась шахта лифта — вернее, то, что от неё осталось.

Поморщившись, Лайне открыла глаза. Осторожно села и ощупала голову. Несмотря на

сильную боль в затылке, внешних повреждений ей не удалось найти. Открытых ран оказалось немного, больше — синяков на левой стороне тела.

Вместо станции Анастаси перед собой увидела коридор. С потолка капало. Лужами растекался плиточный пол. Стены, некогда небесно-голубые, расплзались плесневелой зеленью и подозрительного вида грибокком.

— И на том спасибо... — глухо прорычала вестница и оторвала от подкладки плаща огромный кусок ткани. Перевязала ногу: из-за порванной штанины кровила рана. — [Проклятье]!

Припрятанный апейрон разбился: начал подтекать стеклянный флакон. Из всего содержимого осталась только треть. Приоткрыв рот, девушка впрыснула совсем немного аэрозоля — так, чтобы ножевое ранение перестало кровить. Больше она позволить себе не могла: если Кемром и вправду здесь, ему апейрон нужнее.

Опершись на стену, Анастаси встала и шагнула в темнеющий впереди коридор.

Под ногами захрустели отвалившиеся куски краски, осколки стекла. По пути девушка постоянно обо что-то билась. Штаны расплзались в порезах и ссадинах и пропитывались кровью. Кислород заканчивался: вздохи становились чаще, глубже. Зрение теряло чёткость. Ознобом закипали открытые участки кожи. Лихорадка. Тело обуревал жар. Ноги стали непослушными и ватными.

Облокотившись на стену, Анастаси не заметила отсутствующей впереди двери и буквально провалилась в открытый проём. Упала на доски.

Комом в горле встала боль. Тупое отчаяние парализовало девушку, и вот вся решимость оставила её. Впервые за долгое время ей стало страшно. Впервые она почувствовала, что может умереть. Не в бою, но в одиночестве.

Солью слёзы защипали глаза. Анастаси сдавленно застонала. Зажмурилась, убеждая себя подняться.

Но тело её не слушалось.

Тишина обволакивала. Настолько, что вскоре возникли слуховые галлюцинации: шаги, шорохи, простукивания и стуки... В темноте ничего не было видно, но боковым зрением вестница улавливала странные силуэты. Полупрозрачные, бледные; с повисшими руками и опущенными головами. Больше всего на свете Лайне теперь боялась, что вновь столкнётся с неизведанным — тем, от чего ей по чистой случайности удалось вырваться живой

Сердце отчаянно пыталось вырваться из груди. Анастаси шумно сглотнула. Разумом она понимала, что рядом ничего не было. Никого не было. Только эта мысль также не принесла облегчения.

Лайне старалась не плакать, но лицо, похоже, осталось единственной её частью, продолжившей хоть как-то жить. Девушка вяло замотала головой. Наконец паника разжала ей рот, и из груди вырвался жалостливый всхлип. Он ужасающим эхом пронёсся по этажу.

Боль усилилась, когда Анастаси, поборов свою слабость, поднялась. Зацепилась за сгнивший дверной косяк. Подслеповатым прищуром обвела помещение, в котором оказалась.

В конференционном зале было пыльно и темно. Единственным источником света служили миниатюрные лампочки, вставленную в стену напротив входа. При близком рассмотрении виднелась физическая карта восточного полушария. Без обозначений и вспомогательных символов. По потухшим огням Анастаси догадалась, что подобным образом могли быть отмечены красморовские подземные комплексы — Прайрисн тёмн.

Закашлявшись, вестница заковыляла прочь. Выбралась в коридор и упрямо продолжила идти дальше. На пути ей попала масса герметичных дверей, помеченных русскоязычными табличками — пришлось постараться, чтобы прочесть хотя бы одну из них:

— «Камера первичного содержания», — неуверенно озвучила Анастаси и посмотрела на соседнюю. — «Складское помеще́ние»... Звучит пугающе.

Следующая герметичная дверь оказалась выбита. Коридор меж тем закончился: впереди тупик. За неимением иных вариантов, Анастаси двинулась в открытый проход. Не заметила на остатках затвора сохранившуюся табличку: «Объект агрессивен».

За порогом расстилалась недостроенная станция метрополитена — Анастаси увидела не разворованные груды металла и куски мраморных плит. При входе стояла пара затянутых ветошью статуй. Одна из исполинских фигур была частично обнажена; её половая принадлежность едва читалась, а из-за спины выглядывало по паре перьевых крыльев.

По мере продвижения на открытых железнодорожных участках появились цирковые загоны. Вагонами они заполняли всё свободное пространство меж платформой и стеной. За решётками встречалось всякое: кости неизвестного происхождения, лохмотья и грязные тряпки, а иной раз — ничего.

Сдерживая рвотные позывы, Анастаси рукавом прикрыла рот. Корешок языка потеплел мёдом. Когда сознание вновь поплыло, вестница ухватилась за остов информационного табло.

— Farex sazerkkon savej? — раздался из темноты приглушённый голос. — Анастаси?

Повернувшись, она увидела Кемрома. Скрытый тенью, он сидел в дальнем углу загона. Только светящиеся в полумраке зрачки выдавали его присутствие.

— Антон?

Тот с любопытством проследил, как девушка неуверенно подошла к клетке, и тоскливо усмехнулся. Плечи его, как и колени, дрожали. От бывшего лоска не осталось ни следа.

— Ана... — устало уронив голову, хриплым шёпотом обратился капитан к гостье. Та невольно опустила голову напротив и, потянувшись через прутья, коснулась его руки. — Что ты здесь делаешь? Как... Зачем ты пришла?

— Я вытащу тебя отсюда, — твёрдо ответила девушка и запалила стоящую рядом керосиновую лампу. Затем вновь посмотрела на карпейца. Все его раны гноились. Кожа слезала. Слой за слоем. По бетону растекалось месиво из плоти и крови. — Что... Что с тобой?

Отведя взгляд, пленник неохотно ответил:

— «Панацея».

— Почему... Почему она так на тебя действует?

— Потому что я бессмертен... из-за болезни, — произнёс Кемром и закашлялся. Он резко дёрнул руку — со звоном натянулись цепи — и ладонью прикрыл рот. Она наполнилась вязкой субстанцией. Сквозь пальцы потекло нечто густое, тёмное. В растекающейся по полу слизи копошились черви. — Этого недостаточно, чтобы меня убить, ха-х... Она не учла, что болезнь и есть лекарство.

Чем дальше Анастаси его рассматривала, тем больше округлялись её глаза. Ниже ключиц кожа представляла собой поле шрамов: множество затянувшихся отверстий, ожогов и порезов. На груди, среди рубцов, свежело «cortemejet».

— Поехавшая... — Лайне, обнаружив вырезанные буквы, нервно оглянулась. — Надо тебя вытаскивать отсюда.

— Ты могла самостоятельно выбраться из города, но убедила себя в том, что без меня не справишься... Ха-х. Я ещё в Линеинной убедился, что дома у тебя пусто, но никак не ожидал, что даже крыши на нём нет.

— Очень любезно с твоей стороны, — пробурчала Анастаси. — Мы собирались вместе покинуть город — значит, так мы и поступим. Вот только где найти ключ...

— Fonegoj zos. Пожалуй, сегодня ты вернула мне веру в человечность, — а после, собравшись с мыслями, капитан выдал: — Замки здесь слабые — можешь попробовать сбить. Силы в тебе должно быть побольше, чем во мне сейчас... или в том падальщике. Кстати, а где он?

— Виленя подстрелила его.

Анастаси, кряхтя, подобрала с платформы увесистый булыжник и занесла его над проржавевшим замком. Глубоко вдохнув, девушка на выдохе обрушила всю силу камня на замок, и тот, не выдержав удара, сломался. Лайне приоткрыла дверь камеры и зашла внутрь. Под ногами лопались и хлюпали черви. Парой точных ударов вестница разбила браслеты кандалов и отложила булыжник. Цепь ослабла, и Кемром, высвободив свои руки, устало потёр запястья.

— Надо торопиться, — сказала Анастаси, — скоро от города ничего не останется.

— Я должен вернуть демиган. Виленя забрала его и...

— Кто бы сомневался, — раздражённо подхватила вестница. — Как Красмор могла допустить это?

— Полагаешь, они знали? Для них демиган сродни артефакту из легенд. — Кемром криво усмехнулся. — Недавно ты и сама о нём не знала. Пернатые лишь следовали инструкциям, потому передали всё, что у меня было, той, чьей собственностью являюсь уже я.

— А она не?..

— Не знала, zoic. Даже я понимаю, что светить подобным оружием перед культисткой — не лучшая идея.

— Постой, но разве ты сам не говорил, что использование демигана... Убивает? Так какая тогда разница, что будет с Виленой?

— Верно. Использование его убивает. Благодаря нему появились ревенанты. Поверь, я видел, на что способны демиганы... Самое страшное, пожалуй, то, что я не знаю, где находится та черта в его применении, после которой человек перестаёт быть таковым. Я, поверь мне, её не...

— Откуда он у тебя вообще взялся?

— На эту историю у нас точно не хватит времени, — нехотя ответил мужчина. — Коротко — от моего отца. Не смотри на меня так: даже у такого выроodka, как ты, видимо, думаешь обо мне, есть родители. А теперь прошу, принеси мне одежду. Она должна быть в комнате дежурного, это в другой стороне.

В обозначенном помещении действительно лежали его вещи: выдавший виды плащ, свитер и штаны с сапогами. Анастаси собрала их в охапку и вынесла к камере. Украдкой глянув на спасительницу, Кемром забрал свою одежду. Стараясь не смотреть на его ягоды, Лайне подняла взгляд. В который раз убедилась, что перед ней действительно необычный человек:

— У тебя... хвост?

Кемром спешно натянул штаны и оглянулся:

— Таким я был рождён, — нервный смешок. — Природа не поскупилась.

Только тогда Анастаси отвернулась. Её не смутила мужская нагота, но дефекты... Даже обладательнице метки некротчения сделалось не по себе.

Подобные особенности воспринимались как нечто интимное — то, что должно оставаться личным, сокровенным. Пусть с течением времени ко многим вещам в обществе отношение упростилось, и те же родинки, например, перестали считаться пороком, обнажение всякого человека воспринималось настороженно. Однако даже рациональная сторона сознания не позволяла вестнице побороть возникшее напряжение: с таким она ещё не сталкивалась.

Одевшись, Кемром первым делом проверил плащ: вопреки его опасениям, портсигар с российским гербом всё ещё лежал во внутреннем кармане. Не опустели и ножны, прикреплённые к кожаному ремню — кинжалы, коих было три, висели на месте. Когда с облачением было покончено, мужчина рассмотрел обмундирование Анастаси:

— Красморовская форма? — и вскинул бровь.

— В лазарете не было моей одежды, — как можно беззаботней попыталась ответить Лайне и махнула травмированной кистью.

— Твоя рука... — неосознанно коснувшись её, произнёс Кемром и опустил взгляд. — Мне очень жаль.

— Я правша. — Лайне едва заметно поморщилась, когда ощутила ползущий изнутри холод. — Как-нибудь переживу.

Пытаясь сосредоточиться, она подняла взгляд на мужчину.

— Станция может разрушиться в любой момент, — заявил тот и кивнул на уходящие под воду пути. — Вы где встретились с Виленой?

— Наверху. — Услышав это, Кемром кивнул и, подобрав керосиновую лампу, повёл вестницу в противоположную сторону — Проклятье, она подкралась так незаметно. Ума не приложу, откуда она...

— Полагаешь, кто её этому научил? — насмешливо поинтересовался капитан и смахнул с прохода ветошь. — Ног хочешь владеть городом, тебе следует не только знать его анатомию, но и уметь двигаться бесшумно.

— Вижу, вы были достаточно близки... — Лайне невесело хмыкнула. — Не лучшая мысль сблизиться с такой покровительницей, не находишь?

— У меня и в мыслях не было с ней спать, — засопел капитан и выше поднял фонарь. — Она была мне как дочь.

— Великолепно, — фыркнула девушка, — тогда неудивительно, что она выросла таким чудовищем.

— Не вынуждай меня расторгнуть наш договор. Меньше всего я хотел, чтобы она стала такой. Это безумие вскружило ей голову: юное сердце требовало тех впечатлений, которых не могла предоставить женская коммуна. Я упустил момент, когда избранником Вилены стал Джестерхейл, а когда она прониклась его идеями, искажённым современностью мыслями... Стало уже слишком поздно.

— Искажёнными современностью? Что ты хочешь этим сказать?

— Не всякое чтение между строк способствует более глубокому пониманию текста. Иной раз поиск в обычном предложении иносказательности сеет семена безумия, — погружившись в мысли, поделился мужчина. — Бездна — вот что явилось из подстрочников. Все их догмы — фразы Опустошенного с переиначенным смыслом.

— Если ты об этом знал, — насторожилась балтийка, — почему не попытался её остановить?

— А много ли гарды могут сделать супротив своих покровительниц?.. Впрочем, отныне я не считаю союз с ней действенным. Мало того, что она решила от меня избавиться — причём столь жалким образом, так ещё и забрала то, что принадлежать ей не может.

— Разве покровительницам не принадлежит всё, чем владеет гард?

Несомненно, вестница знала правильный ответ: своей собственностью те гарды, которых спустили к Чёрным Зорям с эшафота, владеть не могли. Правило, рождённое тёмными временами, соблюдалось и сейчас с некоторыми оговорками — личные вещи у телохранителей жриц появляться стали, но о недвижимости или транспорте речи не шло. Лайне догадывалась, что Кемром и прежде чтил не все законы, но его ответ удивил её ещё больше:

— Я давал клятву Параду, — мужчина мрачно понизил голос, — и я не могу допустить, чтобы оружием, созданным во имя уничтожения демиургов, убивали людей.

— Это ты вовремя вспомнил, — скептически отметила Лайне. — Я думала, ты ненавидишь только Красмор.

— Я был демиборцем, — ответил Кемром и полушутливо добавил: — Я всех ненавижу.

— Если ты такой демиборец, то чего служил сектантке?

— После того, как она прониклась идеями секты? Я полагал, что смогу её hot контролировать-not, то следить за ней. Однако знал я меньше, чем делал... Я думал, что справлюсь один, но ошибся.

— И как это соотносится Лиейной? — Затаённая обида отчаянно прорывалась наружу. Жрица до белизны костяшек сжала кулак, чтобы сдержать закипавшую внутри ярость.

— Никак, — равнодушно, — с Синекамом у меня личные счёты. Люди пали их жертвой, но не жди раскаяния — что бы я ни сказал, легче уже никому не станет.

Высказывание отдалось болью в груди. Анастаси безмолвно поджала губу.

Когда зал с камерами остался позади, Лайне и Кемром очутились в подтопленном техническом тоннеле. Покуда вода прибывала, метрополитен всё больше затапливало — когда вестница со спутником оказались в проходе, густеющая кровью субстанция была девушке по щиколотку.

— У меня уже ноги промокли, — пожаловалась Анастаси. Самочувствие её непрестанно ухудшалось, и с каждым шагом дышать становилось всё сложнее. Капитан жалобу проигнорировал. — Ты вообще знаешь, куда нам?

— Карта здесь, — коснувшись виска, самодовольно усмехнулся тот. — Идём. Я знаю короткий путь.

Избранный маршрут занял около четверти часа. Они прошли по кишасим крысами и иными паразитами тоннелям, в конце которых их ждал тупик.

— Карта, говоришь? — с тихим смешком переспросила Анастаси, когда проводник подошёл к заложенному камнем проходу и неуверенно дотронулся до него.

— Молчи.

Кемром, нахмурившись, шагнул вперёд и с прищуром обвёл закуток. Заглянул за одну из кирпичных колонн, скрылся за ней и вышел уже с кувалдой. Окинув Анастаси насмешливым взглядом, капитан замахнулся и за пару ударов разбил стену — за кладкой оказался элеватор.

— Некоторые двери иначе не закрыть, — прокомментировал Кемром. — Вперёд.

— Вперёд. — Анастаси, пройдя немного, обернулась и отрезала: — Мы должны

покончить с этим, Антон. Одной Линейной достаточно и даже слишком много.

— Покончить с этим, ха-х? Звучит приятней, чем то, что мне предлагали прежде.

Эlevator достиг нижнего уровня. Со скрежетом поднялась решётчатая перегородка. Ржавчина кусками отваливалась от металлических балок. Проверив надёжность фанерного настила, Кемром взобрался на платформу, затем протянул руку вестнице. Когда девушка встала рядом, капитан рывком дёрнул переключатель. Решётка перед ними опустилась. Начался подъём. С надрывом загудели тянущую кабину тросы. По сторонам замелькали обшарпанные кирпичные стены. Пахло сыростью и застарелой гарью. Подземелья остались позади.

Исходящая из-под земли вибрация стала интенсивней. Староградская застройка едва выдерживала: часть домов покрылась трещинами и начала разрушаться. Анастаси с Кемром в последний момент выбрались на поверхность — только они выскочили в переулок, как проход за ними буквально схлопнулся. В глаза полетела пыли, брызнула каменная крошка.

— Успели... — Анастаси выдохнула. — Куда дальше?

— На Дангери. Полагаю, она должна быть где-то там.

Староград оплёл липкий туман. На расстоянии вытянутой руки всё окружение таяло. Затхлый воздух сменился щекочущей ноздри сажей и фиалкой. Даль тлела огнями: красные вспышки перемежались с синими, и стены близлежащих домов окроплял свет.

Только Анастаси устремилась за спутником, как грудную клетку сковала боль. Ни шагнуть, ни даже продохнуть девушка не могла — вцепившись в угол разваливающегося здания, она широко открыла рот и задрожала, точно пытаясь вновь научиться дышать.

— Анастаси, у нас мало... — Кемром обернулся. — Анастаси?

Лишь взглянув на её лицо, мужчина уловил нездоровую его белизну. Склеры глаз, оплетённые полопавшимися капиллярами, посерели. На лбу, у самой линии роста волос, проступила элегическая пигментация. Пятно — сухое, трескающееся — казалось, с каждым мгновением расширялось и темнело.

Анастаси вновь закашлялась. Не выдержав, одолеваемая со спазмами, она согнулась. Её вырвало: нечто густое и вязкое выплеснулось из её рта. Кемром, не растерявшись, подхватил девушку, когда подкосились её ноги. За неимением сил опустил ослабевшую спутницу на скамейку.

— «Панацея», — оклемавшись, подобием рефрена объяснилась Анастаси.

— Как давно был сделан укол? — восторженно спросил капитан, но девушка уже начала терять сознание. Тогда он затормозил её за плечи и повторил громче: — Как давно был сделан укол?!

— Где-то... Несколько часов назад? Без понятия. У меня нет с собой часов.

Кемром непроизвольно вспомнил тщетные попытки инфицированных обмануть организм. «Панацея» выводила доминирующее заболевание в обострение, и отравленные жертвы старались вывести на передний план недуг, что подвластен лекарственным препаратам. Излюбленным методом у таковых были аллергические реакции — с ангионевротическим отёком они научились справляться за пару минут.

Только это, что иронично, панацеей не являлось. Эффект был временным, и смерть после манифестации болезни оставалась неминуемой. Кемром не решился сказать, что антидота не существует. Как и напомнить о том, что своему восстановлению он обязан Федре. Потратив на раздумья меньше минуты, мужчина взял девушку на руки и поспешил

прочь от Дангери.

— Прости, что из-за меня... — изрёк он. — Прости, что втянул тебя в это.

— Я бы и сама втянулась. Знаешь, довольно иронично... Брат мой как только не упирался, чтобы не ехать в Карпею. Кажется, из нас двоих у него чуйка сильнее. Погоди... — Анастаси растерянно посмотрела по сторонам, но глаза утратили былую зоркость. — Куда мы идём?

— В больницу, а-аптеку или... Что подвернётся. Апейрон поможет замедлить действие «Панацеи», и я смогу... передать тебя специалистам с необходимой квалификацией, — забормотал Кемром, и от уверенности в его голосе ничего не осталось. — Мои познания в медицине весьма ограничены, и я...

Дослушивать балтийка не стала:

— А как же демиган?

— Успею, — резко отмахнулся капитан и оглянулся на площадь. — Сначала надо доставить тебя в безопасное место.

— Ты в этом уверен? Если Вилена воспользуется демиганом...

— Когда я делал такие прогнозы, — перебил её Кемром, — то не знал о твоём состоянии. Человеческая жизнь дорога, но чему меня научила собственная — необходимо обезопасить сначала того, кто рядом, а потом бросаться на амбразуру во имя десятков незнакомцев. В противном случае... Собственная жертва не будет иметь смысла.

Эпизод третий

Карпейское Каэльтство: Градемин (Староград)

площадь Дангери

2-26/995

Вместе с градеминскими вестницами Агния Майнью заняла крышу закрытого свадебного салона. Заполонившее напряжение воздух стало практически осязаемым; гарпия то и дело всматривалась в опустевшие проспекты и оцепеневшие в трепете улицы. Вдали виднелась величественная фигура Верховной Жрицы: предвестница расставляла вдоль набережной и дороги к Финемилию девениц да ундин. Красморовцы патрулировали Дангери с прилегающими районами, и лишь небольшая группа во главе с координатором Ланцем упорно сохраняла позиции с оперативным штабом в старом крематорском депо, расположенном в одном доме от памятника Джестерхейла.

— Почему так долго?! — доносились до Агнии раздражённые разговоры вестниц. — Она обещала, что всё будет быстро!

Майнью не особо интересовалась приставленными к ней жрицами, но сейчас отчего-то напряглась.

Внезапно на Дангери вышла незнакомая ей вестница. Красной повязки, коей отметились все участники Нисхождения, на её плече не было. Поначалу никто из присутствующих не придал этому значения, но вскорости Агния при помощи оптики смогла рассмотреть подозрительную жрицу. Та была абсолютно босой, со следами элегического некроза на лодыжках — платье служительницы оказалось мятым и грязным. Обычно Чёрные Зори аккуратны и ухожены, подумала Майнью и попыталась сфокусировать линзы на лице незнакомки. Разглядеть его не удалось.

Не найдя сил оторваться и обратиться к рации, гарпия продолжала наблюдать за неизвестной. Как та с невероятной лёгкостью взобралась на постамент памятника Джестерхейла и, встав перед демиборцем, вложила в его каменную руку свою.

Установленная в первой свеча тотчас погасла, и слабый фимиамовый дымок взвился над площадью. Не прошло и пары секунд, как тот почернел, а после обратился пеплом.

После этого незнакомка отвернулась от Джестерхейла и обратилась к блуждающим демиборцам:

— Братья и сёстры! — прозвучал призыв раскатом грома. Голос жрицы прозвучал до того неожиданно, что тишина, разразившаяся после него, стала ещё гуще и глубже. — Сегодня все мы удостоились того, чтобы засвидетельствовать подлинное чудо! — Вестницы да охотники, что проходили тогда мимо, неуверенно подались к памятнику. — Война, бушующая в наших сердцах, вернётся на землю. Раге скоро Взойдёт!

Дома, что минутой прежде казались покинутыми, распахнули свои двери и выпустили наружу под сотню сектантов. Среди них были как новообращённые — вчерашние жители столицы, рядовые граждане да госслужащие, — так и служители миропорядка.

— Изменница... — на выдохе произнесла Агния.

Вмиг часть красморовцев обратилась против своих же. То же произошло и с Чёрными Зорями — камильницы зачಾದили литфием, а на крышах засверкали кинжалы да мечи. Напряжение стало почти осязаемым. Несколько мгновений замешательства обратились в вечность. О приближающемся Восхождении будто все позабыли. Вилена Вейнберг спокойно прошла через замершие ряды. Глаза её закрывала серебристая маска, повязкой скрывающая пустые провалы.

— У вас ещё есть шанс обрести деми внутри себя, — призывала оставшихся Вилена, но Слово её не находило отклика в пострадавших сердцах. — Когда-то вы убивали моих деми и принуждали нас отречься от веры. Но мы выжили и вместо того, чтобы уподобиться вам, даём выбор: отрекитесь от глаз своих и узрите истину или умрите во имя своих заблуждений.

Словно зачарованные, некоторые покорно внимали её голосу. Зачатки древней силы, магического Слова, овладели разумами наиболее слабых и податливых.

— Примкнёшь ли ты к нам, — к реальности Агнию вернул голос одной из вестниц, — сестра?

Гарпия с трудом отвела взгляд от площади. Повернувшись, она столкнулась с обращёнными на неё взглядами той пары жриц, что до этого раскуривали фимиам.

Агния решительно отбивалась от тех, кого в иные времена посчитала бы сёстрами по оружию. Не питая иллюзий о Чёрных Зорях, Майнью ударила напавшую на неё вестницу в живот, а после выхватила из её ножен кинжал и загнала той в сердце. Умерла сектантка быстро — впрочем, не успела Агния это отметить, как на неё двинулась вторая вестница. Гарпия вырвала из груди убитой оружие и, выставив руку с ним, выжидающе замерла.

— Этому не бывать! — рявкнул подоспевший из депо Ланц. Его сопровождала тройка охотников в поясах, собранных из человеческих зубов.

— Хорошо, — ответила Вилена и взмахнула обтянутой демиганом рукой. Тотчас перчатка трансформировалась в обёрнутый колючей проволокой меч.

Чем больше демиган окропляла кровь убитых, тем плотнее культистку закрывали деметалловые пластины, и с каждой впитанной каплей брони становилась мощнее и крепче.

Это могло бы перерасти в бойню, окажи демиборцы организованное сопротивление. Вместо этого лишь единицы пытались остановить неминуемое — в массе своей они поодиночке бросались наперерез Вейнберг, и когда она убивала одного, до неё только добегал другой.

Но не только мечом пытались остановить жрицу. Как и холодное оружие, огнестрельное

оказалось бессильно против владеющей демиганом женщины. Пули рикошетили от неё, а те, что имели радиоактивный сердечник, каплями дождя стекали по демиургическим доспехам. Едва они достигали её, как на теле клочками прорастала броня — кольчужная, латная или самая простая пластина. Чем больше стреляли в культистку, тем быстрее и мощнее тело её покрывалось доспехами. Незаметно для окружающих присущая вестнице хрупкость обратилась металлом; увеличился рост Вейнберг, тонкость скрылась за деметалловыми массивами.

Прежняя Вилена, чьё тело источало болезненную слабость, исчезла. Вместо неё появилось нечто, отдалённо напоминающее тихоходку — доспехи, уродливые по своему происхождению, дышали не только металлом, но и изувеченной органикой. Шлем, будто свитый из когда-то каштановых волос, серебрился окровавленными перьями, а из плеч, точно на месте суставов, проступали человеческие черепа. Чем больше трупов ложилось подле культистки, тем больше становилось голов: наростами они поражали руки, лопатки и спину. Только по-прежнему осиная талия да обрывки платья позволяли признать в существе женщину.

— Плохая ситуация всегда может стать ещё хуже, — расправившись с угрожавшими ей вестницами, пробормотала Агния и отцепила от пояса рацию. — Ланц! Бакхус! Меня кто-нибудь слышит?!

Ответа она получить не успела.

К тому моменту площадь затопило кровью. Не успевала та испаряться или впитываться, как новые её потоки омывали брусчатку. Казалось, что сами кровореки обрушились на Дангери и неминуемо питали ею почву.

Подземные толчки стали интенсивней. Точно дремавшее прежде сердце наконец набрало темп. Земля, как и стоящие на ней постройки, лихорадочно задрожали. Покосился, вздрогнув, Джестерхейлов памятник — постамент раскололся надвое. Отломилась кисть с поводьями, и из-под каменной оболочки посыпались осколки костей.

По швам поползла площадь. Провалились несколько квадратов по центру. На поверхность забил красный фонтан. Его воды наполнились грязью и строительным мусором. Прямо под ноги Агнии прилетела табличка с номером поезда метрополитена. Дрожащими руками гарпия подняла её и поднесла к самым глазам.

Крематорское депо сложилось карточным домиком. Сначала накренилась башня — гонг, качнувшись, загудел, — затем она завалилась набок. Проломила черепицу. За считанные секунды развалилась вся левая часть; на фасаде остался ровный срез панелей. Под горами строительного мусора ещё виднелся диск чёрной бронзы. Зловещим звоном звучал его бой. Трубы уцелевших репродукторов несколько секунд транслировали по городу его эхо.

Раскол достиг «Диверри». Комплекс начал коситься и, утягивая за собой землю вокруг, обрушился на Дунари. Участок реки отрезало от внутреннего речного канала — поднявшиеся волны-убийцы похоронили под собой оставшиеся корабли, и только «Каэльтина Дунария» осталась на плаву.

Поднялся ветер. Флагом атели волосы Агнии Майнью. Гарпия, вцепившись в установленную на крыше антенну, подошла к самому краю площадки и посмотрела вниз.

Взрыв. Утробный гул.

Из-под земли вырвалась огромная рука.

Эпизод четвёртый

Карпейское Каэльтство: Градемин (Староград)

Нина проснулась от невыносимого грохота. Открыв глаза, она обнаружила себя лежащей на топчане в одной из кают «Каэльтина Дунарии». Пропитанная кровью одежда лежала в углу; вместо неё на девушке была блеклая гимнастёрка с нашивкой российской императорской армии и штаны на пару размеров больше. Оттянув ворот, посыльная обнаружила, что плечо её было обработано и перебинтовано — с соседнего стола, когда теплоход накренился, упала аптечка. Железный ящик открылся, и по полу покатались пузырьки да склянки с упаковками бинтов.

Резво подскочив, девушка бросилась собирать всё обратно. Запоздало пришла головная боль. Утрамбовав выпавшее обратное в аптечку, посыльная, морщась, поставила ящик на место и взялась за голову. На теле да во рту ещё ощущался тяжёлый вкус апейрона: казалось, её до самых костей напитали аэрозолем в надежде, что пройдут даже те раны, что она получила ещё когда-то в детстве.

Когда боль отступила, Нина поспешила покинуть каюту. Обувь её также не пережила купания — вместо весенних ботинок у подножия топчана стояла пара кирзовых сапог. Оказались те неожиданно по размеру, и девушка наконец выбралась наружу.

— А вот и наш улов, — проговорил один из роботариев, когда программа зафиксировала появление на палубе ещё одного биологического организма. Голос машины лишился былой чистоты — залитые водой динамики противно хрипели. — Это белуга?

— Дурак, — дав подзатыльник, в тон отвечал ему второй роботарий. Действия его были заторможенными, а шарниры правой руки разболтались и периодически искрились. — Это человек. Мы уже не на рыболовецком судне.

— Тогда почему мы её выловили из воды?..

Нина со странным весельем слушала разговор двух роботариев. Прежде их внешность немногим отличалась от человеческой, но теперь, спустя дни Воздействия паров кровореки, обшивка их корпусов изнашивалась и облезла, а программное обеспечение начало сбоить. Посмотрев по сторонам, девушка обнаружила на палубе ещё пять фигур — самая дальняя принадлежала Евгению Ливерию. Он наравне со своими подчинёнными выгребал с судна воду. Несмотря на все усилия мужчины, время от времени корабль подтапливало, но каждый раз затопление удавалось предотвратить.

— Евген! — Нина замахала рукой, и капитан теплохода посмотрел на неё.

— Ты как? — Запыхавшись, он выпрямился и вытер со лба пот. Переодетый недавно китель уже окрасился красным.

— Порядок. Спасибо, что вытащил меня... Сколько я проспала?

— Полчаса... Час, — прикинул мужчина.

— Я что-нибудь пропустила?

— Красмор с Чёрными Зорями заняли полуостров, — подумав, сообщил Евгений. — Больше вроде ничего.

— И ты всё это время был здесь?

— А где ж мне ещё быть? — Евгений развёл руками и, попутно подгоняя матросов, ответил максимально прямолинейно: — Это всё, что осталось от «Каэльтины Дунарии», и я не могу допустить потерю теплохода.

— Это же чистое безумие, — пробормотала девушка и, когда крен чуть увеличился, схватилась за перила наружной лестницы. — Почему ты тогда не уплываешь отсюда?

— Второй двигатель вышел из строя. Починим его и... Эй, глянь-ка. — Евгений кивнул на мост. — Что это они там делают?

Повернувшись, Нина прищурилась и увидела, как группа крематоров минировала мост. Тотчас всякая иллюминация оставила Вечность, и Дунари погрузилась во тьму. Теплоход стал единственным маяком в царстве кровавого морока.

Они находились на верхней палубе, когда произошло Восхождение. Крупицы прежнего мира, что секундами прежде ещё тлели надеждой в сердцах, рассыпались окончательно. Выстрелы прекратились — даль огласил монструозный крик.

— Это оно? — Евгений первый нарушил тишину, образовавшуюся после оглушительного крика воскресения.

Нина, вглядываясь в залитые кровью небеса, кивнула. Сердце её трепетало от ужаса... и волнующего предвкушения грядущего. Собравшись, девушка подорвалась с места и бросилась к причалу.

— Нет, Нина, не смей! — Ливерий схватил её за локоть, но та ловко вывернулась. — Остановись! Что бы ты ни задумала...

— Разве ты этого не чувствуешь? — с наигранной улыбкой удивилась Нина. Не получив от русского какой-либо реакции, девушка строго пояснила: — Без АДАМ они не справятся.

— Но ты можешь погибнуть! — Евгений и ещё раз попытался её отговорить. — Ты никогда не управляла настоящим титаном!

— А у тебя есть идеи получше? — Нина всплеснула руками.

— Не лезть на рожон? — холодно предложил мужчина — в ответ карпейка закатила глаза. — Ты ещё ребёнок, Нина. Я понимаю, что моё мнение ничего не значит, но о своём отце ты не подумала?

— Сталь прежде плоти, — шустро заплетая волосы в косу, на автомате ответила Нина, — машина прежде пилота.

Так звучал лозунг первых пилотов. Погибших, пожертвовавших собой во имя сохранения техники. Имена их стёрли лета, но слава их дел жила по сей день.

Евгений, устало вздохнув, отвёл взгляд. Немного подумав, спросил:

— Тебя не переубедить?

— Нет, — решительно ответила девушка. — Речь не только обо мне или моей родине, но и обо всём мире. Если не остановить Войну сейчас, вскоре она может захлестнуть всю планету.

Ливерий неохотно убрал руку от калитки и сказал:

— Я всё равно буду тебя ждать. Всегда кто-то должен ждать.

— Спасибо, — поблагодарила Нина. — Если я не вернусь, передай моему отцу, что я теперь с мамой.

Сойдя с «Каэльтины Дунари», девушка старалась не думать. Не вспоминать, что выше вероятность погибнуть в кабине без технического обслуживания, чем в бою. Облучиться насмерть, пострадать при низком качестве соединения с нейроинтерфейсом — вариантов столько, что проще сразу написать завещание. Нина усиленно боролась со страхом, давила его в бешено колотящемся сердце и старалась не думать. Не думать о грядущем.

Лишь в одном Евгений оказался прав: знать, что кто-то ждёт, важно так же, как и сохранять отважность.

Нина была наслышана, что модели второго поколения, собранные в Карпейском Каэльтстве, не так учтивы к пилотам, как альвионские или же российские. Девушка имела

лишь общее представление о нюансах пилотирования отечественных АДАМ. Как бы то ни было, в строю их не было с середины века, а все обучающие симуляции заточены на актуальных моделях — том же Радиоактивном Кардинале.

Нашлась Дочь Революции быстро: боевые действия вовсе не затронули её — лишь корпус немного побелел из-за строительной пыли. Трудность, с которой столкнулась Нина, заключалась в том, что низ лестницы, ведущей к кабине пилота, был срезан — отсутствовал кусок в пару метров. Спешно оглянувшись, в стороне девушка заметила мусорный контейнер. Она придвинула его к ноге АДАМ и взобралась на крышку.

— Fotorghkos, haddonker-nof! Замри на месте, — приказал незнакомый голос, и позади щёлкнул затвор. Отпрянув от лестницы, Нина повиновалась. — Подними руки. Повернись.

Девушка сделала и это. В метрах от себя она увидела безглазого кульгиста, вооружённого винтовкой. Несмотря на то, что глаз у него не было, Нина чувствовала на себе его пристальный взгляд. Она не сомневалась, что выстрелить тот может в любой момент. Всякое неосторожное действие... фатально.

Однако этому так и не удалось свершиться: один-единственный выстрел положил безглазого наземь. Из простреленной головы за клубился элегический субстрат. Крови почти не было. Не успела Нина опомниться, как из-за угла вышел спаситель в маске странника. Линзы её горели фиолетовым светом.

— Дмитрий? — Нина сразу признала Залерта и облегчённо выдохнула. — Спасибо. Если бы не ты...

— Чем ты думала, когда решила отправиться сюда в одиночку?! Тебя что, учили только пилотированию АДАМ?!

— Не кричи. — Нина опустила руки. — Да, я не подумала об опасности. Я вообще не знала, что думать... Доволен?

Залерт, казалось бы, успокоился. Он отвёл оружие и шагнул навстречу. Смягчившись, поинтересовался:

— Почему ты ещё здесь? Разве ты не собиралась уехать?

— Нет. — Нина качнула головой и саркастично отметила: — Просто я прикинула, что лучше погибнуть в титане, чем в рейсовом автобусе.

Услышав это, Залерт даже приподнял маску, а после выразительно спросил:

— Что?

— Что? — на автомате повторила за ним девушка. — Ладно, неважно. Чем дольше мы тут болтаем, тем больше Воздействия Rage окажет на мир. Я собираюсь... Я попытаюсь уничтожить её.

— Без прогнозирования? — Залерт не поверил своим ушам. — Но это слишком рискованно.

— Это всегда рискованно, — возразила Нина, — и прогнозирование едва ли может выявить все угрозы. Ты что, не слышал о Радиоактивном Кардинале? Есть мойры, нет их — вообще никакой разницы.

Дмитрий, точно что-то обдумывая, сначала поднял взгляд на Дочь Революции, затем — перевел на девушку и сказал:

— Я подстрахую.

— Это ещё как? — Пилотесса вскинула бровь.

— Для начала — подсажу, — решительно произнёс странник и, повесив винтовку на плечо, встал с Ниной рядом, — а после помогу с диагностикой.

— У тебя есть опыт прогнозирования?

— Я знаю теорию и умею читать литеры.

— А что с программным обеспечением? — деловито уточнила Нина. — Или у тебя карты?

— Только что скачал приложение из ПрилМага. — Дмитрий невозмутимо показал экран протофона.

Это выглядело настолько абсурдно, что Нина даже растерялась:

— Если ты считаешь, что это поможет...

— Считаю.

Нина в задумчивости кивнула. В конце концов, посудила она, ей нечего терять — можно не верить в необходимость прогнозирования, но если воспринимать его как поддержку...

— Хорошо, можем попробовать.

— Код активации знаешь? — кивнув на спящего титана, осведомился Залерт.

— Универсальный только. Надеюсь, в этой машине он забит.

Знания, которыми оперировала Нина, не были распространёнными. Коды для взаимодействия с АДАМ не находились в свободном доступе, и для того, чтобы узнать их, требовалось не меньше пары лет обучения пилотом. Новые титаны, в отличие от первых линейек поколения, отзывчивей к новичкам, но всех их объединяло одно — универсальный ключ-код. По сути своей, он позволял пилоту проникнуть в кабину любого титана и частично открывал функционал машины. При этом оружие, которое классифицировали как «для массового поражения», ограничивали настройки безопасности.

О последнем Нина не беспокоилась: Дочь Революции почти полностью обезоружили — из установленного на ней оружия остались только венгойские огнемёты. Те самые, которые проще оставить, чем снять. Во многом это обусловлено содержимым топливных баков: горючее в них до того взрывоопасно, что без крайней необходимости их не трогали. Поздние модели второго поколения оснастили более надёжными модификациями, а Дочь Революции осталась единственным побратимом крематоров от мира титанов.

— Тогда не будет терять времени, — произнёс Залерт и посадил Нину.

Тогда она с лёгкостью забралась на открытый участок лестницы и стала быстро карабкаться вверх. Каким бы малым ни был вес девушки, конструкция под ней нещадно шаталась. Достигнув головного отсека, посыльная повернулась к Дмитрию и дала отмашку — тот ответил тем же. Затем Нина вскарабкалась на устойчивую площадку, расположенную на макушке АДАМ. В самом её центре находился люк с кодовым замком.

— Неужели это правда мне наконец пригодится? — под нос себе пробубнила Нина.

От волнения у неё задрожали пальцы. Рукавом протерев панель ввода, девушка, точно следуя заложенной в неё самой программе, шустро набрала цифровую комбинацию.

«564920248».

Мимо!

Нина, хлопнув себя по лбу, вспомнила, что код этот подходил к линейке, которой принадлежал Радиоактивный Кардинал, — он отвечал за автоматическое ведение огня.

«2731166».

Снова мимо. На этот раз Нина не сомневалась, что код вспомнила верно, но не успела ввести полностью — от волнения, конечно же.

«273116679».

Панель утвердительно загорелась зелёным. Замок, заскрежетав, отмер, и люк приоткрылся — полностью он не смог этого сделать из-за поразившей корпус ржавчины. Однако размера отверстия хватило, чтобы залезть внутрь. Наконец, очутившись в кабине, Нина заняла кресло пилота и, пристегнувшись, придвинулась к пульту управления. Пилотесса решительно зажала кнопки разблокировки и дёрнула рычаг.

Пуск.

Дочь Революции с оглушительным скрежетом пробудилась. Проснулись ее реактор, резервные двигатели. Прогревшись, расправился скелет. Одна за другой прогрузились системы — ремни плотно зафиксировали положение пилотессы в кресле. На колени ей с потолка выпал шлем с нейроинтерфейсом. В сравнении с последними моделями громоздкий, тяжелый. Лишь почувствовав его тяжесть Нина смогла в полной мере осознать, что собирается сделать. Однако остановиться она уже не могла и надела шлем.

Голова титана приподнялась.

Отмерли внешние камеры видеонаблюдения; несмотря на то, что предупреждающе мигала табличка об отсутствии соединения с центром связи, разблокировка управления прошла успешно. Ожил опорно-двигательный аппарат. Кабина наполнилась раздражающим скрежетом. Переборов волнение, Нина подключилась к нейроинтерфейсу — гарнитура иголками проникла под кожу.

Синхронизация с пилотом. Вместе с энергетическим импульсом, ужалившим в висок, девушка почувствовала слияние с Дочерью Революции. Пробуждение стоном усталости прошло по всей конструкции. Взревела боевая машина.

Глава тринадцатая. Огни агонизирующего мира

Погребальные костры, как и столетия назад, охраняют материальное и имматериальное пространства от посягательств на них деми. Считается, что именно останки доблестных воинов, сражавшихся за покой человеческого мира, способны защищать его посмертно.

Доподлинно неизвестно, когда зажглись первые костры, но многие историки полагают, что одним из первых стал костёр, возникший на месте самосожжения Амелии Акды, основательницы Чёрных Зорь. Карпейские служительницы считают это признаком святости родительницы ордены, пожертвовавшей собой в срединные годы темнейшей ночи (882–888 гг.), связанные с осквернением каэльтской династии идеями Культа,

— Л. Керо, «Посмертие и символизм».

Эпизод первый

Карпейское Каэльтство: Градемин (Староград)

мост Вечности

2-26/995

Минувшие десятилетия выпили из полуострова все соки: крематорское депо превратилось в музей, магазины обанкротились один за другим, а жилые дома снаружи заросли металлическими листами и досками. Дольше всего протянула местная амбулатория, да и та закрылась полгода назад. Отныне внутри невысокого здания было пусто — резервами медпункта питали лазарет новоградского мурмурация.

— Будь они открыты... — с тоской проговорила Анастаси.

Фреска на фасаде изображала лекаря в окровавленном фартуке. Лицо специалиста закрывала медицинская маска, а в руках он держал сосуд Гигеи. Время не пощадило рисунок, и пигменты утратили яркость, а штукатурка без ухода начала осыпаться.

— Ничего, — вполголоса произнёс Кемром, — нам только мост пересечь.

Сразу после этого его едва не сбили с ног невероятной силы ветер и толчок, что трещинами вскрыл дорогу и тротуар. Капитан крепче прижал к себе Анастаси, когда в небе вспыхнули молнии, и мир вступил в тёмную свою фазу. Гроыхало так, будто механизмы, прежде сковывающие Мать Войны, утратили свою силу.

— Антон! — Лайне испугалась и уткнулась в плечо мужчины.

Оглушительный рёв. Прорванная земля и бьющая из-под неё кровь.

Когда все затихло, Кемром только сказал:

— Случилось.

Рождённый Восхождением ветер в последний раз пронёс по Старограду агитационные листовки и утопил их в кровавых пучинах Дунари.

— Отпусти меня, — настойчивым полушёпотом попросила Анастаси. — Отпусти. Так мы быстрее перейдём на другую сторону.

Отпираться Кемром не стал. Убедившись, что спутница способна стоять на своих двоих, он повёл её в обход центральной улице.

Мост их встретил потрясающей пустотой. Транспорта осталось немного — Анастаси насчитала не больше десяти машин, включая красморовского «Ворона». Пострадавших на полотне не оказалось: брошенные автомобили были пусты. Вестнице невольно подумалось, что было бы неплохо сократить дорогу на колёсах, но ключей нигде не было.

— Я уже думал об этом, — бросил Кемром через плечо, когда Анастаси заглянула в одну из машин. Девушка смущённо отпрянула. — Угон займёт больше времени, чем своим шагом.

Несмотря на то, что Лайне могла идти, делала она это крайне медленно. Кемром, обессиленный не меньше, больше её не торопил. Они оба находились на последнем издыхании, а ревущая под ними река то и дело тянулась своими волнами вверх, периодически отхаркивая фрагменты съеденных ранее жертв.

— «Внимание-внимание!» — пробудились подвешенные на опоры репродукторы. Кемром и Анастаси приостановились. — «Всем покинуть Мост Вечности. Повторяю Всем...»

Очередная высокая волна залила ближайший громкоговоритель, и жуткий писк наполнил Вечность. Лайне, скривившись, передёрнула плечами.

— Сомневаюсь, что мы исключение, — проворчал капитан и, схватив вестницу за локоть, прибавил шаг. — Мы должны успеть...

— Что они задумали?

— Не знаю и не уверен, что хочу знать. Возможно, что-то с мостом...

Вспышка.

Расступился червонный туман.

Заревом залилась Дунари, и ударная волна пронеслась по дорожному полотну. Кемрома отбросило на пару метров вперёд, и он спиной впечатался в развёрнутую боком легковушку. На дверце серебристого «Бехаса» осталась вмятина.

Взрыв пришёлся на первый километр моста со стороны Новограда.

Анастаси кинуло к бетонному ограждению. Подняться она смогла не сразу; однако, переведя дыхание, она осторожно встала, но лишённое свай полотно начало провалиться. Земля резко ушла из-под ног — балтийка вскрикнула.

— Ана! — Кемром, схватив девушку за запястье, попытался её подтянуть.

Один за другим лопались несущие тросы. Скрежетом зашлись мостовые пилоны; дорога проваливалась целыми пролётами и уходила на дно. Выдерживали лишь те участки, вес которых приходился на уцелевшие сваи.

— Уходи! — Анастаси попыталась разжать руку, но хватка капитана оказалась невероятно крепкой. — У тебя ещё есть время!

— Ни за что, — воспротивился мужчина и второй рукой вцепился в запястье вестницы. Едва он вытянул её, как асфальт под ним треснул. Осознав тщетность положения, Анастаси в отчаянном рывке оттолкнулась и вырвалась. Полетела вниз. — Ана!

Удар.

Резко обдало холодом.

Дунари приняла Анастаси в свои объятия. Погружалась она медленно, и боль в треснувших от удара костях угасла. Жар сменился удушливой прохладой. Облётывая девушку субстанция оказалась настолько густой, что сил выплыть у Лайне не нашлось. В какой-то момент ей даже казалось, что нечто схватило её за ноги и потянуло ко дну.

Нехватка кислорода обожгла лёгкие. Первые секунды респиратор сдерживал проклятую воду: когда она почти проникла внутрь, норовя заполнить носоглотку, кто-то нырнул рядом и, подхватив Анастаси, потянул в сторону набережной. За багровой пеленой сверкнула пара синеватых прожекторов и тут же погасла.

Внезапно пелену над головой прорвала пара шарнирных рук. Покуда хватка, поддерживающая Анастаси на плаву, слабла, иная вытягивала её на поверхность. Невероятной силы конечности вытащили вестницу из воды и затащили на палубу теплохода.

Спасший Анастаси матрос молниеносно сорвал с неё респиратор и полотенцем вытер лицо. Зрение восстановилось не сразу. В течение нескольких секунд девушка видела перед собой расплывчатые пятна вместо объектов и лиц. Только обращённый в зарево мост за этой слепотой сохранял тошнотворную чёткость.

— Эй-эй, ты как? — спросил её роботарий. Он легонько похлопал вестницу по щекам, а после взял за подбородок. — Всё в порядке? С тобой кто-то был?

— Антон?.. — ошеломлённо вымолвила девушка. Подняв взгляд, она испуганно оттолкнула от себя матроса и подорвалась к правому борту. — Антон!

В слепой надежде она наклонилась через ограждение и протянула руки к волнам. Ледяные касания Дунари обожгли подушечки пальцев. Мощный порыв ветра сорвал полотенце с плеч. Только Анастаси креном вновь потащило за борт, как уже другой матрос оттащил её от края. В этот раз вырваться не получилось.

Отчаяние удушающей петлёй затягивалось на шее. Паника крала дыхание; не успели Анастаси увести прочь, как Кемром смог вырваться из плена Дунари. Пытаясь удержаться на поверхности, он тянул руки к небу. Находившийся неподалёку роботарий, определив новую фигуру, бросил спасательный круг. Вместе с ним капитана затащили на борт.

Защитная маска испортилась: из-под неё валил дым. Пытаясь её снять, мужчина задёргался, но та будто срослась с ним. В разбитой скуле бил ток. Кислорода начало не хватать. Руки парализовало паника.

Анастаси подползла к капитану. Нащупала застёжки. Дрожащими пальцами расстегнула крепления, и маска наконец выключилась да отстала от лица — вестница осторожно придерживала её за края. Едва накладку полностью отошла, как Кемром отвернулся. За ржавчиной воды слышалась горелая плоть. Капитан сделал несколько судорожных вдохов, укрываясь от стороннего взгляда.

— Дай посмотрю, — коснувшись мужского плеча, попросила Анастаси. — Антон?

— Не стоит, — отказался тот и, ощупывая кожу, на мгновение замер. Облегчённо выдохнул. — Оно почти всё.

В итоге от моста остались только сваи: уцелел лишь заезд со стороны Старограда — полуостров остался отрезан от наземных границ.

С полными неверия глазами вестница смотрела, как под воду уходили обломки подвесных конструкций и автомобилей. Покорёженный металл, скрываясь в буйных водах, выбрасывал на поверхность машинное масло и топливо.

«Каэльтину Дунарию» бесповоротно отрезало от городского речного канала. За обломками подорванного моста растекался огонь, и вот уже багровый дым окрашивал небосвод алыми красками.

— Мы чуть не погибли... — потрясённо произнесла Анастаси. — Опять.

— Ещё не привыкла? Не хочу хвастаться, но мне предрекают смерть уже не первое десятилетие, — хмыкнул Кемром и спрятал неисправную маску в один из ящиков на палубе. — Рагнара говорила, что меня погубит самонадеянность, а Царевна — что золото...

— Ты не похож на дракона, — нервно пошутила Лайне, и мужчина одобрительно ухмыльнулся. — К чему всё это?

— Я всё ещё здесь, так что, как видишь, умирать... не всегда обязательно.

Ливерий изумился, когда на выходе из двигательного отсека его перехватил один из роботариев и сообщил о новом улове. Мужчина не стал напоминать, что находятся они на пассажирском теплоходе, и только понадеялся, что в «сети» попали не чьи-нибудь останки.

— Вы были на мосту в момент взрыва?

Евгений неслабо удивился, услышав историю спасённых экипажем людей. Вопреки тому, что доверия те не вызывали, держался русский добродушно и распорядился принести пострадавшим из медпункта всё необходимое. Выходящие из строя роботарии выполняли поручения своеобразно, и вместо аптечки сначала принесли пустой саквояж с упаковкой носков. Получить желаемое удалось только со второй попытки.

— Именно так, — спокойно ответит Кемром.

Его глаза, несомненно, привлекли внимание Ливерия. Подобных дефектов он прежде не видел, ни в одной из стран. Это нервировало.

— Прошу прощения за излишнее любопытство, но как вы вообще очутились в Старограде, господин... Простите, вы, кажется, не представились.

— Тсейрик кер Мор, господин Ливерий. — Кемром уважительно склонил голову.

— Так вот, господин кер Мор, как вы там?..

— Я вестница, господин Ливерий, — вмешалась Анастаси, — и дела у нас, скажу я вам по секрету, идут очень неважно. У меня случилось обострение элегического манифеста, и Тсейрик, мой гард, должен был сопроводить меня до Санктория.

— Вестница в красморовской броне? — Евгений прищурился.

— Наши платья недостаточно защищают нас, — продолжала врать девушка.

В некоторых Санкториях существовали бронированные платья — впрочем, относилось это не к Карпейскому Каэльтству. Если здесь вестницы покорно принимали свою судьбу под видом смерти, то в Российской Империи или Балтийской Республике к жизни жриц относились с большей осторожностью. Впрочем, подобных тонкостей Евгений не знал — для него вестницы были чем-то далёким и малопонятным.

— Яков принесёт вам ещё апейрона — полноценного реминисценнографа у нас нет, но это должно предотвратить элегический шок, — ответил он. — А что касается вашего желания попасть на другой берег... Боюсь, сейчас оно нереализуемо. Если хотите, можете остаться на теплоходе — мы отчалим, когда... Когда вернётся моя племянница.

— Куда вы собираетесь отчалить? — Кемром вскинул бровь. — Вы прежде выходили в Понт Аксинский?

Ливерий ощутимо напрягся:

— Я вовсе не это имел ввиду. Это речное судно, и мы поплывём по...

Он осёкся, когда посмотрел на обрушившийся мост и пылающее топливо, что преграждали путь. В отличие от обломков «Диверри», преодолеть это невозможно.

— Я не это спрашивал.

— Да, — Евгений будто смирился, — бывал однажды.

— На этом корыте осилишь? — Не успел мужчина возмутиться, как Кемром продолжил: — По рейсу вы уже не пойдёте.

— Мы не отчалим, — наконец решил русский, зубами зажимая остатка сигаретного фильтра, — пока не вернётся моя... племянница.

— Ног мы её приведём, — и украдкой глянул на каменную лестницу, поднимающуюся на набережную, — ты вывезешь нас отсюда?

Ливерий кивнул и кратко ввёл «гарда с вестницей» в дело.

Анастаси должна была остаться на теплоходе — на этом настаивал Кемром, с этим согласился Ливерий, но балтийка оказалась упрямей их всех. Приведя себя в порядок, она приняла выданный Евгением апейрон и прежде капитана приготовилась к выходу.

— Я всё ещё считаю это плохой идеей, — ворчал Кемром. — Ты уверена? Здесь тебе будет безопасней.

— Вообще-то благодаря моим плохим идеям ты сейчас здесь, — бодро возразила Анастаси и улыбнулась. Апейрон придал ей сил. — Так что, похоже, если мы хотим выбраться отсюда, нам придётся вернуть демиган... и вытащить Нину из этой консервной банки.

— Консервной банки, ха-х? Будь это так просто, нам бы не пришлось спасаться бегством, Анастаси. Похоже... Ты права. Мы поучаствуем в Нисхождении.

Эпизод второй

Карпейское Каэльтство: Градемин (Староград)

площадь Дангери

2-26/995

Шаги Дочери Революции разносились топотом тысячи солдат. Громыхали и скрежетали титановые шалнеры — с каждым пройденным метром повышалась температура реактора. Охладители справлялись с трудом, и с периодичностью в десять минут синтетический голос бортового компьютера предупреждал о нестабильности теплопередающей системы. Уровень радиоактивного загрязнения в кабине сохранялся на минимальном значении — во всяком случае, так говорил дозиметр АДАМ. Своего счётчика у Нины не было: после купания протофон работал неважно.

А потом она узрела то, к чему не была готова. Цену за решимость и восхваление стали, которые не тянул ни один кошелек. Восхождение Раге — оно происходило здесь и сейчас.

Деми впечатляла как размерами, так и своим видом. Существо, ужасающее своей антропоморфностью, имело две головы, и обе кричали в попытках заглушить друг друга.

Скелетированный исполин только наполовину выбрался из-под земли; чресла его щедро омывала кровь.

Стоило Раге прикоснуться к поражённой органикой поверхности, как та точно прилипла к древним костям. Новой плотью обрастали останки — их же частью становились тела убитых демиборцев. Некоторые в крике предсмертной агонии срастались с Матерью Войны. Увиденная картина повергла Нину в такой шок, что ненадолго она потеряла самообладание, необходимое для пилотирования.

Из обступивших титана домов повалил дым. За разбитыми землетрясением окнами неподвижно стояли люди. Лица их были повернуты к АДАМ, и, казалось, закатившиеся глаза следили за каждым её шагом. Нина оцепенела, и возбуждённое ужасом сознание вновь пробудило образ застывшей в гостинице женщины.

— Нина! Нина! — разрывался внутренний канал связи. — Нина, твой род, ответь!

Голос Залерта вывел Нину из транса — она часто заморгала, а поразивший разум страх отступил. Исчез дым — исчезли люди.

— Я тут, — наконец ответила пилотесса. — Что у тебя?

— Сигнал у Дочери слабый — я с трудом подключился, поэтому ради всех демиборцев постарайся не доломать антенну, — говорил Залерт быстро и чётко. — А теперь слушай внимательно. Диагностика говорит, что шанс на победу есть — Зеринче, но... придётся многим пожертвовать — полагаю, так можно трактовать Хелту... Однако Войну это не остановит — собственно, Раге.

— Принято.

Нина тихонько фыркнула: ничего полезного она не услышала. Либо Залерт плохой прогнозист, либо вся диагностика и впрямь ерунда от начала до конца.

— Я займу пост в «Клюкве», там... Там уже никого нет, проблем не должно возникнуть, — напоследок сообщил Дмитрий, и канал опустел.

Не успела Дочь Революции добраться до площади, как Раге, точно только рождённая, сделала полноценный вдох. Сохранившиеся на полуострове деревья вмиг иссохли, и первая зелень, робко пробившаяся на свет, увяла. Загрохотало небо, и вспышка ослепительной молнии разорвала кустистые тучи.

Меж тем под ногами гигантов вёлся иной бой: покуда Ланц с красморовцами пытались переломить битву с сектантами, Верховная Жрица координировала вторую группу вестниц — первая, поражённая иль вражеским клинком, иль скверной инакомыслия, была полностью уничтожена.

Не остывали сопла местных крематоров. Пожары вспыхивали по всему полуострову, и «Кондор» рядами выжигал тех, за чьё состояние прежде отвечал.

Для тех немногих, что застали выход Дочери Революции, появление её стало неожиданностью. Завораживающим видением со смертоносным реактором, облицованным красной обшивкой. Трубы теплоотвода дымили, а внутри него рокотали десятки механизмов. От каждого шага и малейшего движения резонировал воздух; титан, точно сошедший со страниц истории, двигался на Раге.

Координатор Ланц с недоверием глянул на АДАМ и, отцепив от пояса рацию, вышел на связь с мурмурацией:

— Приём. Гнездо, это Ланц. Несанкционированное использование АДАМ второго поколения под кодовым названием «ДР». Приём.

Ответ последовал незамедлительно:

— Приём. Информация перенаправлена на рассмотрение в Камнеград. Ждём обновления статуса. Приём.

— Приём. Вас понял. Конец связи.

О том, что происходило внизу, Нина не знала. Выждать более она не могла: едва Раге распрямилась, как Дочь Революции подцепила забытый трамвайный вагон и, сократив дистанцию, ударила им по одной из голов. Деми с зловещим хрипом пошатнулась. Наросшая плоть смазалась, обвисла.

Манящим огоньком пылала кнопка, названная как «ПЕЧЬ». О её предназначении Нина догадывалась, потому избегала даже смотреть на неё.

Мать Войны схватилась за крышу закрытого храма — Нина подняла на боковой панели поясничный рычаг, и АДAM наклонилась. Затем в дело вновь пошли контроллеры конечностей, установленные на подлокотниках. Руки титана синхронизировались и схватили Раге за правую голову. Деми отчаянно завопила.

Затем Нина опустила поясничный рычаг. Дочь Революции начала выпрямляться. Шалнеры закричали от тяжести. Раге вопила и, отбиваясь, махала руками. Наконец что-то хрустнуло. Хлюпнуло. Вопль стал громче.

Головной отсек дрогнул, а титан едва не упал, когда голова деми оторвалась и вместе с руками поднялась. По фрагменту вырванного позвоночника кровью бежала кислота.

Не успела Нина возликовать, как внезапно корпус АДAM сотряс сильный удар, и бортовой компьютер уведомил повреждение отсека с резервными двигателями. Только Нина ругнулась, как внешние камеры зафиксировали атакующую цель. Ею оказалось вовсе не Раге, а закованная в доспехи женщина с огромным костяным луком. Чёрные стрелы с невероятной мощностью били по титану. Зашлись скрипом ножные шалнеры, загремела обшивка.

— О, нет-нет-нет... — Нина в панике проверяла журнал бортового компьютера. Повреждения затронули слой биологической защиты на наружном контуре реактора. Произошло критическое нарушение целостности обшивки, вывод из строя внешней камеры № 3 — остальные две норовили выключиться в любой момент. — Как она это сделала?!

Уровень радиационного загрязнения рос в геометрической прогрессии. Пилотесса закашлялась, когда в кабине началось задымление.

В это время воспряла Раге и, нацелившись на АДAM, остропалой кистью врезала по головному отсеку. Сорвало часть обшивки: началась разгерметизация. Завопила системы безопасности. Только Нина начала вводить код отмены тревоги, как следующим ударом её буквально выбило из кабины.

Эпизод третий

Карпейское Каэльтство: Градемин (Староград)

клуб «Клюква»

2-26/995

Оплавленный манекен так и стоял в свадебном платье перед входом в салон. Наряд, впитавший в себя отчаяние и боль, изорвали пули и осколки лопнувшей витрины. На сей раз вместо листовок в руке у невесты была горящая букетом связка фимиама. Чёрный дым копил фату и вуаль. То, что осталось от губ, ещё хранило улыбку.

— Твой гард, значит, ха-х? — глянув на Анастаси, усмехнулся Кемром. — Я не уверен, что ложь была необходима.

— Ты же представился другим именем.

— Своим карпейским именем! — ревностно возразил мужчина. — Одним из...

— Вот видишь! А я, между прочим, сбежала из мурмурация... Конечно, искать меня вроде не собираются, но всё равно неприятно, — фыркнула Анастаси и взволнованно оглянулась. — Так куда мы идём?

По Старограду они с Кемром перемещались подворотнями: безлюдными и тёмными тропами, в обход Дангери, играющей музыку горя.

— Нам нужно оружие.

— Тогда... Почему бы не позаимствовать его у покойников? — Лайне украдкой кивнула на лежащего за углом охотника. Расстрелянный в упор, он кровью питал взошедшую деми и площадь. — Думаю, он не будет возражать.

— Это слишком опасно, — возразил Кемром и неохотно признался: — Я... Я недостаточно оправился, после... «Панацеи». Я не могу гарантировать, что смогу защитить тебя или даже себя.

— Я не собираюсь высовываться. Просто... Подожди секунду.

Тогда Лайне убедилась, что спутник её и правда ослаб: не успел он среагировать, как она уже присела перед трупом и, отцепив от его пояса флиску с револьвером, собирала по карманам патроны. Суммарно удалось набрать двадцать штук.

Каждые несколько секунд Анастаси смотрела по сторонам. Внезапно её взгляд задержался на проходе к Дангери. Кемром, зло зарывчав, не выдержал и подошёл.

— Демиган может становиться бронёй? — почувствовав его присутствие, вполголоса спросила вестница.

— Что?

Кемром изумлённо посмотрел туда же, куда смотрела Анастаси.

В увиденном существе признать Вейнберг казалось невозможным. Мужчина с неверием смотрел на изломанную, искажённую деметаллом фигуру. Выросшая из плоти броня непрестанно кровоточила, и только голова, тронутая лишь самую малость, почти не изменилась. Верить в то, что Вилена нашла альтернативный способ использования демигана, решительно не хотелось.

— Пошли, — настаивал Кемром. — Пока у меня не будет чего покрепче, я не готов разбираться, на что она способна теперь.

Больше Анастаси не стала спорить, однако — на всякий случай — передала добытое оружие спутнику. Тот, поблагодарив её кратким кивком, уверенно затянул её в один из тёмных проходов соседнего здания.

— Что это за место? — спросила Анастаси. Стены длинного коридора, в котором они оказались, были обуглены. Помещение наполнилось не выветриваемым запахом гари. — Оно не рухнет?

— Не должно, — ответил Кемром и практически любовно коснулся внутренней стены. Он с лёгкостью ориентировался в потёмках, и вестница едва поспежала за ним — следовала за его шагами да голосом. — Здесь был клуб, «Клюква».

— Пожар? — Из-за угла донеслось глухое подтверждение. — Почему его так и оставили? Он же почти в самом центре.

— Из-за элегии, — всё также лаконичен. — Огонь выжег очаг, но оставил историю.

Через прокопчённый коридор они выбрались в просторный зал. Перед ними предстали сцена с обгоревшим занавесом, заваленный обломками колосников танцпол и зона отдыха с перевёрнутыми столами... Близ входа обнаружили ящики с боеприпасами, на одном из

которых стояла пара заправленных кадилыниц.

— Похоже, мы здесь не первые, — коснувшись одной из них, уронила Анастаси. — Уверен, что твоё оружие всё ещё здесь?

— Рагнара сделала тайник в моём... в кабинете — там всё ещё сохраняется элегический фон, потому там не бывает гостей. — Кемром сделал несколько шагов, а после обернулся и сказал: — Полагаю, сейчас мы оба беззащитны перед элегией. Фимиам нам не повредит.

Спички лежали рядом с кадилыницей. Запалив её, Кемром с учётом звания спутницы передал сосуд ей, но та резко отпрянула. Источаемый дым обратился для Лайне ядом. Стало труднее дышать. Поражённые манифестом ткани вспенились под Воздействием фимиама, и побежавшие из глаз слёзы до черноты обожгли щёки.

— Понял, — невозмутимо сказал Кемром и отвёл кадилыницу от балтийки. — Прими апейрон — я сам понесу.

Капитан направился к винтовой лестнице, ведущей на открытую часть второго этажа. Прежде чем последовать за мужчиной, Анастаси послушно вдохнула аэрозоль. Краем глаза она заметила, что перед главным холлом распласталась мёртвая девушка. Подойти к ней вестнице не решила — только осенила литерой Некры да прошептала:

— Бедняжка...

По сохранившимся останкам Анастаси лишь приблизительно смогла оценить мощь произошедшего здесь пожара... и его жертв. Обгоревшие эндоскелеты, встречающиеся на всех этажах, утратили эрзац плоти, а шарниры их и трубчатый каркас поросли ржавчиной. Роботарии мёртвым грузом лежали на этажах — их, в отличие от людей, оставили здесь зловещим напоминанием о случившейся трагедии.

С лестницы открывался вид на стену, украшенную плакатами артистов, когда-либо выступавших здесь.

— «Снегурочка»... — прочитала с одной из сохранившихся афиш Лайне и оглянулась на спутника. — Кто это?

На мгновение тот замедлился. С печальным смешком посмотрел на увешанную макулатурой стену. Вполголоса ответил:

— Певица, чьим голосом запела Бездна.

Анастаси отрешённо кивнула.

Более она старалась не смотреть на выцветшие постеры с женщиной. Чего вестница точно не ожидала, так это того, что незнакомка сама явится перед ней.

Снегурочка стояла прямо перед лестницей. Голова её была окровавлена, а в груди зияла дыра. Утратившее цвет новогоднее платье облегло лишённую жизни форму — Анастаси, привыкшая к разным обликам мерцающих, не испугалась вовсе. В отличие от Кемрома.

— Кай... — булькнуло в горле женщины. Она запрокинула голову, обзору открылся кишасый червями рот. Стоило ему вновь открыться, как черноводным ручьём потекла кровь. — Верни моё сердце...

Кемром, совладав с собой, направил на неизвестную револьвер:

— Нет, — сказал он чётко и выстрелил.

Не андера, догадалась Анастаси, когда преградившее им путь видение исчезло. Она вновь вспомнила то, с чем столкнулась в «Холданас Коройск».

— Что это за [ерунда]? — На губах снова возник горьковатый привкус пережитого страха.

— Кошмары... Dahnshch dejst, — с отвращением бросил капитан. — Наваждение

царства Немока. Даже после его Нисхождения эти твари терроризировали Капорейн и другие приграничные деревни... Я надеялся, eni pontoj sazerkkon pasten kos.

— Кошмары?.. Я-я видела его, он...

— Полагаю, ног ты ещё жива, — неожиданно перебил спутницу капитан и опустил на неё взгляд, — всё прошло успешно? — А затем, наклонившись, полушёпотом добавил: — Никогда не говори о своих кошмарах, hejnest? Пока человек не может самостоятельно справиться со своим кошмаром, знание питает его... и делает опасным для других.

Они поднялись на второй этаж и зашли в кабинет. Вернее, то, что от него осталось. В сравнении с остальными помещениями «Клюквы», интерьер выглядел целым: следы копоти были лишь на смежной с коридором стене, а мебель, едва тронутая элегией, стояла на прежнем месте. На рабочем столе находились забитый пылью системный блок и кинескопный монитор, перпендикулярно столу — некогда обитый кожей диван. Материал весь потрескался, отовсюду топорщилась набивка.

При входе в кабинет Анастаси чуть не споткнулась о небольшую статуэтку — бюст Роксаны Даргааге, оперной певицы и первой исполнительницы роли Гекаты в «Громовом крае». Икона конца IX века — символ заката карпейского благополучия. Лицо женщины запечатлели красивым и упитанным, волнистые волосы — собранными в аккуратную причёску, а грудь с плечами покрывали складки пеплона.

На полках сохранившегося шкафа находились диски с музыкальными альбомами, выпущенными не позднее 70-х годов. Приметив обложку одного из них, Анастаси взяла его и сдула с коробки пыль.

— О, это же «Веста кер Модждо»? — Лайне неожиданно воодушевилась.

— «Мойдо», — не отвлекаясь от простукивания стены, педантично поправил Кемром. — Ты прожила в Карпее несколько лет и не знаешь, что «j» читается как «й»?

— Эй! Я вообще-то... Это любимая группа Элиота, и он всегда называл её так.

— Плохо быть Элиотом. — Наконец капитан остановился в метре от окна — когда он вновь постучал по стене, звук вышел громче и словно застрял внутри. — Похоже, здесь.

Только Анастаси повернулась, как капитан рукой пробил стену, и та посыпалась. В кармане меж бетонными плитами оказался небольшой сейф. Наклонившись, мужчина отпер его и извлёк оттуда классическую Dis-UT и дробовик US-UT. Патронов к последнему, впрочем, не оказалось.

— Подожди здесь, — перед выходом из кабинета бросил капитан, — я внизу видел коробку с патронами. Скоро буду.

Только Кемром переступил порог, как Анастаси продолжила рассматривать коллекцию дисков.

Когда до лестницы оставалось всего несколько метров, позади захрипело:

— Не ожидал, что ты так скоро выберешься, Аверс.

Кемром, стараясь не выдать свою тревогу, лишь мельком оглянулся, но никого не увидел. Все чувства мигом обострились — встревоженное сердце замедлило темп. Сосредоточившись, капитан сумел абстрагироваться от внешних шумов и услышал тихий скрип, напоминающий шёпот элегических частиц.

Вырвав из ножен карпейскую флиссу, Кемром резко повернулся и выставил клинок — точно в тот момент он столкнулся с антикварной российской саблей. Её старинная рукоять золотилась в полумраке, и капитан мрачно усмехнулся.

— Ног не можешь убить меня, — зашипел он, — может, наконец оставишь в покое?

— Чтобы ты вновь помешал Великому Восхождению? — Файдалом напором выбил флиссу и полоснул Кемрома по руке, после чего толкнул. — Надо же, во времена Парада ты был легендой... И чем же ты стал, Реверсон? Ты слишком слаб, чтобы победить — и я не стану спрашивать тебя, примкнёшь ли ты к нам. Ты никогда не был частью нашего мира.

Кемром, точно облитый позором, отвёл взгляд. Посмотрел на повреждённую руку и нахмурился. Порез, в отличие от ушедших времён, не стремился затягиваться — лишь пара червей проползла через рану, и кровь обильным ручьём окрашивала рукав пальто и пол.

— Похоже, ты действительно неисправен, — продолжил отречённый и остриём сабли провёл по щеке капитана. — На что ты способен без своего бессмертия?

— На многое. — Криво улыбнувшись, Кемром отвёл от лица оружие. — Ты не учёл, что я не только служил Чёрным Зорям, но и воспитывался среди них.

— И что?

Кемром вновь глянул в проход — Анастаси держала Файдалома на мушке.

— Сегодня твоё Нисхождение, — бросил капитан и, перекатившись, смазал пальцы собственной кровью. — До встречи в забвении.

Только отречённый двинулся к Кемрому, как Анастаси выстрелила. Среагировать Файдалом не успел — пуля насквозь прошила его грудь. Немёртвый пошатнулся. Оглянулся. Анастаси вновь зажала спусковой крючок.

Меж тем Кемром кровью вырисовывал на голой стене литеры: как отдельные, так и целые вязи, что замысловатым узором являли собой ключ к Нисхождению. Движения капитана были уверенны, ювелирно точными. Вестнице было сложно не отвлекаться на то, с каким мастерством мужчина обращался со знаниями, хранимыми орденой.

Файдалом резко изменил курс и ринулся к Анастаси.

— Так значит, — заговорил с ней немёртвый, — это ты убийца отречённых? Выстрел из стагетской пушки... Моё почтения, госпожа. Признаюсь, прежде мне импонировала Рагнара, но ваш острый ум заставляет меня жалеть о том, что текущие обстоятельства не позволяют сохранить вам жизнь.

— Очень, — меж выстрелами прошипела девушка, — мило.

Едва расстояние сократилось до метра, как Кемром подскочил к отречённому и развернул к себе. Нашпигованный радиацией и скованный литерами раствориться немёртвый не смог. Одной рукой Кемром прижал его к исписанной литерами стене, второй — пробил грудную клетку и вставил внутрь него дымящуюся кадьницу.

— Серьёзно? — Файдалом оттолкнул капитана. — Ты решил меня освятить?

— Просто почистить, — выдохнув, — от элегии.

И Кемром не лукавил, когда упомянул ликвидацию субстрата. Даримое кадьницей тепло стянуло субстрат к себе, а фимиамовый дух лишил его прежней силы. Анастаси в мельчайших подробностях помнила Нисхождение Рагнары, и увиденное ею теперь разительно отличалось от исхода в «Витязе».

Отречённый, казалось, полностью состоял из элегии. Сотканый отравляющим веществом и источающий его, он разошёлся на мириады мельчайших частиц, которые магнитом притянуло к выписанным на стене символам. Кадьница, утратив точку опоры, упала на пол. Литеры, что сором в себя впитали элегию, на мгновение вспыхнули. Погасли. Порядком завладела тишина.

— [Сойти с ума] можно... — ахнула Анастаси. — Ты... Что ты вообще сделал?

— Нисхождение.

Кемром подошёл к стене и увидел, что подле неё лежал эголетсо. Глянув в сторону, мужчина снова вздохнул и подобрал крест.

— Это Нисхождение?! — продолжала недоумевать спутница. — Чтобы прикончить твою эту, нам пришлось [бомбить] её из пушки!

— Занятно. Всё намного проще, чем ты думаешь, Анастаси. Все немертвые — продукты элегической среды, и отречённые тоже. Я не ожидал, что отравленная живая плоть способна так реагировать на фимиам, но это напомнило мне, чем можно... заменить радиацию.

— Я даже не об этом. — Лайне повесила винтовку на плечо. — Это что, литеры?! Я их даже прочитать не могу!

— Это говорит о том, какая ты вестница.

— Да-а, спасибо, — скривилась девушка. — И всё же, что ты написал?

— Послал его далеко и надолго, — ответил Кемром и махнул рукой. — Пошли. Не хотелось бы выяснить, что к Бездне переметнулся ещё кто-то из моих бывших коллег.

Вместе они поспешили на первый этаж.

Над телом, что недавно осенила Анастаси, склонился красморковский странник. Лишь завидев его, Кемром направил на него винтовку и передёрнул затвор. Красморовец, разом среагировав, поднял руки, но почти сразу опустил одну из них и снял маску. Его внешность немало удивила вестницу: столь модифицированного человека она видела впервые.

— Я мирный, — сказал агент и, расставшись с клювом, глубоко вздохнул. — Я не сектант, и вы, я так погляжу, тоже. Моя знакомая сейчас пилотирует АДМ, и, если вы не возражаете, я бы хотел ей немного помочь, поэтому мы можем обойтись... без этого?

Взгляды собравшихся коснулись винтовки. Капитан неуверенно опустил оружие и вопросительно посмотрел на Анастаси.

— Нина? — осторожно уточнила она и, получив подтверждение, спросила: — Ты вообще кто?

— Дмитрий Залерт, странник... Ксиву, извините, показывать не буду — долго искать.

— Анастаси Лайне, — представилась балтийка и кивнула на капитана, — Антон Кемром.

— Да я в курсе, — квёло произнёс агент и, недоверчиво глянув на последнего, прошёл к одному из окон, через которое открывался наилучший обзор — подняться выше, казалось, странник не решился. — А теперь, пожалуйста, немного тишины.

Анастаси, приподняв брови, тяжело выдохнула — Кемром не менее озадаченно кивнул, а после закурил. Вместе они удалились в дальний угол.

— Так значит, — с опаской оглянувшись на Залерта, вполголоса начала вестница, — ты не будешь его убивать?

— Мы преследуем одну цель, — стряхнув с папиросы пепел, задумчиво рассуждал Кемром, — и пока это так... Я бы предпочёл обойтись без лишней крови. Её и без этого... сегодня немало. Впрочем, это довольно символично. Дочь Революции против Раге... Снова. Фон, своенравная модель. Участвовала в прошлом Нисхождении Раге... Ха-х, символично. Тогда шутили, что из-за костей Хелты она причиняет ущерба больше, чем сама Мать Войны.

— Так себе шутка, — покончив с проверкой рации, Залерт подошёл и невесело хмыкнул. — Нина не справилась.

— У неё не было шанса, — сухо отметил Кемром. — Вилена не позволит АДМ завершить Нисхождение.

— Почему она её просто не прихлопнула? — выдала Анастаси.

— Титаны не приспособлены к борьбе с пехотой, — возразил капитан, и Залерт, подтверждая, кивнул. — Одарённые могут попасть им под ноги, но прямая атака запрещена протоколами безопасности. АДАМ созданы для уничтожения демиургов и только с такой целью могут быть использованы. Так что Нина не справится одна: мало того, что ей мешают, так и Раге питают сектанты, причём не только здесь — мыслям не страшны расстояния, а за Дочерью никого нет: ни огневой поддержки, но сопутствующих Нисхождению обрядов.

Точно что-то обдумав, Залерт неохотно согласился:

— И что ты предлагаешь?

— Для начала — нужно прикончить одну *emesh chenejnel*: из всех сектантов она представляет наибольшую угрозу. Раз с АДАМ не получилось, нужно, чтобы ты вытащил оттуда эту... Нину, вспомнил, — выглянув в окно, проговорил Кемром и глянул на вестницу. — Твои сёстры могут не справиться. Проведёшь ритуал Восхождения?

— Я... Не знаю, наверное, — та растерялась. — Я проводила их, но только на андерах...

— Деми — такие же немертвые, как и андеры... только больше и вреднее, — ровно заметил Залерт. — Изгоняешь андеров — справишься с деми. Вероятно.

— Вполне, — согласился Кемром. — Только мы не будем изгонять её — мы убьём её. Раз и навсегда. Чем дольше Раге на земле, тем сильнее мутнеет разум людей, и повторное Восхождение, *gejr* через сотню лет, свергнет нас в пучину безумия.

— Звучит так, будто ничего не изменится, — скептически заметил Дмитрий. — Допустим, мы сможем убить её. Как?

— Оружием, — уронил капитан, — но прежде мы должны избавиться от Вилены. Пока она там, ничего не выйдет... У меня есть план, — и обратился к Анастаси. Та вскинула бровь. — Мне нужно, чтобы ты начала меня бояться.

Эпизод четвёртый

Карпейское Каэльтство: Градемин (Староград)

площадь Дангери

2-26/995

Кабина разрушилась. Дочь Революции выплюнула Нину на крышу книжного магазина, через дорогу от свадебного салона. Девушка кубарем покатила к самому краю. АДАМ тем временем накренилась вперёд. Сделав предохранительный шаг, припала на колени. От удара разрушился закрытый книжный магазин. Титан заискрился. Погасли глаза деметалловой машины — в строю остался лишь один великан.

Когда Раге увидела падение противника, челюсть её опустилась. Из пасти вырвался душераздирающий крик.

— Нина! — кто-то позвал пилотессу.

Та нервно оглянулась — над соседней крышей парила Агния.

Всё то время, что шло Восхождение, она не оставляла изначальную позицию. Периодически она отстреливала сектантов, посягающих на её местоположение — выданное Хольт оружие использовалось по полной.

Карпейское гарпийское обмундирование не позволяло Агнии установить стабильную высоту, и валькирия практически не покидала периметр свадебного салона. Поначалу Майню потеряла дар речи, когда обнаружила подругу уцепившейся за карниз одной рукой — вторая, парализованная, висела плетью.

— Держись! — крикнула гарпия. — Я сейчас!

Оставив «Стрибу» под антенной, Агния отошла к дальнему краю крыши, а после,

разбежавшись, прыгнула. С помощью крыльев она спланировала на книжный, к удаче оказавшийся этажом ниже. Гарпия пролетела точно над АДAM и, приземлившись, бросилась к подруге. Схватила её за руку и вытянула на крышу.

Выглядела Нина помято: без травм не обошлось. Тело расцветало гематомами и ссадинами, а правая рука вовсе сломалась.

— С-спасибо... — Нина тяжело дышала.

— Ты совсем [спятила]?! — прикрикнула на неё Агния. — И только давай без этого говна про сталь и плоть. [Зачем], Нина?!

— Ну... Я хотела остановить Восхождение.

— А вместо этого [разбила] АДAM! Просто [потрясающе]... [Проклятье], я чуть ли не Вернута начала молиться, чтобы это была не ты!.. — А затем гарпия внимательно осмотрела пилотессу. — Что это на тебе? Это что, нашивка РИА?

Посыльная, подтянув к груди сломанную руку, хлюпнула носом:

— Мне Евгений одолжил одежду...

— Ладно... Ладно. — Майнью резко опустила руки и выдохнула. — Значит, плавун твой тоже ещё тут? — Да. — Хорошо, тогда я... Тогда я доставлю тебя к нему и...

— Нет.

В порыве невиданной воли Нина, припав на левую ногу, встала. Сдавленно зашипела. Подруга вовремя подхватила её под локоть и мельком оглянулась на Раге. Увиденное разительно отличалось от того, с чем гарпия столкнулась в Грустине.

В отличие от Живамиж, Мать Войны не стремилась сохранить целостность АДAM. Подобные кольям пальцы буквально разрывали машину, и пласты металла разлетались по всему Старограду. Некоторые, особо крупные, врезались в здания и рассекали каменные стены. Лишь подоспевшие крематоры смогли перетянуть на себя внимания великанши.

— Что ты сказала? — мотнув головой, Агния попыталась сосредоточиться на подруге. Та даже не обратила внимания на затянувшуюся паузу. — Ты себя вообще как чувствуешь? Может, головой ударились?

— Слушай, Агни, я не свалю — раз я здесь, значит, либо я доведу дело до конца, либо... Ты знаешь. У нас одни взгляды... Иначе почему ты всё ещё здесь?

Майнью замаялась.

В некоторых вопросах Красмор и Чёрные Зори сходились — особенно если то касалось здравого смысла, именуемого в рапортах дезертирством. Без приказа никто не смел отступить: ни волчица, ни охотник. Впрочем, случалось такое редко, и тела нередко оставляли на боевых полях.

— Как ты себе это представляешь? — серьёзно спросила Агния. — Посмотри на АДAM Титанов и с меньшими повреждения списывают, а ты хочешь вернуться в эту развалюху? Которая ещё и может рвануть в любой момент?

— Да... да, я понимаю, как это звучит. Послушай, я знаю, что не справилась с управлением... Что конкретно облажалась. Не учла состояние АДAM... — неуверенно призналась пилотесса и глянула на налитое синевой запястье. — Это было слишком рискованно, но... Я должна вернуться. Я смогу реанимировать АДAM. Я... хотя бы попытаюсь. Только... Мне понадобится твоя помощь.

Напряжённо:

— Какого плана?

— Я не смогу самостоятельно забраться в кабину. Сможешь... Сможешь меня спустить?

— Я...

Гарпия растерялась. Нахмурилась.

— Пожалуйста, Агни, — жалостливо протянула Нина, — поверь в меня.

— Ладно. — Майнью, наконец смирившись, крепко схватила подругу — для надёжности та плотнее прижалась к воительнице. — Держись... И смотри вниз — у нас одна попытка.

Пилотесса кратко кивнула.

Вместе девушки спрыгнули с крыши — костюм, неприспособленный к такой ноше, сразу потянуло вниз, и даже созданные для планирования крылья не способствовали выправлению траектории полёта. В попытках скоординировать курс гарпия выстрелила крюком-кошкой в антенну на крыше свадебного салона. Когда Майнью с попутчицей достигли АДАМ, посыльная сказала:

— Давай.

Агния ослабила хватку — Нина, выскользнув, упала точно на поникшую голову титана. Вцепившись в край раскуроченного люка, пилотесса превозмогла боль и подтянулась. Посмотрела в сторону. В тот же момент Майнью благополучно приземлилась на балкон второго этажа. Перед тем, как забраться через дыру в кабину, Нина благодарно кивнула гарпии — едва та возвратила её жест, как на площади прогремел взрыв. Подруги синхронно повернули головы и увидели, что Раге атаковали отбившиеся от сектантов демиборцы.

Вдруг на поясе зашипела рация. Только Агния сорвала её, как раздалось:

— Осторожней, пташка...

— Что? — недоумённо. Гарпия взволнованно ответила: — Приём. Кто это? Приём.

— Цесаревич уже здесь... Наступает наш Парад...

— Кто это?!

Балкон, на котором стояла Агния, не выдержал всех потрясений и обрушился. Свободный полёт отбросил рацию. Майнью, в последний момент сориентировавшись, подалась в сторону и упала в метре от обломков. Из-за разбившихся плит проступила арматура.

— Агни! — Нина высунулась из кабины. — Ты как?

— Нормально, — отряхнувшись, ответила та.

— Агни! — Золотистые глаза пилотессы расширились от ужаса. — Сзади!

В следующее же мгновение Майнью пронзил источающий кислоту клинок. Проволока, оплетавшая его, начала расползаться по телу гарпии и точно присасываться к венам. Агния ошеломлённо открыла рот. Хрипло вдохнула. Из нагрудного кармана выпала красная коса с вплетённым в неё стеблем.

— Нет! — крикнула Нина, но отчаяние её растворилось в агонии Восхождения.

Меж тем со спины послышалось:

— Из Грустины обычно не возвращаются... — это были последние слова, которые она услышала.

Жизнь за считанные секунды оставила валькирию. Обескровленное тело рухнуло в ноги сектантке, направившей оружие демиборцев против людей.

Эпизод пятый

Карпейское Каэльтство: Градемин (Староград)

клуб «Клюква»

2-27/995

Вилена чувствовала себя единой с Матерью Войны, её верной дочерью и оружием, призванным в защиту своей благодетельницы. Культистка без страха смотрела на деми своими пустыми глазницами, и провалы текли чернильной кислотой. Рождённые Бездной слёзы, разбиваясь, прожигали брусчатку насквозь.

— Ты прекрасна, — вполголоса восхитилась Вейнберг.

Но деми не отреагировала на эти слова.

Она кричала и плакала. Крушила близлежащие дома. Всё то, что прежде составляло архитектурный ансамбль Старограда, превращалось в руины. Бесчисленные обломки и тела покрывали Дангери, и воздух, пропитанный гнилью и кровью, кружил Вейнберг голову.

Женщина была счастлива. Так, словно стояла вместе с Джестерхейлом Опустошённым в момент его встречи с Лиром, Отцом Кошмаров.

— Так вот, к чему ты стремилась?.. — сверху прозвучал знакомый голос.

Словно очнувшись, Вилена обернулась — в нескольких метрах от неё стоял Кемром. Она невольно улыбнулась, когда увидела его прежним: холодным, в сереющем от элегии плаще и маске, целой. Мужчина предстал безоружным — его руки, свободные, были на виду.

— Я думала, что больше тебя не увижу, — призналась Вилена и чуть поморщилась, когда деметалловый шлем вновь начал покрывать её голову. — Признаться честно, я даже рада, что ты выбрался. Мне хотелось, чтобы ты был рядом, когда это произойдёт.

— Было бы несправедливо, позволь я насладиться тебе триумфом и остаться после этого живой.

Несомненно, эти слова развеселили Вилену. Демиган снова обратился в клинок, а сама культистка направилась в сторону бывшего гарда.

— Значит, теперь ты снова здоров?

Произнесённая фраза возымела над Кемром странную власть. Облик его деградировал, и перед Вейнберг появилось иного рода существо. Будто сама Федра обрела человеческую форму и явила подлинную суть. Маска, треснув, слетела с него — под рябой кожей запульсировали черви. Старые раны, открывшись, засочились гноем. Белёсые зрачки покраснели. Искривилась спина. Из рта вязко потёк желтоватый секрет.

Энтузиазм вмиг оставил Вейнберг. Она опустила оружие и холодно усмехнулась.

— Это не мой кошмар... — Оглянувшись, женщина остановила взгляд на «Клюкве».

— Я не справилась, — жадно вдохнув воздух, сообщила Анастази. — Она... Она что-то сказала про здоровье, и я... Я не смогла докрутить этот страх.

Предложение Кемрома было простым: Лайне должна была оживить в сердце пережитый страх и представить, что капитан объединяется со своей прежней покровительницей для ликвидации дочери Стагета.

— Это уже неважно, — выглянув в окно, бросил капитан. — Она идёт сюда.

Когда Кемром и Анастази вырвались на крышу, они узрели взошедшую Раге. Представшая перед ними картина шокировала настолько, что каждым, кто видел воскресшую Мать Войны, овладевали эмоции ошеломительной силы: покуда одних парализовало страхом, другими овладевали ненависть и гнев.

Из недр Градемина рвался огонь. Языки пламени поднимались над площадью и коптели воздух. Исыхали фонтаны кроворек. Дышать стало почти невозможно.

— Не смотри, — шепнул на ухо девушке Кемром, — она убивает.

Об этом Лайне знала и сама: прямой взгляд на деми оказывает на человека негативное

воздействие. Уже не одно столетие ущерб минимизировали посредством использования стекол, в частности — с зеркальным напылением. Несмотря на то, что эта мера не являлась надёжной, она была единственной.

Только Анастаси оторвала взгляд от Раге, как узрела залитую кровью Дангери. В последней схватке пало немало красморовцев и Чёрных Зорь: сотни обворованных временем тел лежали на расколотой площади. Пока одних в подземные глубины затягивала гравитация, другие становились новой плотью взошедшей деми.

Ведущая на крышу дверь распахнулась. В проёме, преисполненная монструозного величия, показалась Вейнберг. Обменявшись с Анастаси встревоженными взглядами, Кемром с флиссой наперевес бросился на бывшую покровительницу. Та без особого труда отшвырнула его. Мужчина, ударившись о стене, упал без чувств.

Анастаси непроизвольно попятилась, но отступать было больше некуда. Разве что вниз, где расстилалась кровавая пропасть. Вдали балтийка увидела Верховную Жрицу с верными ей ундинами да волчицами — те успешно прорезали себе путь к Дангери. На долю секунды девушке даже почудилось, что предвестница заметила её.

— Встретились два моих несчастья, — промурлыкала Вейнберг.

Шлем оставил её голову. Лицо женщины иссекали множество порезов — как незначительных, так и глубоких.

Меж тем Кемром аккуратно отполз в сторону. Из-за переломанных рёбер вздохнуть получилось не сразу. В висок стукнула отступившая прежде боль. Капитан раздражённо зажмурился. Сплюнув скопившуюся во рту кровь.

— Covon... — зашипел он. — Hor zos oner-it goretkon Dzhesterhejl...

Едва Вейнберг замахнулась мечом на вестницу, как за спиной первой раздался шаг.

— Виленна...

Женщина ошеломлённо застыла, когда услышала знакомый голос.

— Джестерхейл? — и обернулась.

В действительности, это был он. Высокий атлетично сложенный мужчина с длинными чёрными волосами. Глаза у него отсутствовали, а одет он был в опаленную форму путника начала X века. Небрежно накинутый на плечи плащ, казалось, ещё дымился.

Чем ближе к ней становился Джестерхейл, тем больше сталь уступала плоти. Доспехи открывали изувеченную металлом и элегией кожу. Обескровленную, белую, пожранную болезнетворной пигментацией. Изорванное платье едва прикрывало наготу истощённого тела, и обманчивая красота явила истинное уродство.

Одержимость, убедился Кемром, сорвала с Вейнберг последнюю маску.

— Я была верной тебе последовательницей... — одними губами произнесла Вейнберг и едва не пала на колени перед первым демиборцем. Сначала тот протянул к ней руку, но резко отвёл её и нахмурился. — Ты вернулся... Как и было обещано.

— Твоё рвение завораживает, — меланхолично отвечал Джестерхейл, и обезображенные губы культистки расплылись в улыбке, — но и только.

Оживший лик женщины вновь омертвел. Радость сменилась гримасой боли.

— Я делала в точности так, — страстно возразила она, — как было написано «Кате-Эр»!

Всё ещё пребывая в шоке от увиденного, Анастаси постаралась как можно тише приблизиться к предательнице. На носочках, шаг за шагом вестница сокращала расстояние. Мельком она заметила, что Кемром, которого отбросило почти к самому краю, сидел словно

оцепеневший. Руку он держал на груди — точно в области сердца. По белевшему от кровопотери лицу бежал пот. На спутницу мужчина не реагировал.

— Ты делала, верно, — тем временем отвечал Опустошённый, — но потакая лишь собственным желаниям. Мы деми, не сомневайся в этом, но литеры созданы не во имя разрушений, а для поддержания порядка. Так посмотри же и узри, в каком мире ты предлагаешь жить остальным!

Вилена покорно оглянулась. Перед ней предстал разрушенный Староград — постепенно затопляемый, окропленный лучами восходящего кровавого солнца. Одолеваемая Матерью Войны столица неумолимо погружалась в хаос; даже те немногие демиборцы, что смогли пережить Восхождение, один за другим расставались с рассудком и поддавались насилию, впечатанному деми на клеточном уровне.

На мгновение ренегатка страдальчески наморщила лоб. Однако вскоре к ней вернулся утраченный триумф:

— До чего же прекрасна Война...

Точно в этот момент Кемром отмер — Джестерхейл исчез, а Анастаси сорвала с руки Вилены демиган. Из оставленных иглами ранок брызнула кровь. Вейнберг яростно зашипела и повернулась к балтийке.

— Значит, вот как вы используете кошмары?! — От гнева вздулись вены и раздулись ноздри. — Ха, кто бы мог подумать, что ты ещё жива... Ничего. Мне не нужен демиган, чтобы наконец прикончить тебя.

— Послушай, пожалуйста... Остановись. — Отступая, Анастаси крепко держала в руках демиургическую перчатку. — Всё уже закончилось.

Гомерический хохот:

— Закончилось? О, вовсе нет. Ничего не закончилось... и не закончится, даже если вы убьёте меня. Неужели вы не понимаете, что это не закончится, пока человечество не сгинет?! — истерично спросила Вилена. — Думаешь, кристобальцы создадут дивный новый мир на другой планете?! Ха! Всё, от чего они бегут, останется вместе с ними. Навсегда. А мы, о... Мы не хотим бежать. Человечество не сможет без деми, поэтому мы найдём с ними общий язык.

— Этому не бывать, — решительно проговорила Лайне.

— Правда? Тогда сделай же что-нибудь. Давай, яви свою волю, но не словом, а делом, — начала подначивать балтийку Вилена. — Что, боишься? Давай, вперёд, у тебя демиган.

Анастаси испуганно посмотрела на перчатку. Ненароком задела одну из трубок. Поморщилась, когда на рукав её пальто брызнула осквернённая элегией кровь. Сектантка меж тем продолжала напирать:

— Так я и думала. Ты никогда не была ведущей... Ты ведомая, Анастаси. Даже с деми...

Внезапно грудь Вилены пробила рука. Точно перед лицом Лайне оказалось зажатое в кулак сердце. Почти не бьющееся, тёмно-серое, оно выбрасывала в воздух элегию. Лицо Вилены исказилось непередаваемым ужасом.

— С демиганом или без, — захрипел Кемром, покуда в смертной хватке его рука сжимала вырванное сердце, — ведущий тот, кто бессмертен.

Больше ничто не гнало кровь по венам Вейнберг. Покуда яд, что прежде полнил поражённое манифестом тело, стекал по пальцам мужчины, его кисть и запястье расплывались в ожогах. В порыве отравляющей злости мужчина со всей силы сжал сердце и

раздавил его — ошмётки его заскользили сквозь пальцы. После Кемром вытянул руку из зияющей пустоты и отряхнул её.

Без признаков жизни и чувств Вилена упала. Капитан, обойдя её, подошёл к Анастаси и помог ей подняться.

— Ты как?

— Бывало и хуже, — ответила Анастаси и, отряхнувшись, встревоженно глянула на покойницу. — А она точно всё?

— Не уверен. — Карпеец качнул головой.

Боль.

Боль выжгла всё, что человеческого могло в ней сохраниться.

То, что осталось от Вилены, поднялось на ноги и пошатнулась. Голова её, не в силах держаться прямо, постоянно опрокидывалась. Сипение разрывало грудную клетку. Чернильная кровь вытекала из глазниц.

Пустая оболочка. Движения её были неумелы и резки. Она, схватив себя за волосы, подняла голову. Задрала нос. Взгляд её будто стремился куда-то вперёд. Из приоткрытого рта клочками падали фрагменты поражённых органов.

Краем глаза уловив движение, Кемром обернулся. Лицо его исказилось страхом, когда перед ним очутилась немертвая сектантка. Тело её едва переставляло ноги; она чуть ли не падала, когда наступала на правую — сломанную. С каждым шагом перелом открывался всё больше. Плоть женщины иссохла, и кости рвали высушенные мышцы и кожу. Даже несмотря на отнятый демиган, в Вилене ещё трепыхалась жизнь. Подобрав с площадки обломки меча, она бросилась на Анастаси. Не успела та испугаться, как ренегатку перехватила Вейлон Вайс.

— Делай, что должен, — напоследок обратилась к Кемрому предвестница, — а мы осветим эту ночь новым костром.

Лицо мужчины вмиг разгладилось, и он кивнул. Анастаси не знала природу эмоций, мелькнувших в его глазах, но она не сомневалась, что происходящее правильно.

— Госпожа, — вступила ворвавшаяся следом Хольт, — вы точно к этому готовы?

— Иного выбора у нас нет: этому городу нужен новый костёр.

Даже будучи немертвой, Вилена пыталась вырваться. Неуклюже, жалко. Верховная Жрица с лёгкостью сдерживала порывы названной дочери. Взмахнув свободной рукой, предвестница выпустила из латной перчатки заточку и с каменным спокойствием полоснула по своему горлу.

Тотчас Хелена достала бензиновую зажигалку и, выжегши огонь, бросила под ноги Верховной Жрице. Её пролившаяся кровь подобно топливу быстро воспламенилась.

— Забери мои кости, — напоследок наказала ундине тихходка, — и разнеси их по свету. Нельзя допустить, чтобы ночь коснулась оставшейся земли.

Едва Верховная Жрица полностью оказалась в огне, как цвет его потускнел, и белёдые языки пламени столбом взметнулись к небу.

Эпизод шестой

Карпейское Каэльтство: Градемин (Староград)

площадь Дангери

2-27/995

Никогда прежде Анастаси не видела самосожжения жриц. Чтимый Чёрными Зорями

обряд обходил её стороной, но уважение, с каким упоминали пожертвовавших собой сестёр, завораживало. Именно с возгоранием нового костра кровавый морок над столицей начал рассеиваться. Однако все, кто стоял на крыше, понимали, что это ещё не конец.

— У набережной стоит теплоход, — сообщил ундине Кемром. — Трезвых разумом отправь туда. Скоро отчалим.

— Снова собираешься это сделать? — уточнила женщина.

Лайне с удивлением отметила, что говорили эти двое как старые знакомые.

— Fon. Постарайся сократить потери. — Выглядел капитан как никогда серьёзным и задумчивым. Неожиданно он обратился к Лайне. — Тебе лучше пойти с ней.

— Что? Нет, — воспротивилась девушка. — Вместе начали — вместе закончим, — и ринулась к выходу.

Кемром спешно её обогнал и преградил проход к лестнице:

— Анастази. — Балтийка сурово нахмурилась и посмотрела на выставленную руку. — Я... Я хотел бы тебя предупредить. Ног ты намерена идти со мной, возможно, тебе придётся убивать людей. Ты готова к этому?

— Это сектанты, Антон, — уверенно ответила и, пригнувшись, прошла дальше. — В мои моральные ориентиры не вписываются те, кто толкает мир в объятие Бездны.

Выдохнув, капитан согласился:

— Справедливо.

Здание продолжало сотрясаться из-за воплей Раге. Однако Кемром и Анастази спускались вниз с абсолютно каменными лицами. Вестница, полная немой решимости, следовала точно за капитаном. В руках она держала готовую Dis-UT и не сомневалась, что скоро она понадобится.

— Кемром, — внезапно их перехватил запыхавшийся Залерт, — у нас проблемы.

— Что на этот раз? — спросил капитан и тут же увидел через окно восставшую Дочь Революции. — Fon, вижу. Это она туда вернулась?

— Да! Я не успел её...

— Что ж, я впечатлён. Подобная решимость заслуживает ответной аккуратности. Не беспокойся.

— Но... Диагностика показывает Некру.

— Правда? — наигранно. — Запомни, Залерт: не литеры управляют человеком, а человек — литерками, и дай это сюда.

Кемром бесцеремонно забрал у странника рацию и рванул по лестнице вниз. Не прошло и нескольких секунд, как динамики заголосили:

— Дочь Революции вызывает агента Залерта! Ответь!

Внутри мужчины что-то ёкнуло, когда он услышал перепуганную девушку. Непростительно молодую, как позже думал демиборец, чтобы погибнуть на поле чужой войны. Рта его коснулась слабая улыбка. словно то, что давно было утрачено, вернулось к нему. Воспряло из стагетского пепла и обрело голос:

— Приём. Говорит капитан Реверсон. Дочь Революции, обездвигайте демиурга. Повторяю, обездвигайте демиурга. Приём.

— Какого лира?! Где Залерт?!

— Приём. Агент Залерт наводит панику. Приём.

— Приём. Вас поняла. Конец связи.

Когда Кемром и Анастази спустились, воды на площади им было по колено. Число

сектантов, как и демиборцев, заметно сократилось. Бои шли вяло, и зачастую даже смерть противника не останавливала нападающего. Красморовцы остервенело рвали друг друга, ундины с выжившими гардами пытали вестниц, а сектанты, будто соревнуясь меж собой в силе веры, резали себя и подливали кровь в Дунари.

— Стой сзади, — скомандовал капитан, — и будь осторожна.

Анастаси согласно кивнула, и Кемром заслонил её собой. Достав из-за спины винтовку, Лайне дёрнула затвор. Начала прикрывать мужчину — отстреливать всякого недруга, что поворачивал в их сторону.

Тем временем капитан подвернул рукав. Поморщившись, натянул на кисть серебристую перчатку. Стоило иглам соприкоснуться с органикой, прикинуть к плоти, как они зазмеились и устремились к одутловатым венам.

Забулькала тёмная кровь: она вязко потекла по трубкам. Кемром, ослабленный недавним заключением, едва не упал.

— Чтоб тебя! — ругнувшись, Анастаси снова выстрелила.

В паре метров от неё рухнул ещё один сектант.

Деметалловая кольчуга растянулась в латы. Сквозь пластины перчатки прорезались замысловатые механизмы. Металл укреплялся костью, кровью. Пальцы, сросшиеся со спусковым крючком, едва проглядывали из-за демигана.

— Это что ещё за срань?! — Лайне изумлённо посмотрела явленное оружие.

— Демиургический гранатомёт, — с явным чувством превосходства ответил Кемром и, взвалив оружие на плечо, посмотрел в оптический прицел. — Рекомендую отойти.

Анастаси послушно отступила. Наведя гранатомёт на деми, Кемром зажал спусковой крючок. Демиургический снаряд полетел в сторону Матери Войны и поразил её бок. Раге взревела и ухватилась за крышу свадебного салона. Наконец здание разрушилось.

Слёзы градом катились по щекам. Нину трясло, когда она думала об Агнии. О том, что стало с ней... Мысли были до того навязчивыми, что девушка только через несколько минут приступила к пробуждению АДАМ. Несмотря на полученные инструкции, пилотесса не чувствовала уверенности в своих действиях — всё делала с небольшим промедлением, что при иных обстоятельствах привело бы к фатальной ошибке.

Нина с ужасом глядела на индикаторы отказывающихся систем. Пульта управления, вспомогательные панели и экраны с дополнительной информацией поочерёдно отключались. Датчик дыма пищал. Из внешних камер осталась только одна, но транслируемую ею картинку искажали помехи.

— Ну же! Давай!

Вернуть АДАМ на ноги оказалось непросто — на это потребовалось около пяти минут. Одной рукой упираясь в крышу соседнего здания, Дочь Революции приподнялась.

То и дело взгляд пилотессы цеплялся за «ПЕЧЬ». Несмотря на то, что многие механизмы находились в стадии отказа, красная кнопка горела по-прежнему ярко.

Несколько секунд Нина затравленно смотрела на неё.

Буйным цветом расцветали в её голове и огонь с дымом, и пылающая «Каэльтина Дунария». Иной раз, стоило только прикрыть глаза, как кабина трансформировалась в гостиничный номер, но морок было слабее стали.

АДАМ вновь сотрясло толчком — Раге бежала прямо на неё.

Вжавшись в кресло, пилотесса зажала контроллеры. Машина на последних минутах

функционирования повернулась и схватила Раге за шею. В крике разинулась пасть великанши. Руки Матери Войны взметнулись, ударили по корпусу. Титан чудом устоял.

Думать некогда, поняла Нина и, проговорив:

— Код 137-Ку-3-Игрек, — в порыве отчаяния ударила по «ПЕЧИ». — Зафиксировать положение. Увеличить расход топливных баков на 30 %.

Титан будто оцепенел. Хватка экзоскелета крепко удерживала Раге. Меж тем температура в кабине вмиг поднялась. Нижняя челюсть Дочери Революции опустилась — со скрежетом выехали огнемётные сопла. Нина зажмурилась, когда огненное зарево ослепило последнюю камеру.

Пламя водопадом обрушилось на Раге. Та, не в силах вырваться, истошно зарычала. Кости её, плавясь, обрушались градом. Куски запечённой жаром плоти метеоритами разбивались оземь. Под жаром венгойских огнемётов тело деми стремительно спекалось, лишаясь способности к Воздействию.

Нина встревоженно глянула на экран с информацией о состоянии АДАМ. Топливные баки почти опустели. Когда смеси осталось на пару процентов от общего объёма, пилотесса дёрнула поясничный рычаг — титан навалился на Раге и вместе с ней рухнул наземь. Выбраться деми уже не смогла.

В кабине меж тем видимость стала нулевой. Нина, придя в сознание, сразу закашлялась. Пошевелиться она не могла: ремни намертво впились в переломанное тело. Голова до писка гудела — коснувшись затылка, девушка увидела кровь. Кровь же текла со лба и из носа, смешиваясь с пролившимися слезами.

Активная фаза Нисхождения длилась не больше пяти минут, но для переживших — целую вечность. На ходу трансформировав демиган обратно в клинок, Кемром поспешил к поверженной деми. Те немногие сектанты, что неведомым образом не погибли во время боевых действий, смотрели на происходящее с неподдельным удивлением. Капитан не знал, какую судьбу уготовят им Красмор с Чёрными Зорями, но не сомневался, что сам бы второго шанса им не дал.

Внезапно АДАМ выпростала руку. Кемром мигом запрыгнул на неё и бросился к останкам Раге. Самостоятельно умереть Мать Войны не могла. Со всей силой, какой только могло обладать его тело, Кемром устремил демиган ко лбу возрождённой деми. Сотворённое из костей её сородичей лезвие зажгло сизым пламенем — от острия до самой рукояти воплощённый капитаном меч погрузился в темя Матери Войны.

Последний хрип вырвался из пасти Матери Войны, и тишина зловещим звоном обрушилась на руины Старограда.

— Мы... — У руки сломленной АДАМ Кемрома уже поджидала Анастаси. — Мы это сделали?

— Почти. Осталось ещё кое-что.

Мужчина резко повернул к головному отсеку. Разрушенный почти полностью, он покоился меж выжженной органикой и покорёженной сталью. Подобравшись к голове титана, Кемром взялся за край обшивки и без особых усилий оторвал его. Обнажилось нутро кабины. Разбитые мониторы, панель управления и лианы оборванных проводов... Дыма было столько, что с непривычки капитан воротом свитера закрыл нос.

— Думаешь, она ещё жива?

— Надеюсь, — прошептал Кемром. — Иди к теплоходу. Мы следом, — и нерешительно

прошёл внутрь.

Кресло пилота зажало меж приборной панелью и вдавленной внутрь стеной. Срезав обычным кинжалом мешающиеся провода, капитан подобрался к нему почти вплотную и увидел оплётённую ремнями девушку. Она выглядела мёртвой, но пульс прощупывался. Кемром с максимальной осторожностью освободил незнакомку.

На его руках оказалась маленькая пилотесса — девушка невероятной хрупкости, раненная и облучённая. Кожа отслаивалась с её дрожащего тела, и без оперативного вмешательства, как определил капитан, она долго не протянет. Внезапно сработала тревожная система оповещения АДАМ, и вместе со спасённой мужчина рванул прочь от титана. За считанные секунды вернувшись на площадь, Кемром устремился к «Клюкве».

Разместив девушку на скамейке подле клуба, капитан достал из поясной сумки апейрон с нергетом. Сначала мужчина поставил пилотессе укол обезболивающего, а после избавил её от заражённой радиацией одежды — срезал облепившие тело гимнастёрку и штаны. После этого, вобрав как можно больше апейрона в лёгкие, вдохнул его в рот Нины. Следующим выдохом он обдул её тело, и кровь наконец остановилась.

Больше жизни Нины Нойр ничто не угрожало.

Глава четырнадцатая. Не будет весны

В день, когда великая империя задохнулась, из царьградских портов отошла пара кораблей — легендарные пароходы «Аталана» и «Улисс». Пассажирские судна, призванные вывести из умирающей Византии наиболее ценных членов общества, в число которых входила изобретательница апейрона Велиана Кегрийская.

Градемина достигла только «Аталана» — данные об «Улиссе» засекречены по сей день. Из судового журнала первой удалось выяснить, что при вместимости в 950 человек на обоих парохода суммарно находилось не меньше 10 тысяч человек,

— В. Камеш, «Трагедии аксинского флота».

Эпизод первый

Нулевая Высота: Понт Аксинский

теплоход «Каэльтаина Дунария»

2-27/995

Докипела жизнь в Старограде. Многие погибли в ту ночь. Обглоданных пламенем и испарениями кроворек сносили на набережную — к утру у Дунари выросли зловещие сугробы человеческих тел. Однако не все пострадавшие скончались: некоторых охватил паралич такой силы, что мышцы их окаменели и перестали слушаться, а сердца бились до того тихо, что от трупов отличить парализованных не могли.

В градеминском небе появилась четвёрка винтокрылов. Одна из «Виверн» села на крышу южного корпуса ВАД, остальные — устремились на Староград. Уже на подлёте к набережной они запустили по паре сигнальный ракет, оповестивших о скорой посадке кораблей. Кемром без восторга наблюдал за тем, как один красморовский аппарат сел на крыше «Клюквы», а оставшиеся — на уцелевшем краю площади.

— Как всегда вовремя, — презрительно фыркнул капитан.

Прибывшие агенты первым делом устремились к останкам Раге. Те, лишённые прежней силы, безжизненно выгорали и дымились. Сопровождающая красморовцев сестра сострадания отщипнула от сверженной великанши фрагмент горелой плоти и убрала в пластиковый пакет. Сломанный титан привлёк внимание позднее:

— Утилизируйте, — с русским акцентом скомандовал один из странников. — Не хватало, чтобы ещё из этого вылупилось... Нечто.

Кемром напряжённо вслушивался в разговоры русских. Порой те, вопреки нормативам, переходили на родной язык — благо капитан знал его лучше нова эспере — и то и дело упоминали павший давеча Тардиградск. Мужчина понял, что произошедшее там — непостижимей того, с чем столкнулся Градемин, ибо ссылались странники на Восхождение титанов.

— Мы заберём её, господин Ливерий, — меж тем заговорил с Евгением другой красморовец. Нина, подручными средствами очищенная от радиации, по-прежнему без сознания лежала на скамейке. Узнав об этом, Ливерий оставил следить за теплоходом старшего помощника роботария Якова и примчался к подруге. — Не волнуйтесь, мы доставим её в военный госпиталь близ Теморека.

Всех пострадавших забрать «Виверны» не могли: с учётом личного экипажа места на винтокрылах было немного. Только те, что в тяжёлом состоянии, догадался Кемром и бросил встревоженный взгляд на Лайне. Апейрон ещё поддерживал в ней жизнь, но следы элегического манифеста никуда не исчезли. От тела всё так же пахло мёдом.

— Тебе лучше отправиться с ними, — сказал девушке капитан. Едва та воспротивилась, как он подвёл её к страннику и заявил: — Девушке тоже нужна помощь.

Возразить балтийка не успела, как её окинули сканирующим взглядом, а после направили на неё дозиметр. К тому моменту подошёл агент, что прежде командовал другими красморовцами.

— Никак не можем, — продемонстрировав данные счётчика своему напарнику, отвечал российский охотник, — господин. Высокий уровень элегического поражения закрытого типа. Если возьмём её на борт, то можем просто не долететь.

В готовности Кемром настаивал:

— Ей срочно нужен лекарий.

— Понимаем, но мы не можем так рисковать, — держался агент уважительно, но витающее в воздухе напряжение становилось всё острее. — Очаг, коим является ваша... компаньонка, может открыться в любой момент. Мы не можем так...

Не дослушав, Кемром потянулся за флиссой. Едва он коснулся её рукояти, как вмешался стоящий рядом Ливерий:

— Ничего, она поплывёт с нами, — и широко улыбнулся. — Если вас не затруднит, господа, свяжитесь с херсонесской больницей и вызовите оттуда элеголога. Да и вообще... Было бы неплохо, если нас встретят в порту лекарии.

— Сделаем, — охотно согласился первый странник, — господин Ливерий. Вы, главное, только живыми пересеките Понт, а там и мы подсобим.

Разговор перетёк в мирное русло, а Анастаси с Кемром отошли в сторону. Последний был по-прежнему недоволен, но оружие, омытое вражеской кровью, так и осталось в ножнах.

— На корабле слишком долго, — пробурчал капитан.

— Долго, — легко согласилась Лайне, — но ты видел его глаза?..

— Nof. Он же в клюве.

— Это образное выражение... В общем, лучше им и правда лететь без меня. Не хотелось бы, чтобы из-за случайно открывшегося очага погибли люди, а в каюте хотя бы можно закрыться.

— Ты уверена? — Кемром ещё раз глянул на винтокрыл да братьев милосердия, что затыгивали носилки в брюхо «Виверны». — Это... Может плохо кончиться.

— Так и я вестница, — прозаично отметила Анастаси, — нам на горбу написано, что мы должны принимать смерть такой, какая она есть.

— Только смерть тебя исправит? — в тон спросил Кемром.

— И только она, — в волнуящем самодовольстве подхватила Лайне. — Пойдём. Свою часть мы выполнили — надеюсь, Евгений выполнит свою.

Тревога не покидала Кемрома. Он видел, Анастаси держалась достойно — и вида не подавала, что её съедал неведомый недуг. Не то призрак Федры, не то элегического манифеста изнутри подтачивал её.

Капитан не выдержал напора Лайне и повёл её к теплоходу. Перед тем, как спуститься к причалу, они уставшими взглядами проводили взлетающий винтокрыл.

«Каэльтина Дунария» отчалила через полчаса после того, как Кемром и Анастаси взошли на борт. Помимо них на корабле пребывала группа Чёрных Зорь, возглавленная Хеленой Хольт. Часть служительниц, освящающих слившихся в посмертных объятиях деми с титаном, осталась на тонущем полуострове.

Наконец канал подошёл к концу — Дунари впадала в Понт Аксинский. Море, известное своими трагедиями: множество кораблей целовали его дно, и лишь единицы были возвращены на поверхность. Из-за горизонта выросли прогнившие корабли, от парусных до пароходов.

— Выходим в море, — высунувшись из рубки, предупредил пассажиров Ливерий. — Сохраняйте спокойствие... и тишину.

— Что? — Анастаси удивлённо посмотрела на закрывшуюся за капитаном дверь. — Это ещё почему?

— Знаешь же, — вполголоса спросил стоявший у правого борта Кемром, — что мёртвых чтят молчанием?

— Ну разумеется, я же вестница.

— Здешнее дно усеяно останками — столькими, что никакой кадилницы не хватит, чтобы... — поясняя, капитан осёкся и посмотрел вдаль. — И года не хватит, чтобы почтить память всех погибших здесь.

Теплоход обволокла гнетущая тишина. Вместе с дизельными выхлопами в воздух поднималась практически осязаемая тревога. Будь у Анастаси хоть немного сил, она бы непременно поделилась своими опасениями да дурным предчувствием. Впрочем, иного местные воды даровать и не могли.

— Антон, — подозвала к себе капитана Хольт, — можно тебя на пару слов?

Переглянувшись с Анастаси, он бросил:

— Встретимся позже, — и последовал за ундиной.

Судно не выглядело старым, однако нутро его трещало и скрипело. Казалось, из-под слоёв свежей краски вот-вот проглянет ржавчина, а вздутые ковры выплеснут впитанную ранее воду. Пахло на теплоходе неприятно. Крен — около пяти градусов на правый борт — почувствовался только на нижней палубе. Некоторые стены выглядели вовсе опаленными: Кемром невольно предположил, что Воздействие мощей Раге добиралось и до корабля.

У машинного отделения дежурил перемазанный мазутом роботарий. Пройдя по техническому коридору, ундина затянула капитана в трюм и прикрыла за ними дверь.

— Кошмары вернулись, — так начала разговор Хольт.

— Гон, я заметил. Не лучшая новость, но мы смогли обратить их в свою сторону.

— Это пока, — многозначительно изрекла женщина, и капитан вопросительно вскинул бровь. — Лир вернулся, а вместе с ним и остальная кодла. И теперь они намного опасней, чем прежде. Те же кошмары, они... Я слышала, что они устанавливали связь с людьми посредством электронных устройств, а одно Воздействие Живамиж возвращало к жизни эндоскелеты...

— Тардиградск?

— Он самый... или ты думал, что Воздействие Живамиж ограничится мощами? — снисходительно спросила ундина и, не позволив собеседнику ответить, продолжила: — Пока о воскресении не прознали остальные сектанты, у нас есть время для манёвра. Недавно со мной связался Аристов: в российском правительстве обсуждают воссоздание Парада, и, думаю, там найдутся заинтересованные в тебе лица.

— Воссоздание, ха-х? Не лучшая идея зваться именем того, кого предпочтительней забыть.

— На то и расчёт. Одна ассоциация вытеснит другую. Но, конечно, это ещё только на уровне разговоров...

— Я в деле, — перебил её мужчина. — Надеюсь, они смогут предложить условия лучше, чем Чёрные Зори.

Хмыкнув, ундина заверила его:

— Можешь в этом не сомневаться, так что завершать карьеру рано, — и заговорщически понизила голос. — Пусть даже смерть не остановит?

— Пусть только попробует, — воодушевлённо подхватил Кемром. Затем зажмурился и коснулся виска. — Ejs, надо найти медпункт.

— Мигрень?

— Укачивает, — пробормотал капитан и со вздохом потянулся к двери. — Я чуть не умер, когда мы плыли на «Аталане», и как-то не рассчитывал, что придётся вновь возвращаться на воду.

Когда причал размылся далью, а пейзажи превратились в абстракцию, над городом воспарили «Виверны». Прозвучал ещё один — последний — взрыв. Пламя ядерным грибом поднялось до небес — Староград исчез. То немногое, что уцелело лишь чудом, навеки скрылось в морской пучине, и только врезанный в горные громады дворец остался на поверхности суровым напоминанием об убитой в зародыше революции и крови, пролитой во имя нового миропорядка.

— Вот и всё, — подойдя к борту, резюмировала Анастази. — Градемина больше нет.

Из рубки доносились переговоры с херсонесским портом. Оставшись в одиночестве, Лайне украдкой слушала капитана теплохода и бой успокаивающихся волн.

Хвост главной палубы заняли девеницы и вестницы — там они разбили ритуальный пункт. Стало ясно, что не все доберутся до другого берега: на судне были раненные и стойкая уверенность, что не всем пострадавшим можно помочь.

Остальные немногочисленные выжившие разбрелись по каютам. На судне наличествовало четыре люкса: по одному на верхней и шлюпочной палубах, два на средней. Каюта рядом с капитанской рубкой оставалась за Ливерием — за время стоянки ту переоборудовали в мастерскую по ремонту экипажа. На шлюпочной палубе уложили раненых. Среднюю палубу поделили меж собой оставшиеся человек тридцать, в число

которых вошли Анастаси и Залерт. Последний почти сразу скрылся в баре на корме.

Разместившись за стойкой, Дмитрий из гранённого стакана пил солод. Бутылка с янтарной жидкостью постепенно пустела, а лицо странника становилось мрачнее. Глазные протезы то и дело меняли яркость, будто встроенный графический адаптер воспроизводил динамический видеоряд.

— Пьёшь? — Анастаси села напротив.

— Пью.

Вестница кивнула на бутылку.

— Налъёшь?

Будто очнувшись, красморовец достал с полки ещё один стакан и, плеснув в него солод, подал балтийке. Та в безмолвном тосте подняла его, пригубила после. Специфического алкогольного вкуса не ощутила.

— Я видела тебя... — заговорила Анастаси — Дмитрий пристально на неё посмотрел, точно вновь просканировав, — рядом с той девушкой, в «Клюкве». Это была твоя?..

Вопрос Залерт воспринял спокойно. Поморщился лишь, когда залпом осушил стакан.

— Да, в каком-то смысле, — и нервно усмехнулся. — Уже вторая за месяц.

— Вторая... Что?

— Умершая. Градемин забрал их обеих, — а после, чуть подумав, добавил, — хотя, быть может, это я был недостаточно настойчив.

— Мою подругу он тоже забрал, — вполголоса поделилась Лайне. — Да и Нину почти тоже... Меня только не успел.

— Это даёт надежду. — Дмитрий освежил стаканы. — Только будь поосторожней со своим приятелем: мутный он какой-то, а ты не похожа на тех, кто часто зависает с такими... ребятами. — Вестница квёло ухмыльнулась. — Как так вышло, что вестница сработалась с чужим гардом?

— Не лучшая история, честно говоря, — задумчиво. — Чтоб ты понимал масштабы [жести], моим самым безобидным воспоминанием о нём является то, что во время некротения я видела, как он [сношает] мою подругу детства. Да-а, и мёртвой была подруга, а не он. Благо что я половинчатая, и часть прошла мимо меня.

— Да уж. Я сам, конечно, не эталон моральных ориентиров, но строить отношения с таким, э, базисом... было бы весьма проблематично. Вся эта ревность... неприятная штука.

— Ревность? — Анастаси скривилась. Рукой прикрыла глаза и вздохнула. — Похоже, я уже не доживу до момента, когда мне в партнёры перестанут приписывать каждого мужчину, с кем я рядом дышала.

— Серьёзно? — Залерт хохотнул. — Не в первый раз сватают?

— Да вообще... Сначала один, потом другой, теперь вообще третий. Всё бы ничего, но [лир], по милости Кемрома был уничтожен мой родной город, он убил неплохого... человека из-за клюва и ребят в мурмурации, а потом привёз в Градемин «Панацею», которой укололи меня... Даже как-то обидно, когда сватают к такому. Пойми, я... Я не могу осуждать Кемрома за прошлое, теперь. Я увидела, что он может быть другим. Вот только это не вернёт моих друзей, мой дом... Мою историю.

Наклонившись через барную стойку, Залерт дотронулся до плеча девушки и попытался приободрить:

— Эй, это ещё не конец. Послушай, уж если «Миротворца» путают с «Панацеей», то, может, возможно, и наоборот?

Спорить Анастаси не стала. Погибни она в бою, чётко осознавала вестница, никто и вопросов бы не задавал. Другой вопрос, что отложенная смерть людьми воспринимается плохо, и они травятся и травят надеждой.

Спустя полтора часа Анастаси закрылась в каюте. Ни заснуть, ни расслабиться девушка не могла. Снаружи завывал ветер: несмотря на закрытые иллюминаторы, тянуло сквозняком. С каждым часом апейрона требовалось всё больше. Судовой дозиметр, установленный рядом с уборной, улавливал высокий уровень элегического поражения закрытого типа.

Когда Лайне сделала очередной круг по каюте, в дверь внезапно постучали. Почти сразу она открылась. На пороге стоял Кемром с чашкой чая.

— Я подумал, — проговорил мужчина, — тебе не помешает.

После этого капитан остался. Время тянулось медленно и утомительно. Говорили Анастаси и Кемром шёпотом. Достаточно тихо, чтобы за тонкими стенами их никто не услышал, но чётко, чтобы понимать друг друга. Своё решение нарушить молчание карпеец объяснил так:

— Не существует в нашем мире угла, где не ступала бы смерть. Мы не для того выплыли из кровореки, чтобы по воле мёртвых умолкнуть.

Затем Лайне неожиданно спросила:

— Это Красмор сделала тебя таким? В смысле, экзитус, он...

— ...не калечит, а лечит? Nof. Ха-х, у них бы не получилось такое измыслить... Я таким родился.

Чашка чая остыла: взяв её в руки, Анастаси ощутила холод керамики. Девушка попыталась сделать несколько шагов, но закашлялась.

Внезапно снизу застучало. С каждым разом стук становился всё громче, настойчивей. Схватив с туалетного столика фирменные ручку и блокнот, Кемром застенографировал последовательность ударов.

— Это сигнал СОС, — расшифровал мужчина и посмотрел на Анастаси. — Мне же не кажется?

— Нет, — взволнованно закивала та и, привстав с кровати, ещё раз вслушалась. Тише не стало, — я тоже это слышу.

Умолкли. Изумление коснулось лиц обоих.

Дыхание Анастаси стало более глубоким и хриплым. То и дело из лёгких вырывался удушливый кашель — воспалённое манифестом горло расползлось в трещинках и ранках, выпуская наружу частицы отравленного вещества. Девушка, едва поднявшись на ноги, измученно опёрлась на лакированную стену. Замёрзшие пальцы вмиг заскользили, и чёрные отпечатки оставили след на серебристой поверхности. Прикрыв глаза, вестница несколько раз вздохнула, а после посмотрела на Кемрома и сказала:

— Не нравится мне это.

— В обычной ситуации я бы не пошёл на зов сирены... — нахмурился капитан и глянул на дверь, — но если мы с ней на одном корабле... Я предпочту пойти ей навстречу.

— Надо посмотреть, что внизу.

— Zoic. Именно об этом я и говорил.

Иллюминация на палубах была слабая, а местами и вовсе отсутствовала. Воцарившуюся ранее тишину изредка нарушали доносящиеся снизу стуки. Анастаси и Кемром быстро спустились на нижнюю палубу. Там их встретил не менее озабоченный Залерт. Глазные протезы, что и прежде привлекали немало внимания, горели ещё ярче, отчего помещение

вокруг было хорошо освещено.

— Тоже слышали? — полушёпотом поинтересовался у подошедших агент.

— Да-а... — Лайне задумчиво оглянулась. — Но здесь же ничего нет, да?

— Я всё осмотрел. — Залерт прошёл до машинного отсека и вернулся. — Ничего.

Стучат, очевидно, не внутри, а снаружи.

— В воде? — изумилась балтийка.

— Аксинские воды весьма непредсказуемы... — многозначительно отозвался Кемром и замер, точно что-то услышав. — Кто-то идёт.

Технический коридор вновь погрузился во тьму. Затем — резкий скрип. Приоткрылась дверца одной из кают, что располагались в другом конце палубы. Навстречу путникам показалась Хелена.

— Что за панику вы тут развели? — Холт суровым взглядом обвела взволнованных пассажиров. — Вас попросили не шуметь, а теперь вы возмущаетесь тому, что мёртвые недовольны.

Заключительная часть реплики окатила собравшихся точно ледяная вода.

— Что происходит, — Кемром напрягся, — Лена?

— Сороковой километр, — ундина таинственно понизила голос. — Проплываем мимо него.

Залерт и Анастази встревоженно переглянулись — Кемром, напротив, миг собрался и поднёс указательный палец к губам. Всем составом они в кристальной тишине поднялись на верхнюю палубу.

«Улисс» — двенадцатипалубный пароход, застрявший в сорока километрах от береговой линии. Издали он напоминал каменистый утёс с отвесными скалами. Ни с городских высот, ни с пляжей очертания его не различались, и для многих «Улисс» являлся мифом, легендой о дальних странствиях и корабле, так и не достигнувшем спасительной земли.

По сей день знали о нём немного. Морские архивы не помнили его характеристик, но хватало даже невооружённого измерителями глазомера, чтобы по достоинству оценить масштабы проделанной конструкторами с неизвестной верфи работы. Бывалые моряки, что самолично видели легендарный пароход, утверждали, что «Улисс» — самое большое судно, введённое когда-либо в эксплуатацию.

«Каэльтина Дунария» проходила мимо застывшего в море корабля. Его осадка была незначительна — волны разбивались о проржавевший корпус. Днище его покрывали обширные колонии морских уток. Вблизи виднелись окаменевшие трупы, зажавшие судно с обеих сторон. Протянутые в агонии руки царапали борт движущегося теплохода.

— Их было слишком много... — меж тем загробным голосом повествовала Хелена. — Всё это беженцы из исчезнувшего ныне государства, Византии. Города никто из них не достиг — всех скосила ужасная болезнь.

Плоть, кристаллизованная и покрасневшая, коркой покрывала кости выброшенных креном в воду людей. Сейчас судно стояло практически ровно — с правого борта его поддерживала сцементированная гора человеческих тел.

— Корускхар? — Анастази отвела взгляд от неподвижного судна.

— Да. Когда береговая охрана получила сигнал бедствия, на «Улисса» отправили группу спасателей... Они и принесли болезнь сюда. А потом на борт больше никто не поднимался: кто знает, может, там есть и иные «дары» Отца Болезней?..

— Пока был Градемин, — неожиданно раздалось за спиной. Хелена с Анастаси обернулись и увидели Кемрома. Тот повторил: — Пока был Градемин, действовал надзор Красмор, действовал запрет на остановку судов. Теперь сюда хлынут толпы туристов и мародёров.

Немым укором «Улисс» проводил их теплоход. Ни криков чаек, ни завывания ветра не слышалось. Небо над Понтом Аксинским неумолимо чернело. Начал накрапывать дождь. Вскоре византийский корабль остался позади и пятном расплылся у горизонта.

Лайне тоскливым взглядом окинула тающие пейзажи столицы. Сердце задрожало от холода. Застучали зубы. Температура тела стремительно падала. По костям волной прошлась слабость. Тяжко выдохнув, Анастаси заковыляла к лестнице.

— Ты куда? — спросил вестницу Залерт.

— В каюту, — вполголоса ответила та.

Проводив девушку обеспокоенным взглядом, Кемром ринулся в капитанскую рубку. Евгений был на месте.

— Ливерий, сколько осталось?

— При благоприятных условиях, — взглядываясь в затянутую мороком даль, посудил тот, — часов шестнадцать.

— Так долго?

— А чего ты хотел? Максимальная скорость не больше пятнадцати узлов.

Шестнадцать часов — ещё оптимистичный прогноз. Кемром понимал, что шансов на полный ход немного: слишком рискованно. Даже при соблюдении всех мер предосторожности вероятность, что Понт Аксинский выпустит их, крайне мала.

Ни для кого из пассажиров не являлось секретом, что не все сумеют достичь другого берега. С нижней палубы время от времени слышались всплески воды — горящими факелами на поверхности плыли обёрнутые в саван тела. Выброшенные за борт, мертвецы волей непокорённого моря возвращались к столице.

— Шестнадцать часов, — спустившись в каюту, повторил Кемром. Анастаси, лежавшая на топчане, равнодушно посмотрела на него. — В порту Херсонеса нас встретят протолекарии. Ног элегический манифест есть доминирующий недуг, в больнице тебе поставят апейроновую помпу.

Отреагировала вестница с присущей ей стойкостью — безмолвно кивнула. Накрывшись пледом, она почти неподвижно лежала на спине. Открывала глаза редко. Красная помада, что прежде покрывала губы, окончательно стёрлась, и теперь они сливались с потерявшей здоровый цвет кожей.

— Мне... — кашлянув, Анастаси взволнованно попыталась объяснить. — Мне нужно поговорить с братом.

— Тебе... Тебе нужен протофон? — догадался Кемром. — Я... Кхм. Что-нибудь должно быть на этом корыте.

Протофон нашёлся у Хелены. Ундина без возражений передала его балтийской сестре, а сама вышла в коридор. Далеко отходить не стала. То и дело фиолетовые глаза женщины взглядывались в приоткрытую дверь каюты.

— Сама найдёшь? — учтиво поинтересовался Кемром, наблюдая, как Лайне чуть заторможенно водит пальцем по сенсорному экрану. — Может, тебе помочь?

— Сама, — тихий смешок. — Уж если Эли постоянно забывает отключить геолокацию, то его номер давно висит на первой странице поисковика «Менты».

Эпизод второй

Балтийская Республика: Родополис

Оутилканис 9-1-9

2-27/995

Игру не получалось запустить почти весь вечер. То сетевое соединение отваливалось, то программное обеспечение срочно требовало обновления, то вообще электричество отключалось... Элиот, в сотый раз зайдя в главное меню «Душерождённых», раздражённо глянул на загружающиеся строки и мигающие иконку в виде свечи, сообщающую о наличии подключения к игровым серверам. Внезапно свеча загорелась, а на стартовом экране выскочила плашка с уведомлением о работе в сетевом режиме.

— И года на прошло, — выдохнул Элиот и, кликнув мышью на «ПРОДОЛЖИТЬ» потянулся за наушниками.

На руке завибрировал протофон. Лайн озадаченно глянул на экран и увидел незнакомый номер. Сначала парень собирался отклонить вызов, но тут же вспомнил, что от Анастаси слишком давно не было вестей. Отложив наушники, Элиот сунул в ухо гарнитуру от протофона и ответил. На другом конце хрипела тишина. Меж тем загрузилась стартовая локация — разрушенный Предел, заваленный горами пепла.

— Эли? — послышался уставший голос.

— Привет, Зи. — Элиот не отвлекался от игры. — Ты куда пропала?

— Я... Мне очень жаль, Эли. — На этих словах он напрягся. Бой, происходящий по ту сторону монитора, стал сумбурным, дёрганным. Пиксельный меч всё чаще промахивался, а очков здоровья становилось меньше. — Я была не самым хорошим человеком... Я знаю, что никогда не говорила тебе об этом, но помни, что я очень люблю тебя...

Не выдержав, Лайн резко отвернулся от ноутбука и нахмурился. В необъяснимом рефлексе поднёс руку ко рту.

— Зи? Какого [лира]?

— Я не вернусь домой, Эли. — Разбивающим сердце камнем в динамике стукнул голос. На краткий миг картинка перед глазами поплыла. Отличить, где — игра, а где — реальность, стало практически невозможно. — Пожалуйста, если ты сможешь... Пожалуйста, прости меня.

— Да что случилось?!

Ответа он узнать так и не смог — связь прервалась. Перезвонить не получилось: абонент находился вне зоны доступа.

Элиот в последний раз услышал голос Анастаси. Ещё несколько минут парень неподвижно сидел и сверлил протофон взглядом. Не в силах осмыслить происходящее, Лайн продолжал удерживать наушник в ухе. Сердце стучало настолько громко и часто, что долбящий стены домовой превратился в мышь за стеной.

Затем в голове что-то щёлкнуло. Элиот, мигом подорвавшись с места, судорожно посмотрел по сторонам. Передвинув табуретку, шустро взобрался на неё и заглянул на антресоли. Вытянул из тени туго набитый мешочек. Осколки, целые кости — сумма немалая, около пяти тысяч костов наличными. Неприкосновенный запас, отложенный с пособий на темнейший день.

Вместе с мешочком Элиот вернулся к ноутбуку. Вбил в поисковике запрос «карпейская виза требования» и штурмом прошёл по первым десяти ссылкам. Информация на них была одна и та же — для посещения стран, находящихся на Единой Высоте, требовались паспорт

и сертификат о здоровье; сама же виза за пошину в размере ста костов оформлялась на приграничных контрольно-пропускном пунктах.

Паспорт у Элиота был, а о сертификате он мог только мечтать. Необходимая для получения справки медкомиссия, тревожно размышлял парень, выявит Федру, и теоретические последствия в виде особого внимания лекариев и риска лишиться дееспособности при остром течении болезни ужаснули его.

На второй странице поиска Лайн обнаружил то, что ему больше подходит: покупка сертификатов от 2500...

Уже через несколько минут Элиот собрался и, в решительности пересечь границу с Карпейским Каэльтством, покинул квартиру. Помимо денег и паспорта парень прихватил с собой револьвер.

— И куда ты собрался? — в подъезде его вдруг перехватил Дайомисс. — Я как раз за тобой.

— 3-за мной? — Элиот волновался. — Зачем? Мы же сегодня не договаривались...

— В херсонесский порт сейчас направляется градеминский теплоход, «Каэльтина Дунария», — оповестил некрочеца мужчина. — По внутренним каналам я получил информацию, что там находится Анастази. Не знаю как ты, а я намерен лично туда наведаться. Не желаешь присоединиться?

— Ты же в курсе, что у меня нет сертификата?

Мельком оглянув собеседника, Дайомисс сурово заметил:

— И ты, судя по кошелю, собирался это исправить. Решил самостоятельно покорить Градемин? Тебе повезло бы, стань ты просто жертвой мошенников.

— Она мне звонила, Марк, — признался парень и нервно отвёл взгляд. — Она... Она сказала мне, что умирает...

— Дело дрянь. Что ж, тогда поехали. Мне с погранцами договориться будет легче.

Эпизод третий

Нулевая Высота: Понт Аксинский

теплоход «Каэльтина Дунария»

2-28/995

Кемром видел её боль. Каждое её физическое проявление: будь то иссохшие до костей конечности или проваливающаяся внутрь грудь. Анастази стойко переживала всё, чем её душила «Панацея»...

А через четыре часа она умерла.

До прибытия в Херсонес оставалось около шести часов, когда её сердце остановилось. Поначалу Кемром даже не поверил, что Лайне и впрямь умерла. Лицо, почти нетронутое манифестом, казалось прежним. Лишь стянув с усопшей покрывало, он увидел, что грудная клетка обратилась в яму, источающую частицы элегии.

— Пусть даже смерть не остановит тебя, — осенив литерой Некры усопшую, Кемром опустил её веки, — Анастази Лайне.

Ещё несколько мгновений он сверлил взглядом бездыханное тело, после чего отвернулся к иллюминатору и вздохнул. Лицо мужчин, словно скованное параличом, осталось бесстрастным — лишь где-то в груди, вторя гудкам изношенного теплохода, гудело сердце.

— Я никогда к этому не привыкну, — рукой прикрыв глаза, устало произнёс капитан.

Не в первый раз он смотрел смерти в лицо, но иной раз — как, пожалуй, сейчас —

вынести это было не в его силах. Тогда Кемром лишний раз убедился, что свою смерть пережить значительно проще, ха-х.

Измотанный и подавленный он осел на пол. Вынул из внутреннего кармана портсигар и, тоскливо глянув на потёртый российский герб, достал папиросу. Закурил. Триумф горечью обжёг горло, и перед глазами расцвела война. Воспоминания иль видения будущего вспышками вырвались из подкорки. Пепельные дюны, поля... и бесконечная дорога, по которой вереницей ехала техника, перебирались люди. Грузовики да телеги, военные с гражданскими... Где-то в стороне снова звучали выстрелы, и разрывались снаряды.

Прощание проходило в абсолютной тишине. Хольт со знанием дела всё подготовила: пропитала керосином ткани, окурила усопшую фимиамом и обернула в саван, осенив прежде литерой Некры. Ундина одними губами попрощалась с сестрой по ордене, после чего зачитала «Отпущение в Забвение — литанию, написанную на карпейском с использованием одобренных литер.

— ...и женщина, чей путь отныне завершён, пусть обретёт покой в забвении, — в конце женщина перешла на нова эспере, тем самым завершая церемонию.

Едва прозвучало последнее слово, Евгений зазвонил в рынду. Ровно двенадцать раз. Хелена вложила горящую свечу в руки усопшей, и тело той спустили за борт.

— Всё-таки «Панацея», значит? — подавленно уточнил Залерт и пригубил солод. — Жаль. Она была славной. Лучше многих, кого я встречал... Не то чтобы это было сложно, но по нашим временам такое ценно.

— Не худшая характеристика от красморовца. — Кемром мрачно усмехнулся.

Отставив стакан, Дмитрий повернулся к капитану и сказал:

— Послушай... Кемром.

— Что? — с вызовом ответил тот.

— [Отстань], — бросил странник и вновь побрёл в сторону бара.

Палуба опустела. Остались на ней только Хелена и Кемром — они отрешённо смотрели на волны, убаюкивающие вестницу в последний раз. Поражённое элегией тело сгорело за считанные минуты. Ещё немного останки продержались на поверхности воды, а после Понт Аксинский принял Анастази Лайне в свои объятия.

— Мне будет её не хватать, — закурив, вполголоса поделился Кемром.

— Вы давно были знакомы?

— Достаточно. А вы?

— Лично — нет, а по разговорам... Более чем: ей нужно было пересечь границу без нашего ведома.

— Здесь я её понимаю: у Вайс и я не любил отпрашиваться. Ха-х, занятно... Я почти забыл, кем ты стала.

— А кто ещё будет опровергать о тебе слухи и распускать новые? — ундина хохотнула. — Со временем станет легче. Ты и сам это знаешь.

— Nof, — выдохнув облаком триумфальный дым, возразил Кемром, — со временем не становится легче. Я живу достаточно долго, чтобы сказать: каждая смерть воспринимается как в первый раз. Каждая приносит столько боли, что и галлона непенфа не хватит, чтобы забыть. И чем дольше ты живёшь, тем острее воспринимаешь каждую потерю.

Хольт, крепче сжав поручень борта, поинтересовалась:

— И что дальше?

— Нужно будет поговорить с её братом.

— С братом... Стагетский почитатель, точно. Верховная... Госпожа Вайс негодовала, что Анастаси предпочла семью ордене. — Капитан только кисло усмехнулся. — Что думаешь ему сказать? Вероятно, его нужно как-то поддержать...

— Ног хочешь — вперёд, — отмахнулся Кемром и, выбросив окурок, завёл руки за спину, — я не силён в красноречии. Есть вещи, что тревожат меня больше, чем чувства какого-то юнца.

— Это что же?

— Чтобы он никому не мстил. Во-первых, этот путь чреват...

— Тебе ли говорить о мести?

— А во-вторых, — невозмутимо, — мстить уже некому. Вилена мертва, а бегать и отлавливать прочих сектантов он не потянет. Вилену, впрочем, тоже не смог бы, но она хотя бы в единственном экземпляре.

— Ты же понимаешь, что ты к этому тоже причастен?

— Человек виновен по факту рождения, — равнодушно изрёк капитан. — Посыплю голову прахом как-нибудь в другой раз. Я бы предпочёл всё-таки что-нибудь исправить.

Вдали замерцали портовые огни. До прибытия оставалось меньше часа.

Эпизод четвёртый

Карпейское Каэльтство: Херсонес

Херсонесский морской порт

3-1/995

С первыми лучами весеннего солнца «Каэльтина Дунария» причалила к херсонесскому порту. К тому моменту на причале собрались уже не только протолекарии с красморовцами, но и журналисты с любопытствующими гражданами. Вспышками заслепили десятки фотокамер, когда на землю сошли пассажиры последнего градеминского круиза.

Холт, сойдя на сушу, взяла всех новостников на себя. Рядом с ней вскоре возник Евгений — он, как капитана корабля, не мог миновать внимания общественности. Оба отвечали чётко и по делу: Ливерий рассказал о своевременной починке второго двигателя и трудностях прошедшего рейса, а Хелена — о подвиге карпейских демиторцев и гибели многих, в том числе — жертве Вейлон Вайс, предвестницы столичного Санктория.

Кемром не сомневался, что увидит Элиота здесь. Выглядел тот неважно: помятый, постаревший будто на десяток лет. За ограждение, которым обнесли весь причал, парня не пустили. На мгновение капитан даже подумал о том, чтобы избежать разговора... Однако, собравшись с мыслями, подошёл первым.

— Моя сестра, — взволнованно начал Элиот, — где она?

Кемром безмолвно посмотрел на море. До парня не сразу дошло, что это и было ответом. Однако стоило осознанию укорениться в голове, как Лайна парализовало.

— Мне очень жаль, — наконец произнёс капитан. — Оставить поражённое тело на борту означало бы подвергнуть опасности остальных.

— Я-я... Я понимаю. — Пытаясь сохранить остатки здравомыслия, Элиот отвернулся. — Без шанса на посмертие, да?

— Да, — твёрдо повторил Кемром, — забвение, абсолютное. «Панацея»... Не беспокойся, причастные к её кончине умерли прежде, чем сердце её остановилось, — и выглянул из-за спины парня, когда увидел приближающегося красморовца. — Ты... Ты приволок с собой пернатого?

Только Элиот открыл для ответа рот, как Дайомисс влетел на мостки и зарядил капитану кулаком в лицо. От неожиданности тот чуть не упал. Из носа хлынула кровь. Брызнула на доски. Чернила окрасили рот да подбородок.

— За Линейную, — проговорил Дайомисс, — ублюдок.

— Ejsten, — свирепо глянув на синекамского златоклюва, выругался Кемром и зажал нос. — Что ж сразу не убил?

— Имело бы это смысл, — обескураженно ответил охотник. — Что с Анастази? — Он посмотрел на побледневшего Элиота. — Понятно. — И, прежде чем вернуться к «Грачу», сказал: — Знаешь, где меня найти.

Тот рассеянно кивнул.

Несомненно, капитан знал, что при иных обстоятельствах его попробовали бы арестовать. Возможно, он бы даже подыграл. Но делать это перед одухотворённой спасением публикой Дайомисс не рискнул.

Так Лайн и Кемром простояли ещё несколько минут. Балтиец отрешённо смотрел себе под ноги: разглядывал то шнурки на ботинках, то шершавую поверхность причала. Испытав острую необходимость сделать хоть что-то, Кемром расстался с последним трофеем:

— Возьми это, — и протянул парню эголетсо.

Всё, что осталось от Рагнары.

От Анастази.

Элиот удивлённо посмотрел на крест. Вопросительно вскинул бровь.

— Она носила его, когда мы встретились в Градемине, — пояснил Кемром. — Полагаю, лучше, hoc он будет у тебя.

Едва эголетсо оказался у Лайна в руке, как капитан ушёл — слился с толпой, оставив Элиота наедине со своей болью. Взволнованный и злой, тот со всей силы сжал украшение, и по кисти его побежала кровь.

Новую весну Элиот встретил в одиночестве — Анастази не встретила вовсе.

Глава пятнадцатая. Потеря человечности

Внимание! В эфире Единая Высота! Сегодня, двадцать восьмого февраля, с лица земли исчез Градемин. Карпейская столица храбро сражалась с поразившей планету сектантской скверной, но вынужденно пала под натиском врага. Этот день объявляется международным трауром, и каждый имеющий сердце гражданин вправе выказать скорбь. Помяните братьев своих и сестёр, родственников и воинов, что пожертвовали своими жизнями во имя мира.

Высший Совет Сателлитов Единой Высоты приносит свои искренние соболезнования семьям тех, кто стал жертвой падения Градемина. Но не отчаивайтесь — Тризония услышала вас, и следующего раза не будет: наша военная мощь велика, и ни одна из Высот не узрит более Восхождений,

— М. Аспертус, из обращения к гражданам Высоты.

Эпизод первый

Балтийская Республика: Родополис

Оутилканис 9-1-9

3-22/995

Средства массовой информации вышли из-под контроля. Слетела негласная цензура о событиях в Градемине — забылись ограничения на освещение падения Линейной и Тардиградска. Первый месяц весны стал триумфом независимой прессы, и прежние рычаги,

что сдерживали журналистов, перестали работать. Обнародование данных такого масштаба разрушительным вихрем пронеслось по гражданам Единой Высоты. Шок, печаль и ужас — всё стало единым, а траур — единственным общественным событием, которое мировое сообщество принимало с готовностью. Все развлекательные мероприятия отменили, увеселительные заведения прикрыли, а репродукторы не умолкали. Каждый час начиналась новая поминальная служба.

Это был острый месяц. Если прежде люди объединялись, чтобы пережить горе, то теперь разобщённость поразила их сердца. Даже смельчаки в окружении близких не рисковали высказываться, опасаясь, что любое неосторожное слово станет катализатором нового Восхождения. Новой трагедии.

Вопреки успеху Нисхождения Раге, победа имела горькое послевкусие. АВИСО, точно воспользовавшись разрозненностью, обрела сторонников по всему миру, и с каждым днём их число росло. Никто не знал, каким будет их следующий шаг — никто не ведал, что Война, пустившая корни в Градемине, грибницей оплела весь земной шар.

Впрочем, всё это мало трогало Элиота. О чём-то он слышал в разговорах прохожих, у кассы придомового магазина или по телевизору — но всё это в итоге стало неизбежным фоновым шумом. За ситуацией ни в стране, ни, тем более, в мире парень не следил. Он жил на автопилоте. Удовлетворял физиологические потребности — разве что ел и спал зачастую через силу, но лекарства принимал по расписанию.

— И ещё пачку «Морамнаве», пожалуйста, — кивнув на табличку с перечнем табачной продукции за прилавком, попросил Элиот.

Немолодая женщина, устало кивнув, вытянула с одной из полок бело-синюю пачку. Затем пробила продукты, выложенные на транспортёрную ленту. Товаров было мало: лапша быстрого приготовления «Саноройс» со вкусом говядины, упаковка сосисок, пара картофелин и несколько банок огуречного «Бустидюпа».

Людей в магазине, помимо самого Элиота, было немного: в узких проходах, среди стеллажей с пустыми калориями, шаталась пара подростков, а в очереди за самим Лайном стояла соседка с бутылкой лунного сияния и парой упаковок нори. В ослепительно белом магазинном свете все продукты выглядели неприглядными, а кожа — нездоровой. Утомлённо вздохнув, парень отвёл взгляд от своих сухих рук.

— С вас пятьдесят девять, — пробив все товары, сообщила кассирша.

Кивнув, Элиот приложил протофон к кассовому терминалу, а после собрал все покупки в рюкзак и вышел из магазина.

Окраину едва тронула эпидемия траура. Жили здесь, по большей части, привычно. Разве что детей стало меньше на площадках, а у школ с садами круглосуточно дежурили роботарии-воспитатели. Модели второго поколения, внешность которых была максимально приближена к человеческой, бдительно следили за маленькими гражданами. Не только за их безопасностью, но и тем, что делают те да говорят — воспитанникам госучреждений воспрещалось как играть в демиборцев-сектантов, так и называть деми поимённо. В иные времена, невольно вспомнил Элиот, за этим следили не так строго — в детстве он не раз с Фрицем и Анастаси выступал на стороне демиборцев, пока Алиса отыгрывала роль коварной Ра...

Улыбка, только тронувшая губы, вмиг исчезла. Элиот отвернулся от окружённой забором детской площадки, по которой, играя в догонялки, носились дети.

...ге.

Едва подъездная дверь закрылась за ним, как его ослепил яркий свет. С непривычки Элиот заслонил глаза, а после, когда тот исчез, парень увидел у почтовых ящиков прототипа почтальона. То был роботарий, достаточно крепкий на вид, напоминающий формой мифологического кентавра — антропоморфный верх переходил в механическое копытное тело, загруженное множеством сумок с набитыми карманами. Форма на прототипе давно истрепалась, а линза левого глаза неисправно искрилась. Вместо привычного рта у почтальона был большой круглый динамик.

— Господин Элиот Лайн, — скрежещущим голосом обратился к жильцу прототип, — вас приветствует почтовое отделение номер пятнадцать города Родополиса. Сегодня утром на ваш адрес поступила заказная...

— Что там? — кивнув на коричневую коробку в клешнях роботария, отрешённо спросил Элиот.

— Посылка от господина Евгения Ливерия, капитана теплохода «Каэльтина Дунария», — повторил по инструкции почтальон и шагнул ближе. — Пожалуйста, если вы Элиот Лайн, подтвердите личность при помощи паспорта. Мы просканируем его и, в случае совпадения с номером в базе данных, отдадим посылку вам.

— И что ему от меня понадобилось...

Продемонстрировав документ и расписавшись за получение посылки, Элиот тряхнул коробку. Оказалась та на удивление лёгкой. Озадачившись, парень поторопился к лестнице. Подъём осилил за несколько минут — к последней ступеньке лёгкие сжались до того болезненно, что парень, пытаясь отдышаться, глухой бранью проклинал себя за неосторожность.

— [Дурак], — проворчал он и глубоко вздохнул.

Потребовалось ещё несколько минут, чтобы прийти в себя. Затем, небрежно сунув коробку подмышку, Лайн достал ключи и отпер дверь.

— Я дома! — Домой вернулся Элиот к полудню. Нащупав в полутьме выключатель, включил свет. Непроизвольно замер, когда посмотрел на пустую студию и спальный уголок с ноутбуком. — А, ну да...

Каждый раз по возвращению в опустевшую квартиру Лайн замечал, что та и впрямь выглядела необжитой. Вещей — скупой минимализм, а прежний уют ушёл с потерей одного из жильцов. Мозг, впитавший в себя десятки фильмов и сериалов, отказывался принять, что такое возможно. Что Анастасии действительно могла умереть. В конце концов, они вместе выбрались из Линеинной... Разве её путь мог прерваться так скоро? Ответов на эти вопросы у Элиота не было. Как и веры, что сестра никогда не вернётся домой.

Оставив пакет с продуктами на кухонной тумбе, Элиот схватил нож и вместе с коробкой прошёл к рабочему столу. Включил настольную лампу. Данные адресата были написаны на карпейском — догадался об этом Лайн только по сочетанию своего имени с неизвестными словами, а вот об адресанте ничего не нашлось: ни обратного адреса, ни контактов. Пальцы крепче сжали рукоять ножа, и Лайн вскрыл коробку.

На её дне лежала маска.

Та самая, синие прожектора которой ознаменовали трагедию в Линеинной. Белые пластинчатые сегменты — обгоревшие или вовсе отсутствующие — составляли собой новый вид накладки. Из-за внутренней стороны топорщились провода, а светодиодные линзы перегорели.

Элиот дрожащими руками взял маску и поднёс к самым глазам. В лёгких захрипело, и

парень едва её не выронил, когда кашель вырвался наружу. Отложив посылку, бывший стагетский почитатель пошатнулся и рухнул на кровать. Приступ сокрушительной силы сжал лёгкие на пару минут. Под конец увлажнённое медовым секретом горло горело так, что речь даже в зачатке обжигала его.

— Это ошибка, — не своим голосом прохрипел Элиот и подорвался к посылке в надежде найти обратный адрес.

Но такового не было. Как и, впрочем, вещей, которые могли бы принадлежать Анастаси. Ни в скомканных газетных листах, призванных обеспечить целостность посылки, ни под ними.

А меж тем маска, оставшаяся на столе, словно со злобной ухмылкой смотрела на потерянного парня. Из пепла вмиг восстал образ поражённой элегией Линейной — умершего города, который удалось покинуть лишь телом. В ушах зазвучала воздушная тревога, а с потолка, казалось, начали падать частицы субстрата. Засбоило электричество. Пахнуло смертельным холодом. Вспыхнула льдом перевязанная ладонь.

Из-под бинта пробивалось что-то чёрное, плотное. Вздрогнув, Элиот размотал его. Рана от эголетсо открылась: края её почернели, а из вскрывшихся рубцов сочились элегические споры. Сама рука меж тем расползлась в трупных пятнах, практически лишалась подвижности. Парень слабо вскрикнул. Попятился. Запнулся о подножье кровати и упал на пол.

— Ты думал, — шепнул позади женский голос, — тебя оставят одного?

— Зи?.. — Элиот испуганно обернулся.

Никого рядом не было.

Сразу после этого всё прекратилось. Заглохла сирена. Шрам на ладони принял обычный вид, и никаких пятен. Даже электричество вернулось. Только холод никуда не исчез. С каждой минутой, проведённой на земле, его становилось больше. Элиот потрясённо посмотрел по сторонам. Не в силах подняться, он прислонился к стене и прикрыл глаза. Сердце, как и голова, гудело. Паника сменилась недопониманием: парень не знал, что это было, но именно в тот момент понял, что всё изменилось. Бесповоротно.

Элиот, который по всем прогнозам должен был умереть раньше сестры, пережил её. Это казалось настолько неправильным и нереальным, что из тупой надежды парень схватил с прикроватной тумбочки близняшки забытую ею заколку. Меж её металлических зубьев серебрились застрявшие волоски — этого было достаточно для формирования андеры.

Но свет мерцал и прежде. Холодно было всегда. Ничего, в сущности, не менялось. Не произошло.

Dajomiss M.Z. [3.22, в 16:45]: Связаться с Ливерием пока не могу, но ты прав — от Анастаси ничего не должно было остаться. Её сожгли, так как «Панацея» превратила труп в переносной очаг Воздействия.

Написать Дайомиссу — бессознательное желание, с которым Элиот не смог совладать. Несмотря на то, что совместных занятий, кроме первых двух, больше не было, парень регулярно списывался с синекамским знакомцем.

Dajomiss M.Z. [3.22, в 16:46]: Что именно он тебе отправил?

N Ø Я Ғ Н [3.22, в 16:46]: маску кемрома

Dajomiss M.Z. [3.22, в 16:52]: Серьезно? Похоже, посылку собирали болванчики с егс посудыны. Они, судя по рассказам карпейских, барахлили. Я бы предложил тебе избавиться от маски, но решай сам. Главное — не носи ее мне.

Вот и всё.

На собственном примере Элиот убедился, что самое страшное — ждать. Он успел привыкнуть к перепискам с сестрой и теперь, вопреки известию о её смерти, упорно продолжал ждать от неё сообщения, проверять протофон, заходить на её страницу в «Ментаксионе», но, тем не менее, осознавать, что больше её не будет.

Ни там, ни где-либо ещё.

Элиот достал из кармана штанов эголетсо и неуверенно сжал его. Трофей... Уголки рта оттянулись в нервной болезненной улыбке. Слезы омывали крест.

Но домой Анастаси так и не вернулась.

Проходили дни, недели, и ничего в жизни Элиота не менялось. Когда он наконец перестал ждать сестру, в голове поселились тревожные мысли — одна крамольнее другой: никто же не заметит, если он сам однажды не вернётся? Даже Дайомисс едва оторвёт глаза от планшета, а больше и некому... Какой в этом смысл?

Эпизод второй

Балтийская Республика: Родополис

мурмурационное отделение г. Родополиса

3-27/995

По всему Карпейскому Каэльтству бубонами раскрылись ячейки АВІСО. Неожиданно многочисленные и удивительно сильные. Помимо того, что оказались они вооружены, вера их была настолько сильна, что слепила разум случайных свидетелей. По этой причине в ряде крупных городов — в том числе и в Родополисе — начался интенсивный набор странников, которых впоследствии перенаправляли в пограничную службу. Западная граница Балтийской Республики стремительно выстраивала стену из кордонов, а призванные из столицы вестницы возжигали по всему периметру погребальные костры. Сухопутного сообщения с Карпейским Каэльтством не осталось: лишь тайные тропы, за контроль которых красморовцы боролись с партизанскими отрядами секты.

№ Я Ғ Н [3.27, в 13:56]: Сегодня свободен?

Когда воспалилась незаживающая рана Войны, Марк Дайомисс служил охотником и уже не мечтал вернуться к должности златоклюва. В Линейной, возможно, он был лучшим, но и провинциальные требования значительно ниже столичных. Впрочем, это больше не имело значения. Дайомисса, как и прочих рядовых служащих, одним приказом переквалифицировали в странника с последующим назначением на приграничные территории.

Dajomiss M.Z. [3.27, в 14:07]: Боюсь, что нет. Я вынужден на некоторое время покинуть Родополис. Можем продолжить, когда все уляжется.

— Получается, — меж тем из коридора слышался разговор столичной златоклювой с гостем мурмурация, — Раге [трахнули], но с Тардиградска на нас прёт весёлая компания из Отца Болезней, Матери Жизни и Отца Кошмаров?

— Получается так, — меланхолично подтвердил второй. — Но думать о них пока не стоит — если русские не справятся, то тогда...

— Я знаю, Залерт, — перебила его женщина, — ты здесь из-за кошмаров. Удалось найти что-нибудь в Ракоди?

— Немного. Погост сильно изменился с моего... последнего визита. В Александрийскую прорвались только через сутки — местные андеры оказали нам не самый лучший приём... Что до библиотеки, то да, информация о кошмарах там была, но она тебе

точно не понравится: они неуязвимы.

— То есть как это?

— «Не выковано ещё того оружия, что способно изничтожить порождение Лира, и никакое сияние не разгонит тьму его воплощений», — преисполненным пафосом голосом процитировал один из источников странник. — Проще говоря, ни металлы, ни радиация нам не помогут. В некоторых книгах — карпейских, правда — говорится, что кошмар может одолеть его владелец, но лишь временно.

— Обнадёживает, — с сарказмом бросила красморовица, — но ничего принципиально нового в этом нет. Думаю, ты здесь не за тем, чтобы похвастаться путешествием и красным дипломом ВАДа?

— А ты, как всегда, сама тактичность, Жанна. Я здесь по распоряжению Аристов.

— Аристов? Вот уж не думала, что ещё услышу эту фамилию... — в голосе златоклювой прозвучали нотки напряжения. — Что этому опричнику могло понадобиться от нас?

— Он хотел, чтобы я поделился... актуальной экспозицией с Родополисом, поэтому, прошу, оставь своё красноречие на внеурочные часы. Ты должна понимать, что кошмары — достаточно серьёзная угроза, чтобы просто так игнорировать её. Если сектантов ликвидировать легко, то порождения... Послушай, стоит им погубить своего владельца, как они обретают... независимость, да. И, в отличие от андеров, их не ограничивают ни очаги, ни что-либо ещё.

— И что ты... вы тогда предлагаете? — спросила Жанна серьёзно.

— Не знаю, но... Я слышал, российский Красмор консолидируется со STAind, чтобы установить во всех губерниях какие-то сверхчувствительные камеры, способные зафиксировать появления кошмаров... Впрочем, когда это работало? — нервный смешок. — Думаю, вам стоит ждать распоряжения от сателлита, но пока его не было, мой совет — старайтесь не пренебрегать вызовами, даже самыми, кхм, несерьёзными.

Дайомисс невольно подслушал этот разговор. Последующие его движения не выдали ни волнения, ни страха — ослабив ремни крепления противогаза, агент снял белоснежный клюв, но в зеркале отразилось не лицо, а перетянутый кожей каркас из нержавеющей стали. На скамье подле лежал лоскут чёрной кожи, вскорости сменившей белую. В завершение мужчина прикрепил к противогазу старый золотистый наконечник.

№ Я Ғ Н [3.27, в 14:11]: Напиши когда вернешься

Синекамский златоклюв сомневался, что столица к тому времени будет ещё на месте.

Эпизод третий

Балтийская Республика: Родополис

Оутилканис 9-1-9

3-27/995

К концу марта растаял весь снег.

Весна, ещё не до конца пробудившаяся, грязью и сыростью воспалила остывшую землю.

Сократились поминальные службы, а пресса вернулась к привычным новостям. Лишь изредка в информационном пространстве появлялись сводки с приграничных земель да погостов — новых и теперь даже старых.

Dajomiss M.Z. [3.27, в 18:34]: Не знаю, когда вернусь. Если кошмары имеют над тобой власть, обратись к Жанне. Только имей ввиду, что тогда все твои диагнозы отправятся в базу КОЗ.

Мир, к которому Элиот только начал привыкать, перестал существовать. Агонизируя, он

горел в жерле пламени, топливом которого стали их собственные жизни и жизнь Анастаси. Лайн с трудом сохранял гримасу угрюмого равнодушия, но брови то и дело хмурились, а губы — поджимались. Казалось, в нём одном было столько ненависти и отчаяния, что, найди они выход, силой одних эмоций всё вокруг было бы сожжено дотла.

Парень ещё раз посмотрел на открытый с Дайомиссом диалог в «Ментаксione» и выключил протофон.

Вскоре механический провожатый остановил трамвай. По левую сторону находилась остановка, пристроенная к одноэтажному магазину дореволюционных годов с подвешенной маркизой. Однако окна лавки, как и дверь, были заколочены, а колонны, поддерживающие навес над остановкой, разрушались. Под самым навесом постоянно сохранялась сырость; на мгновение Элиоту даже померещилось, что в тёмном углу остановки грибком затаилась элегия.

— Конечная, — меж тем проскрипел голос прототипа, — просьба покинуть вагон.

Лайн отмер. Ненадолго ему удалось слиться с пассажирами, прибывшими, как и он, на пригородный железнодорожный вокзал. Последний, в отличие от расположенных в столице братьев, выглядел бедно. На путях стояли в основном старые составы, а находящиеся на территории здания — ларьки с газетами да снедью и администрация с билетной кассой — норовили вот-вот посыпаться. Единственный дворник, неисправный одорукий прототип, с работой справлялся плохо: мусора на платформах не было, но пыль облепила всё плотным слоем.

— Один билет до Савзары, — подойдя к кассе, попросил Элиот и вложил в пластиковую руку прототипа-кассира несколько осколков, — пожалуйста.

Поверхность механической ладони раскрылась. Деньги упали в приёмник. Глаза кассира вспыхнули, когда система начала устанавливать подлинность осколков. Через пару секунд проверка закончилась, линзы потухли, а из открывшегося рта высунулся языком напечатанный билет.

— Спасибо, — взяв его, поблагодарил Элиот.

До поезда в Савзару — ближайший к стрельбищу населённый пункт — оставалось около получаса. Лайн встал на краю платформы и устало огляделся. В стороне скучковалась группа подростков с пакетами наперевес и гитарой в чехле, а на скамейке рядом сидела пара пенсионерок с цветущими ящиками рассады. От столь непривычно умиротворённой картины повеяло образом прошлой жизни, и на долю секунды Элиоту показалось, что всё ещё может вернуться на круги своя.

Как бы не так.

Послышались гудение, свисток. Вздвогнув, Элиот повернулся и увидел головной вагон электрички. Поезд был старый, полувековой давности. На какое-то мгновение парню почудилось, что вместо старого состава из-за тени деревьев надвигалась проклятая всеми «Оскола». Собранные из разрушенных храмов вагоны дышали элегией, и мир, мимо которых они проносились, умирал. Однако порождённый паникой мираж развеялся так же быстро, как и возник в воспалённом переживаниями сознании.

Покачнувшись, Элиот едва устоял на платформе. Схватился за голову. Судорожно вздохнул.

— Линейная никогда меня не отпустит... — вымолвил он, и отчаяние петлёй вьелось под кожу.

— Молодой человек, — с участливым видом обратилась к нему одна из пенсионерок с

лавки, — с вами всё хорошо?

Тот, опомнившись, растерянно кивнул.

Одиночество гнилостным страхом оплело медовое сердце. Его учащённый ритм никак не замедлялся. Ничего, кроме просыпающегося после зимней спячки леса, Элиот не видел. Порой среди мелькающих за окном деревьев мерещились затаившиеся меж сосен и елей великаны. Скелеты безучастными взглядами провожали несущийся в пригород поезд.

Озноб судорогами сковал грудь, и царящий в вагоне гам утратил значение. Мимо пронеслись играющие в догонялки дети. Сидящие через проход пассажиры развернули из фольги бутерброды. Откуда-то из-за тамбура донеслись гитарные переборы. Потянулся сигаретный запах.

Никто из присутствующих не замечал Элиота, но последнего терзали навязчивые мысли, что каждый из пассажиров в курсе происходящего с ним. Осознание этого не давало расслабиться. Он спешно нацепил гарнитуру, после чего включил на протофоне «Vesta ker Mojdo». Насладиться тишиной так и не вышло.

Оказавшись на месте, Элиот вновь пробрался к кратеру. Место, породившее Немока, ныне казалось самым безопасным в Балтийской Республике — несмотря на то, что ни пения птиц, ни иных звуков здесь не было слышно, хватало и тишины дозиметра. Листва, обезвоженная и почти высохшая, трепетала под гнётом мартовского ветра. Дрожали ветви мёртвых деревьев. Скрипели стволы. Слабеющие корни отчаянно цеплялись за землю.

Элиот перелез через ограждение и заглянул в пропасть. В ней не было ничего — просто дыра, какая, рассуждал парень, образовалась и у него самого. Он занёс ногу над бездной, однако шагнуть не решился. Волнение захлестнуло с головой, и Лайн вжался в ограждение. Перевёл дыхание. Сглотнул. Только сердце успокоилось, как он перелез через поручень и вернулся на устойчивую поверхность.

Ноги едва слушались. Колени дрожали, руки — тоже. На секунду Элиот вовсе перестал понимать, что он здесь делает. Реальность утратила прежний фокус, и тишина сменилась высокочастотным писком. Меж тем за деревьями мелькнула пара красморовских бронетранспортёров, и в отдалении зазвучала тревожная сирена. Элиот рефлекторно закрыл уши. Однако прозвучавшие в отдалении хлопки — только бы не взрывы! — ударили по перепонкам. Ужас волной окатил парня. Ни сдвинуться, ни даже вздохнуть он не мог.

Закончилось всё через минуту. Оцепенение спало. Мышцы наконец расслабились. Усталость овладела телом, и Элиот затравленно глянул вдаль. Ничего, в сущности, не изменилось. Тот же лес, те же заброшенные здания... Будь парень любопытным, он бы, несомненно, добрался до границы, чтобы разузнать, в чём дело. Вот только планы у него были совсем другие.

Элиот добрался до того места, где его тренировал Дайомисс. Какие-то банки всё ещё стояли на столбах — чуть облезшие, но удержанные засыпанной внутрь галькой. Смерив площадку тоскливым взглядом, парень горько вздохнул и, скинув рюкзак, достал из него револьвер. Заряженный, на предохранителе. Разобравшись с ним, Элиот встал на ноги — колени отчего-то задрожали — и покрутил оружие в руках.

На краткий миг дуло замерло прямо у виска. Зажмурившись, Элиот положил палец на спусковой крючок. Только приготовился на него нажать, как резко открыл глаза и, отведя ствол от головы, выстрелил в сторону банок.

По-прежнему мимо.

Но у него достаточно времени, чтобы научиться.

Больше книг на сайте - Knigoed.net